

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Я. С. ДРАБКИН

ПРОБЛЕМЫ
И ЛЕГЕНДЫ
В ИСТОРИОГРАФИИ
ГЕРМАНСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

1918
1919

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. И. ГИНЦБЕРГ

МОСКВА «НАУКА» 1990

Рецензенты

доктор исторических наук А. А. ГАЛКИН,
доктор исторических наук М. И. МИХАЙЛОВ

Д $\frac{0503010000-203}{042(02)-90}$ 53—90—1

ISBN 5-02-009002-6

ББК 63.3(0)61

© Издательство «Наука», 1990

ВВЕДЕНИЕ

70-летие Ноябрьской революции 1918 г., или — как ныне предпочитают говорить — Германской революции 1918—1919 гг., показало, что она по-прежнему вызывает заметный интерес. Написано о ней за истекшие годы немало. Библиография Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, составленная в 1959 г. и не претендовавшая на полноту, числила 2351 название (без периодики). Библиографии 1969 и 1988 гг. прибавили еще несколько сот работ, так что их число приблизилось к 3 тысячам¹. Библиография Г. П. Майера, вышедшая в ФРГ в 1977 г., содержала более двух тысяч названий². Список работ на русском и частично украинском языках 1960 г. включал несколько десятков книг и свыше 250 научных статей³.

Но дело, разумеется, не только и не столько в количестве написанного. Едва ли о какой-нибудь другой революции высказаны такие противоречивые, нередко взаимоисключающие суждения. Среди ее сторонников никто не решился отнести ее к числу великих или «классических». День 9 ноября не стал в Германии национальным праздником, подобным 4 июля в США, 14 июля во Франции или 7 ноября в СССР. Как только ни именуют эту революцию: «победившая буржуазная» (или «буржуазно-демократическая») и «потерпевшая поражение пролетарская», «социалистическая», «демократическая» или «социал-демократическая»; «запоздалый выкидыш истории» и «излишняя»; «самая удивительная, в которой массы бунтовали против самих себя», и «импровизированная», «преданная» и «незавершенная», «застрявшая», революция, в которой был «упущен шанс», «нежеланная» и т. д. и т. п.

Немало ее противников вообще отказывают ей в праве называться революцией или сопровождают признание множеством оговорок, предпочитают писать о «крушении кайзеровской империи», «катастрофе», «военном крахе» или «государственном перевороте». Широко распространились представления, будто революция нанесла непобежденной на фронте армии «удар ножом в спину». Ее называли «матросским мятежом», «изменой родине», «ноябрьским преступлением», «борьбой за зарплату» и «анархией», результатом происков «подстрекателей из Москвы» и «порождением мирового большевизма», революцией «без идей, революционеров и вождей»... Возникла и целая серия определений с приставкой «анти»: антивоенная, антимонархическая, антиавторитаристская, антиимпериалистическая... За любым из них — пространный список авторов или комментаторов.

Конечно, среди сочинителей разных определений немало любителей парадоксов. Однако не остроловы вызвали те многолетние споры и диспуты, о которых иронически было замечено: едва только два историка начинают разговор о характере Ноябрьской революции, как у них тотчас появляются по меньшей мере три мнения... Установить, верно ли это, читатель сможет, если углубится в ее историографию.

Автор предлагаемой книги не стремился охватить всю разнообразную по уровню, назначению и оценкам литературу. Изучая на протяжении многих лет революцию в широком плане — включая военное поражение Германии и образование республики, — он и сам смог в своих статьях и монографиях «Революция 1918—1919 гг. в Германии» (1958), «Ноябрьская революция в Германии» (1967), «Становление Веймарской республики» (1978) использовать лишь часть написанного в ней. В двух последних книгах, к которым автору придется отсылать читателя*, когда речь пойдет о тех или иных событиях, он ограничился краткими историческими заметками («Почему спорят историки?», «Когда закончилась революция?»). Отвечая на критику, автор заметил, что квалифицированный разбор чужих взглядов требует предварительного самостоятельного исследования, обещал посвятить историографии специальную книгу, которую и представляет на суд читателя.

Как известно, историографическая классификация возможна в разных плоскостях и срезам, так или иначе друг с другом связанных. Автору поначалу представился продуктивным проблемный подход, позволяющий избежать повторения одних и тех же сюжетов. Однако выяснилось, что он разрушает связь событий, и тогда в качестве структурирующего принципа был избран диалектический подход — поэтапное рассмотрение важнейших проблем, — который позволяет полнее выявить историческую динамику процесса познания, проследить его взаимосвязь с изменениями общественного сознания, нагляднее отмежевать научный поиск от мифотворчества.

На протяжении десятилетий основной водораздел в оценке Германской революции 1918—1919 гг. — как, впрочем, и других событий, особенно новейшей истории, — проходил между историографией *марксистской* и *немарксистской*. Такое противопоставление имело определенные *теоретико-методологические* основания. Но достаточно ли этого разделения для анализа историографии как развивающегося процесса? Оказалось, что нет, ибо в расчет должны быть приняты по меньшей мере еще три существенных обстоятельства.

Во-первых, немарксистская историография всегда разнородна как по применяемым методикам исследования и описания событий, так и еще больше по идейно-политическим установкам историков. В ней сосуществуют несколько главных направлений: пра-

* В сносках они будут обозначаться сокращенно: «Ноябрьская революция» и «Становление республики»

вое (консервативное, реакционное, милитаристское, националистическое, фашистское и т. п.), либеральное (в том числе национал-либеральное, прогрессистское, христианско-либеральное и т. д.), демократическое (включая левобуржуазное, социал-реформистское и др.). Направления эти, не имея четких граней, то переплетаются друг с другом, то распадаются на взаимно враждующие школы. Мы будем пользоваться этими характеристиками, поскольку они укоренились в литературе и дают общий ориентир, не забывая, что они условны, а концепции авторов не всегда совпадают с партийной принадлежностью. Еще важнее учитывать изменчивость позиций историков. Они зависят от появления новых источников, новаторских исследований, результатов научных дискуссий, социально-политических перемен, развития идейной борьбы, влияния публицистики, общественного климата, состояния смежных дисциплин, наконец, от моды.

Во-вторых, кроме названного теоретико-методологического водораздела, можно увидеть и другой — *политико-идеологической*: разграничительная линия проходит здесь между концепциями реакционными и прогрессивными. В марксистской литературе граница эта непрямая, неустойчивая, размытая — «переливы» и «перелеты» не только возможны, но и часты. Едва ли мыслим однозначный критерий их различения. Однако в новейшей истории Германии рубеж проходит, видимо, по линии отношения к демократии и фашизму.

В-третьих, марксистское направление в историографии на протяжении десятилетий вовсе не было неизменным и бесконфликтным. В нем нарастала нетерпимость к «чужим» концепциям и взглядам; оно все больше замыкалось в себе, претендуя порой на несовместимое с развитием науки монопольное владение «истинной в последней инстанции». Притом борьба за «чистоту мировоззрения» сама порождала внутренние идейные споры, далеко не всегда кончавшиеся мирно: те или иные авторы «отлучались от марксизма», а дискуссии порой оканчивались административно-командными методами — давлением «авторитетов», партийными решениями, репрессиями инакомыслящих.

В современных условиях, когда в противоречивом, но во многом едином мире пробивает себе путь новое политическое мышление, назрела необходимость преодоления стереотипов также и исторического познания и толкования, в том числе давно окаменевших схем и барьеров между учеными. Речь идет, разумеется, не о «взаимопрощении» или замазывании реальных идейно-политических и теоретико-методологических противоречий, числа которых не счесть. Но, рассматривая историографию как процесс развивающийся и многослойный, можно и нужно развернуть прежде всего в русле *прогрессивного* течения, в которое входят и марксисты и немарксисты, деловое сопоставление различных подходов и концепций. Необходимы научные дискуссии, способные служить прояснению разных точек зрения и формированию более аргументированных представлений.

Важная особенность революций, как кульминаций исторического процесса, в неповторимости. Несмотря на общность глубинных причин, их закономерно порождающих, каждая революция в своем конкретном проявлении, как отметил Ленин, «всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, „хитрее“, чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо... революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»⁴.

Однако это не значит, что революции не следует сравнивать. Без компаративного метода анализ революций остается поверхностным или даже ущербным. В исторической летописи XX в. Ноябрьская революция в Германии идет почти сразу за Октябрьской в России — их отделяет ровно год. Неудивительно, что их не раз сравнивали. Впрочем, глубже мыслящие современники отмечали большее сходство германского Ноября с русским Февралем.

Примечательное свойство германской революции состояло в том, что, несмотря на ее сравнительную слабость, а возможно, именно вследствие того, что она не смогла решить многие назревшие задачи, проблематика ее не раз впоследствии оказывалась в фокусе острых идейно-политических дискуссий, выходивших за рамки споров между историками-профессионалами. Причины и поводы для этого бывали различными, но разногласия касались животрепещущих вопросов общественно-политической жизни, прежде всего роли и задач революционного движения, успехов и неудач рабочего класса при выборе Германией своего исторического пути.

В период революции никто не сомневался, что в стране произошла *настоящая* революция; скептики осмелели, когда она была уже позади. Но что это была за революция, ясно представляли себе далеко не все. Ответить на вопрос о ее характере оказалось непросто не только во время бурных событий, а и многие годы спустя: социалистические лозунги и вывески могли ввести в заблуждение несведущих, но историкам для научного анализа нужны были более весомые аргументы.

Можно выделить пять наиболее существенных комплексов, в которых нужно было разобраться, чтобы осмыслить сложное переплетение обстоятельств этой революции. Поскольку к ним придется в дальнейшем изложении обращаться неоднократно, обозначим главные вопросы, требовавшие ответа.

Во-первых, необходимо, было уяснить *предпосылки и причины революции*. Связь ее с мировой войной была очевидной, но сразу же возник вопрос: только ли с военным поражением Германии? Не лежали ли ее корни в более отдаленном прошлом, в социально-

экономическом и политическом строе кайзеровской империи? Какие изменения в расстановке социальных, классовых сил, системы военно-государственной организации обусловили в ходе войны нарастание революционного кризиса? Как соотносились материальное и идейно-психологическое состояние «низов», усиление в массах антивоенных и революционных настроений с назревавшим «кризисом верхов»? Каковы были позиции различных партий и союзов, прежде всего рабочих организаций, непосредственно связанных с широкими народными массами? Ориентировали они их на революцию или, напротив, пытались сдерживать их порыв? Почему «революция сверху» не сумела предотвратить народное восстание?

Во-вторых, важно было осмыслить характер первого натиска рабочих и солдатских масс в *ноябрьские дни 1918 г.*, значение его непосредственных результатов: свержения монархии, провозглашения республики, военного перемирия. Были ли программа и действия Совета народных уполномоченных социалистическими? Что требовали рабочие и солдатские Советы, густой сетью покрывшие страну, как они действовали? В чьих руках оказалась *реальная власть* в центре и на местах? К чему стремились разные политические партии, Верховное командование, государственный аппарат, организации промышленников, аграриев, профсоюзы?

В-третьих, необходимо было изучить развернувшуюся со второй половины ноября борьбу по кардинальному вопросу: *власть Советов или Национальное собрание?* Перипетии этой борьбы были сложными: в ходе ее менялись не только расстановка движущих сил, но и содержание требований масс, формы их борьбы за власть. В процессе революции о закулисной деятельности правящих кругов можно было лишь строить догадки, роль и функции Советов в центре и на местах едва освещались. Лишь годы спустя публичные признания военных и политических деятелей, а затем извлеченные из архивов секретные документы позволили остро поставить вопросы. Не было ли соглашение Эберта—Грёнера лишь частью заговора против революции? Были ли кровавые столкновения 6 и 24 декабря, а особенно в январе 1919 г. в Берлине лишь проявлениями стихийного возмущения масс или также результатами провокаций правителей? Кто стоял за убийцами Карла Либкнехта и Розы Люксембург? Означали ли разгром революционного авангарда и выборы в Национальное собрание конец Германской революции? Каков же был ее характер?

В-четвертых, следовало всесторонне оценить смысл *событий весны 1919 г.* Были ли они продолжением и составной частью революции? Чем отличались массовые стачки и бои в Берлине, Средней Германии, Рейнской области; Советские республики в Бремене и Баварии от борьбы трудящихся в ноябре-декабре 1918 г.? Как изменились требования масс? Что означали споры о закреплении Советов в конституции и о «социализации»? Каковы были возможности и пределы вооруженных боев рабочих

против белогвардейских карателей Носке? Какой характер имела гражданская война? В чем была суть конституционных дебатов в Национальном собрании и вне его? Какими были внешнеполитические возможности Германии и соответствовала ли им политика правительства в условиях подготовки державами-победителями мирного договора? Когда же закончилась Германская революция?

В-пятых, важно было определить *роль и место* Германской революции 1918—1919 гг. в истории страны, а также в развитии послевоенной Европы. В этой связи следовало разобраться в соотношении национального и интернационального в революционном процессе, определить общее и различное с революциями в России, Австрии, Венгрии, выяснить соотношение элементов преемственности и преобразования, удельный вес демократических и социалистических задач. На этой основе можно искать аргументированные ответы на поставленные вопросы. Каков же был основной характер революции? В какой мере смогла она решить стоявшие перед ней исторические задачи? Можно ли говорить об упущенных шансах, об ответственности руководителей за неудачи? В чем состояли органические слабости Веймарской республики?

Названные и многие другие вопросы в разной степени и в разное время обсуждались в историографии. Некоторые вопросы на определенных этапах последующей истории, выйдя за рамки профессиональных споров историков, приобретали широкий общественный резонанс. Но чаще они проявлялись не в такой открытой постановке, а в смещенном и даже искаженном виде. За этим скрывались идеологические, классовые симпатии и антипатии, иногда сознательное желание «подогнать» историю к своим интересам

Как знают историки всех направлений, в Германии (да и в других странах) немаловажную идейно-политическую функцию традиционно выполняли разного рода исторические легенды. Так, «прусская легенда», превозносившая военные доблести и культуризм королей-завоевателей из династии Гогенцоллернов, способствовала в XVIII—XIX вв. возбуждению и поддержанию в немецком народе духа воинствующего национализма. Когда Франц Меринг начал в 1893 г. публиковать «Легенду о Лессинге», Фридрих Энгельс написал Августу Бебелю: «Насколько мне известно, это самая замечательная, проведенная по всем правилам осада цитадели прусской легенды: говорится о Лессинге, а подразадается старый Фриц *. Между тем прусская легенда непременно должна быть разрушена, прежде чем Пруссия сможет раствориться в Германии»⁵.

Следует заметить, что Меринг, стремясь, как сам пишет, «высвободить восемнадцатое столетие из идеологического вздора басен и сказок, поставив его на экономическое основание», создал действительно великолепное исследование в духе материалистического понимания истории, которым в то время еще не умел

* Фридрих II

пользоваться никто, кроме его создателей. Если «легенда о Лессинге», по мнению Меринга, не была основана на злонамеренных сознательных фальсификациях, то этого нельзя было сказать о «прусской легенде»⁶. Что же касается реакционных исторических легенд XX в., то они, как увидим, основывались на прямом искажении истины с откровенной задачей воздействовать на сознание общественности в желаемом направлении. Не предваряя конкретного рассмотрения исторических легенд, связанных с Германской революцией 1918—1919 гг., кратко обозначим их суть.

Первой из возникших и наиболее злобной, ибо она в течение многих лет отравляла идейно-политическую атмосферу Веймарской республики, а потом стала «нержавеющим оружием» в арсенале нацистов, была пресловутая «*легенда об ударе кинжалом в спину*», именуемая далее «*легендой о дольхштосе*». Сущность ее заключалась в том, что антивоенное революционное движение в тылу Германии, а затем и революция объявлялись причиной как военного поражения, так и тяжелых условий Версальского мира. Ответственность с империалистов, подготовивших и развязавших войну, с аннексионистов и генералитета перекладывалась на плечи революционеров, социал-демократов и тех буржуазных деятелей, которые выступали за ее окончание, когда она была уже проиграна.

Вторая легенда, тоже послужившая впоследствии нацистам, внешне выглядела не столь одиозно, хотя была сродни первой. Стричая самый факт революционного перелома, разжигая в народе националистические и реваншистские настроения, она подчеркивала преемственность между кайзеровской империей и республикой, выдвигала на первый план «*континуитет*». Созданная ведущим направлением в буржуазной историографии — «немецким историзмом», она в развитие его постулата о примате внешней политики над внутренней игнорировала социально-экономические условия, представляла Версальский диктат причиной всех бед и лишений немецкого народа.

Суть *третьей легенды* заключалась в том, что революция изображалась как «*национальная катастрофа*». Революционная борьба народных масс рисовалась не иначе как «хаос» и «анархия», ведущие к голоду, разрухе, гражданской войне и «вторжению большевистских орд». Мнимая «угроза большевизма» служила оправданию союза социал-демократических правителей с крайними реакционерами и милитаристами для подавления трудящихся. Легенду муссировали в годы Веймарской республики как буржуазно-либеральные, так и правые социал-демократические историки, а наиболее злобных антикоммунистов не отрезвил и Гитлер. Среди историков ФРГ оказалось немало охотников выдать контрреволюционный союз за добродетель и даже объяснить гибель Веймарской республики ослаблением сотрудничества между социал-демократией и армией.

Четвертая легенда была продолжением и дополнением (или вариантом) третьей. Ее изобрели сами социал-демократические

лидеры, стремившиеся поднять свои акции. Они не только восхваляли все свои действия в революции, но и выдавали Веймарскую республику за «образец демократии», способной мирно перерасти в социализм. Даже когда Веймарская республика, показав свою слабость, пала, сторонники легенды объясняли это не ошибками ее создателей, а «незрелостью» народа для демократии. И в послевоенной Западной Германии нашлись сторонники возрождения «веймарской модели».

Пятой легендой можно считать имманентно присущую буржуазной и реформистской историографии, но выступающую в различных формах тенденцию принижать роль народных масс, прежде всего рабочего класса, сводить всю историю к борьбе политических партий и их лидеров, главным образом на уровне правительств и парламентов. Она проявилась в умалении вообще всякой позитивной роли Ноябрьской революции, особенно выступлений масс, действий их вождей, роли рабочих и солдатских Советов. Легенда эта, не признававшая самостоятельности трудового народа, прочно укоренилась в среде профессиональных историков ФРГ и не менее полутора десятилетий определяла лицо западногерманской исторической науки.

В то время как названные версии, переплетавшиеся друг с другом в довольно причудливых комбинациях, все были враждебны революции, не стоит забывать, что и в среде ее сторонников возникали устойчивые иллюзорные представления. Хотя и с другой стороны, но они тоже препятствовали воссозданию реальной картины событий Ноябрьской революции.

Можно понять революционное нетерпение и горячность пролетариев, поднявшихся против угнетателей «на смертный бой». Но из такого мировосприятия вырастали и ошибочные установки: антипарламентаризм, лозунг «Вон из профсоюзов!», ослепляющая ненависть к «социал-предателям». Зрелым вождям не всегда удавалось погасить такой, по выражению Р. Люксембург, «несколько детский, неперебродивший, прямолинейный радикализм»⁷. Несмотря на острую критику этой детской болезни «левизны» в коммунизме Лениным, она внедрилась и в марксистскую пропаганду, и в историографию. Ее главными проявлениями были характеристика Германской революции как «*пролетарской, потерпевшей поражение*», недооценка значения демократических завоеваний, а позднее авантюристская «теория наступления» и пагубный тезис о «социал-фашизме». Преодоление этих ошибочных представлений потребовало времени и усилий.

В 60-е годы в ФРГ на волне демократизации общественной жизни молодые социал-демократические историки внесли в историческую науку свежую критическую струю. Опираясь на освоение новых пластов документальных источников, они подвергли аргументированному анализу прежде всего политику лидеров социал-демократии, широко осветили деятельность рабочих и солдатских Советов. Вступив в полемику с господствующей историографией, они способствовали ослаблению, а отчасти и разруше-

нию самых реакционных легенд. Вместе с тем выдвинутая ими концепция «третьего пути» тоже не смогла разрешить многих проблем оценки революции. Важнее то, что сложившаяся позднее социально-критическая школа вписалась в прогрессивное направление историографии ФРГ, к которому должны быть отнесены также немногочисленные историки, вставшие на путь марксистских исследований.

* * *

У историографии Германской революции 1918—1919 гг. есть уже своя история. Однако писать ее пока, видимо, рано, и мы ограничимся краткой аннотацией осуществленных исследований

Примечательно, что среди историографических работ почти нет таких, в которых сопоставлялись бы взгляды и концепции марксистов и немарксистских историков: они рассматривались обособленно, причем было общим правилом, что работы «из другого лагеря» априорно считались ненаучными, если не фальсификаторскими.

В *советской историографии* едва ли не первым обзором мнений марксистов была редакционная статья «Вопросов истории», в которой в 1958 г. были подведены итоги научной дискуссии в журнале о характере и особенностях Германской революции⁸ Систематический разбор многих работ советских авторов, вышедших в 30—60-е годы, дал в большой статье В. Г. Брюнин⁹. В 1980 г. М. И. Орлова опубликовала общую статью о марксистской историографии¹⁰.

Методологическая характеристика немарксистской германской историографии содержалась в статьях А. И. Данилова о историках либерального направления, о проблеме континуитета и др.¹¹ Обстоятельный критический разбор буржуазной и реформистской литературы специально о Германской революции за четыре десятилетия дал в 1961 г. В. И. Биллик¹². В. И. Салов в двух книгах о буржуазной историографии затронул и некоторые концепции историков ФРГ, связанные с революцией¹³.

В статье и книге Л. В. Овчинниковой подвергнуты критике социал-демократическая историография ФРГ, в том числе концепция «третьего пути», отражение в работах буржуазных историков краха Веймарской республики¹⁴ М. И. Орлова выпустила специальную монографию «Германская революция 1918—1919 гг. в историографии ФРГ»¹⁵.

В ней осуществлен самый обстоятельный научный анализ проведенных в 50—60-е годы историками ФРГ разных направлений исследований о революции. В книге, построенной проблемно-хронологически, подробно рассмотрены и критически проанализированы консервативные и буржуазно-реформистские трактовки революции, «открытие Советов» социал-реформистскими историками, основные тенденции развития историографии, отражение

революции в зеркале «социальной истории», становление антиимпериалистического направления. Освещены также споры и дискуссии западногерманских историков. А. И. Патрушев в книге о неолиберальном и статьях о социально-критическом направлении в историографии ФРГ затронул попутно некоторые вопросы освещения Германской революции¹⁶. О теоретических вопросах историографии писал С. А. Матвеев¹⁷. Становлению в ФРГ прогрессивной историографии были посвящены доклады А. И. Борзняка и П. В. Павленко на конференции в Москве в 1983 г.¹⁸

В ГДР историки каждое десятилетие подводили итоги своим исследованиям в специальных историографических сборниках, выпускаемых журналом «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*». Обзор о Ноябрьской революции и образовании КППГ в 1960 г. написан Г. Кольбе, в 1970 г.— Г.-Й. Фибером и Г. Вольгемут, в 1980 г.— З. Итерсхагеном и К. Вробелем. Работы о первой мировой войне и образовании Веймарской республики рассмотрены в других разделах¹⁹. Анализ исследований, вышедших к 40-летию Германской революции, проведенных дискуссий и помощи советских историков содержался в докладе В. Шмидта на конференции историков СССР и ГДР в 1977 г.²⁰ В Лейпцигском университете группа по истории марксистской историографии во главе с В. Бертольдом уделяла значительное внимание проблемам отношения КППГ и Коминтерна к Ноябрьской революции. Им отведено место в большом исследовании К. Киннера²¹, в статьях Г. Кача и М. Гибас²².

К. Маммах опубликовал в 1958 г. статью «Замечания о реформистской историографии Ноябрьской революции 1918 г.»²³, в которой охарактеризовал вышедшие в ФРГ мемуары Г. Носке, К. Зеверинга и др., переизданные книги А. Розенберга и Ф. Штампера, проследил, как в них истолковывались важные аспекты революции. Й. Петцольд выпустил в 1963 г. книгу, специально посвященную разоблачению «легенды о дольхштосе», которую назвал «фальсификацией на службе германского империализма и милитаризма»²⁴. Раскрыв опасную роль, которую играла легенда на протяжении десятилетий, автор подчеркнул ее органическую связь с самой реакционной пропагандой и живучесть ее идей. Г. Вольгемут посвятил критическую статью новым явлениям в западногерманской историографии начала 60-х годов²⁵. Общая характеристика изучения революции в ФРГ была дана в коллективном труде (руководитель Г. Лоцек) «Непреодоленное прошлое». В издании 1971 г. автором статьи был Г. Кюстер, 1977 г.— Г. Майзель²⁶. Важные соображения о тенденциях развития буржуазной историографии ФРГ о Веймарской республике высказал В. Руге²⁷. Г. Шляйер в монографии о буржуазной историографии в годы Веймарской республики не уделил много места революции, но высказал интересные общие соображения²⁸.

В ФРГ историографические обзоры работ марксистов ГДР о Германской революции, появившиеся в 70-е годы, содержали наряду с концептуальной критикой также признание, что в ГДР

создано больше обобщающих трудов, чем в ФРГ²⁹. Некоторые работы историков ГДР и советских авторов, опубликованные в ФРГ, охарактеризованы критикой как содержательные, «несмотря на приверженность коммунистической схеме»³⁰.

В обстоятельном историографическом обзоре К. Тисенхузен собрала и тщательно проанализировала первые отклики германских историков разных направлений на первую мировую войну, революцию и становление Веймарской республики. В частности, рассмотрены взгляды правоконсервативных и правительственно-либеральных авторов во время войны, их отношение к реформам Маркса Баденского и к революционным преобразованиям. Важен экскурс о партийной принадлежности многих видных историков³¹. Х. Гребинг в статье «Консервативная республика или социальная демократия?»³² позитивно оценила развитие историографии в 60-е годы, показав концептуальные и фактологические преимущества работ сторонников «третьего пути». С прямо противоположных позиций написан обзор Э. Ессе и Г. Кёлера «Германская революция 1918—1919 гг. Развитие исторических исследований»³³. Его авторы подвергли новейшие работы резкой критике, оспорили тезис, что социал-демократией был «упущен шанс», выразили сомнение, что Советы могли продвинуть вперед демократизацию общества и государства.

Автор настоящей книги еще в 1978 г. сделал попытку обобщить историографию революции, выступив на коллоквиуме в Берлинском университете с докладом «Проблематика Ноябрьской революции в борьбе идей. 60 лет историографии: легенды и уроки»³⁴. О современной идейной борьбе в историографии речь шла в докладе на научной конференции историков СССР и ГДР в Берлине в сентябре 1988 г., посвященной 70-летию Германской революции и образования КПП³⁵. Эти материалы частично использованы в книге. Ее ограниченный объем, а также стремление рассматривать историографию и публицистику в тесной связи с историческим фоном побудили автора сосредоточиться на анализе работ *германских и советских историков*.

Как увидит читатель, в книге нет попыток «вынести приговор» ни одной из рассматриваемых в ней работ, нет и претензии однозначно решить обсуждаемые проблемы. Напротив, немало вопросов все еще ждут ответа, многие требуют дальнейших исследований — как мобилизации новых фактов, так и совершенствования мастерства их истолкования. На долю историков следующих поколений остается достаточно вопросов нерешенных и спорных. Автору хочется пожелать им успехов.

Автор считает приятным долгом выразить свою искреннюю признательность коллегам, ознакомившимся с рукописью и высказавшим ценные соображения: Вольфгангу Руге, Б. А. Айзину, А. А. Галкину, Л. И. Гинцбергу, В. В. Дамье, Н. П. Комоловой, М. Б. Корчагиной, М. М. Михайлову, В. В. Согрину.

Сентябрь 1989 г.

Я. Дабкин

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Aurich G* Bibliographie zur Geschichte der Novemberrevolution Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED B, 1959, *Scholz J* Novemberrevolution 1918 und Gründung der KPD Bibliographie ausgewählter Buch und Zeitschriftenliteratur B, 1969, *Hiemer K* Die Novemberrevolution in Deutschland und die Gründung der KPD Bibliographie / Einl S Ittershagen B, 1988
- ² *Meyer G P* Bibliographie zur deutschen Revolution 1918/19 Göttingen, 1977
- ³ Ноябрьская революция в Германии Сб ст и материалов М, 1960
- ⁴ *Ленин В И* Полн собр соч Т 41 С 80—81
- ⁵ *Маркс К, Энгельс Ф* Соч Т 38 С 269
- ⁶ *Mehring F* Die Lessing-Legende // Gesammelte Schriften B, 1975 Bd 9 S 33—35
- ⁷ Цит по *Драбкин Я С* Четверо стойких Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин Документальная повесть М, 1985 С 337
- ⁸ К итогам дискуссии о характере и особенностях Ноябрьской революции в Германии 1918 г // Вопр истории 1958 № 12
- ⁹ *Брюнин В Г* Советская историография Ноябрьской революции в Германии // Проблемы всеобщей истории и историографии Л, 1967
- ¹⁰ *Орлова М И* Марксистская историография Ноябрьской революции в Германии // Вопр истории 1980 № 5
- ¹¹ *Данилов А И* Немецкие буржуазные историки «либерального направления» во время первой мировой войны и революции 1918—1919 гг // Новая и новейшая история 1958 № 5, *Он же* Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ // Средние века 1959 Вып 15, *Он же* Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм // Новая и новейшая история 1962 № 2, *Он же* Проблема континуитета в историографии ФРГ // Вопр истории 1981 № 3
- ¹² *Биллик В И* О фальсификации истории Германской революции 1918—1919 гг в буржуазной и реформистской историографии // Критика новейшей буржуазной историографии Сб ст Л, 1961
- ¹³ *Салов В И* Современная западногерманская буржуазная историография Некоторые проблемы новейшей истории М, 1968, *Он же* Историзм и современная буржуазная историография М, 1977
- ¹⁴ *Овчинникова Л В* Ноябрьская революция в современной социал демократической историографии ФРГ (Концепция «третьего пути») // Новая и новейшая история 1979 № 6, *Она же* Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ М, 1983
- ¹⁵ *Орлова М И* Ноябрьская революция в Германии в освещении буржуазной и социал-реформистской историографии // Новая и новейшая история 1981 № 6, *Она же* Германская революция 1918—1919 гг в историографии ФРГ М, 1986
- ¹⁶ *Патрушев А И* «Социальная история» в буржуазной историографии ФРГ (Проблемы истории и методологии) // Новая и новейшая история 1975 № 4 *Он же* Неолиберальная историография ФРГ М, 1981, *Он же* Социально критическая школа в историографии ФРГ // Новая и новейшая история 1986 № 6
- ¹⁷ *Матвеев С А* В поисках теории (Критический анализ некоторых тенденций современной буржуазной историографии ФРГ) // Ежегодник германской истории, 1982 М, 1983
- ¹⁸ *Борозняк А И* Прогрессивная историография ФРГ, *Павленко Г В* Прогрессивная историография ФРГ о проблемах германского рабочего движения нового времени // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки М, 1985 Т 2
- ¹⁹ *Kolbe H* Arbeiten über die Novemberrevolution 1918 und die Gründung der KPD // ZfG Sonderband 1960, *Fieber H J* Wohlgenuth H Forschungen zur Novemberrevolution und zur Gründung der KPD // ZfG Sonderband 1970, *Ittershagen S, Wrobel K* Forschungen zu den Auswirkungen der Oktoberrevolution auf Deutschland, zur Novemberrevolution und zur Gründung der KPD // ZfG Sonderband 1980
- ²⁰ *Schmidt W* Das 40. Oktoberjubiläum in der DDR Geschichtswissenschaft // XXVI Konferenz der Kommission der Historiker der DDR und der UdSSR, 20 bis 22 September 1977 in Berlin B, 1978

- ²¹ *Berthold W* Marxistisches Geschichtsbild B, 1970, *Kinner K* Marxistische deutsche Geschichtswissenschaft 1917 bis 1933 Geschichte und Politik im Kampf der KPD B, 1982
- ²² *Katsch G* Große Sozialistische Oktoberrevolution und Novemberrevolution im Geschichtsbild der Kommunistischen Internationale und der KPD Ein Beitrag zur Geschichte der marxistisch-leninistischen Geschichtswissenschaft Phil Diss (B) Leipzig, 1978, *Gibas M* Die revolutionäre Nachkriegskrise im Geschichtsbild und denken der KPD in den Jahren der Weimarer Republik Phil Diss (A) Leipzig, 1978
- ²³ *Mammach K* Bemerkungen zur reformistischen Geschichtsschreibung über die Novemberrevolution 1918 // ZfG Sonderband 1958
- ²⁴ *Petzold J* Die Dolchstoßlegende Eine Geschichtsfälschung im Dienst des deutschen Imperialismus und Militarismus B, 1963 Почти одновременно в ФРГ была опубликована статья *Frh Hitler von Gaertrungen F* „Dolchstoß“ Diskussion und „Dolchstoßlegende“ im Wandel von vier Jahrzehnten // Aus Politik und Zeitgeschichte 1963 H 6 См об этом *Драбкин Я С* Легенда «об ударе кинжалом в спину» // Новая и новейшая история 1964 № 1
- ²⁵ *Wohlgemuth H* Neue westdeutsche Publikationen zur Novemberrevolution in Deutschland // ZfG 1966 H 5
- ²⁶ Unbewältigte Vergangenheit Kritik der bürgerlichen Geschichtsschreibung in der BRD Aufl 2 B, 1971 (Aufl 3 1977)
- ²⁷ *Ruge W* Zur bürgerlichen Geschichtsschreibung der BRD über die Weimarer Republik // ZfG 1974 H 7
- ²⁸ *Schleier H* Die bürgerliche deutsche Geschichtsschreibung der Weimarer Republik B, 1975
- ²⁹ *Winkler L* Die Novemberrevolution in der Geschichtsschreibung der DDR // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 1970 № 21, *Decker A* Die Novemberrevolution und die Geschichtswissenschaft in der DDR // Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung 1974 H 10, *Dähn H* Die lokale und regionale Revolutions und Rätebewegung 1918/19 in der DDR Geschichtsschreibung // Archiv für Sozialgeschichte 1975 H 15
- ³⁰ См, напр *Erdmann K D* Die Zeit der Weltkriege // Gebhard Handbuch der deutschen Geschichte Stuttgart 1973 S 149, 167, *Müller S* Die Bürde der Macht Düsseldorf, 1978 S 16
- ³¹ *Thiessenhusen K* Politische Kommentare deutscher Historiker zur Revolution und Neuordnung 1918/19 // Aus Politik und Zeitgeschichte 1969 H 45
- ³² *Grebing H* Konservative Republik oder soziale Demokratie? // Vom Kaiserreich zur Weimarer Republik/Hrsg von E Kolb Köln 1972
- ³³ *Jesse E Köhler H* Die deutsche Revolution 1918/19 im Wandel der historischen Forschung Forschungsüberblick und Kritik an der „herrschenden Lehre“ // Aus Politik und Zeitgeschichte 1978 H 28
- ³⁴ *Drabkin J S* Problematik der Novemberrevolution im Ideenkampf — 60 Jahre Historiographie Legenden und Erkenntnisse // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt Universität zu Berlin Gesellschafts und sprachwissenschaftliche Reihe 1980 № 3/4, *Драбкин Я С* Проблематика Ноябрьской революции в борьбе идей 60 лет историографии легенды и уроки // О революциях 1918 г в Европе Германия М, 1976, *Он же* Германская революция в современной борьбе идей // Рабочий класс в мировом революционном процессе М, 1980, *Он же* Новые работы историков ГДР о Ноябрьской революции в Германии // Новая и новейшая история 1980 № 6
- ³⁵ *Drabkin J S* Der Große Oktober und die Novemberrevolution in Deutschland // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung 1988 H 6, *Idem* Die deutsche Revolution 1918/19 im Ideenkampf Zu neuen Tendenzen in der Geschichtsschreibung der BRD // Beiträge zum marxistisch leninistischen grundlagenstudium Franz Mehring Institut der Karl Marx Universität Leipzig 1988 N 4 *Драбкин Я С* Великий Октябрь и Ноябрьская революция в Германии // Новая и новейшая история 1989 № 6

РОЖДЕНИЕ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЛЕГЕНД

ОЦЕНКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Революционная марксистская мысль обосновала в XIX в. объективную закономерность социалистической революции в развитых капиталистических странах Европы, в том числе в Германии, с немалым опережением реального хода истории. Известно, что конкретные сроки, с которыми К. Маркс и особенно Ф. Энгельс связывали свои надежды на революционный взрыв, по тем или иным причинам не раз отодвигались, но это не отменяло общей революционной перспективы. В. И. Ленин подчеркивал, что «такие ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, буржуазных задач,— в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы...»¹

На неизбежность революции в Германии ориентировала пролетариат Эрфуртская программа СДПГ 1891 г. Предварительным условием его экономического освобождения она считала завоевание им политической власти. Когда на рубеже веков ревизионисты попытались сбить партию с революционного пути, иронически изображая революцию в виде «всеобщего краха» («кладдерадача») и утверждая, что «конечная цель — ничто», революционные марксисты выдвинули в ответ новые обоснования неотвратимости революции. Р. Люксембург, К. Либкнехт, Ф. Меринг, К. Цеткин подчеркивали наступление поры революций, особенно после первой революции в России. Тогдашний теоретик марксизма К. Каутский доказывал в 1902 г. (в брошюре «Социальная революция») и подтвердил в 1909 г. (в брошюре «Путь к власти»), что пролетарская революция неизбежна, «социальный мир» на почве капиталистического способа производства — утопия и не меньшая утопия — идея о «незаметном перерастании капитализма в социализм». Пролетариат, считал он, «не может уже больше говорить о *преждевременной* революции, когда высосал из данной государственной почвы столько сил, сколько было возможно, когда переделка этой почвы стала условием его дальнейшего подъема». Он писал: «Я могу совершенно определенно утверждать, что революция, которую несет с собой война, разразится или во время войны или

непосредственно после нее...»² Такая уверенность опиралась на серьезный экономический и политический анализ марксистами развития капитализма как мировой системы, особенно в связи с его вступлением в стадию империализма, которую В. И. Ленин охарактеризовал как «эпоху войн и революций»³.

4 августа 1914 г. верхушка германской социал-демократии, включая Каутского, не только отреклась от интернационализма, но и всеми средствами противодействовала революционным настроениям, обещая «классовый мир». Тем не менее, хотя и медленно, в массах усиливалось сопротивление войне, а начавшиеся военные поражения вызвали «кризис верхов». Людендорф предъявил ультимативное требование о начале мирных переговоров, и в октябре 1918 г. к власти пришло либеральное правительство Макса Баденского с участием «кайзеровских социалистов». Эберт объявил это «днем рождения германской демократии», а либералы провозгласили, что «произошла бескровная, истинно немецкая революция сверху»⁴.

Однако то была не революция, а попытка ее предотвратить. Р. Люксембург, находясь в тюрьме, в «Письмах Спартака» четко определила ситуацию: в прежние времена, когда почва под ногами правящих классов начинала колебаться, в роли громомотвода обычно выступали либералы. Ныне же роль «маленьких Лафайетов» намерена сыграть партия, именующая себя социал-демократической. Ее лидеры, «войдя в правительство в качестве спасителей капитализма, становятся поперек пути грядущей пролетарской революции». Отсюда следует, что первым лозунгом этой революции, «ее первым этапом должно быть: Германия — республика»⁵.

Представление о грядущей революции было вскоре выражено в решениях общегерманской конференции «Спартака». Ориентируя народ на вооруженное восстание и решительную борьбу за республику, конференция выдвинула на первый план демократические требования. Вместе с тем в воззвании говорилось: «Выполнение этих задач еще не означает достижения нашей цели, но они (демократические требования.— Я. Д.) являются оселком для того, чтобы проверить истинность той демократизации, при помощи которой господствующие классы и их агенты хотят пустить вам пыль в глаза. В борьбе за действительную демократизацию речь идет... о реальных основах [власти] всех врагов народа: о собственности на землю и капитал, о господстве над вооруженными силами и над юстицией»⁶.

В. И. Ленин, внимательно следивший за нарастанием революции в Германии, отметил, что октябрьский политический кризис означал либо ее начало, либо то, что «ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию». Он отнюдь не представлял себе ее развитие прямолинейным и легким, а, напротив, предвидел, что немецким рабочим «предстоят самые тяжелые испытания, самые тяжкие переходы от рабства к свободе». Считая, что в Германии объективно стоит на очереди

социалистическая революция, Ленин вместе с тем указывал на серьезную опасность, заключающуюся в отсутствии подлинно революционной пролетарской партии. Он специально обращал внимание немецких революционеров на то, что, когда революция назреет, «буржуазия — и особенно интеллигенция типа фабианцев и каутскианцев — постарается в такой момент раздробить и затормозить революцию, навязывая ей ограниченные, демократические цели», т. е. превратить ее в буржуазно-демократическую. Вероятно, именно это имел он в виду, заметив буквально накануне революции: «Это говорят все, знающие положение дел: насколько неизбежна народная революция в Германии, а может быть, даже пролетарская революция»⁷.

С самых первых дней Ноябрьской революции, которую «правительством реформ» не сумело предотвратить, вопрос о ее основном характере, о главном направлении действий проснувшихся масс стал для революционных вождей решающей основой при определении стратегии и тактики пролетариата. Стихийность порыва масс и отсутствие единого центра существенно затруднили первичную оценку, ибо в отличие от большинства революций прошлого она началась на периферии. Восстание военных моряков в Киле придало ей поначалу некоторые черты «солдатского бунта», но последовавшие забастовки рабочих, повсеместное образование рабочих и солдатских Советов изменили картину. В Гамбурге, Бремене и других приморских городах лозунг мира и республики слился с требованием социализма. Насколько вся страна созрела для революции, видно из того, что новый ее очаг возник в Баварии, а затем мощные волны народного движения с северо-запада, юга и запада двинулись к Берлину. На исходе первой недели, в субботу 9 ноября 1918 г. революция победила и в столице. Монархия была сметена, Германия стала республикой.

Первую оценку революции руководители «Спартака» дали 11 ноября 1919 г., когда впервые собрались легально в отеле «Эксцельсиор» в Берлине. Л. Иогихес в этот день писал*, что действительно революционные, пролетарские силы себя еще не проявили и потому «социальное ядро революции пока еще остается полностью скрытым». Поскольку деятельность социал-демократических лидеров не только тормозит развитие революции, но и прямо контрреволюционна, а за ними идет еще большая часть рабочих масс, задача революционеров — посредством агитации разоблачить эту деятельность, «а потом вылущить социальное зерно событий и таким образом превратить революцию из солдатского бунта в истинно пролетарскую революцию»⁸.

Правительство Эберта—Гаазе неспособно прийти к «пролетарскому миру», ибо, накрепко связанное с германским империализмом, может лишь «капитулировать перед империализмом

* Письмо Лео Иогихеса А. Тальгеймеру в Штутгарт от 11 ноября 1918 г. было впервые опубликовано (по копии, хранящейся в ЦПА ИМЛ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 526. Л. 1—2) в сборнике. Ноябрьская революция в Германии М., 1960

Антанты». Цели революции отнюдь не исчерпываются свержением монархии и окончанием войны. Причины ее коренятся глубже, заключаются «в гораздо большей мере в экономических вопросах, которые только теперь становятся критическими, — в продовольственных трудностях, безработице, затруднениях с сырьем, — короче говоря, во всем экономическом хаосе, являющемся неизбежным следствием войны». Отсюда следовал вывод: «Только тогда, когда эти причины превратят развернувшееся ныне движение в ясно пролетарское, наступит время, когда мы сможем прийти к власти»⁹.

Примерно такое же понимание событий самостоятельно выразила и К. Цеткин, встретившая начало революции в Штутгарте. 17 ноября 1918 г. она написала Р. Люксембург*, что «исходным пунктом германской революции было солдатское движение за солдатские требования. Но в сложившихся условиях оно неизбежно должно было превратиться в революционную политическую борьбу против милитаризма, против единоличной власти, за политическую демократию. С естественной необходимостью эту борьбу должны были вести пролетарские массы». Когда же они «стали главной действующей силой, их борьба перехлестнула границы политической демократии буржуазной революции. Она должна была перешагнуть эти границы из-за тех вопросов, которые были поставлены мировой войной, банкротством международного империализма, катастрофическим крахом буржуазного мира. Оболочка политического переворота позволила разглядеть находящееся внутри ее социальное ядро: стала очевидной необходимость экономического переворота, умолкла детская сказочка о гармонии классов, заглушенная звоном оружия классово́й борьбы».

Ликвидация последствий войны, продолжала К. Цеткин, «ставит народ перед вопросом: ликвидация под знаком социализма или капитализма? Она развязывает классовую борьбу такой остроты и такого размаха, как мировая война. Она дает новое дыхание борьбе за власть, придает ей в Германии действительно революционный характер». Пролетариат не захочет удовольствоваться «крохами власти», к чему зовут «зависимые» социал-демократы, а поведет борьбу «за всю власть с социалистическим содержанием». Эта борьба была впереди.

К. Цеткин поставила в этой связи принципиальный вопрос: можно ли вести и выиграть такую борьбу, если революционеры-спартаковцы останутся в составе НСДПГ, партии «двоедушной»? Ее ответ гласил: «Моему чувству соответствовало бы очистительное размежевание, но мое представление о ситуации отвергает его в данный момент... Возможно, даже вероятно, что разделение станет неизбежным. Но тогда мы должны осуществить его в условиях, которые превратят разделение... в дело широких пролетарских масс»¹⁰. Эта мысль совпадала с мнением большинства руководителей «Спартака».

Р. Люксембург 18 ноября 1918 г. в статье «Начало», опубли-

* Письмо было впервые опубликовано в западногерманском еженедельнике СДПГ «Vorwärts» 1 мая 1969 г. Г. Вебером.

ликованной в «Rote Fahne», дала острую характеристику ситуации: «Революция началась. Но ликование по поводу свершенного, триумф над низвергнутым врагом неуместны, необходима суровая самокритика и стальная концентрация энергии, чтобы продолжить начатое дело. Ибо свершенное невелико и враг не низвергнут». Поскольку свержение монархии не уничтожило основ капиталистического классового господства, «итог первой недели революции гласит: в государстве Гогенцоллернов ничего существенно не изменилось; рабоче-солдатское правительство (Эберта—Гаазе.— Я. Д.) действует как преемник империалистического правительства, которое обанкротилось. Все действия нового правительства продиктованы страхом перед рабочими массами. Прежде чем революция приобрела силу, размах, разбег, выхолащивается ее единственная жизненная сила, ее социалистический и пролетарский характер». Правительство сохраняет старый государственный аппарат, не посягает на власть капитала, оно «сдвигает таким образом революцию на рельсы буржуазной революции»¹¹.

На следующий день К. Либкнехт определенно заявил, что революция «была до сих пор не более, чем крахом автократических форм, которые оставил „безумный год“ (революция 1848 г.— Я. Д.), чем завершением буржуазной революции»¹². А несколько дней спустя, он писал: «До сих пор между политической формой и социальным содержанием германской революции зияет противоречие, которое требует разрешения и в решении которого будет заключаться дальнейшее развитие революции... Нынешнее „социалистическое“ правительство хотело бы разрешить это противоречие посредством подчинения пролетарской формы буржуазному содержанию; задача же социалистического пролетариата — поднять отсталое содержание на более высокую ступень достигнутой формы; превратить революцию в социальную»¹³.

Примечательно, что В. И. Ленин, знавший в Москве о первых шагах Германской революции лишь немного, уже вечером 11 ноября на заседании СНК призвал к осторожности в оценке происходящего движения. «Совершенно очевидно,— говорилось в сообщении газеты „Известия ВЦИК“,— что события развиваются по направлению мировой социалистической революции. При всем головокружительном темпе событий в них имеется известная постепенность. Для окончательного изжития застарелых иллюзий необходим срок... Тов. В. И. Ленин, анализируя последние полученные сведения, выразился так: в основном, по-видимому, у немцев все-таки февраль, а не октябрь»¹⁴.

Так, уже в первые дни Ноябрьской революции революционеры-марксисты констатировали принципиально важный факт: Германская революция началась — и именно потому, что во главе ее встали «лжесоциалисты», — не как социалистическая, а как буржуазная. Но за этим первым этапом революционеры ждали продвижения ее и дальше и глубже.

Дальнейшее развитие революции спартаковцы мыслили как

укрепление повсеместно возникших рабочих и солдатских Советов, которые отличались большой пестротой состава и функционирования. Образование Советов, писала Р. Люксембург, было «первым делом, первым реальным плодом, первой видимой победой революции»¹⁵. К. Либкнехт подчеркнул другое: Советы еще не стали выражением ясного пролетарского классового сознания. «Нынешний состав Советов,— писал он,— показывает корень зла: массы рабочих и солдат политически еще недостаточно просвещены. Одной из главных причин дезориентации масс является политика правых социалистов...»¹⁶. Выдвинутый спартаковцами еще в первые дни лозунг «Вся власть Советам!» хотя и не означал перехода власти в руки революционеров — их в Советах было мало,— но открывал возможности для революционной пропаганды и воспитания масс на практическом опыте.

Этому революционному лозунгу лидеры СДПГ, многие вожди независимцев, а также все буржуазно-реакционные силы, противопоставили лозунг созыва Учредительного национального собрания, подсказанный еще Максом Баденским. Смысл его предельно четко раскрыла Р. Люксембург, указав, что созыв такого собрания лишь «усилит позиции буржуазии, ослабит и запутает пролетариат пустыми иллюзиями, поведет к растрате сил и времени на „дискуссию“ между волком и ягненком, одним словом, поможет тем элементам, целью и намерением которых является лишить пролетарскую революцию ее социалистических целей, выхолостить ее, превратив в буржуазную демократическую революцию»¹⁷.

И далее она сформулировала мысль, разоблачавшую попытки социал-реформистов извратить суть проблемы: «Не о том сегодня идет речь — демократия или диктатура. Поставленный историей в порядок дня вопрос гласит: *буржуазная демократия или социалистическая демократия*. Ибо диктатура пролетариата — это демократия в социалистическом смысле. Диктатура пролетариата — это не бомбы, путчи, беспорядки, „анархия“, как сознательно фальсифицируют дело агенты капиталистической прибыли,— это использование всех политических средств власти для осуществления социализма, для экспроприации класса капиталистов — в соответствии с желанием и волей революционного большинства пролетариата, т. е. в духе социалистической демократии»¹⁸. Вскоре «Rote Fahne» сформулировала лозунг: «За или против социализма, против или за Национальное собрание, третьего не дано!»¹⁹

В. И. Ленин, издали пристально следивший за событиями в Европе, пришел к такому же выводу относительно коренного вопроса: «Весь ход развития германской революции... — писал он,— показывает ясно, как поставлен вопрос историей по отношению к Германии:

„Советская власть“ или буржуазный парламент, под какими бы вывесками (вроде „Национального“ или „Учредительного“ собрания) он ни выступал.

Такова *всемирно-историческая* постановка вопроса»²⁰.

При этом руководители немецких революционеров не встали на позиции «принципиального антипарламентаризма». Когда выяснилось, что Всегерманский съезд Советов отказался взять в свои руки всю власть, приняв самоубийственное решение о приближении выборов в Национальное собрание, Р. Люксембург 23 декабря 1918 г. высказалась за изменение тактики. «Национальное собрание,— писала она,— есть контрреволюционная крепость, воздвигнутая *против* революционного пролетариата. Эту крепость, следовательно, надо взять штурмом и срыть. Для того чтобы мобилизовать массы *против* Национального собрания и призвать их к ожесточенной борьбе, должны быть использованы выборы, трибуна Национального собрания». Они должны и могут «стать средством обучения, собирания, мобилизации революционной массы, этапом в борьбе за установление пролетарской диктатуры»²¹.

Однако на Учредительном съезде КПП руководителям спартаковцев не удалось провести свою точку зрения. Взяла верх неопытность молодых революционеров, искренне ненавидевших буржуазный парламентаризм и переоценивших революционные настроения широких масс, которые не утратили веры в парламент. Отклонив предложение ЦК, съезд высказался за бойкот выборов. Отвечая озабоченной голосованием К. Цеткин, Р. Люксембург писала: «Наше „поражение“ было лишь торжеством немного детского, неперебродившего, прямолинейного радикализма»²². В. И. Ленин впоследствии одобрил позицию К. Либкнехта и Р. Люксембург, выступавших против большинства съезда по этому вопросу, добавив, что, «разумеется, они были еще более правы, предпочитая остаться вместе с коммунистической партией, делающей частную ошибку...»²³.

Важнейшее значение и для дальнейшего хода революции, и особенно для всей последующей истории германского рабочего движения имело решение спартаковцев окончательно размежеваться не только с открытыми социал-империалистами, но и с партией «независимых», руководство которой оказалось в руках соглашателей-центристов. Создание Коммунистической партии Германии явилось событием не только германского, но и международного порядка²⁴.

В программе КПП, принятой Учредительным съездом, в выступлениях К. Либкнехта и Р. Люксембург были определены не только политические, но и социальные задачи продолжавшейся революции. Оценивая ее начало, программа констатировала: «9 ноября германский пролетариат поднялся, чтобы сбросить позорное иго. Гогенцоллерны были изгнаны, избраны рабочие и солдатские Советы. Но Гогенцоллерны всегда были не более чем управляющими империалистической буржуазии и юнкерства. Буржуазное классовое господство — вот истинный виновник мировой войны... Мировая война поставила общество перед альтернативой: либо сохранение капитализма, новые войны и скорая

гибель в хаосе и анархии, либо уничтожение капиталистической эксплуатации... Нет иного спасения, чем социализм»²⁵.

Выдвигая задачу создания в Германии социалистического общественного строя, программа отнюдь не считала ее легкой или быстро осуществимой. И не только потому, что это вообще «самая огромная задача, какую когда-либо в мировой истории приходилось решать какому-либо классу или какой-либо революции», что она требует «полной перестройки старого государства и полного переворота в экономических и социальных основах общества». В конкретных условиях послевоенной Германии, и это показал уже весь ход революции, все надежды на возможность создания «демократического социализма» мирным, реформистским путем были опасной иллюзией. «Было бы безумием верить,— говорилось в программе,— что капиталисты благодушно подчинятся социалистическому вердикту парламента, Национального собрания, спокойно откажутся от собственности, прибыли, привилегии эксплуатации». Нет сомнения, что германская буржуазия, «грубая, циничная и подлая», пустит в ход и зубы и когти, обрушит на пролетариат все силы неба и ада. Такое сопротивление неизбежно «должно быть сломлено шаг за шагом железным кулаком и беспощадной энергией. Силе буржуазной контрреволюции должна быть противопоставлена революционная сила пролетариата». Пролетариату необходимо осознать, что в развязанной буржуазией гражданской войне он должен научиться бороться и побеждать. Для решения задач революции он должен взять в свои руки и защищать политическую власть, которая и есть «диктатура пролетариата и поэтому истинная демократия». Именно рабочие и солдатские Советы должны превратиться в «концентрированную, собранную в кулак, максимально усиленную власть рабочего класса»²⁶.

В программе КПГ не было ни прямого авантюризма, ни призывов к путчизму: главный упор делался на мобилизацию пролетарских масс для суровой и неизбежно длительной борьбы, для объединения вокруг революционного авангарда самых широких народных масс. В области политической и социально-экономической коммунисты требовали провозглашения Германии единой социалистической республикой, ликвидации отдельных государств; уничтожения всех органов старой администрации, передачи всей полноты власти в центре и ни местах в руки Советов; их перевыборов и установления права отзыва депутатов; создания на всех предприятиях производственных Советов для контроля над производством; конфискации доходов династий, а также крупного имущества, аннулирования государственных долгов и военных займов; отчуждения банков, шахт, крупных заводов, торговых и транспортных предприятий, крупных землевладений²⁷.

Однако дальнейшее развитие событий не оправдало надежд революционеров. Уже в начале января 1919 г. правительство Эберта—Шейдемана—Носке (независимцы покинули кабинет

в конце декабря) решило спровоцировать берлинский пролетариат на преждевременное выступление, чтобы нанести удар революционному авангарду еще до выборов в Национальное собрание. Неудача декабрьских провокаций («кровавая пятница» и «кровавый сочельник») побудила Носке возложить военную задачу не на вернувшиеся с Западного фронта войска, не хотевшие сражаться с рабочими, а на только что сформированные «добровольческие корпуса» под командованием монархических офицеров. Нерешительность и пассивность руководителей-независимцев, среди которых в Революционном комитете К. Либкнехт и В. Пик были в меньшинстве, не позволили берлинским пролетариям выступить организованно. Контрреволюция не только разгромила сражавшихся на улицах рабочих, но и совершила жесточайшее преступление, зверски убив К. Либкнехта и Р. Люксембург. Для прикрытия расправы и была выдвинута лживая версия о «спартаковском путче»

Буквально накануне своей гибели К. Либкнехт и Р. Люксембург сумели дать четкую оценку январским боям. Р. Люксембург определенно заявила, что в эти дни нельзя было рассчитывать на победу пролетариата и установление в Германии социалистической власти. Политическая незрелость солдат, повинующихся офицерам, — симптом общей незрелости Германской революции для решения этой задачи. «Деревня, откуда черпается основная масса солдат, как и прежде, едва лишь затронута революцией. Правда, в провинции революционные центры — в Рейнской области, на Побережье, в Брауншвейге, в Саксонии, в Вюртемберге — душой и телом на стороне берлинского пролетариата. Но не хватает прежде всего движения в ногу, прямого единства действий, которое придало бы атаке и боеготовности берлинских рабочих несравненно больше действенности. Далее — и это лишь более глубокая причина политической незрелости революции — экономические бои, действительно вулканическая сила, систематически питающая революционную классовую борьбу, находятся лишь в начальной стадии». Вместе с тем Р. Люксембург считала, что перед лицом наглой провокации «рабочие были *вынуждены* взяться за оружие», ибо отразить атаку «было *делом чести* революции». Поражение вызвано как незрелостью ситуации, так и неспособностью тех «независимых» вождей, которые, призвав массы к оружию, сами встали на путь капитуляции²⁸.

К. Либкнехт тоже считал принятие пролетариатом боя, навязанного Эбертом, неизбежным, хотя время для победы еще не созрело. У германского пролетариата не хватает революционного опыта и традиций, но приобрести их он может только путем действий, ошибок и неудач. Поражение — тяжелый, но необходимый урок²⁹.

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов, продолжая мысль, что Германская революция развивается по пути от «Февраля» к «Октябрю», сравнили январские дни с русским «июлем»³⁰. Но в России революция проходила в иных условиях. Большевики завое-

вывали все больший авторитет в массах. В трудные июльские дни, когда контрреволюция хотела навязать столичному пролетариату бой в крайне невыгодных для него условиях, партия сумела, хотя и не без потерь, вывести свои силы из-под удара и укрыть своих вождей. В Берлине это не удалось.

«В самой развитой капиталистической стране на континенте Европы,— говорил Ленин,— в Германии, первые же месяцы полной республиканской свободы... показали немецким рабочим и всему миру, в чем состоит действительная классовая сущность буржуазной демократической республики... „Свобода“ в одной из самых свободных и передовых республик мира, в германской республике, есть свобода безнаказанно убивать арестованных вождей пролетариата...»³¹

Выборы в Национальное собрание подтвердили предвидение коммунистов, что оно будет *буржуазным* парламентом. Буржуазные партии, в том числе и консервативно-монархические, спешно перекрасив фасады и чуть обновив программы, сумели в обстановке белого террора получить в нем большинство. Правые социал-демократы, хотя и стали крупнейшей партией, собрав 38% голосов (НСДПГ — 8%), смогли теперь прикрывать отказ от социалистической программы ссылкой на «волю народа». Уже первые шаги Национального собрания, заседавшего в Веймаре, выявили это стремление. Внешнеполитические ориентиры правительства Шейдемана в условиях нажима держав-победительниц и отказа от революционной политики обрекли Германию на бессилие.

В начале февраля 1919 г. появились признаки нарастания новой революционной волны. «Германский пролетариат просыпается»,— констатировала «Rote Fahne». Он «потерял три месяца, поверив „социализму“ Эберта—Шейдемана, и был уже близок к тому, чтобы продать лучшее, что создал,— рабочие и солдатские Советы — за чечевичную похлебку Национального собрания, теперь он приходит в себя...»³² Германия снова стала ареной острых схваток между революцией и контрреволюцией. Стачные и вооруженные бои на Рейне и Руре, забастовки в Средней Германии, мартовские бои в Берлине свидетельствовали, что рабочий класс еще не сломлен, а выдвижение им на первый план требования «социализации производства», активизация производственных Советов говорили об углублении социальной струи революции. Баварская Советская республика, несмотря на ее локальный характер, была высшей точкой борьбы немецких рабочих за свою власть.

Однако «законное» буржуазное правительство Шейдемана, опираясь на вооруженных «добровольцев» Носке, которыми командовали монархические генералы и офицеры, жесточайшим образом потопило в крови выступления рабочих. Белогвардейский террор, одобренный социальной демагогией, шумиха вокруг подписания или неподписания мирного договора, демагогические маневры в ходе конституционных дебатов сделали свое дело. С мая 1919 г. начался спад революционной волны.

Революционеры не всегда попевали в своем анализе хода революции за событиями. Их мнения не во всем совпадали, а оптимистические представления о перспективах не выдержали испытания временем. И тем не менее то, о чем они писали в огне борьбы в газетах и брошюрах, не только сохраняло ценность исторических документов, но и остается свидетельством верности оценок в основном и главным. Ю. Мархлевский — советник «комиссии девяти» — во время стачек горняков на Рейне и Руре в брошюрах, изданных в Эссене, разъяснял рабочим, в чем сущность советской системы и как осуществить социализацию горной промышленности. Попытки германского правительства «запрять рабочие Советы в систему управления капиталистического государства» он охарактеризовал как прямой обман и шарлатанство³³.

П. Фрёлхс свою брошюру о Баварской Советской республике³⁴ (изданную под псевдонимом П. Вернер) посвятил «памяти Евгения Левине, храброго борца и мученика революции, памяти всех героев мюнхенского пролетариата». Автор, принимавший участие в событиях, писал, что они «начались как фарс и кончились как трагедия». Он первый рассказал о «мнимой» Советской республике, созданной независимцами и анархистами, и о той республике, во главе которой встали коммунисты. Чудовищным вымыслом, распространявшимся врагами, он противопоставил факты, а во втором издании также и документы.

Под заголовком «Агасфер, речь перед судом и др.» были опубликованы статьи и выступления Е. Левине. «Я давно знаю, — сказал он в своем последнем слове, — что все мы, коммунисты, являемся *смертниками в отпуске*. От вас, господа, зависит, продлите вы мне еще мой отпуск, или мне придется присоединиться к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вы можете меня убить, но мои идеи будут жить!»³⁵ Брошюра В. Мюнценберга «От мятежа к революции» была полемическим ответом на выступление Каутского, осуждавшего «подталкивание» революции³⁶. Брошюра Г. Лауфенберга рассказывала о начале революции в Гамбурге³⁷.

Э. Людвиг в брошюре о роли рабочих Советов вскрыл причины их слабости, разъяснял задачи³⁸. В литературных очерках, вошедших в сборник «На фонарь!»³⁹, он нарисовал картины начала революций в Вене и Берлине. «Как же зовут тех вождей, имена которых сияют так, как тех, кто показал великий пример 130 лет и серьезный пример 12 месяцев назад? Где же берлинские Марат, Лафайет, Ленин?.. Почти бесшумно, автоматически, прусски-дисциплинированно прошел первый штурм...» Но вскоре Берлин, «самая неполитичная столица мира», превратился в гигантский дискуссионный клуб; районы города были разделены между враждующими партиями. Когда Либкнехт выступал на Зигесаллее, «масса молчала, беззвучно стояли 20 тысяч, вслушиваясь, иногда крича „браво“». На шествии, провожавшем в последний путь Либкнехта и убитых рабочих, Э. Людвиг выделил фигуру его шедшего за гробом 17-летнего сына...

Известный итог революции был подведен по горячим следам

в брошюре К. Цеткин «Революционные бои 1919 года и борцы революции». Масштаб освободительной борьбы, писала она, которую в эти месяцы вел авангард германского пролетариата, нельзя даже сравнить с той борьбой, какую вела когда-то германская буржуазия против феодального государства. Равноценной была в истории Германии лишь Великая крестьянская война. Бои развивались по восходящей линии, а борьба в Мюнхене была вершиной сражения между буржуазией и рабочим классом не только по масштабу, упорству, числу жертв, но и по своему историческому смыслу. Ведь «важнейшим итогом пролетарских классовых боев является не практический, „позитивный“ результат, а растущая собранность, ясность цели и готовность к действиям... окрепшая воля к освободительной борьбе».

Главное в том, что эти боевые месяцы обогатили германских рабочих той духовной ценностью, отсутствие которой болезненно сказывалось на их психологии и истории, — возникла «революционная традиция, имеющая огромное воспитательное значение». Но положено лишь начало, настоящая традиция сложится только тогда, когда «революционная борьба не на жизнь, а на смерть станет явлением массовым, выражением внутренней духовной общности, проявлением собственной свободной воли масс. В молодой революционной традиции германских рабочих непрерывно пульсирует кровь 15 тысяч убитых...»⁴⁰.

Когда в марте 1919 г. в Москве собрались делегаты Учредительного конгресса Коммунистического Интернационала, международная революция была на подъеме, еще не возникла Советская Венгрия. Всем, в том числе представителю Германии Гуго Эберлейну (выступавшему под псевдонимом Макс Альберт), казалось, что «настоящая революция в Германии еще впереди», австрийский делегат считал, что в Австрии вообще не было революции⁴¹. Мысли Ленина, что в Германии произошел «Февраль», мнения К. Либкнехта и Р. Люксембург, что Германская революция была буржуазной, демократической, если и были известны, воспринимались лишь как констатация факта, что социалистическая революция в Германии и других странах просто еще не развернулась. Представление о возможности в странах Европы целого периода или этапа буржуазно-демократической революции тогда не сложилось⁴².

Между тем Ленин уже в то время подошел к весьма важным обобщениям, вносившим новые моменты в представления о вероятном ходе международной революции. Не только развитие ее пошло медленнее, неравномернее, зигзагообразнее, чем ожидали, но иным оказалось также ее социальное содержание. «Полагали, — говорил Ленин, — что на Западе, где классовые противоречия развиты более сильно (чем в России. — Я. Д.), соответственно более развитому капитализму, революция пойдет несколько иным путем, чем у нас, и *власть сразу перейдет от буржуазии к пролетариату*. Однако происходящее сейчас в Германии говорит об обратном»⁴³. Выяснилось, что не только в странах более отсталых,

но и в передовых, необходимы определенные подготовительные стадии, возможны промежуточные этапы, что и здесь путь пролетариата к власти тоже не прямой: «Сначала стихийное образование Советов, затем их распространение и развитие, далее появление на практике вопроса: Советы или Национальное собрание, или Учредительное собрание, или буржуазный парламентаризм; полнейшая растерянность среди вожakov и, наконец, пролетарская революция...»⁴⁴

Год спустя Ленин повторил свою мысль: «В первое время революции у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империалистической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада». Ленин в этой связи указал и на главную причину, почему этого не произошло: «Это могло бы произойти, если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата...»⁴⁵

Горькое разочарование, которое вызвало поражение революционного германского пролетариата в боях 1919 г., палаческая роль, добровольно исполненная Эбертом, Шейдеманом, Носке, — все это способствовало закреплению у немецких коммунистов и в Коминтерне представления, что в Германии произошла в 1918—1919 гг. «*пролетарская революция, потерпевшая поражение*»⁴⁶. Это представление отличалось не только от приведенных оценок В. И. Ленина и создателей КПГ, но и от характеристики, данной в Манифесте II конгресса Коминтерна (1920 г.), где она названа «буржуазной»⁴⁷. Тем не менее оно оказалось живучим и сопровождалось негативной оценкой результатов революции, преуменьшением тех демократических завоеваний, которые вырвал и отстоял рабочий класс, заостренной критикой всей социал-демократии. Корректировка этой позиции потребовала немалых усилий и длительного времени. Лишь постепенно складывалось понимание, ранее выраженное К. Радеком, что не приходится рассчитывать на быстрое сокрушение классового врага, а придется вести осаду в длительной позиционной войне. Карл Радек, арестованный германскими властями как «советский эмиссар» и заключенный в тюрьму Моабит, написал там в 1919 г. брошюру «Развитие германской революции и задачи коммунистической партии», изданную под псевдонимом «А. Штруган». Рассуждая о причинах слабости германской революции, он отметил, что рабочие Советы не сумели оттеснить реформистские профсоюзы, выросшие численно. Поскольку попытка взять крепость штурмом не удалась, необходима перегруппировка сил⁴⁸.

ВЗГЛЯДЫ ЦЕНТРИСТОВ

Когда с начала 1918 г. в Германии стали множиться признаки надвигающейся революции, К. Каутский и другие лидеры НСДПГ все более настойчиво предостерегали против революционных дей-

ствий. Каутский в изданных им весной и летом 1918 г. брошюрах «Социал-демократические замечания о переходной экономике» и «Диктатура пролетариата»⁴⁹ не только выступил глашатаем антисоветизма, но и сформулировал едва прикрытую марксистской фразеологией концепцию отречения от революции вообще и германской в частности.

Экономику перехода от войны к миру Каутский рассматривал исключительно с точки зрения выявления возможных средств и путей спасения капиталистического производства от потрясений. Понимая невозможность полного возвращения к довоенным условиям и предвидя обострение классовых конфликтов, он убеждал предпринимателей согласиться на необходимые реформы, а рабочих — отказаться от революционных методов борьбы за свои жизненные права. В обстановке вызванного войной падения производительных сил, утверждал он, условия для прихода пролетариата к власти самые неблагоприятные. «Победоносный пролетариат, — пугал он, — попадет в положение наследника миллионера, узнавшего при проверке имущества, что унаследовал лишь миллион долга». Злорадствуя по поводу трудностей, с которыми столкнулись русские большевики, Каутский старался внушить немецким рабочим: «Прийти к власти в условиях переходной экономики, не должно быть нашей целью»⁵⁰.

В брошюре «Диктатура пролетариата» Каутский начисто отрицал объективную историческую закономерность социалистической революции в России, заявлял, будто там произошла «последняя из буржуазных, а не первая из социалистических революций» и исключительность условий делает русский опыт совершенно непригодным для Германии. Искажая Марксову идею диктатуры пролетариата, Каутский противопоставил ей «чистую демократию», якобы открывающую без всякого насилия путь к социализму, тогда как «диктатура низших слоев расчищает путь диктатуре сабли»⁵¹. Признавая, что Советы способны сыграть известную организующую роль, Каутский отвергал их превращение в государственную организацию, считая единственно провальной буржуазную парламентскую демократию.

Р. Люксембург возражала ему из тюрьмы, что революция в России развивается решительно «не по схеме Каутского». Не наружив статистических «доказательств» экономической зрелости России для социалистической революции, «он забыл, что, по данным профессиональной статистики, ни Великая французская революция, ни мартовская революция [1848 г.] в Германии вообще не должны были произойти... Русский пролетариат — это авангард мирового пролетариата, который своим движением выражает мировой уровень зрелости классовых противоречий». Ее беспокойло: «Какой приговор вынесет история германскому рабочему классу?»⁵² К. Цеткин показала, что Каутский произвольно обращается с понятием революции: «Революционный словарь Маркса сохраняется с дотошностью церковников, но содержание, смысл слов улетучились, стали иными». Он мечтает о «револю-

ции без революции», о некоей «тщательно подготовленной, очень дисциплинированной мирной революции по решению парламентского большинства и указке образцовой организации»⁵³. В. И. Ленин подчеркивал, что Каутский «угашал революционный дух, вместо того, чтобы поддерживать и развивать его»⁵⁴.

Когда революция в Германии началась, правые лидеры НСДПГ, войдя в «социалистическое» правительство вместе с «кайзеровскими социалистами», стали тормозить ее развитие. Капитулировав перед правыми, они согласились на созыв Национального собрания. Переиздавая в Германии свою брошюру о диктатуре пролетариата под названием «Демократия или диктатура?», Каутский меланхолически констатировал в ней: «Сейчас у нас самих революция. Сейчас не только Россия, а и Германия стоит перед вопросом: диктатура или демократия»⁵⁵.

Полное игнорирование классового характера *буржуазной демократии* (вскоре показавшей и в Германии, что она — прикрытие буржуазной диктатуры) стало главным аргументом Каутского, а также лидеров СДПГ и буржуазных деятелей, направленным против революционеров и революции. Он утверждал, что система выборов в Учредительное собрание «более совершенна» и потому имеет больший моральный авторитет, чем «неясная» система выборов в Советы. Он готов был теперь даже «допустить» существование Советов в первый («политический») период революции, но второй («социальный») период считал возможным только на основе Национального собрания, которое объявил «экономической необходимостью и предпосылкой социалистической революции...»⁵⁶.

Включенный в «комиссию по социализации», Каутский всемерно тормозил ее деятельность. «Слома голову объявить все национализированным», — говорил он, — это значит взнуздать лошадь с хвоста, значит создать переходную стадию, при которой капиталистическое производство *уже*, а социалистическое — *еще* невозможно, стадию, на которой вообще невозможно разумное производство. Это значит временно остановить производство. Подобного рода социализм проводить или даже просто требовать именно сейчас, в момент демобилизации, значит превратить Германию в сумасшедший дом»⁵⁷.

В конце декабря, когда лидеры НСДПГ вынуждены были покинуть правительство, двинувшее против рабочих войска, Каутский в статье «Подталкивание революции»⁵⁸ изложил такую концепцию развития Германской революции: она будто бы с самого начала была «пролетарской и социалистической», хотя «старый аппарат управления и господства в государстве и армии продолжает функционировать». Он даже приветствовал это (так как его разрушение сделало бы «вообще невозможной общественную жизнь») и констатировал, что сохранились «основы старого режима, который вверг в катастрофу, а революция тем самым ограничилась временной переменой ролей». Социальную задачу революции, считал он, решить труднее, чем политическую,

ибо если государство — механизм, то общество — организм и обращаться с ним следует еще осторожнее. «В понимании этого, — признал Каутский, — мы смыкаемся с социал-демократами большинства». Спартаковцев же он обвинял в стремлении «подтолкнуть» революцию дальше, объявив это (а не контрреволюционные акции и провокации правительства) «насилием», разжиганием «борьбы внутри самого революционного класса», «деградацией революции».

К. Либкнехт разоблачил рассуждения подобных «революционеров»: «Сегодня и завтра, — говорят они, — социалистическая революция не входит в наш тщательно рассчитанный план; но послезавтра, когда мы будем лучше подготовлены, когда у нас снова будет хлеб и сырье, а наш капиталистический способ производства снова будет в полном ходу, тогда мы разрешим поговорить о социализации общества...» Нет, продолжал Либкнехт, ожидание ни к чему хорошему не приведет: «Беспорядок непреодолим, пока вчерашние властители, экономические и политические силы капитализма остаются у кормила; ибо это они вызвали хаос»⁵⁹.

После разгрома революционного авангарда и открытия Национального собрания в Веймаре мнимореволюционная концепция лидеров НСДПГ обогатилась еще одной идеей. Р. Гильфердинг, главный редактор газеты «Freiheit», ратуя в начале революции за скорейшие выборы в Национальное собрание, утверждал, что они принесут победу пролетариату⁶⁰. Теперь же, когда буржуазное большинство стало фактом, он выдвинул мысль о том, что рабочие Советы следует включить в будущую систему государственной власти: «Не система Советов или демократия, а система Советов и демократия — должен гласить наш лозунг»⁶¹.

При обсуждении в Национальном собрании закона «О временной власти в государстве» фракция НСДПГ, выразив недовольство тем, что в законопроекте отсутствовали слово «революция» и понятие «республика», предложила поставить *рядом с* Национальным собранием Центральный орган рабочих и солдатских Советов, закрепив Советы конституционно. Когда эти предложения были отвергнуты, фракция и правление НСДПГ опубликовали 11 февраля 1919 г. обращение «К революционному пролетариату Германии». Впервые назвав правительство Эберта—Шейдемана «буржуазным», оно призывало рабочих требовать от него и от буржуазного Национального собрания, чтобы они «закрепили» в конституции наряду с парламентом также и Советы — «носителей и хранителей революции»⁶². Авторы обращения умолчали при этом, что с начала революции сами срывали борьбу Советов за полновластие, разоружали и ослабляли их.

Несостоятельность этой идеи была очевидна. Даже если бы Национальное собрание ее восприняло, писала газета «Rote Fahne», «это был бы лишь новый фиговый листок, новая бюрократическая инстанция, полностью лишенная какого-либо революционного содержания»⁶³. Ведь «власти Советов, закрепленной

якорями внутри буржуазной демократии, остается лишь одно движение, которое может делать стоящий на якоре корабль, а именно: движение по кругу». Отсрочка выгодна лишь контрреволюции, позволяя ей собраться с силами для разгрома революционного пролетариата⁶⁴.

В. И. Ленин, узнав о предложении Каутского—Гильфердинга, оценил его как «полный идейный крах теоретиков, защищавших демократию и не понимавших ее буржуазного характера». Попытку соединения, сочетания двух противоположных по классовому характеру властей — пролетарской и буржуазной — он считал смехотворной попыткой сестры между двух стульев, которая уже провалилась в России при Керенском⁶⁵.

И действительно, германская контрреволюция получила аргумент для «сочетания» демагогических маневров об «укоренении Советов» и о «марширующей социализации» с военно-карательными экспедициями, силой подавляющими рабочие Советы.

В области внешней политики правые лидеры НСДПГ (Каутский, прикомандированный к внешнеполитическому ведомству, и Бернштейн — к финансовому) однозначно призывали к западной ориентации. В статьях, а особенно в брошюре «Корни политики Вильсона», Каутский возлагал надежды на «демократизм» США и желание Вильсона дать «справедливый» мир, на «умеренность» американских требований к Германии⁶⁶. Когда же все оказалось наоборот, он выступил за подписание мира-диктата, считая, что его трудные условия удастся впоследствии обойти.

Центристская версия о Ноябрьской революции как революции пролетарской, не достигшей своих целей из-за неподготовленности рабочего класса и неблагоприятных внешних условий, была изложена в анонимной брошюре, выпущенной газетой «Freiheit» в 1919 г.⁶⁷ В ином ключе была написана брошюра Э. Барта «В мастерской революции»⁶⁸. Ее издатели и автор утверждали, что «революцию нужно было сделать», и германскую подготовку именно Барт. Он предстал как человек, который «в дни, имевшие величайшее всемирно-историческое значение и необозримое влияние, взял в свои руки колесо истории..»⁶⁹. При этом в «предательстве революции» Барт обвинил не своих соратников по СНУ, третировавших его, а революционных старост, из среды которых сам вышел. Особенно же негодовал он на революционных рабочих, устраивавших забастовки и демонстрации, презрительно названные Бартом «революционной гимнастикой»⁷⁰.

Среди свидетелей и участников событий в Киле были Л. Попп и матрос К. Артельт. Бесхитростно рассказав о первых днях революции, они отметили, что победа над милитаризмом не решила исторических задач пролетариата⁷¹.

Заметный след в революционной публицистике оставили деятели левого крыла НСДПГ, прежде всего Э. Деймиг, энергично поддерживавший деятельность рабочих Советов и издававший журнал «Der Arbeiterrat» («Рабочий Совет») Он активно выступал против Национального собрания, за укрепление советской систе-

мы, призывая учиться у российских Советов. Однако постепенно и он склонялся к мысли о «сочетании» Советов с буржуазным парламентаризмом⁷². Колеблющейся была и позиция председателя Берлинского Исполкома Советов Р. Мюллера, хотя известность ему создало заявление: «Путь к Национальному собранию ведет через мой труп»⁷³.

Брошюра «О январских событиях», написанная их центральной фигурой — временным полицей-президентом Берлина Э. Эйхгорном, содержала достоверное, документальное описание драматических событий⁷⁴. Важным источником стал также протокол судебного процесса над старейшим деятелем социал-демократии Г. Ледебуром, который в январе возглавил Революционный комитет берлинских рабочих, а на суде смело разоблачал контрреволюцию⁷⁵.

АПОЛОГИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

«Черный день» 4 августа 1914 г. ознаменовал открытый переход некогда революционной СДПГ на позиции социал-империализма и «классового мира». С тех пор в выступлениях и работах правых социал-демократов понятие «революция» фигурировало лишь как синоним «анархии», «беспорядка», нарушения закономерного хода событий. Нарастание антивоенных и радикальных настроений в низах самой социал-демократии побудило руководство СДПГ стать на путь исключения из партии организаций оппозиции, образовавших затем НСДПГ.

Правые лидеры социал-демократии искали сближения с буржуазными партиями на платформе противодействия революционизации масс и достижения «мира по соглашению». Учитывая, что, как признал Шейдеман, «особенно со времени русской революции психология народа стала иной», созданный в рейхстаге «межфракционный комитет» (социал-демократы, прогрессисты, партия Центра) выдвинул в июле 1917 г. «мирную резолюцию», а позднее поддержал идею сепаратного мира с Советской Россией. Лидеры СДПГ активно противодействовали всеобщей антивоенной стачке в январе 1918 г., одобряли подавление революционных выступлений во имя «национального согласия» и войны до победы.

В конце мая 1918 г. правление СДПГ обнародовало свою «Программу действий». Она начиналась фразой, что мировая война стала «мощным революционным фактором» в экономической и политической жизни Германии, но вывод гласил, что социал-демократия не должна позволить «увлечь себя событиями»: преобразование «старого авторитарного государства в демократически-социалистическое государство» надлежало осуществить посредством всеобщих выборов и «парламентаризации», «переходной экономики» (в духе проектов Каутского), установления парламентского «контроля» над монополиями, некоторых социальных мер. Не затрагивая командных позиций капиталистов и юн-

керов, не посягая на монархию, программа рекомендовала «немецкий путь» к социализму без классово́й борьбы и «революционному насилию»⁷⁶.

Лидеры СДПГ приветствовали «революцию сверху», вступление Шейдемана и Бауэра в правительство Макса Баденского. Начало народной революции заставило их маневрировать, чтобы удержаться на поверхности, но они сумели захватить в свои руки руководство. Вместе в лидерами НСДПГ они создали видимость «социалистического правительства», продолжая за кулисами сотрудничать с буржуазными партиями и договорившись с генералитетом о вооруженном подавлении революции и Советов. Открытая впоследствии Национальное собрание в Веймаре, Эберт хвастал тем, что руководимое им правительство выступило в роли «опекуна обанкротившегося режима» и способствовало «возвращению немецкого народа на путь законности»⁷⁷.

Оправданию политики, суть которой была «возглавить, чтобы обезглавить», служила и складывавшаяся апологетическая концепция о роли социал-демократии в революции. Концепция эта с самого начала не могла быть «лоскутной» и внутренне противоречивой: антиреволюционную, антисоциалистическую, антинародную сущность надо было тщательно прикрыть восхвалением «обновления Германии», сохранения «национального единства», приукрасить заверениями о миролюбии, демократии и свободе.

Уже 11 ноября 1918 г. вышла брошюра редактора газеты «Vorwärts» Э. Кутнера «Германская революция. Победа народа и его будущее»⁷⁸. Нельзя сказать, писал он, что революция в Германии произошла неожиданно «Многие ее предвидели, в том числе и те, против кого она направлена». Так, еще в 1916 г. генеральный штаб подготовил «Боевой и мобилизационный план на случай революции». Кутнер не скупился на комплименты народу: он показал единодушие, завоевал мир, стал самым свободным в мире, создал единую республику. Он льстил и Советам: они продукт революции, боевые органы, к ним нельзя относиться пренебрежительно. Но... они не годятся для деятельности и управления, они лишь временные органы, лишь часть народа, даже часть рабочего класса. Иначе будет не демократия, а «русский большевизм, диктатура, несвобода». Социализм — наша цель, но идти к ней следует осторожно...

Эберт, в свою очередь, внушал соратникам, что следует подчеркивать: «Инициатива событий в Берлине исходила от социал-демократической партии... Это надо повторять, ибо происшедшее часто изображают так, будто революцию „сделали“ независимые, а мы лишь последовали за ними...»⁷⁹.

А вот числившийся до своего шовинистического перерождения левым П. Ленш рассуждал в брошюре «У исхода германской социал-демократии»⁸⁰ более откровенно. Уже 4 августа 1914 г., считал он, а тем более после 9 ноября 1918 г. надо было теоретически осмыслить поворот партии и решительно отказаться от по-

нятий классовой борьбы и марксизма. Теперь, когда рабочий класс стал главной силой государства, надо выдвигать идею национальной солидарности, отбросив все прочее. Иначе нельзя оторваться от НСДПГ и «Спартака» — «социал-демократия кончилась», и этого не надо скрывать.

Еще циничнее выразался Г. Носке. В книге «От Килья до Каппа. К истории германской революции» он позднее так пересказал свое выступление 3 ноября 1918 г. в Брауншвейге: «Насильственную революцию германская социал-демократия всегда отвергала. Социал-демократ, правда, гордо называл себя революционером, а собрания заканчивались здравицей в честь революционной социал-демократии, освободителя народов. Но идея применения насилия отвергалась, стремились лишь к революционизации голов, чтобы достичь политического и экономического прогресса»⁸¹. Направленный в Киль правительством, Носке считал своей задачей «предотвращение хаоса, оздоровление народа трудом». Он с ненавистью воспринял лозунг «Вся власть Советам рабочих и солдат!». По его мнению, это означало «перенесение в Германию русского большевизма. Но возведение на Германию хозяйничанья Советов было бы бесконечно разрушительнее, хотя оно и в России проявилось достаточно отпугивающе»⁸². Как он противодействовал этой мнимой угрозе, известно.

Тезис о «большевистской опасности» и о роли социал-демократических правителей в качестве «спасителей Германии» стал краеугольным камнем концепции. Идентификация немецких революционных рабочих с большевиками была подлогом, призванным оттолкнуть от революции прежде всего запуганных обывателей, но также и многих трудящихся, не испуганных в политике. Обвинение в «анархии», «произволе», «насилии» и т. п. тех рабочих и солдат, которые брались за оружие для защиты своих жизненных интересов, служило двойной цели: обоснованию контрреволюционного насилия правительственных войск и оправданию сотрудничества социал-демократических лидеров с самыми реакционными столпами старого режима — монархической бюрократией и военщиной во имя поддержания «порядка».

Апологетам социал-демократии было непросто объяснить, как сочетался с водворением демократии белый террор. Приходилось проявлять немало изворотливости, в чем особенно преуспел главный редактор «Vorwärts» Ф. Штампфер. Так, в брошюре «9 ноября», изданной им к первой годовщине революции⁸³, он ссылался на Маркса и Бебеля, Лассаля и Шейдемана, отведя, впрочем, теории лишь роль «радужного пророчества». Голосование за военные кредиты он оправдывал... «настроением масс» и нежеланием партии стать виновницей военного поражения Германии. Когда же это поражение стало неотвратимым, то «социал-демократия, — утверждает Штампфер, — стремилась к такой ликвидации войны, чтобы не пострадали внешние интересы германского народа, не было внутренних потрясений, требующих

нечеловеческих жертв, и вместе с тем были достигнуты все политические цели ее Эрфуртской программы». Все было бы хорошо если бы «Союз Спартака» вместе с левыми независимыми не устроили «революцию по русскому образцу» с целью установить собственную диктатуру, опирающуюся на правление рабочих и солдатских Советов⁸⁴.

Восхваляя действия Эберта и Шейдемана, якобы спасших страну от «анархии» и «хаоса», Штампфер объявил Либкнехта и Люксембург не только мечтателями и фанатиками, пытавшимися «развязать социалистическую религиозную войну», но и «политическими лицемерами», «поклонниками насилия», даже «моральными убийцами». Это позволяло возложить на них вину за «спартаковское восстание» в Берлине, изображенное как начало «второй революции», а Носке представить «миротворцем». Лицемерно сожалея о гибели Либкнехта и Люксембург, Штампфер цинично заявил: «Но эти несчастные фанатики сами развязали гражданскую войну, и если они пали как герои своих убеждений, на них все же лежит тяжелая трагическая вина...»⁸⁵

Социал-демократия, провозгласил Штампфер, «может претендовать на признание за то, что из революции, рожденной поражением, она извлекла все созревшее для осуществления и открыла путь к дальнейшему подъему». Рабочие и солдатские Советы родились из хаоса, и только те из них действовали правильно, в которых заседали социал-демократы. Эти Советы «сами соорудили себе почетный памятник тем, что вернули захваченную власть Национальному собранию». Только производственные Советы имеют право на дальнейшее существование, и если они проявят «практический ум», то «социальные учреждения Германии смогут намного опередить таковые в России...». Безмерное самодовольство Штампфера проявилось и в заключительном утверждении, будто социал-демократия, осуществив в ноябре мирный переворот, «успешно выполнила предначертанную ей Марксом роль акушерки при рождении нового строя [!]. А последующие попытки переворота потому не достигли цели, что силой нечего было больше свергать, разве что позитивный результат самого ноябрьского переворота»⁸⁶.

Не следует, однако, думать, что такими заявлениями Штампфер достиг вершины апологетики. В другой брошюре — «Конституция, рабочий класс и социализм» — он взялся доказать, что Веймарская конституция — продукт компромисса социал-демократии с буржуазными партиями в условиях разгрома революционных рабочих — создала условия для мирного «восхождения рабочего класса к социализму». Сделав, правда, оговорку, что она не «вершина совершенства», он поставил ее выше Парижской коммуны и Российской Советской Социалистической Республики. Он не только превозносил жалкую статью 156 (о возможности обобществления) как «путь к социализму», но и пытался осадное положение представить как «защиту демократии». Пресловутую статью 48 о «президентской диктатуре» он изображал неким

«чужеродным телом», заявляя, что если президент допустит «злоупотребление» ею, то «вызовет упрек в нарушении присяги и тем сильно повредит своему положению»⁸⁷. Практика Веймарской республики опровергла эту «ложь во спасение».

«ЛЕГЕНДА О ДОЛЬХШТОСЕ»

Противники революции еще задолго до того, как она разразилась, размышляли о том, как бы ее предотвратить. Весь арсенал средств — колониальная экспансия, милитаризм и маринизм, «мировая политика», стремление к мировому господству и, наконец, мировая война — все это было нацелено не только на завоевание для Германии «места под солнцем», но также и на укрепление незыблемости внутреннего строя прусско-германской империи Гогенцоллернов. Заручившись поддержкой лидеров социал-демократии и профсоюзов, господствующие верхи уверовали в военную победу Германии. В составление аннексионистских программ включились, кроме пангерманцев, также промышленники и банкиры, национал-либералы и деятели партии Центра, многие профессора. Если кто из них и мечтал о внутренних реформах, то не ранее победоносного мира и с соизволения монаршей милости.

Консервативно-милитаристские круги и тогда отвергали какие-либо изменения, когда в 1917 г. свержение династии Романовых в России поколебало трон Гогенцоллернов, а ход войны все менее сулил Германии победу. Правые круги действовали наперекор событиям: создав «Отечественную партию», они усилили требования «победного мира», который нередко связывали с именем Гинденбурга. Они обвиняли партии парламентского большинства и «межфракционный комитет» за выступления в пользу «мира по соглашению», в малодушии и трусости, публично называли их «пораженцами в тылу».

Провал августовского наступления 1918 г. на Западном фронте подкасал военной верхушке необходимость срочного принятия чрезвычайных мер. Для идеологов прусско-германского милитаризма было давней традицией возлагать ответственность за все военные неудачи и поражения не на военачальников и армию, а на штатских политиков и состояние тыла. Это позволяло в прошлом сохранять в незапятнанной чистоте «нимб непобедимости» Пруссии, столь важный для поддержания мифа о несокрушимой «нации солдат». Как стало известно позднее, военный диктатор генерал Людендорф действовал неожиданно и энергично. 29 сентября он ультимативно заявил на коронном совете от имени Гинденбурга и своего: «Победа исключена, положение армии требует немедленного перемирия, чтобы предупредить катастрофу... Каждый час промедления означает опасность». Неоднократно выражавший презрение к рейхстагу генерал потребовал срочной «парламентаризации режима». «Я также просил

Его Величество, — заявил Людендорф, — привлечь теперь к участию в правительстве представителей также тех кругов, которым мы главным образом обязаны, что дело зашло так далеко. Итак, мы станем свидетелями вступления этих господ на министерские посты. Пусть они заключают мир, который сейчас должен быть заключен. Пусть они теперь расхлебывают ту кашу, которую заварили для нас!»⁸⁸

Возникший правительственный кризис был в начале октября разрешен созданием «либерального» кабинета принца Макса Баденского, в который вошли социал-демократы Шейдеман и Бауэр. Просьба о перемирии была подписана правительством, а не военными, срочная «демократизация режима» должна была создать иллюзию о радикальном его изменении. Смысл этого мнимого «государственного переворота», или даже «революции сверху», как назвал ее статс-секретарь адмирал Гинтце, был в общем прост: прежде чем военное поражение Германии станет очевидным для всех, переложить ответственность за него, а также и за условия мира с военных на политиков — на партии парламентского большинства. Приняв на себя такое «наследство», Макс Баденский и его министры сохранили в тайне и факт ультиматума, и имена тех, кто нес реальную ответственность за военное поражение. Людендорфу, правда, пришлось уйти в отставку, но Гинденбург остался на посту.

Уже в октябре 1918 г. правая печать стала открыто распространять утверждения, что неверие в победу появилось не на фронте, а в тылу. В начале ноября один из ораторов употребил выражение, что тыл нанес фронту «удар кинжалом в спину» («дольхштос»). Есть и другие свидетельства, что о вине тыла или родины («Dolchstoß der Heimat») по отношению к солдатам на фронте говорили и писали еще до начала революции, до заключения перемирия⁸⁹.

Во время революции рассуждения о «дольхштосе» стали все чаще фигурировать в буржуазной прессе. Свой вклад в формирование и распространение легенды внес также Эберт, когда 10 декабря 1918 г. в речи перед торжественно вступавшими в Берлин войсками Западного фронта* провозгласил: «Ни один враг вас не победил»⁹⁰. Во время избирательной кампании в Национальное собрание правые партии уже широко пользовались ложным утверждением, будто революция — это причина военного поражения Германии⁹¹. 16 февраля 1919 г. Пангерманский союз, идеологический центр германского империализма и милитаризма, опубликовал заявление, в котором прямо говорилось: вину за поражение несут «не верховное командование, не консервативные круги, призывавшие к продолжению войны», а правительство Макса Баденского, будто бы «не нашедшее мужества и решимости

* Впоследствии было документально установлено, что Эберт выступал по тексту, подготовленному представителем ставки майором генерального штаба К фон Шлейхером.

выступить против грозившего переворота», а также те, кто «пла-номерно разрушал волю нашего народа к победе и с вражеской помощью готовил и совершал измену в тылу и на фронте»⁹².

В подобном же духе правые депутаты выступали с трибуны Национального собрания, когда оно в феврале 1919 г. обсуждало вопрос о продлении перемирия. Так, оратор немецких националистов фон Грефе обвинил партии правящей коалиции, что они в октябре—ноябре 1918 г., накануне подписания перемирия, не призвали народ, как обещали, к «национальной обороне». Если же она стала за это время невозможной, то «тогда доказано перед всем миром, что организовать ее помешала революция». Закончил он речь словами Вергилия («Восстань, о мститель, кто б ты ни был, из костей наших!»), прозвучавшими как открыто реваншистская угроза. Депутат Трауб утверждал, что «главная причина, по которой мы проиграли войну, заключалась именно в том, что в немецкой армии безответственным образом велась подрывная работа». А деятель «народной партии» Каль прямо обвинил в катастрофе революционеров: «У всех перед глазами ясно стоит одна вина, вина большевизма, который отравил наш столь прекрасный в прошлом флот и поколебал наши фронтовые части»⁹³.

Вынужденный отвечать на обвинения, Ф. Шейдеман объяснил виновниками поражения не всех организаторов войны, а только тех, кто «безответственно» ее затягивал: «Мы должны были потерпеть крушение из-за политики, на которой стоит штамп: тяжелая промышленность, пангерманцы и Людендорф». М. Эрцбергер, назвав правых деятелей выразителями «политики отчаяния», заявил: «Тот, кто сам виновен в проигрыше войны, теперь, чтобы снять с себя вину, кричит во весь голос: „Держи вора!“»⁹⁴ Однако во всех ответах противников легенды звучала одновременно и враждебность по отношению к революционерам, стремление изобразить революцию как бедствие, себя же как спасителей Германии от «большевизма», готовых и дальше играть эту роль. Поэтому «скандал в благородном семействе» был быстро замят.

Пангерманская пропаганда распространялась по всем каналам — в школах, университетах, церкви. В числе ее носителей был и пастор Дибелиус, который в мае 1919 г. на проповеди в Берлине сказал, что немецкий народ, который «вонзил собственной армии кинжал в спину, который предал собственных братьев и сестер... такой народ заслуживает сурового суда справедливого бога!». Реакционные учителя включили даже в школьный диктант фразу: «Революция нанесла победоносным германским армиям удар в спину»⁹⁵.

Широкое распространение получила вышедшая уже в конце 1918 г. брошюра одного из приближенных Людендорфа — полковника Макса Бауэра. В ее заглавие были вынесены три вопроса: «Могли ли мы предотвратить, выиграть, прервать войну?» На первый и третий вопросы автор отвечал отрицательно, на второй — решительно «да!»: «Войну, особенно в начале ее, бесспорно можно было выиграть... Проиграна она была только и исклю-

чительно из-за несостоятельности тыла. Особенно революция решила в труднейший для Германии момент ее судьбу. Крепкая, единая Германия, конечно же, могла еще продержаться до тех пор, пока противники не запросили бы мира. Мы по *собственной* вине проиграли почти выигранную войну...» Доказательств Бауэр, разумеется, привести не мог, да и не искал их. Революцией он именовал не только 9 ноября, а и предшествующее время, когда была «парализована воля к победе». Обвинял он многих, хотя и по-разному. Даже кайзер, считал он, виновен, «но не в том, что он хотел войны, осуществлял завоевательную политику, противился миру, напротив, в том, что создал слабое правительство... Людендорф виновен, но не в том, что хотел слишком многого и вмешивался в политику, а в том, что недостаточно требовал порядка в стране...». Бауэр отрицал наличие в Германии «военной партии» и «партии промышленников», зато тяжесть вины возлагал на правительство, рейхстаг, партии парламентского большинства, на либералов и социал-демократов, на прессу и всех, кто не действовал в духе Верховного командования и крайних аннексионистов. Особенно яростно он травил «изменников нации» — революционеров, спартаковцев, русских большевиков...⁹⁶

Летом 1919 г. М. Бауэр выпустил еще одну брошюру — «Безумие мира по соглашению». В момент споров о подписании Версальского мира он созывал всех противников «убийственного мира», защищал Людендорфа от обвинения в «азартной игре», отрицал факт его ультимативного требования о перемирии, возлагал всю вину за тяжелые условия мира на тех, кто выступал за «мир по соглашению», сетовал на то, что Германия «не хватило еще миллиона солдат». В послесловии он называл революцию «самой бессмысленной и безнравственной»⁹⁷. В писаниях Бауэра «легенда о дольхштосе» уже не ограничивалась выгораживанием Людендорфа и военщины, она стала наступательным оружием реакционеров против всех, кто не был с ними согласен, не только против революционеров, а против всех республиканцев и демократов.

Самым неутомимым пропагандистом легенды в таком же широком смысле слова оставался прежде всего ее автор — Эрих Людендорф. Укрывшись с начала революции в Швеции, он тотчас принялся писать мемуары. Узнав, что рейхканцлер Шейдеман заявил в Национальном собрании о неизбежности военного поражения, а его назвал «гениальным азартным игроком», Людендорф потребовал судебного разбирательства. Правительство ответило изданием в конце 1919 г. официальной «Белой книги». В нее вошли некоторые документы о предыстории перемирия, в том числе бывшие дотоле строго секретными материалы о давлении Верховного командования, особенно Людендорфа, на правительство, чтобы оно немедленно начало переговоры о перемирии⁹⁸. Публикация нанесла удар престижу Людендорфа, но он и не думал сдаваться, а в свою очередь обнародовал документы Верховного командования с комментариями, в которых пытался доказать (как и во вскоре вышедших мемуарах⁹⁹), что его предосте-

режения вовсе не были призывом капитулировать перед врагом, а имели лишь целью «вырвать правительство из летаргического сна»¹⁰⁰. Он продолжал отстаивать и развивать свой ключевой тезис: «Революция сверху и снизу нанесла смертельный удар германской армии, в то время как та сражалась с врагом. Подрывная работа началась гораздо раньше. При этом следует различать разные ее направления... от саботажа победы до самого переворота»¹⁰¹.

Буржуазные партии не приняли предложения социал-демократов образовать судебную палату, и Национальное собрание создало «парламентский комитет расследования». В августе 1919 г. в нем были сформированы четыре подкомитета: первый — для выяснения, кто несет вину за начало войны; второй — для установления, можно ли было добиться благоприятного мира до военной катастрофы; третий — для расследования обвинения в том, что Германия нарушала в ходе войны международное право; четвертый — для определения непосредственных причин военного краха в 1918 г. Деятельность комитета растянулась на многие годы, расследование так и не было доведено до конца. Но обсуждение вопросов, публикации материалов и выступлений находили значительный общественный отклик.

Так, 18 ноября 1919 г. перед вторым комитетом предстали в роли «свидетелей» главные участники событий и авторы легенды — Гинденбург и Людендорф. В их совместном заявлении, прочитанном Гинденбургом, говорилось, что Верховное командование неоднократно выражало озабоченность «планомерным разложением флота и армии», которое правительство не смогло прекратить. «Поэтому наши операции должны были окончиться неудачей, *крушение* должно было наступить; революция была лишь последним камнем. Один английский генерал справедливо сказал, что „германская армия была сражена ударом кинжала в спину“. Здоровое ядро армии не несет вины. Его заслуги так же достойны восхищения, как и заслуги офицерского корпуса. На ком лежит вина, ясно установлено»¹⁰².

Заявление это было фальшивым от начала до конца. Оказалась блефом и ссылка на «английского генерала», который будто бы первый сказал об «ударе кинжалом в спину»*. Заявление Гинденбурга—Людендорфа не было, как утверждали позднее некоторые историки, актом рождения легенды, но оно знаменовало превращение ее в официальную версию Верховного командования германской армии. Легенда не была и ответом на тяжелые условия Версальского мира, хотя впитала в себя обвинения против тех, кто согласился поставить под ним свою подпись. В ней слились воедино разные элементы империалистической идеологии: глубочайшая ненависть к революции и революционному движению, воинствующий шовинизм, преувеличение военной мощи Германии, преклонение перед милитаризмом. Она с самого начала грубо

* Генерал Нейл Малколм впоследствии отрицал это¹⁰³.

извращала соотношение между военным поражением и революцией, служила идейным оружием в руках реакции против республики.

В становление и развитие «легенды о дольхштосе» наряду с политическими и военными деятелями внесли немалый вклад также профессиональные историки консервативного направления. В годы войны публицистические выступления историка-политика Г. фон Белова, медиевиста Д. Шефера, К. А. фон Мюллера и многих других были пронизаны идеями и требованиями самого ярого аннексионизма. Однозначно ориентируясь на победу Германии, они именovali грядущий мир «гинденбурговским» или «немецким». Когда же перспективы войны осложнились, они стали третировать сторонников «мира по соглашению», презрительно называя такой мир «шейдемановским» или «миром отречения».

Г. Белов, для которого революция означала хаос и катастрофу, считал ее началом уже «мирную резолюцию» рейхстага в июле 1917 г. Именно тогда, по его мнению, Германия вступила на наклонную плоскость отказа от славной исторической традиции и введения парламентаризма. Макса Баденского он назвал «могильщиком германского величия»¹⁰⁴. Д. Шефер объявлял любые реформы разрушающими внутреннее единство нации и потому угрожающими военной победе. Всех высказывавшихся за реформы он причислял к пораженцам и «изменникам отечеству», октябрьские преобразования осудил как ступеньку к революции, а о деятелях 9 ноября писал, что они «поставили Германию в положение, хуже и безнадежнее которого не было никогда в ее истории»¹⁰⁵. Историки этого направления активно поддерживали все действия контрреволюционных сил, требуя ликвидации «охлократии» и «анархии».

Образцом реакционного мифотворчества, включения «легенды о дольхштосе» в извращенную картину хода и сущности Ноябрьской революции может, пожалуй, служить брошюра «Завоевания революции» некоего доктора Э. Г. Йенни (Женни), появившаяся в том же издательстве «Шерль», что и брошюры М. Бауэра.

«Исполнилась первая годовщина, — писал он, — с того дня, когда революция свергла германскую монархию кайзера... Нет, не массовый штурм врагов сразил империю. Она *развалилась изнутри*... Но не без содействия извне. На ход событий оказали немалое влияние невыразимые страдания войны, муки голода и душевное изнурение. Они вызвали тяжелую болезнь народной психики, жалкое обессиление народного организма, пока, наконец, страшная длительность войны не привела к упадку народной морали. Без этого в Германии никогда не произошло бы того, что случилось...»¹⁰⁶

Автор внушал читателю, что в Германии не было вообще никаких предпосылок «настоящей» революции. Во Франции 1789 г. монархия была «по естественным причинам обречена на гибель», в Германии же она стояла незыблемо и все были ею довольны. Исключение составляла лишь социал-демократия: она разрушала

«национальный дух», а группа радикальных фанатиков в ней проповедовала поражение. Но революция не возникла стихийно, ее «сделали» прежде всего «независимые социал-демократы». Со ссылкой на того же английского генерала Йенни провозглашал: «Германская армия была заколота кинжалом сзади...»¹⁰⁷

При этом автор старался создать впечатление, что он, как иностранный наблюдатель — австриец, стоит над спорами о том, кто виноват: «Революция делает все возможное, чтобы возложить вину за войну на старый режим; другие партии возлагают вину за постигшую Германию судьбу на революцию». Для него же самое главное «факт»: если бы не революция, не было бы и «такого мира». Он повторял расхожее утверждение аннексионистов и милитаристов, что немецкий народ сам проиграл войну, ибо его поразил микроб «утраты национального сознания», микроб «интернационализма». Эти и подобные рассуждения венчал витиевато выраженный, но однозначно контрреволюционный вывод: «Так, с тяжелым сердцем надо признать, что хотя, возможно, не революция заставила проиграть войну, но именно революция несет двойную вину за ее катастрофический исход»¹⁰⁸.

Возвращаясь к вопросу о том, как была «сделана» революция, автор разглагольствовал о «русском образце» и «рецепте», ссылался и на словечко Каутского о «татарском» социализме, позаимствовал у него рассуждения о «демократии и диктатуре», изображал рабочие и солдатские Советы исчадием ада. Со вздохом облегчения Йенни констатировал, что правительство все же удержалось у власти, а социал-демократия, из-за которой революция смогла причинить немецкому народу чудовищный ущерб, в конце концов преодолела свои слабости. На счет революции он записал и фантастические «растраты» Советов, и непомерное повышение зарплаты и пособий безработным, и преступность, и «террор». Целиком ей в вину поставлены все тяготы Версальского мира, — который «висит как жернов на шее молодой Германии и увлекает ее в пропасть».

В конце брошюры Йенни заключил слова «завоевания революции» в иррические кавычки, еще и еще раз повторяя, что это революция «занесла нож, предварительно вспрыснув армии яд поражения», это она разрушила духовный капитал народа, разбудила в нем самые низменные страсти. Она грозит погубить также и вообще творческую силу немцев: «Это было бы последним завоеванием революции и одновременно — гибелью Германии»¹⁰⁹.

Даже краткий пересказ этого насквозь лживого и злобного пасквиля показывает, каким отравленным оружием пользовались реакционеры. Но они не только сочиняли легенды, они действовали.

С самого начала революции, а отчасти и до нее реакционные круги вели погромную травлю Карла Либкнехта и его соратников. «В ненависти, в клевете против Союза Спартака, — писала Роза Люксембург, — объединяется все, что есть контрреволюционного, враждебного народу, антисоциалистического, двусмысленного, бесчестного, неясного»¹¹⁰. Уже в конце ноября в Берлине появи-

лась организация, поставившая своей целью объединение всех антисоветских и контрреволюционных сил. Ее создатель — журналист Эдуард Штадтлер, выходец из католических кругов, во время войны попавший в русский плен. Прожженный авантюрист, объявивший себя «знатоком России», он нашел покровителя в лице крупных банкиров и промышленников, реакционных политиков.

Основав «Генеральный секретариат по изучению большевизма и борьбе с ним», Штадтлер стал выпускать серии псевдонаучных брошюр о «большевизме» под маскирующими названиями: «Спорные вопросы революции», «Революционные листовки», «Собрание источников для изучения большевизма», «Очерки современных проблем»¹¹¹. Они были проникнуты лютой злобой к Советской России и немецким революционерам. «Антибольшевистское пресс-бюро» поставляло информацию для газет, 3—4 раза в неделю выпускало пресс-бюллетени «АВС» — «Антибольшевистская корреспонденция»¹¹². Вскоре вышел сборник докладов Штадтлера «Большевизм». В действительности «Генеральный секретариат» был лишь прикрытием для более широкой организации — «Антибольшевистской лиги», ставшей вместе с милитаристскими союзами основой «консервативно-социалистического» или «национал-социалистического» объединения. Так, Штадтлер, выступая в конце ноября на собрании «буржуазного совета» Берлина, требовал вместо созыва Национального собрания установления «диктатуры национального социализма»¹¹³.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Естественно, что «легенда о дольхштосе» была неприемлемой для тех, против кого она была направлена. Не только революционеры и социал-демократы, но и буржуазные республиканцы, либеральные историки не могли согласиться ни с обвинениями по существу, ни с теми фальсификациями фактов, на которых эти обвинения были построены.

Самым резким оппонентом легенды и одновременно острым критиком действий на последней стадии войны Верховного командования и лично Людендорфа стал либеральный военный историк Гэнс Дельбрюк. Восстанавливая причинно-следственные связи, он писал: «Война была проиграна не потому, что упало настроение, а напротив, настроение упало тогда, когда войска стали чувствовать, что войну уже нельзя выиграть»¹¹⁴. Однако критика эта останавливалась на полпути. Так, Дельбрюк находил в легенде некую «относительную истину», соглашаясь с пангерманцами в том, что борьба германских революционеров против войны и ее виновников была «изменой родине» и «государственной изменой», ибо участники ее поставили классовую борьбу выше национальных интересов¹¹⁵. Признанный глава либеральных историков Фридрих Майнеке тоже видел в легенде «зернышко истины» и сочинил даже в 1919 г. публицистически заостренный «диспут» между сторонником легенды Эберхардом и ее противником Рейнгольдом. От имени

последнего Майнеке вполне определенно заявил: «Но, несмотря ни на что, мы все же сойдемся друг с другом на почве борьбы не на жизнь, а на смерть против большевизма»¹¹⁶.

Известно, что деятели германской либеральной буржуазии традиционно были столь умеренными и робкими в своих государственно-политических, а тем более социальных притязаниях, что их непросто было выделить из консервативного лагеря, в котором находились и юнкерско-милитаристские круги, и верхушка бюрократии, и магнаты тяжелой промышленности. Пожалуй, один лишь социолог Макс Вебер отважился еще в конце XIX в. на осторожную, но все же критику системы Бисмарка, поскольку она покровительствовала юнкерству и затрудняла продвижение на ответственные посты «достойных» представителей растущей буржуазии¹¹⁷. Историки, в том числе и крупнейшие — Ф. Майнеке, Г. Дельбрюк, Э. Трёлльч, Г. Онкен, — оставались и в начале XX в. приверженцами и защитниками прусско-германской традиции. А с началом мировой войны все они, без исключения, заняли позицию самой активной поддержки агрессивной, аннексионистской политики германского империализма, выдвинув на первый план тезис «объединения нации во имя победы». Ради национального единства они «признали» теперь своим политическим партнером и правых лидеров социал-демократии.

Оппозиционные настроения по отношению к кайзеру, военному руководству, пангерманским безудержным аннексионистам пропали и стали усиливаться у буржуазных либералов лишь по мере того, как установилась все менее реальной перспектива военной победы Германии, нарастала опасность не только поражения, но и революционного взрыва. Более реалистическая оценка международной, военно-стратегической и внутривнутриполитической ситуации побуждала политиков и идеологов этого крыла империалистической буржуазии склоняться к идее заключения с Антантой и США «мира по соглашению». Это связывалось с пониманием необходимости проведения совместно с социал-демократами тех или иных реформ государственной системы. Впрочем, эти сдвиги вовсе не означали отказа либералов ни от экспансии и аннексий, ни от колоний и требований «мирового влияния» Германии. Они лишь высказывали опасения, что чрезмерные, авантюристические притязания консервативно-милитаристских кругов способны лишить Германию уже достигнутого и вообще достижимого. Оставаясь монархистами и противниками радикальных преобразований, они считали теперь необходимыми некоторые шаги, ведущие к парламентаризации режима.

Демарш Людендорфа потребовал и от либералов срочной перестройки. Как раз накануне 28 сентября 1918 г. Ф. Майнеке записал в своем дневнике, что «сентиментальные и мягкотелые» идеи социал-демократов представляются ему негодными для длительного управления государством, что «в их кровь надо ввести железо»¹¹⁸. Но уже в начале октября Майнеке, Дельбрюк и Трёлльч играли роль своего рода «приватного государственного совета»

при принце Максе Баденском, ставшем рейхсканцлером. Как с иронией признал позднее сам Майнеке, они были «с начала до конца некими консервативными реформаторами, чей час пробил слишком поздно»¹¹⁹.

И действительно, предотвратить революцию не удалось, а она потребовала от либеральных историков нового или дальнейшего пересмотра прежних представлений. Не только эмоциональным восприятием событий, но и идеологическим выражением основных взглядов влиятельного направления в германской исторической науке стала с этих пор концепция о военном поражении и революции как «национальной катастрофе». В этой концепции с самого начала были заложены по меньшей мере три ложных подхода. Во-первых, осуществлялась подмена: военно-политическое поражение германского империализма изображалось «катастрофой» для народа, тогда как в результате окончания проигранной, губительной войны и свержения ненавистного правительства, ответственного за нее, народ добился немалого успеха. Во-вторых, отрицалась не только закономерность революции, но и ее правомерность, оправдывались все акции контрреволюции. В-третьих, в объяснении причин революции сохранялся примат внешней политики и игнорировались (или преуменьшались) внутренние, социально-экономические факторы. Поэтому легенда о «катастрофе» не могла служить принципиальным противовесом «легенде о дольхштосе», а в ряде случаев с ней смыкалась и даже сплеталась.

Первый вопрос, на который либеральным историкам следовало отыскать ответ, заключался в следующем: если, как они неизменно утверждали, созданная Бисмарком Германская империя действительно была прочной и незыблемой, то почему же империя Гогенцоллернов, не говоря уже о десятке мелких монархий, пала так быстро и безропотно, не оказав ни малейшего сопротивления? Ф. Майнеке, продолжая и после революции предостерегать против недооценки «великого национального значения» Бисмарка и созданной им государственной системы, нашел такой выход: «Во время катастрофы 1918 г. погибла не подлинная, настоящая прусская система, а система деградированная, расшатанная». Оставляя без объяснения то, какие же силы ее расшатали, Майнеке признал, что и сам своими работами участвовал в «канонизации процесса национального развития» Германии, «до самого последнего времени все еще переоценивал устойчивость и жизнеспособность старопрусского фундамента»¹²⁰.

Не следует при этом преувеличивать «самокритику» Майнеке, как охотно делают его коллеги и ученики. Речь ведь шла о вынужденном признании ошибочности прежних взглядов, да притом непосредственным и неполным, с явной целью не найти новые решения, а лишь модифицировать старые.

Уже начальная стадия революции, предотвратить которую не удалось, вызвала у либералов столь же резкое осуждение, как и в правоконсервативных кругах. Майнеке видел в катастрофе,

которую «называют Ноябрьской революцией», «позорную измену», «национальное преступление»: она разрушила «невосполнимые духовные ценности нашего исторического прошлого и нашей общественной жизни», а также «сделала нас полностью безоружными по отношению к нашим врагам, создала немислимые опасности внутри». Он по-прежнему отрицал, что корни революции следовало искать в социально-экономической структуре, хотя развитие капитализма и крупной промышленности вызвало «натянутые отношения между пролетариатом и буржуазией», а «образ мышления капиталистической буржуазии немало способствовал тому, что представители старой системы злоупотребляли насильственными средствами». Признав, что это давало «весьма действенный материал сторонникам социальной революции», он считал, что виноватыми в ней оказывались все же «эгоизм и материализм современного пролетариата»¹²¹.

Революция, допуская теперь Майнеке, «лишь во вторую очередь была результатом социально-экономического развития», в первую же очередь она была «событием военно-политического характера, если хотите, негативным событием, а именно крушением перегруженного строения». Причины военного поражения он усматривал в ошибках прежде всего военной верхушки, которая диктовала свою волю политическим руководителям, а также в грубейших просчетах «опынных силой» пангерманцев, которые надеялись «основать мировую империю при помощи кулака»¹²².

Дельбрюк тоже видел причину революции в военно-стратегических просчетах и ужасался тому, что государственная власть оказалась в руках, «правда, не безграмотных людей, но, что еще хуже, в руках полубразованных»¹²³. Как и консервативные историки, Бергштрессер сокрушался по поводу краха старого строя, представляя революцию «несправедливой организацией беспорядка»¹²⁴. «Радикальным переломом в германской истории», достойным сожаления, именовали ее и другие авторы, например Г. Ротфельс, Ф. Гартунг¹²⁵.

Вышедшие в 1919 г. две первые книги специально о Ноябрьской революции принадлежали перу не профессоров, а доцентов, но исходили в основном из тех же посылок о «национальной катастрофе». Так, берлинский историк Фридрих Рункель в работе «Германская революция до открытия Национального собрания» писал, что пороки старого авторитарного государства вынужден признать любой буржуазный историк, но он «охотнее увидел бы, что нужные изменения произошли посредством реформ. Революция уничтожила многое, что так нам дорого и так нами любимо, наш старый храм разрушен...». Он сделал (ссылаясь и на Россию) вывод, что «великая современная революция может иметь успех только на почве решительного военного поражения», и утверждал: именно «революционный взрыв разрушил возможность отклонения драконовских условий» военного перемирия. Подобно Дельбрюку, Рункель считал «виновником революции» Людендорфа, у которого «сдали нервы», полагал, что ее можно было предотвратить

«своевременным» отречением кайзера, сетовал, что «революция разбила все, открыв путь хаосу»¹²⁶.

Лейпцигский приват-доцент Эмиль Менке-Глюкерт в книге «Ноябрьская революция 1918 г.» тоже констатировал, что «старый мир с треском развалился». Хотя он и считал, что историк должен найти мост между настоящим и прошлым, показать, что «германская революция 1918 г. — не гром среди ясного неба, а неизбежная катастрофа в драме, которая разыгрывалась целый век», сам он тем не менее назвал только непосредственные ее причины, возникшие в ходе войны: недовольство на фронте и в тылу, «вражеская пропаганда», крах союзников и Людендорфа, крушение «национального единства». Несчастья, по мнению автора, обрушились на Германию со всех сторон, но главным было то, что «массы не хотели отчаянной борьбы, а стремились к миру любой ценой». В результате «старая система полностью рухнула. В момент, когда Германия должна была проявить свою величайшую внутреннюю силу и единство, она показала врагам полную слабость и разобщенность»¹²⁷. Эти суждения показывают, как недалеко отстояли друг от друга легенды о «дольхштосе» и «катастрофе».

Примечательно было и другое: как ни сокрушались либеральные историки по поводу падения монархии, сами они быстро перестроились. Вместе с политиками своего направления они, поняв необратимость перемен, стали тотчас изыскивать пути, как остановить революцию на ее первом этапе, не дать ей развиться дальше, «спасти, что еще можно». Двудиную задачу они видели в сохранении и укреплении руководящей позиции буржуазии, а также в решительном разгроме революционных сил. Важнейшим средством они считали солидарность с теми, кто оказался на гребне волны, — верхушкой правой социал-демократии и профсоюзов. Выше партийной конкуренции они поставили союз против революции. Эта идейно-политическая установка, поддерживаемая военной и высшей государственной бюрократией, предусматривала максимально возможное сохранение преемственности, *континуитета* между монархией и республикой. Несмотря на явные противоречия между идеей континуитета и концепцией «катастрофы», они в работах либеральных историков сочетались и уживались.

Переход на почву свершившихся фактов вызвал в некоторых буржуазных кругах уже в первые недели революции стремление создать вместо прежних политических партий некий «объединенный картель всей буржуазии». Когда Ф. Майнеке пригласили подписать это воззвание, он заявил, что не может «отрицать неустраняемого исторического факта», готов сделать необходимые выводы, но одобрить происшедшую революцию может лишь «с внутренней болью». Позднее он говорил: «По отношению к прошлому я остаюсь монархистом сердца, по отношению к будущему я стал республиканцем разума»¹²⁸. С известными модификациями подобная характеристика приложима к М. Веберу, Г. Дельбрюку, Э. Трёльчу и многим другим «республиканцам поневоле».

В сложившихся условиях, записывая Майнеке в начале декабря 1918 г. в своем дневнике, не остается иной позиции, кроме как

«всемерно укреплять позиции людей Эберта»¹²⁹. Исходя из подобных же соображений, М. Вебер еще с середины ноября участвовал в деятельности рабочего и солдатского Совета в Гейдельберге и одновременно писал: «Решающее сейчас — удастся ли подавить... Либкнехта. Если дело пойдет плохо, тогда надо будет, желаем ли мы того или нет, предоставить американцам установить порядок». Неделию спустя он утверждал даже, что «англосаксонское мировое господство является фактом и Германия должна руководствоваться этим в своей внешней политике»¹³⁰.

Испытывая острую ненависть к германским революционерам, либералы, не забывая о доказательствах, целиком идентифицировали их с русскими большевиками. Враждебно относились они и к тем массам рабочих и солдат, которые, не довольствуясь устранением монархии, требовали улучшения своего положения, выполнения данных социал-демократами обещаний, продолжения революции, осуществления социалистических преобразований. Либеральные историки, продолжая заявлять, что «национальная идея в своей современной форме требует социального примирения сограждан и не терпит раскола нации на два спорящих между собой народа», вместе с другими врагами революции запугивали немцев мнимой «угрозой большевизма». Майнеке писал в конце 1918 г.: «Если по всем линиям побеждает ужасный большевизм, то я вижу в этом страшный божий приговор над современной культурой и человечеством». А выступая в марте 1919 г. и имея в виду стачечную борьбу рабочих, он говорил: «Самоубийственное безумие, распространившееся среди нас и вспыхивающее то там, то тут, это безумие может разрушить и то, что у нас еще сохранилось»¹³¹. Э. Трёльч, профессор теологии и философии Берлинского университета, рассматривал жестокую расправу белогвардейских «добровольцев» Носке над берлинскими рабочими в январе 1919 г., убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург как «ужасный эпилог» необходимого, однако, «усмирения спартаковцев». Признавая «заслуги» Эберта, Шейдемана и Носке, он призывал к сплочению всех «здравомыслящих» и выражал надежду, что державы-победительницы не допустят превращения Германии в очаг полетарской революции¹³². Примерно то же писал и Г. Дельбрюк¹³³.

Доктор Э. Штайницер в брошюре «Буржуазия и революция» признал, что революция означала «кризис буржуазного руководства государством и экономикой». Как и М. Вебер, он призывал буржуазию проснуться и снова включиться в борьбу за политическую власть, хотя сделал «комплимент» социал-демократическому правительству: «Трудно представить себе чисто буржуазное правительство, которое в таких условиях осуществило бы меньше социализма»¹³⁴. В то же время доктор Я. Райхерт, видный руководитель сталепромышленников, восхвалял «солидарность» Стиннеса и других монополистов с деятелями профсоюзов, подписавших соглашение о «содружестве», которое противопоставило классовой борьбе «программу порядка» и «смягчило» ход революции...¹³⁵

Ф. Рункель в упомянутой книге, заявив — «будем служить республике так же самоотверженно, как монархии» — тоже призы-

вал буржуазию сотрудничать с социал-демократией. «Куда девалась гордость буржуазии? — писал он, сетуя, что она запаздывает.— Трусливо и разобщенно бежала она с арены революции вместо того, чтобы выступить самостоятельно и требовать своего места в новом государстве». Январские события в Берлине он связывал с «происками русских» и оправдывал кровавое подавление рабочих. С созывом Национального собрания, считал он, «революция закончилась»¹³⁶. В таком же духе и Э. Мейнке-Глюкерт осуждал революционных рабочих и их вождей, оправдывал даже убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург: «Развязанные ими дикие страсти обратились против них и принесли им гибель». Он объявил «очень удачным для правительства и его авторитета» энергичные действия Носке против Бремена. Национальное собрание, считал он, «поставило закон на место революции»¹³⁷.

Либеральные историки внесли свой вклад и в создание Веймарской конституции. М. Вебер и Ф. Майнеке наряду с юристом Г. Прейсом и политиком Ф. Науманом охотно включились в разработку проектов нового государственного устройства Германии. М. Вебер с самого начала предлагал сохранить в неприкосновенности независимый от парламента бюрократический государственный аппарат, настаивал на том, чтобы сильный президент-диктатор, вроде американского, был противопоставлен «всесилию парламента» и явился бы «палладиумом подлинной демократии» (!). Вместе в тем он доказывал, что расчленение Пруссии на самоуправляющиеся области, предложенное Прейсом, трудно и опасно, а капиталистическая экономика вполне может развиваться и в условиях федералистского государственного устройства¹³⁸. Отказ от радикальной территориальной перестройки был продиктован стремлением внушить поднявшемуся на революцию народу предостережение о «незыблемости устоев», заботой о сохранении преемственности («континуитета») всей системы и ее органов.

В этом же направлении высказался и Майнеке, который по просьбе статс-секретаря Зольфа представил проект основных принципов новой конституции. И он видел гарантию спасения устоев буржуазного государства в сохранении государственного аппарата: «Уже сейчас мы чувствуем, что наша оставшаяся в известной степени неприкосновенной государственная администрация может спасти нас от наихудшего хаоса». Он тоже не хотел суверенитета народного представительства — рейхстага, а искал ему противовес в избираемом прямым голосованием президенте, права которого должны быть даже шире, чем у американского: он должен иметь право досрочного роспуска парламента и назначения новых выборов.

«Нам нужна сильная центральная власть, — утверждал Майнеке, — которая может проводить твердый курс и противостоят партийным распрям... нам нужен „эрзацкайзер“: не французская или английская, а североамериканская конституция с ее сильным плебисцитарным президентом должна стать тем типом, которому нам следует подражать». Министры должны назначаться президентом

и быть лишь формально ответственными перед парламентом, так что президент был бы одновременно и главой правительства. Таким возможным диктатором Майнеке считал... Носке, которого сравнивал с Кромвелем. «Демократия и диктатура доверия,— писал он, — не взаимоисключающие противоречия...»¹³⁹ М. Вебер, хотя и не пошел так далеко, на следующих стадиях конституционных дебатов продолжал вместе с лидерами правых партий ратовать за «сильного президента». В результате, Веймарская конституция обеспечила ему достаточно сильные позиции, создав реальную возможность президентской диктатуры.

Аргументы Майнеке против любых форм «социализации» были примерно те же, что у Каутского и правых социал-демократов: разрушенное войной хозяйство нельзя подвергать опасности «экспериментов», а рабочий класс не созрел: большая часть его «охвачена диким и слепым эгоизмом. Его бессмысленные требования зарплат и безоглядные забастовки угрожают нам катастрофой»¹⁴⁰. Вместе с тем Майнеке, Дельбрюк и даже некоторые консервативные авторы настаивали на проведении социальных реформ, которые могли бы ослабить классовые конфликты. Правый историк О. Гётцш предлагал осуществить меры, способные, как ему представлялось, укрепить авторитет буржуазного государства: «Между большевизмом на Востоке и победоносным капитализмом западных держав Германия должна найти для себя, а потом и для всего мира такую новую форму органической экономики и экономической структуры, которая была бы связана с потребностями государства»¹⁴¹.

Либеральные историки много писали о возрождении национальной культуры, причем их взгляды о «национальном сознании» вполне вписывались в ту «национально-консервативную идеологию истории», которая в годы Веймарской республики все в большей мере обращалась против демократии¹⁴².

Так, родившиеся в ходе революции легенды либерального толка — о «национальной катастрофе» и «континуитете» — вместе с представлениями о необходимости ограничить демократию «эрзацкайзером» и другими диктаторскими мерами, сохранить сильную государственную бюрократию сливались с идеями национализма в ту систему буржуазной идеологии, которая в годы Веймарской республики не укрепляла, а, наоборот, ослабляла ее демократические устои, облегчала сдвиг общества вправо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 249.

² Kautsky K. Die soziale Revolution. Stuttgart, 1902; Каутский К. Социальная революция / Рус. пер. Н. Карпова [А. А. Санина]; под ред. Н. Ленина. Женева, 1903. С. 75—77, 88; Kautsky K. Der Weg zur Macht. Politische Betrachtungen über des Hineinwachsen in die Revolution. B., 1909. S. 5—6, 43, 96—97, 103—104.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 86—88, 163—165, 278—279, 327.

⁴ Ebert F. Schriften, Aufzeichnungen, Reden. Dresden, 1926. Bd. II. S. 75—76. См. об этом: Ноябрьская революция. С. 50.

- ⁵ Spartakusbrieft B, 1958 S 207
- ⁶ Spartakus im Kriege Die illegalen Flugblätter des Spartakusbundes im Kriege B, 1927 S 220—223
- ⁷ Ленин В И Полн собр соч Т 27 С 262, Т 37 С 97—98, 113
- ⁸ Ноябрьская революция в Германии Сб ст и материалов М, 1960 С 374—376
- ⁹ Там же С 376
- ¹⁰ Об истории письма см документальный очерк Драбкин Я С Соратницы в борьбе за великое дело (Из переписки Клары Цеткин и Розы Люксембург) // Новая и новейшая история 1976 № 3 С 75—81
- ¹¹ Luxemburg R Der Anfang // Gesammelte Werke B, 1974 Bd 4 S 397—400
- ¹² Liebknecht K Der neue Burgfrieden // Gesammelte Reden und Schriften B, 1968 Bd IX S 602
- ¹³ Liebknecht K Das, was ist // Ibid S 604
- ¹⁴ Известия ВЦИК 1918 12 нояб См также Владимир Ильич Ленин Биограф хроника М, 1975 Т 6 С 217
- ¹⁵ Luxemburg R Um den Vollzugsrat // Gesammelte Werke Bd 4 S 437
- ¹⁶ Liebknecht K Klarheit über Weg und Ziel // Gesammelte Reden und Schriften Bd 9 S 618
- ¹⁷ Luxemburg R Die Nationalversammlung // Gesammelte Werke Bd 4 S 409
- ¹⁸ Ibid S 409—410
- ¹⁹ Die Rote Fahne 1918 29 Nov См об этом Ноябрьская революция С 169—177
- ²⁰ Ленин В И Полн собр соч Т 37 С 456—457
- ²¹ Luxemburg R Die Wahlen zur Nationalversammlung // Gesammelte Werke Bd 4 S 474—475
- ²² Luxemburg R Gesammelte Briefe B, 1984 Bd 5 S 426
- ²³ Ленин В И Полн собр соч Т 39 С 161—162
- ²⁴ Ленин В И Полн собр соч Т 37 С 455
- ²⁵ Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30 Dezember 1918 — 1 Januar 1919) B, 1985 S 286—287
- ²⁶ Ibid S 290
- ²⁷ Ibid S 291—292
- ²⁸ Luxemburg R Die Ordnung herrscht in Berlin // Ibid S 535—536
- ²⁹ Liebknecht K Trotz alledem! // Ibid S 675—676
- ³⁰ Ленин В И Полн собр соч Т 37 С 460, Свердлов Я М Немецкий январь и русский июль // Новая и новейшая история 1957 № 5 См об этом Ноябрьская революция С 336—360
- ³¹ Ленин В И Полн собр соч Т 37 С 496—497
- ³² Die Rote Fahne 1919 3 Febr См об этом Становление республики С 76, 91, 96
- ³³ [Marchlewski J.] Die Sozialisierung des Bergbaues und der Generalstreik im rheinisch westfälischen Industriegebiet / Hrsg von der Neunerkommission für die Vorbereitung der Sozialisierung des Bergbaues Essen, [1919], Marchlewski (Karcki) J Das Räteresystem Essen, 1919 S 15 См также Мархлевский Ю Что будет с Германией? // Коммунистический Интернационал 1919 № 5
- ³⁴ Werner P Die Bayrische Räterepublik Tatsachen und Kritik Leipzig, 1919 (2 Ausg 1920) (Рус пер Вернер П Баварская Советская республика М, 1924)
- ³⁵ Levine E Ahasver, Rede vor Gericht u a B, 1919 S 46, (Рус пер Левинэ Е Речь перед судом, воспоминания, наброски М, 1927)
- ³⁶ Münzenberg W Von der Revolte zur Revolution Eine Antwort auf Kautsky's «Werturteilen der Revolution» B, 1919
- ³⁷ Laufenberg H Die Hamburger Revolution Hamburg, 1919
- ³⁸ Ludwig E Die Rolle der Arbeiterräte in der deutschen Revolution B, 1919
- ³⁹ Ludwig E An die Laterne Bilder aus der Revolution Charlottenburg, 1919 S 16—17, 24, 32 43—44
- ⁴⁰ Zetkin C Revolutionäre Kämpfe und revolutionäre Kämpfer 1919 // Ausgewählte Reden und Schriften B, 1960 Bd 2 S 162, 166, 168
- ⁴¹ Первый конгресс Коминтерна Март 1919 г М, 1933 С 11, 90
- ⁴² См об этом Международное рабочее движение Вопросы истории и теории М, 1980 Т 4 С 262

- 43 *Ленин В И* Полн собр соч Т 38 С 1
- 44 *Ленин В И* Полн собр соч Т 37 С 505
- 45 *Ленин В И* Полн собр соч Т 40 С 203
- 46 См Коммунистический Интернационал 1919 № 1 С 88, 142, № 2 С 263, № 3 С 318, № 9 С 1431 и др
- 47 Коммунистический Интернационал в документах М, 1933 С 148
- 48 *Struthahn A [Raede K]* Die Entwicklung der deutschen Revolution und die Aufgaben der Kommunistischen Partei Stuttgart, 1919 S 15, 17
- 49 *Kautsky K* Sozialdemokratische Gedanken zur Übergangswirtschaft B, 1918, *Idem* Die Diktatur des Proletariats Wien, 1918
- 50 *Kautsky K* Sozialdemokratische Gedanken S 164—166
- 51 *Kautsky K* Die Diktatur des Proletariats S 26—27
- 52 Spartakusbriege S, 414, 417
- 53 *Zetkin C* Ausgewählte Reden und Schriften Bd 2 S 39
- 54 *Ленин В И* Полн собр соч Т 37 С 302—303
- 55 *Kautsky K* Demokratie oder Diktatur? Berlin, 1919 S 8
- 56 *Kautsky K* Nationalversammlung und Räteversammlung // Die Freiheit 1918 5 Dez (Morgenausgabe), 6 Dez (Morgenausgabe)
- 57 Die Freiheit 1918 17 Nov (Morgenausgabe)
- 58 *Kautsky K* Das Weitertreiben der Revolution // Die Freiheit 1918 29 Dez (Morgenausgabe)
- 59 *Liebknecht K* Was will der Spartakusbund? // Gesammelte Reden und Schriften Bd IX S 655 657
- 60 *Helferding R* Revolutionäres Vertrauen // Die Freiheit 1918 18 Nov (Morgenausgabe)
- 61 *Helferding R* Ausbau des Räte systems // Die Freiheit 1919 5 Febr (Morgenausgabe), *Idem* Die Eingung des Proletariats // Die Freiheit 1919 9 Febr (Abendausgabe)
- 62 «An das revolutionäre Proletariat Deutschlands» // Die Freiheit 1919 11 Febr (Morgenausgabe)
- 63 Die Rote Fahne 1919 14 Febr
- 64 Die Rote Fahne 1919 24 Febr
- 65 *Ленин В И* Полн собр соч Т 37 С 502, 505, Т 38 С 136, 309
- 66 *Kautsky K* Die Wurzeln der Wilson Politik B, 1919
- 67 Die deutsche Arbeiterrevolution Gedenkschrift über den Verlauf des ersten Revolutionsjahres 1918/1919 B, 1919
- 68 *Barth E* Aus der Werkstatt der Revolution B, 1919, (Рус пер *Барт Э* В ма стерской германской революции М, 1920)
- 69 *Ibid* S 4
- 70 *Ibid* S 127
- 71 *Popp L, Artelt K* Ursprung und Entwicklung der Novemberrevolution Kiel, 1918
- 72 *Däumig E* Der erste Akt der deutschen Revolution B, 1919, *Idem* Das Räte system B, 1919, *Idem* Der Aufbau Deutschlands und das Räte system B, 1919
- 73 *Müller R* Was die Arbeiterräte wollen und sollen B, 1919
- 74 *Eichhorn E* Über die Januarereignisse B, 1919
- 75 Der Ledebour Prozess Gesamtdarstellung des Prozesses B, 1919
- 76 Aktionsprogramm der SPD//Vorwärts 1918 23 Mai
- 77 См об этом Становление республики С 43—44
- 78 *Küttner E* Die deutsche Revolution Des Volkes Sieg und Zukunft B, 1918 S 5, 11, 16, *Idem* Von Kiel bis Berlin B, 1918
- 79 Vorwärts 1918 29 Nov
- 80 *Lensch P* Am Ausgang der deutschen Sozialdemokratie B 1919
- 81 *Noske G* Von Kiel bis Kapp Zur Geschichte der deutschen Revolution B, 1920 S 7—8
- 82 *Ibid* S 55
- 83 *Stampfer F* Der 9 November B 1919
- 84 *Ibid* S 6, 14, 17
- 85 *Ibid* S 27—29, 31
- 86 *Ibid* S 38
- 87 *Stampfer F* Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus B 1919 S 3 5, 19 32

- 88 См.: *Petzold J.* Die Dolchstoßlegende. B., 1963. S. 31—33.
- 89 *Ibid.* S. 40—41; *Meinecke F.* Straßburg/Freiburg/Berlin, 1901—1919: Erinnerungen. Stuttgart, 1949. S. 254.
- 90 *Ebert F.* Schriften, Aufzeichnungen, Reden. Bd. 1. S. 128. См. также: *Könemann E.* Der Truppeneinmarsch am 10. Dezember 1918 in Berlin: Neue Dokumente zur Novemberrevolution // *ZfG.* 1968. H. 12. S. 1597—1598, 1602.
- 91 См.: *Ноябрьская революция.* С. 382.
- 92 См.: *Petzold J.* *Op. cit.* S. 43.
- 93 Verhandlungen der Verfassunggebenden deutschen Nationalversammlung: Stenographische Berichte. B., s. a. Bd. 326. S. 153, 157, 208.
- 94 *Ibid.* S. 46; *Застенкер Н.* Веймарские мифы о причинах поражения Германии в войне 1914—1918 гг. // *Вопр. истории.* 1945. № 2. С. 127.
- 95 Цит. по: *Petzold J.* *Op. cit.* S. 50, 58.
- 96 *Bauer M.* Konnten wir den Krieg vermeiden, gewinnen, abbrechen? B., 1918. S. 62, 65—68.
- 97 *Bauer M.* Der Irrwahn des Verständigungs-Friedens. B., 1919. S. 3—4, 35, 57, 61. Vorgeschichte des Waffenstillstandes. B., 1919.
- 98 *Ludendorff E.* Meine Kriegserinnerungen, 1914—1918. B., 1919.
- 99 *Ludendorff E.* Entgegnung auf das amtliche Weißbuch. B., 1919. H. 1—3.
- 100 *Ludendorff E.* Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit, 1916/18. B., 1920. S. 581.
- 101 Stenographische Berichte über die öffentlichen Verhandlungen des Untersuchungsausschusses der Verfassunggebenden deutschen Nationalversammlung, 15. Ausschuß. B., 1919. S. 701.
- 102 *Petzold J.* *Op. cit.* S. 26—27.
- 103 *Below G.* Die Stellung der Hochschullehrer zu den Kriegsfragen // *Deutschlands Erneuerung.* B., 1918. H. 12. S. 812.
- 104 *Schäfer P.* Wie wurden wir ein Volk?: Wie können wir es bleiben? München, 1919. S. 65—78. См. также: *Thiessenhusen K.* Politische Kommentare deutscher Historiker zur Revolution und Neuordnung 1918/19 // *Aus Politik und Zeitgeschichte.* B., 1969. S. 11—12, 25, 30.
- 105 *Jenni E. G.* Errungenschaften der Revolution. B., 1919. S. 5—7.
- 106 *Ibid.* S. 10—11, 13—14, 16—19.
- 107 *Ibid.* S. 20—21, 24.
- 108 *Ibid.* S. 26, 28, 33—35, 51—52, 67, 70—74.
- 109 Die Rote Fahne. 1918. 14. Dez.
- 110 «Revolutionäre Streiffragen»; «Revolutionsflugschriften»; «Sammlung von Quellen zum Studium des Bolschewismus»; «Beiträge zu den Problemen der Zeit» u. a. Generalsekretariat zum Studium und zur Bekämpfung des Bolschewismus. Schriftenreihe: «Antibolschewistische Correspondenz» (ABC). B., 1918—1919.
- 111 *Stadtler E.* Bolschewismus. Vorträge. B., 1919. S. 33.
- 112 *Delbrück H.* Krieg und Politik. B., 1918. Bd. 3. S. 207.
- 113 См.: *Petzold J.* *Op. cit.* S. 86.
- 114 *Meinecke F.* Die Revolution, Ursachen und Tatsachen // *Handbuch des deutschen Staatsrechts.* Tübingen, 1930. Bd. 1. S. 111.; *Idem.* Nach der Revolution. Geschichtliche Betrachtungen über unsere Lage. München; Berlin, 1919. S. 113.
- 115 *Weber M.* Gesammelte politische Schriften. München, 1921. S. 341. См. также: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik 1890—1920. Tübingen, 1959.
- 116 *Meinecke F.* Straßburg / Freiburg / Berlin, 1901—1919: Erinnerungen. Stuttgart, 1949. S. 266.
- 117 *Ibid.* S. 168—169, 266. См. также: *Delbrück H.* *Op. cit.* S. 184, 202; *Oncken H.* Über die Zusammenhänge zwischen äußerer und innerer Politik. Leipzig; Dresden, 1919. S. 5.
- 118 *Meinecke F.* Nach der Revolution. S. 64—66.
- 119 *Ibid.* S. 9, 35—37, 44, 59—60; *Idem.* Straßburg / Freiburg / Berlin. S. 150, 155.
- 120 *Meinecke F.* Nach der Revolution. S. 9, 11, 42—43, 59—60.
- 121 *Delbrück H.* *Op. cit.* S. 224.
- 122 *Bergsträsser L.* Akademische Jugend und bolschewistische Politik // *Deutschlands Wiederaufbau.* B., 1919. H. 1. См. также: *Thiessenhusen K.* *Op. cit.* S. 37
- 123 *Thiessenhusen K.* *Op. cit.* S. 35.

- ¹²⁶ *Runkel F.* Die deutsche Revolution bis zum Zusammentreten der Nationalversammlung: Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Leipzig, 1919. S. V, 32, 72.
- ¹²⁷ *Menke-Glückert E.* Die Novemberrevolution 1918: Ihre Entstehung und ihre Entwicklung bis zur Nationalversammlung. Leipzig, 1919. S. 9—10, 34, 36.
- ¹²⁸ *Meinecke F.* Politische Schriften und Reden. München, 1958. Bd. II. S. 281—283.
- ¹²⁹ *Ibid.* S. 275. *Idem.* Nach der Revolution. S. 121.
- ¹³⁰ *Weber M.* Gesammelte politische Schriften. München, 1921. S. 482—483.
- ¹³¹ *Meinecke F.* Nach der Revolution. S. 42, 59—60; *Idem.* Straßburg / Freiburg / Berlin. S. 168, 275—276.
- ¹³² *Troeltsch E.* Spektator-Briefe. Aufsätze über die deutsche Revolution und die Weltpolitik 1918/22. Tübingen, 1924. S. 13—19.
- ¹³³ *Delbrück H.* Op. cit. S. 221.
- ¹³⁴ *Steinitzer E.* Bürgertum und Revolution. B., 1919. S. 13, 15—17.
- ¹³⁵ *Reichert J.* Entstehung, Bedeutung und Ziel der «Arbeitsgemeinschaft». B., 1919. S. 21—24; *Idem.* Die Arbeitsgemeinschaft der industriellen und gewerblichen Arbeitgeber und Arbeitnehmer Deutschlands ein Faktor unserer Wirtschaftspolitik. B., 1919. S. 16.
- ¹³⁶ *Runkel F.* Op. cit. S. VI, 158, 203, 232.
- ¹³⁷ *Menke-Glückert E.* Op. cit. S. 134, 147.
- ¹³⁸ *Weber M.* Op. cit. S. 354—357, 390—392.
- ¹³⁹ *Meinecke F.* Straßburg / Freiburg / Berlin. S. 258—259; *Idem.* Politische Schriften... S. 290—292, 304—307; *Idem.* Nach der Revolution. S. 121.
- ¹⁴⁰ *Meinecke F.* Nach der Revolution. S. 43; *Idem.* Politische Schriften... S. 297, 306.
- ¹⁴¹ Цит. по: *Thiessenhusen K.* Op. cit. S. 46.
- ¹⁴² С.м.: *Ibid.* S. 50.

Глава вторая

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА: РЕАЛЬНОСТИ И ИЛЛЮЗИИ

В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ

В обстановке, очерченной суровыми реалиями Версальского мира и расплывчатыми контурами Веймарской конституции, в разных группах участников и свидетелей Ноябрьской революции события, связанные с военным поражением, столкновениями сил революции и контрреволюции, продолжали обсуждаться в основном в рамках ранее сложившихся представлений.

Коммунисты считали поражение пролетариата не окончательным и надеялись, что новый подъем революционной волны сметет непрочное строение буржуазной республики, возникшее на пути к радикальному обновлению. Клара Цеткин выражала в начале 1920 г. надежду, что у германских рабочих сложилась революционная традиция и они не прекратят борьбы¹. Вильгельм Пик над свежей могилой 42 рабочих — участников демонстрации перед рейхстагом, требовавших прав для производственных Советов, напоминал о погибших год назад революционных вождях: «Идите на фабрики и шахты, разбудите вялых, распространяйте учение наших великих руководителей... Мы стоим уже на пороге нового мира. Нужно взорвать дверь, отделяющую нас от него»².

Хотя новый подъем не начался, германские рабочие не намерены были поступиться тем, что ценой большой крови завоевали в ходе тяжелых революционных боев. Это проявилось в марте 1920 г. когда реакционно-монархические путчисты Каппа—Лютвица попытались силой захватить власть в стране. Рабочие ответили массовой забастовкой, какой не знала Германия: в ней участвовали 12 миллионов человек, а в Руре сформировалась 100-тысячная Красная армия, разбившая мятежников. Но когда бежавшие было президент Эберт и рейхсканцлер Бауэр вернулись в столицу, они, вместо того чтобы наказать путчистов, снова стали преследовать революционеров. Реакционные террористы, почувствовав безнаказанность, стреляли в Ф. Шейдемана, убили буржуазно-республиканских деятелей М. Эрцбергера, В. Ратенау.

Правые неустанно внушали народу, что источником «всех бед, нужды и лишений» немецкого народа был «несчастный и достойный проклятья государственный переворот 9 ноября» 1918 г. Так говорилось в одной из изданных Народной партией анонимных брошюр, озаглавленной «Кто сделал революцию?»³. «Вина» за нее возлагалась на социал-демократов и бур-

жуазных республиканцев. Новейшим подтверждением их ответственности были объявлены слова из воззвания Эберта, Бауэра и Носке против мятежников Каппа: «Мы не для того совершили революцию, чтобы снова признать старый режим» *.

Военачальники и политики в размышлениях и мемуарах продолжали перекладывать ответственность за военное поражение Германии на других. Эрих Людендорф издавал документы и писал памфлеты⁴. Пауль фон Гинденбург опубликовал воспоминания «Из моей жизни», в которых писал: «Революция стояла у дверей. Необходимо было сделать выбор между диктатурой и гибкой политикой. Парламентское правительство казалось лучшим средством защиты». Окончание войны Гинденбург сравнил с убийством легендарного героя Зигфрида из «Кольца Нибелунгов» коварным Хагеном⁵. Кайзер Вильгельм II и кронпринц Вильгельм осчастливили немцев своими воспоминаниями⁶. Генерал Макс Гофман назвал свою книгу «Война упущенных возможностей»⁷. Адольф Ниман выпустил книжку «Кайзер и революция»⁸. Полковник Макс Бауэр продолжал атаковать своих идейных противников — Шейдемана, Дельбрюка⁹.

Наряду с грубыми выпадами авторов «легенды о дольхшто-се» в правом лагере появились и некоторые новые веяния. Известный философ и культуролог Освальд Шпенглер в своей на-шумевшей книге «Закат Европы»¹⁰, отвергая идею прогрессивной эволюции, нарисовал яркую картину рождения и гибели на протяжении истории восьми независимых, автономных культур. Последняя, еще живая западноевропейская культура, которую он назвал «фаустовской», выродилась в цивилизацию, для которой характерны техницизм, милитаризм, бюрократия. В работе «Пруссачество и социализм» Шпенглер в резкой полемике с марксизмом и в противовес ему выдвинул идею соединения «пруссачества» с «социализмом». Немецкий социализм он изображал как нечто заложенное в крови народа и связанное с прусской традицией. «Старопрусский дух,— писал он,— и социалистические взгляды, которые ныне ненавидят друг друга, как могут ненавидеть только братья, на самом деле одно и то же. Этому учит не литература, а суровая действительность истории, в которой через пустые идеалы, фразы, и умозаключения перешагивают кровь, раса, мысль, взращенная никогда не высказанными идеями и превратившаяся в слитое движение души и тела»¹¹.

Шпенглер утверждал, что до него никто не понял ни пути германской революции, ни ее смысла, ни того, куда она привела страну. «Капитализм» и «социализм» он объявил пустыми лозунгами. Как и другие консерваторы, он отнес начало революции к «мирной резолюции», принятой рейхстагом 19 июля 1917 г., считая прямым ее следствием «восстание марксистского пролетариата в ноябре 1918 г.» — только поле действия было перенесено

* В воззвании последние слова звучали даже резче: «...чтобы ныне снова подчиниться кровавому режиму ландскнехтов».

из зала заседаний на улицу: на нее вырвались «читатели радикальной прессы». Они прикрывались мятежом «тыловой армии». Более умные вожди, которые лишь наполовину верили в успех выступления, их покинули. «За революцией глупости,— писал Шпенглер,— последовала революция подлости. В дело вступил не народ, даже не социалистически обученная масса, а сброд во главе с подонками от литературы... То было самое бессмысленное действие германской истории...»¹²

Разделавшись в таком изысканно философском стиле с народным движением, издеваясь над беспримерным, неопикуемым «уродством ноябрьских дней», Шпенглер объявил английскую революцию XVII в. «достойной», французскую XVIII в.— «грандиозной», германскую же — «смешной». Веймарская республика была, по его мнению, потому осуждена народом, что породившая ее революция «выдала страну врагу». Самым худшим из марксистских понятий он считал «коммунизм», ибо тот посягает на собственность, а значит, и на власть. Россию он не принимал в расчет, как находящуюся вне европейской культуры и идущую своим путем... к Византии.

Западная цивилизация, считал Шпенглер, обречена. Истинная «германская социалистическая революция» — это революция «всего народа, *один* вскрик, *одна* железная хватка, *одна* ярость, *одна* цель». Такая революция уже «произошла в 1914 г. Она совершилась в законных и военных формах. Она, не понятая посредственностью, медленно преодолет отвратительные результаты 1918 г. и станет фактором прогрессивного развития...»¹³. Спасение Германии лишь в одном: германские рабочие должны отвернуться от марксизма, соединиться с носителями старопрусской государственной идеи и вместе создать «строго социалистическое государство»¹⁴. В этом «провидении» реакционного философа было некое предвосхищение гитлеровского «национал-социализма» и новой мировой войны. Так оно и было воспринято современниками, хотя впоследствии Шпенглер разошелся с нацистами.

В ином плане сравнивал германскую революцию с Великой Французской профессор психологии Альфред Гохе в книге «Французская и германская революции»¹⁵. Он вспомнил, что в школе, где учился, ученики должны были на вопрос «Что такое революция?» отвечать хором: «Революция — это разбой и убийство». Сам же он считал решающим признаком революции не насилие, а «незаконность пути и средств», быстроту событий, объем и направление действий. Обратившись к германской революции, он заключил, что она в отличие от французской не имела «достаточных причин». Германия была «втянута» в войну, находясь на вершине своего военного и политического могущества, она добилась поразительных успехов и была накануне победы, как вдруг «за несколько дней или даже часов произошел почти полный, практически столь глубокий распад военного организма, что Германия оказалась поверженной на землю, полностью обезоруженной и вынужденной терпеть ампутацию своих членов и вырывание своих

внутренностей. В тот же день, когда происходит распад армии, тоже в течение часов, рушится все государство; кайзер отрекается и бежит за границу, князья покидают свои троны, Германия без применения насилия превращается в республику...»¹⁶.

Нарисовав такую трагическую, но поверхностную картину событий, Гохе утверждал, что революция — следствие военного крушения, однако «революционное настроение» нельзя объяснить только внутренними обстоятельствами: пагубно повлияли «интернационализм» и «русский большевизм». Революция, по его мнению, не была необходимостью, и он объявил демагогией слова о «рабстве рабочих» и о «цепях», которые нужно было порвать: следствия, считал он, не соответствовали мотивам. В подтверждение автор пересказал... басню о медведе и пустынноике. А вывод гласил: виновна в революции социал-демократия, которая-де сочла момент подходящим для достижения собственных целей...¹⁷

Подобные профессорские рассуждения, прикрытые флером мнимой учености, были не столь прямолинейны, как высказывания прусских солдафонов, но били они в одну и ту же точку, преследуя цель дискредитации как революции, так и ее участников или недостаточно энергичных противников.

Как же отвечали на нападки те, кого обвиняли и в военном поражении Германии, и в свержении монархии, а сверх того, и в ответственности за тяжелый Версальский мир?

Социал-демократы, начиная с правых независимцев, прилагали все усилия, чтобы рассеять впечатление, будто они всерьез желали революции, содействовали революционизации армии и ослаблению ее боеспособности. Так, Генрих Штрёбель в книгах «Германская революция. Ее несчастье и ее спасение» и «Социализация, ее пути и предпосылки»¹⁸, насыщенных фактами и деталями, проводил мысль о том, что Германия не созрела для радикальных преобразований, к которым призывали лишь «утописты» и «путчисты». Он восхвалял мудрость тех социал-демократов, которые «спасли» страну от неподготовленных «экспериментов», удержали ее в рамках парламентской демократии и вовсе не заслужили обвинения, будто бы они не патриоты своей страны.

Эдуард Бернштейн в книге «Германская революция. Ее происхождение, ход и дело», заметив, что вокруг событий уже «сплетен целый венок легенд», сам стал на путь их приумножения. Назвав виновниками военного поражения Вильгельма II, Людендорфа, Тирпица и некоторых других военных деятелей, он даже не упомянул промышленников и банкиров, выдвинувших программы захватов. Социал-демократов он представил спасителями Германии в роковой для страны час¹⁹.

Выступая в роли «примирителя» правых социал-демократов и независимцев, Бернштейн с тем большей яростью обрушился на революционеров, обвинив их в намерении навязать Германии «большевистскую систему». О первом дне революции в Берлине, когда Карл Либкнехт потребовал передачи всей исполнительной,

законодательной и юридической власти рабочим и солдатским Советам, Бернштейн написал: «В моей голове будто молния сверкнула: „Он принесет нам контрреволюцию“». Навязывая читателю мысль, будто действия революционеров были причиной ответных акций контрреволюционеров, а не наоборот, Бернштейн изобразил январские бои берлинских рабочих 1919 г. не как спровоцированное преждевременное выступление, а как «попытку насилия, подавить которую насильственными средствами было не только правом, но и обязанностью правительства»²⁰.

Отсюда оставался лишь один шаг к оправданию злодейского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург. И действительно, Бернштейн засвидетельствовал, как очевидец, что правительство-де было этим известием «смущено и даже потрясено». На столь шатком основании он построил утверждение о несостоятельности обвинения, что «правительство или кто-либо из его членов хотя бы словом побуждали к убийству или покровительствовали убийцам». Возмущение Ромена Роллана* он пытался парировать заявлением, что тому неправильно «подказали», хотя сам вынужден был признать: передача расследования военным властям была «политической ошибкой» (но «не моральной», добавил он) Бернштейн не постеснялся возложить ответственность... на самого Либкнехта, приписав ему для убедительности даже «манию величия». Расшаркиваясь перед памятью Розы Люксембург, которую назвал «самоотверженным борцом за идею», Бернштейн и ей приписал «ложную оценку возможностей», которая привела ее «в лагерь иллюзионистов политики насилия»²¹.

Имитируя подобную «беспристрастность», Бернштейн в ряде мест книги старался изобразить себя другом рабочих и солдатских Советов. Так, он писал, что сведения о растрате ими миллионов «преувеличены», ибо речь шла лишь о «нескольких сотнях тысяч марок». Забыв, как только что оправдывал военный разгром Советов карателями Носке, Бернштейн признал: Советы были «в общем полезны». Под предлогом, что экономическое положение поверженной Германии делало невозможным немедленное осуществление «полного социалистического общественного строя», он объявил правомерными все без исключения действия правых социал-демократических лидеров: не только сохранение в неприкосновенности всех позиций монополистов и юнкеров, но также и коалицию социал-демократии с буржуазными партиями в правительстве Веймарской республики. «Даже если бы социал-демократия,— гласил его вывод,— на выборах в Национальное собрание завоевала численное большинство, включение буржуазно-республиканских партий в правительство было бы требованием самосохранения республики. Оно было одновременно и жизненной необходимостью для Германии как нации. Так исход выборов в Национальное собрание наложил печать политической необхо-

* Ромен Роллан опубликовал в «l'Humanité» в феврале 1919 г. серию гневных статей о «кровавом январе», убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург.

димости, вытекающей из социальной структуры Германии, и явственно завершил тем самым первый период германской революции»²².

Вышедшие вскоре мемуары Филиппа Шейдемана продолжили самовосхваление социал-демократической политики в годы войны и революции. Одной из их важных задач было обоснование утверждения: партия и ее руководство были ничуть не меньше, чем буржуазные деятели и военщина, озабочены тем, чтобы Германия одержала победу в мировой войне. Так, Шейдеман доказывал непричастность партийных лидеров к январской забастовке 1918 г., их стремление прекратить ее и ослабить последствия, пагубные для военного производства. Поворот к выступлению за «мир на основе соглашения» он изображал как желание предотвратить военное поражение и одновременно продвинуться по пути к парламентаризации монархического режима. Всю ответственность за революционные события Шейдеман возлагал, с одной стороны, на тех военных руководителей, «кто вопреки всем предупреждениям упорствовал в слепоте во внешней и внутренней политике до тех пор, пока не стало слишком поздно». В этом смысле, писал он, «9 ноября было логическим результатом проигранной войны и отращения народа к тем, кто ее затягивал». С другой стороны, вину за то, что события приобрели немирный характер, Шейдеман возложил на революционеров. Повторяя фальшивые утверждения о «спартаковском восстании», Шейдеман не только оправдывал карателей Носке, но и кощунственно заявил на митинге в Касселе, что Карл Либкнехт и Роза Люксембург «пали жертвой своей собственной кровожадной тактики»²³.

Назвав свою книгу «Крушение» и рассматривая одну за другой ошибки политики, приведшей к военному поражению, Шейдеман превозносил свой отказ подписать летом 1919 г. Версальский мирный договор. Его не смущало то, что он оказывался при этом в компании тех самых милитаристов, которые видели в нем едва ли не главного виновника военного поражения Германии. Однако даже демонстративное заявление — «пусть отсохнет рука того, кто подпишет этот мир», — не снискало ему желанного признания правых. Обиженный этим, Шейдеман опубликовал памфлет «Сверх-Людендорф»²⁴.

Озабочен самооправданием был и деятель партии Центра Маттиас Эрцбергер, которому пришлось 11 ноября 1918 г. подписать военное перемирие в Компьене, за что он подвергся вскоре жестоким нападкам как военщины, так и промышленных кругов. В книге «Пережитое в мировой войне» приведено немало данных о поведении в годы войны различных деятелей. Ярko проявился в мемуарах панический страх перед социальной революцией, побудивший Эрцбергера искать соглашения с Антантой, предлагая совместные военные акции против Советской России. Так, при продлении перемирия Эрцбергер использовал для смягчения его условий и такой прием: «Затем я отправился в 11 часов к маршалу Фошу на вокзал, где рассказал про только что получен-

ное сообщение об убийстве Либкнехта и Розы Люксембург; известие произвело на всех присутствовавших глубокое впечатление. Я сразу же объявил, что выдача сельскохозяйственных машин к 1 марта 1919 г. невозможна...»²⁵.

Эрцбергер действовал подобным же образом и во время следующего продления перемирия. Так, он обратился к маршалу Фошу с личным письмом, напомнив ему, что «Бисмарк в 1871 г. по просьбе Жюля Фавра доставил голодающему Парижу имеющееся у него продовольствие из немецких запасов, что ныне отчаяние постепенно овладевает всем немецким народом. Отчаяние — мать большевизма, а большевизм — это телесное и душевное заболевание на почве голода. Лучшее лекарство — хлеб и право. Мы много раз просили мира, но все еще не получили его...»²⁶. Таким способом Эрцбергеру удалось выторговать некоторые уступки, однако он не сумел все же добиться похвалы со стороны правых националистических кругов и магнатов капитала. Его продолжали травить и за политику «мира по соглашению», и за то, что он в решающий период переговоров в Версале выступил за подписание мира. Вскоре он поплатился жизнью, убитый правым террористом из организации «Консул».

В эти годы появились и другие сочинения участников событий, в которых тенденциозно освещались те или иные их стороны. Социал-демократ Август Винниг, представитель правительства в Прибалтике, описывал в книге «У исхода германской восточной политики»²⁷ «славные» действия немецких войск, участвовавших в подавлении революционного народа, установлении и поддержании здесь жестокого оккупационного режима до известной поры при содействии британского военно-морского флота. Помощник военного команданта Берлина Антон Фишер подробно изложил социал-демократическую версию классовых битв в столице в конце 1918 и весной 1919 г.²⁸ Деятельность правых социал-демократов в Вюртемберге и прежде всего в Штутгарте воспроизведена в воспоминаниях политика и историка Вильгельма Блоса «От монархии к народному государству»²⁹ и офицера Пауля Гана³⁰. Вице-канцлер в кабинете Макса Баденского, деятель буржуазной партии прогрессистов Фридрих Пайер в книге «От Бетман-Гольвега до Эберта» рассказал о коллизиях в верхнем эшелоне власти в последние годы войны³¹.

Иную сторону событий осветил в книге «От армии кайзера к рейхсверу» генерал-майор Георг Меркер, командир ландбегерского корпуса, правая рука Носке при вооруженных расправах с революционными рабочими в столице и других частях Германии. На многих страницах раскрыты подробности «сотрудничества» монархических офицеров с правыми лидерами социал-демократии.

Своим солдатам Меркер в декабре 1918 г. разъяснял: «Правительство рейхсканцлера Эберта... сейчас в трудном положении, ибо не имеет никаких средств власти... Они нужны ему для борьбы на границах и внутри страны. На Востоке стоят большевики России, стоят поляки и чехи... Но прежде всего угрожают правитель-

ству Эберта группа спартаковцев, Либкнехт и Роза Люксембург... Тут-то мы и хотим вмешаться, как для защиты германских границ, так и для того, чтобы обеспечить внутри страны спокойствие и порядок...» Войска Меркера принесли присягу «временному правительству рейхсканцлера (!) Эберта». Генерал, совершивший кровавый карательный поход по прусской Саксонии, Тюрингии, Брауншвейгу, не скрывал, какой «порядок» он насаждал. «В борьбе правительства против леворадикалов,— писал он,— речь шла исключительно о сохранении политической власти. Ради этой чисто политической цели были использованы войска — как средство власти»³².

Гораздо меньше внимания, чем перипетиям внутренней и внешней политики, уделялось в то время вопросам социально-экономической структуры, процессам ее перестройки в годы войны и революции. Лишь в некоторых работах приоткрывалась завеса над формированием военно-государственных экономических организаций, в которых В. И. Ленин еще в 1917 г. увидел проявления перерастания «монополистического капитализма в государственного монополистического». То, что правые социал-демократы называют «военным социализмом»,— это на деле, подчеркивал он, «военно-государственный монополистический капитализм, или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»³³. В апологетическом плане об этих организациях впервые рассказал инициатор создания Отдела военного сырья при прусском военном министерстве президент «Всеобщей компании электричества» Вальтер Ратенау в брошюрах «Обеспечение Германии сырьем», «После потопа» и др.³⁴. Отдел этот, первоначально регламентировавший распределение дефицитного сырья, стал вскоре размещать и правительственные заказы, превратился в руководящий орган военной экономики. В нем были представлены крупнейшие капиталистические монополии, объединившиеся в «военные общества». В Военно-промышленный комитет входили представители правительства и организаций промышленников, а созданное вскоре Военно-продовольственное ведомство стало органом крупных аграриев.

Экономическое положение Германии, особенно к исходу войны, обстоятельно проанализировал с привлечением большого статистического материала Артур Дикс в книге «Экономическая война и военная экономика»³⁵. Деятельности германских союзов промышленников посвятил книгу Отто Лейброк, всемерно превозносивший их заслуги, особенно в момент революции. Соглашения союзов монополистов с лидерами профсоюзов о «деловом сотрудничестве» он характеризовал как «мощный бастион, противостоявший всем попыткам насильственного свержения нашего (т. е. капиталистического.— Я. Д.) общественного строя»³⁶. Об острых спорах относительно путей перевода военной экономики на мирные рельсы можно было узнать лишь из брошюр министра экономики Рудольфа Висселя и некоторых других³⁷. Содержательная статья руководителя ведомства хозяйственной демобилизации И. Кёта,

опубликованная в 1921 г.³⁸, в то время не привлекла к себе внимания историков.

Началась публикация документальных материалов. Некоторые документы включались в текст (или помещались в приложения) издаваемых книг. Об интересе общественности к документации свидетельствовало появление специальных сборников выдержек из прессы и других материалов, позволявших читателю сопоставить различные мнения и позиции. Так, руководитель архива СДПГ Эрнст Дран вместе с Сусанной Леонгардт выпустил обширный сборник нелегальной революционной литературы, прежде всего листовок, распространявшихся в Германии в годы мировой войны³⁹. Эрхард Бухман издал большой том «Революционных документов», озаглавленный им «Под знаком красного флага», в котором собраны выдержки из газет разных направлений⁴⁰. Подборки материалов прессы и других содержали также выпуски «Германского исторического календаря», издававшегося Фридрихом Пурлицем, особенно специальные дополнительные тома: «Германская революция» и «Германская имперская конституция»⁴¹.

ОБОСТРЕНИЕ СПОРОВ О «ДОЛЬХШТОСЕ»

1923 год был тяжелым для германского народа. Начался он с того, что Франция, недовольная задержкой репарационных платежей, вместе с Бельгией ввела войска в Рурскую область и оккупировала ее. Провозглашенное правительством Куно пассивное сопротивление только увеличило трудности. К исходу лета инфляция достигла чудовищных размеров: за одну золотую марку давали более 1 миллиона бумажных. Безработица, спекуляция, банкротства доводили население до отчаяния. Этим пыталась воспользоваться возникшая в Мюнхене гитлеровская фашистская партия, именовавшая себя «национал-социалистской». Разжигая шовинистические настроения, увлекая социальной демагогией прежде всего мелкобуржуазные слои, фашисты в то же время создавали террористические отряды, враждебные организованному рабочему движению.

В июле по инициативе коммунистов по всей Германии был проведен антифашистский день. А 12 августа всеобщая забастовка вынудила Куно уйти в отставку. Однако пришедшее к власти правительство широкой коалиции во главе с Штреземаном капитулировало перед французами и сосредоточило усилия на борьбе против трудящихся. Президент Эберт ввел в стране чрезвычайное положение, вручил власть командующему рейхсвером генералу Секту. Призыв коммунистов к всеобщей забастовке, начавшаяся в Гамбурге вооруженная борьба, во главе которой встал Эрнст Тельман, не привели к успеху. Восстание было подавлено, левые социал-демократические правительства в Саксонии и Тюрингии, в которых участвовали коммунисты, разогнаны войсками.

9 ноября 1923 г., как раз в пятилетнюю годовщину Ноябрьской революции, Гитлер провозгласил в Мюнхене начало «национальной революции» и «марша на Берлин». Но вооруженная демонстрация фашистов, приведшая к кровавым столкновениям, была разогнана полицией, а инициаторы «пивного путча» Гитлер и Людендорф арестованы. За время недолгого пребывания в крепости Гитлер сочинил книгу «Майн кампф», в которой объяснил свое решение стать политиком тяжелыми впечатлениями от Ноябрьской революции и «дольхштоса марксистов». В ряд с Людендорфом встал «барабанщик нации», объявивший решительную войну «ноябрьским преступникам». Это придало сторонникам легенды новую энергию.

Еще в 1922 г. близкий к Гитлеру фашистский агитатор Э. Гансер встретил президента Эберта, приехавшего в Мюнхен, на вокзальной площади громким возгласом «изменник родины». Привлеченный к суду за публичное оскорбление Гансер полностью в духе «легенды о дольхштосе» утверждал, что Эберт виновен в измене родине, ибо участвовал в январе 1918 г. в забастовке рабочих военных предприятий, нанесшей ущерб сражавшейся армии. Эберт свел свою защиту к письменному утверждению, что он в течение всей войны безоговорочно ее поддерживал, и к признанию: «Я вступил в стачечный комитет с определенным намерением скорее закончить стачку и предотвратить ущерб для страны»⁴².

Когда суд потребовал личной явки Эберта для дачи показаний, тот взял свой иск обратно. Но это уже не помогло. Гансер ответил вызывающим открытым письмом, в котором заявил, что президент, не отвечающий на обвинение в измене родине, должен уйти в отставку. Вдобавок редактор штасфуртской газеты Э. Ротхардт, напечатавший письмо Гансера, сопроводил его еще более дерзким комментарием: «Проглотил ли Эберт пилюлю или сочтет все же совместимым со своим достоинством рейхспрезидента появиться перед судом в Мюнхене? Докажите же, господин Эберт, что вы не изменник родины!»⁴³ Эберту ничего не оставалось, как возобновить иск, но Гансер бежал за границу, вернувшись лишь после избрания в баварский ландтаг, что обеспечило ему иммунитет.

Весной 1924 г., как раз во время судебного процесса над Гитлером и Людендорфом, журнал «Süddeutsche Monatshefte» выпустил апрельский номер под сенсационной шапкой «Дольхштос», а майский — «Действие дольхштоса. Новые документы»⁴⁴. Главный редактор журнала проф. П. Косман выдавал за обнаруженные «документы» записи высказываний нескольких офицеров и генералов, самых ярких приверженцев легенды. Публичные оскорбления в адрес президента и пропагандистская шумиха были столь значительны, что оказали известное воздействие на исход выборов в рейхстаг. Правые партии и фашисты добились на них успеха, фракция немецких националистов впервые после революции стала самой крупной, обогнав социал-демократов.

В конце 1924 г. в Магдебурге состоялся привлечший внимание

всей общественности «процесс рейхспрезидента». В качестве свидетелей со стороны Эберта здесь выступили все видные социал-демократические лидеры: Шейдеман, Носке, Дитман, Вельс, Бауэр, Г. Мюллер, Давид. В их показаниях раскрылась полная картина того, как они во время войны всеми средствами понуждали рабочих производить оружие, а солдат воевать за интересы империалистов. Сам Эберт подтвердил свою позицию: *«С начала войны до ее конца я решительно стоял на почве защиты родины и действовал в этом духе... Стачка рабочих военных предприятий Берлина в 1918 г. началась без участия и согласия социал-демократической партии, и я лично был ею полностью застигнут врасплох... Решающей задачей руководства партии было воспрепятствовать, чтобы стачка повредила интересам страны, и попытаться путем переговоров с правительством возможно скорее ее закончить»*⁴⁵. А Шейдеман добавил: *«Если бы мы не вошли в стачечный комитет, суд, наверное, не смог бы ныне заседать, а тогда, по моему твердому убеждению, война и все последующее закончилось бы уже в январе... Нас следовало бы, собственно, благодарить, вместо того чтобы ругать»*⁴⁶.

Тем не менее суд — вразрез с мнениями многих виднейших юристов — признал Эберта формально-юридически виновным в «измене родине»⁴⁷. Приговор вызвал новую волну политических нападков на рейхспрезидента. Один из правых политиков — фон Форстнер заявил даже, что январская забастовка стала причиной требований Людендорфа о перемирии, выдвинутых много месяцев спустя⁴⁸. Гитлеровская партия внесла в рейхстаг предложение о смещении Эберта, хотя до новых президентских выборов в мае 1925 г. оставалось немного времени. Ситуация для социал-демократического президента сложилась незавидная: так и не добившись «признания» в правобуржуазных и националистических кругах, он утратил доверие в рядах собственной партии. Профсоюз седельщиков и драпировщиков, в котором Эберт состоял 36 лет, исключил его из своих рядов; раздавались требования и об исключении его из СДПГ. Эберт не дожид до начала избирательной кампании; он внезапно умер 28 февраля 1925 г. А «легенда о дольхштосе», ставшая острым политическим оружием в руках националистических, милитаристских и фашистских фанатиков, сыграла роль и в избрании нового президента. Им стал один из главных столпов легенды — генерал-фельдмаршал Гинденбург.

Однако дело этим не кончилось. В октябре—ноябре 1925 г. в Мюнхене состоялся еще один судебный процесс, известный как «Процесс о дольхштосе». Свидетелям Космана здесь снова противостояли лидеры социал-демократии. Но главным их защитником оказался на сей раз генерал Грёнер, который сказал больше, чем на процессе в Магдебурге. Он в деталях раскрыл (в чем социал-демократы не признавались) заключенный им с Эбертом уже вечером 10 ноября 1918 г. *союз против революции*. То, что и прежде предполагали революционеры, но не могли документи-

ровать, теперь впервые было сказано полным голосом. Этот союз военщины с социал-демократической верхушкой, заключенный Грёнером и подтвержденный затем Гинденбургом, имел целью прежде всего военное подавление рабочих и солдатских Советов в Берлине. Для этого планировался ввод в столицу десяти дивизий. В дальнейшем были согласованы военные действия 24 декабря против народной морской дивизии, а вскоре Носке в створе с генералитетом собрал «добровольческие корпуса» для борьбы против спартаковцев. По словам Грёнера, этот союз вполне себя оправдал. Он явился доказательством того, что социал-демократия, которая уже во время войны доказала свою «абсолютную надежность в упряжке защиты родины», продолжала оставаться союзником военного командования и во время революции. В отношении партии независимцев, заметил Грёнер, у него «нет такого чувства»⁴⁹.

В ходе процесса Косман сделал через адвокатов примечательное заявление: в опубликованных им статьях будто бы вообще «не было нападок на социал-демократию большинства, как таковую, в отношении патриотичности ее поведения», а имелось в виду, что «враждебную отечеству позицию заняла НСДПГ»⁵⁰. Такое «уточнение» шло в духе модификации «легенды о дольхштосе», выраженной в выступлениях на суде Носке и Вельса, которые особенно подчеркивали, что «вину за революцию» целиком и полностью несут не социал-демократы, а спартаковцы и революционные старосты.

Выступивший на процессе в Мюнхене в качестве эксперта историк Ганс Дельбрюк прямо заявил, что «легенда о дольхштосе» — «историческая фальсификация» и вдобавок служит «отравлению сознания народа»⁵¹. Вместе с тем он счел нужным бросить камень и в революционеров. Еще дальше пошел в этом направлении бывший майор генерального штаба, работник Имперского архива в Потсдаме Эрих О. Фолькман. Еще за год до процесса он в книге «Марксизм и германская армия в мировой войне» пришел к выводу, что социал-демократия совершила 4 августа 1914 г. поворот от интернационализма к «национальной идее», а 9 ноября 1918 г. лишь его подтвердила: «Она вынуждена была искать союза с национальными кругами, с которыми враждовала до войны и поддерживала холодные отношения после 4 августа». В итоге «монархические офицеры, злейшие враги социализма», решили исход битвы в пользу социал-демократического правительства. Независимцев Фолькман обвинял в том, что они пытались следовать по довоенному пути социал-демократии, были пацифистами, которым не хватило мужества взять на себя ответственность и за революционные действия⁵². На процессе Фолькман заявил, что считает доказанным факт действий в тылу в духе «дольхштоса» с намерением сокрушить немецкую армию на фронте. Он подтвердил, что упрек этот должен быть, однако, адресован не СДПГ и профсоюзам, а НСДПГ и радикальным социалистам. «Ведь и противная сторона, — сказал Фолькман, имея в виду пра-

вых социал-демократов, — не отрицает что „дольхштос“ осуществили те радикальные социалисты, которых во время войны собирали те называли „спартаковцами“»⁵³.

Хотя процесс убедительно выявил преданность правых лидеров социал-демократии империализму и в годы войны, и в ходе революции, судьи снова сочли все же виновным не Космана, а социал-демократического редактора Грубера, выступившего с опровержением опубликованных Косманом материалов. Но главное в другом. На процессе и в литературе этого времени проявился переход от первого, широкого варианта «легенды о дольхштосе» к другому, более узкому. Первый делал упор на то, что германская армия якобы не понесла военного поражения, а «дольхштос» был нанесен ей «тылом», «отечеством» в целом, включая все партии, выступившие за «мир по соглашению». Второй же фактически снял тезис о «непобежденности» германской армии, вывел из-под обвинения деятелей буржуазии и правой социал-демократии, сконцентрировав весь удар на революционерах и подчеркивая, что революция повинна если не в военном поражении Германии, то уж, во всяком случае, в тяжелом мире, который ей пришлось подписать⁵⁴.

Этот второй вариант легенды, менее грубый, более дифференцированный и производивший даже впечатление научно обоснованного, складывался постепенно в горячих спорах. Его создателями стали эксперты комитета по расследованию: генерал от инфантерии Герман фон Куль, полковник генерального штаба Бернгард Швертфегер, историк Г. Дельбрюк, Э. Фолькман и многие другие. Они подчас существенно расходились между собой по многим позициям, в частности в оценке роли Людендорфа и возможности Германии осенью 1918 г. продолжать войну. Но их объединило стремление, признав те или иные просчеты, оправдать политику германского империализма в целом, а главное — дискредитировать в глазах общественности революционеров, возложив на них всю ответственность как за военное поражение, так и за его результат — Версальский мир.

Фон Куль из подробного разбора военных операций 1918 г. сделал заключение, что сила сопротивления германской армии была ослаблена целым рядом причин: численным превосходством противника, неудачей наступления, падением дисциплины и боевого духа. С мнимой объективностью он указывал: «Нельзя утверждать, что война была проиграна исключительно вследствие разложения армии. Только при стечении очень многих обстоятельств Германия при ее огромных достижениях могла быть доведена до крушения. Но несомненно, что в нашей катастрофе в значительной степени виноваты пацифистские, интернационалистские и антиимпериалистические настроения и исходившее из тыла революционное разложение армии». Считая бесспорным, что Германия могла осенью 1918 г. продолжать войну, он заявлял: «Помешала этому только революция, вырвавшая у полководца меч из рук, подорвавшая порядок и дисциплину в армии и особенно

позади фронта... Лишь революция сделала Германию целиком беззащитной»⁵⁵.

Дельбрюк считал ответственным за военные и политические неудачи Германии Людендорфа, выгораживая тем самым Гинденбурга и кайзера. Он считал нужным подчеркнуть: «Весь мир выдвигает против нас обвинение в том, что Германия начала войну, чтобы добиться мировой гегемонии, и перед лицом этого обвинения я нахожусь в ряду тех, кто в неустанной борьбе стремится доказать его неправильность. Мне очень больно, но при оценке того, как мы вели войну, я пришел к отрицательному результату». Дельбрюк доказывал правильность действий как сторонников «мира по соглашению», так и кабинета Макса Баденского. Отвергая утверждение, что, если бы не «дольхштос», была бы достигнута полная победа, Дельбрюк признавал, что революция была следствием военного поражения, но он объявлял ее проявлением не силы народа, а слабости. Воюя против «легенды о дольхштосе» в ее широком варианте, он присоединялся к осуждению революционеров, которые «жили исключительно идеей классовой борьбы и ни в малейшей мере не ощущали духа национальной идеи»⁵⁶.

В разоблачении этого узкого варианта «легенды о дольхштосе» не были заинтересованы ни буржуазные, ни социал-демократические авторы. Против него выступили лишь немногие, например, на страницах «Weltbühne» прогрессивные публицисты Карл фон Осецкий и Курт Тухольский⁵⁷. Левосоциалистический журнал «Der Klassenkampf» редактором которого был бывший лидер НСДПГ Г. Лаукант, опубликовал за подписью «фронтовик» брошюру с ироническим наименованием «Дольхштос НСДПГ»⁵⁸. Защищая политику партии во время войны и революции как интернационалистскую, автор обстоятельно разобрал материалы мюнхенского «Дольхштос-процесса». В центре его внимания вопрос о том, как Эберт открещивался от революции, а когда она началась, вместе с Шейдеманом и другими действительно нанес ей «удар кинжалом в спину», заключив союз в военщины. Этот острый, документированный памфлет не мог научно опровергнуть суженную легенду, но и публицистическая оповедь заслуживает быть отмеченной.

ПОЗИЦИИ МАРКСИСТОВ

В начале 20-х годов марксистских исследований о германской революции еще не было, если не считать статей в периодической печати, преимущественно юбилейных. В Германии публиковались работы Карла Либкнехта⁵⁹ и Розы Люксембург⁶⁰, относившиеся в основном к дореволюционному периоду. Частично они переводились и в Советской России, где появились первая биография Р. Люксембург, написанная А. Ельницким, воспоминания о ней Н. Семковской⁶¹.

В 1921 г. в Москве вышли «Очерки германской революции.

Встречи и впечатления». Их автор Г. Биншток в предисловии заметил: «Я не преследовал задачи написать историю германской революции. Для этого пора еще не настала... Мне бы хотелось просто нарисовать русскому читателю картину классовый борьбы в Германии, как она мне представилась во время моего там пребывания»⁶². Автор наблюдал события глазами русского меньшевика, и Каутский ему ближе и понятнее, чем Либкнехт и Люксембург. В «январском восстании» он не на стороне Носке, но, как Каутский, видел в нем гражданскую войну «в среде самого пролетариата», даже «междоусобную схватку между двумя революционными (?) фракциями». Вместе с тем автор считал: «Революционный процесс в Германии идет медленнее (чем в России.— Я. Д.), преодолевая громадные препятствия, но из этого отнюдь не следует, что он вообще прекратился»⁶³.

Среди документальных материалов, опубликованных в теоретическом журнале КПГ «Die Internationale», выделялась статья Ф. Швабе*, в которой были приведены выдержки из неизвестных писем Р. Люксембург Ф. Мерингу и дано описание беседы с В. И. Лениным Эдуарда Фукса, посланного спартаковцами в конце 1918 г. в Москву с письмом Р. Люксембург и программным манифестом «Чего хочет Союз Спартака?»⁶⁴.

В период революционного кризиса 1923 г. в Германии значительно возрос интерес к событиям, приведенным к нему. ЦК РКП(б) опубликовал циркуляр об обязательном введении в программы всех коммунистических университетов, совпартшкол, кружков политграмоты, марксистских кружков курса лекций по современной Германии**.

Серьезная исследовательская работа А. М. Панкратовой была посвящена производственным Советам (фабзавкомам) в 1918—1923 гг.⁷³ В сборник «Германская революция» под редакцией В. Мирошевского вошли статьи русских и немецких коммунистических авторов, а также отрывки из мемуаров Э. Барта, Г. Носке, Ф. Шейдемана и других, портреты политических деятелей, демографические и документальные материалы, список литературы.

* Представляется, что это псевдоним, а автором статьи был Эдуард Фукс: во-первых, письма Р. Люксембург, адресованные Ф. Мерингу, могли быть у него, поскольку он был его секретарем, а потом душеприказчиком; во-вторых, кто, кроме самого Фукса, мог знать, что говорил ему В. И. Ленин?

** Этим проблемам было посвящено значительное число брошюр и книг советских авторов, в которых в большей или меньшей мере затрагивались и вопросы Германской революции 1918—1919 гг. О них шла речь в брошюрах Д. З. Мануильского⁶⁵, Е. Павловского⁶⁶. К. Поль опубликовала очерки «Германия накануне Октября», которые открывались словами, характеризовавшими надежды, охватившие тогда революционеров: «Ввиду развивающихся в Германии событий необходимо дать рабочим других стран возможность подготовиться к лучшему пониманию германской пролетарской революции... Германия доживает последние сентябрьские дни»⁶⁷. Подобным же настроением были проникнуты и другие работы, хотя они запоздали с выходом: брошюры Е. В. Тарле «Кризис Германии»⁶⁸, Е. Хмельницкой о военной экономике Германии⁶⁹, И. М. Майского «Современная Германия»⁷⁰, Л. Полонской «Пути Германии»⁷¹, С. Д. Мстиславского о классовой войне⁷².

В кратком историческом обзоре, написанном редактором, была прочерчена основная канва событий. Как обычно в то время, главный упор был сделан на «предательство пролетарских интересов шейдемановцами», захватившими власть, а затем развязавшими гражданскую войну против революционных рабочих. Такая политика «привела к тому, что разгромленная в ноябре 1918 г. буржуазия уже в марте 1919 г. вернулась к власти». Мирошевский считал, что в 1923 г. Германия стояла «накануне второй революции»⁷⁴.

Неудача революционного выступления 1923 г. вынудила КПП, РКП(б) и Коминтерн подвергнуть критическому анализу исторический опыт, особенно послевоенных революций и революционных движений. Итоги впервые пришлось подводить без участия Ленина, и не все сделанные выводы были верными. Так, КПП недооценила масштаб поражения коммунистов и серьезность допущенных ими ошибок. Президиум ИККИ тоже занял левосектантскую позицию, утверждая, будто германская социал-демократия в недалеком будущем то ли с грохотом развалится, то ли лопнет как мыльный пузырь. Еще более грубым просчетом была характеристика не только Зиновьевым, но и Сталиным социал-демократии как «крыла фашизма», что сводило на нет всю политику единого фронта⁷⁵. Вскоре Сталин провозгласил, что фашизм и социал-демократия «не антиподы, а близнецы»⁷⁶. Это выражение крепко въелось в лексикон марксистов.

В принятых ИККИ в 1925 г. тезисах о большевизации партий Коммунистического Интернационала говорилось о необходимости овладения зарубежными коммунистами опытом ленинизма, творческого его применения с учетом национальных особенностей и традиций. Вместе с тем в них, хотя и упоминались великие заслуги Розы Люксембург, едва ли не все теоретические ошибки германских коммунистов — как левые, так и социал-демократические — без каких-либо оснований обобщались под рубрикой «ошибки люксембургизма»⁷⁷.

В том же 1925 г. XIV конференция РКП(б), рассматривая в тезисах о задачах Коминтерна и РКП(б) развитие международной революции, дала характеристику и Германской революции. Речь шла о продолжении той мысли, которая еще в 1920 г. получила парадоксальное выражение в подготовленном под руководством Л. Д. Троцкого Манифесте II конгресса Коминтерна: «Запоздалый германский парламентаризм, выкидыш буржуазной революции, которая сама есть выкидыш истории, страдает в младенчестве всеми болезнями собачьей старости. «Самый демократический в мире» рейхстаг республики Эберта бессилен не только перед маршалским жезлом Фоса, но и перед биржевыми махинациями своих Стиннесов, как и перед военными заговорами своей офицерской клики. Германская парламентская демократия есть пустое место между двумя диктатурами»⁷⁸.

В тезисах конференции РКП(б) уже не было такой всеохватительной риторики первых послеоктябрьских лет и преобла-

дал критический самоанализ: «В Германии... к концу 1918 г. непосредственно-революционная ситуация перешла в революцию, правда, вылившуюся не в победоносную пролетарскую революцию, а в буржуазную революцию». Далее говорилось, что РКП(б), не имея конкретного исторического опыта, не могла не допустить «известных просчетов» относительно сроков развития международной социалистической революции: «Было время (1918 г.), когда все мы ожидали победы пролетарской революции в Германии и в некоторых других странах в течение нескольких месяцев или даже недель. Германская революция пришла гораздо позже, причем это оказалась еще не пролетарская революция, а революция, уничтожившая лишь Вильгельма II, но не власть буржуазии. Однако уже такой революции в Германии, при революционных потрясениях в ряде других стран, оказалось достаточно, чтобы пролетарская революция в России смогла выиграть время и закрепиться»⁷⁹.

По сути дела, в тезисах подтверждалась мысль, которую в свое время сформулировали Роза Люксембург, Карл Либкнехт, В. И. Ленин, что в Германии в 1918—1919 гг. произошла революция *не пролетарская, а буржуазная*. Тем не менее в публицистике и некоторых работах марксистских историков, особенно нацеленных на «разоблачение» и «клеймение» социал-демократии, продолжало пропагандироваться утверждение о «преданной пролетарской революции».

В 1924—1925 гг. в Вене и Берлине вышла трехтомная работа Рихарда Мюллера о революционном движении в Германии в годы мировой войны, Ноябрьской революции и последовавшей гражданской войны. Автор ее — берлинский рабочий-металлист, в годы войны — руководитель Комитета революционных старост Берлина, а во время революции — председатель исполкома Берлинского рабочего Совета. Свое желание описать события предьстории и истории германской революции автор объяснил необходимостью противодействовать попыткам «представить революционное движение пролетариата во время мировой войны лишь результатом определенной и сознательной деятельности отдельных вождей или отдельных политических групп».

«Ноябрьская революция,— считал Р. Мюллер,— не была лишь результатом революционной пропаганды или следствием многих выступлений за окончание войны, хотя во второй половине войны эти акции были направлены на свержение монархически-капиталистического государства. Революция была в первую очередь следствием военного и политического крушения. Крах вызвал революцию. А теперь те, кто несет ответственность за мировую войну и ее последствия, стараются перевернуть факты и внушить народу, что война имела бы для Германии иной исход, если бы фронт не был «сражен кинжалом» сзади посредством планомерной и сознательной революционной пропаганды. Эти люди объявили доказанным, что революционное движение в Германии финансиро-

вали вражеские правительства, хотя настоящих доказательств этого утверждения они представить, конечно, не могут»⁸⁰.

Р. Мюллер указывал, что правильно оценить революционное движение во время мировой войны можно только с учетом теоретического и исторического опыта предшествующих десятилетий, а также действия различных факторов: социальных, политических, военных, психологических. Его работа, однако, учитывает их лишь в небольшой степени. Она — прежде всего рассказ активного участника событий, который сопровождается публикацией важных документов, исходивших как от революционеров, так и от их противников. Некоторые включены в текст, другие даны в приложениях, причем многие публиковались впервые. Первый том работы Р. Мюллера посвящен периоду от начала войны до 8 ноября 1918 г.; второй — от 9 ноября до конца 1918 г.; третий — от январских боев 1919 г. до Мюнхенской Советской республики и далее до капповского путча.

Характеризуя революцию, Р. Мюллер выразил мнение, что пролетариат должен был решить в ней те задачи, которые были «поставлены Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, теоретически извращены Карлом Каутским и практически реализованы Лениным»⁸¹. Однако в действительности Ноябрьская революция, как он считал, «завершила то, что начали буржуазные революции XIX в.; она открыла пролетарскую революцию грядущего времени. Эта задача определила ее характер. Она не была ни буржуазной, ни пролетарской революцией, она была смесью обеих. Ей были чужды как драматические эффекты буржуазной, так и суровая основательность пролетарской революции: половинчатость, слабости, убожества заполнили ее первые недели, за которыми последовали страшная гражданская война и победа буржуазии»⁸².

В революции Р. Мюллер выделил три этапа: первый — до конца декабря 1918 г., второй — до рождения Веймарской республики, третий — до капповского путча 1920 г. Сказанное автором о характере революции и ее периодизации, а также многие оценки, данные им по ходу изложения, прежде всего оправдание собственной деятельности во главе Исполкома Берлинского Совета, не выдержали проверки временем. Однако его труд заслуживает положительной оценки не только за документальность, но и как первое обстоятельное освещение событий с позиций революционного деятеля, принимавшего в них самое непосредственное участие.

В предисловии к третьему тому Р. Мюллер подчеркнул свою глубокую приверженность революции, ненависть к ее врагам. Он указал, что считает особенно важным представить общественности книгу о гражданской войне в Германии как раз в тот момент, когда страна встала под черно-бело-красное знамя*, генерал-фельдмаршал фон Гинденбург стал президентом республики, банды

* Реакционно-милитаристские круги противопоставляли черно-бело-красные цвета кайзеровской империи черно-красно-золотому флагу Веймарской республики, выражая этим свое отрицательное к ней отношение.

фашистских убийц безнаказанно орудуют под охраной органов власти, а республиканское государство действует по испытанным образцам своего абсолютистского предшественника. Все это, заключает автор, — «плоды того посева, который был произведен отцами республики при ее рождении, это — компрометация революции!»⁸³.

В 1926 г. в Германии вышел первый сборник «Писем Спартака» (и предшествовавших им «Информационных писем оппозиции»). Всевозможным домыслам и извращениям были противопоставлены документальные материалы о процессе возникновения группы «Спартак», о мотивах действий революционеров-интернационалистов.

«Когда германская социал-демократия 4 августа 1914 г. открыто перешла в лагерь социал-шовинизма, — написал в предисловии составитель сборника Эрнст Мейер, — возникшая на левом фланге социал-демократии оппозиция немедленно начала борьбу против политики одобрения военных кредитов и гражданского мира. Эта оппозиция, собравшаяся вокруг Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Франца Меринга, Клары Цеткин, Юлиана Мархлевского (Карского) и других, в начале своей деятельности указывала главным образом на противоречие между антивоенными постановлениями международных конгрессов в Штутгарте, Копенгагене и Базеле и провоенным поведением СДПГ. Все больше и больше логика борьбы против политики социал-демократии большинства вынуждала оппозицию к прямым атакам на официальную социал-демократическую политику»⁸⁴.

Автор предисловия объяснил, что двойная цензура — военных властей и партийного правления СДПГ — заставила группу издавать сначала гектографированные «Информационные письма», распространявшиеся нелегально. В работе над ними участвовали, кроме названных выше, также Герман Дункер, Вильгельм Пик, Гуго Эберляйн, Эрнст Мейер и др. Вскоре развернулась борьба между революционерами и центристами по вопросам тактики, отношения к Циммервальду, создания самостоятельной революционной партии. Не затушевывая этих трудностей, Э. Мейер подчеркнул, что группа «Спартак» в своих пропагандистских выступлениях, несмотря на аресты руководителей и преследования, призывала массы к революционным действиям, к *«сознательной борьбе против войны и капиталистического классового господства»*⁸⁵.

В приложении к сборнику была опубликована статья Карла Радека «Новые времена — новые песни», изданная «Спартакком» в октябре 1918 г. Автор рассказал в ней о заседании ВЦИК и Моссовета с представителями профсоюзов 3 октября в Москве, на котором была прочитана речь В. И. Ленина и принята резолюция о разразившемся в Германии политическом кризисе⁸⁶.

Обещанный второй том «Писем Спартака» не был тогда издан, но Эрнст Мейер выпустил в 1927 г. сборник нелегальных листовок «Спартака» в годы войны⁸⁷. Их авторами были Карл Либкнехт,

Роза Люксембург, Франц Меринг, Юлиан Мархлевский, Герман Дункер и др. Циркуляры группы «Спартак», написанные Лео Йогихесом, давали представление об организационной деятельности группы. Наряду с наиболее известной листовкой Карла Либкнехта «Главный враг в собственной стране» в сборник вошли листовки, связанные с январской стачкой 1918 г., программное воззвание октябрьской конференции «Спартак», листовки первых дней Ноябрьской революции. Были опубликованы также «Тезисы о социалистической революции и задачах пролетариата во время его революции в России», написанные Н. И. Бухариным.

В СССР вышла книга немецкого историка Пауля Фрѐлиха «К истории германской революции»⁸⁸. В предисловии автор отметил, что «ход германской революции и поведение германского пролетариата не раз вызвали глубокое разочарование в русском рабочем классе. Но и мы, германские революционеры, не менее тяжело страдали от наших поражений и от мысли, что нам все снова и снова приходится откладывать действительное выражение нашей горячей благодарности боевым отрядам мировой революции. Но разочарования преодолеваются пониманием смысла событий». В работе, насыщенной фактами, автор показал предпосылки и причины того, что он называл «поражением революции» 1918 г. Вместе с А. Шрайнером П. Фрѐлих выпустил в следующем году в Германии критическую работу о социал-демократии, озаглавленную «14 лет в союзе с капиталом»⁸⁹.

Накануне десятилетия Октябрьской революции Эрнст Тельман в статье, опубликованной в «Ипржекогг», напомнил, что российский рабочий класс показал германскому пример не только завоевания власти рабочим классом, но и того, как надо отстаивать эту власть и использовать ее для строительства социализма: «Светила НСДПГ Гаазе и Каутский заявляли в ноябре 1918 года, что не следует связывать себя с большевиками, ведь никто не знает, продержатся ли они у власти хотя бы еще три дня. Но все произошло по-другому. Мнимая власть социал-демократических „народных уполномоченных“ улетучилась за несколько месяцев, а диктатура пролетариата в Советском Союзе, выдержав 10-летнюю борьбу против целого мира врагов, прочна и крепка как никогда»⁹⁰.

В день десятилетия 9 ноября 1918 г. «Rote Fahne» поместила статью Эрнста Тельмана. «Четыре с половиной года массовой империалистической бойни превратили Европу в ад», — говорилось в ней. В Германии в те годы только небольшой отряд высоко держал знамя социализма, вел борьбу за революционное окончание войны. Когда в ноябре 1918 г. массы вышли из повиновения, считал Эрнст Тельман, пролетарии в солдатских шинелях и от станка хотели не только окончания войны, но и ликвидации всей капиталистической системы, хотя среди большинства их царили неуверенность и путаница и они не представляли себе ясно пути достижения этой цели.

«Как же случилось, — спрашивал Тельман, — что, несмотря на

наличие всех предпосылок для победы пролетариата с точки зрения объективного соотношения сил революции, буржуазии все же удалось вновь утвердить свое прогнившее, подточенное классовое господство, укрепить его и подавить пролетариат?»

Ответ звучал так: «Трагедия германской революции 1918 года, январских боев 1919 года... состояла в противоречии между наличием объективно созревших революционных условий, с одной стороны, и субъективной слабостью германского пролетариата, вызванной отсутствием целеустремленной большевистской партии,— с другой... Ни революционный инстинкт, ни несравненный героизм отдельных вождей „Союза Спартака“, зверски убитых основателей нашей партии, не могли заменить железного авангарда, закаленного как сталь в огне революционного опыта. Карл и Роза потому и стали жертвами варварской социал-демократической контрреволюции, жертвами Носке, Эберта и Шейдемана с их наемными убийцами из-за угла, что они не смогли выковать для германского пролетариата того оружия, которое привело русский пролетариат к победе,— не смогли выковать большевистскую партию!»⁹¹

В иллюстрированном издании «10 лет КПГ. Несмотря ни на что» Эрнст Тельман напомнил, что Учредительный съезд партии состоялся на пороге 1919 г., а уже две недели спустя были злодейски убиты ее лучшие вожди. Первый натиск революционного авангарда германского пролетариата был с помощью социал-демократии потоплен буржуазией в крови рабочего класса. Его поражение было неизбежно, поскольку «молодая, только что рожденная в революционных боях коммунистическая партия еще не в состоянии была взять в свои руки руководство пролетарскими массами...»⁹². Такое упрощенное, одномерное противопоставление объективных условий и субъективных факторов, трактуемых очень суженно, широко распространилось не только в пропагандистских выступлениях, но и в марксистской историографии, став одним из ее стереотипов.

В изданной в 1928 г. брошюре «Основание КПГ» Вильгельм Пик опубликовал свои воспоминания о Ноябрьской революции и образовании компартии. Он начал с принципиально важной констатации: «Причины германской революции и крушения прусско-германской милитаристской монархии лежат... в военных, политических и экономических последствиях мировой войны. Но значительное место среди них занимают и русская революция, и та пропаганда, которая под руководством „Спартака“ велась среди трудящихся масс и среди солдат на фронте против войны, за революцию»⁹³.

Непосредственный участник событий впервые рассказал об обстоятельствах кануна революции в Берлине, прежде всего о деятельности Карла Либкнехта, о поведении в эти дни руководителей революционных старост и лидеров НСДПГ. В. Пик показал несостоятельность эгоцентрической версии Э. Барта, приписавшего себе инициативу революции, и ложность утверждений

Э. Бернштейна, который с целью дискредитации спартаковцев утверждал, будто Барт был членом группы «Спартак». В. Пик дал точное описание поведения К. Либкнехта во время переговоров правых социал-демократов с независимцами вечером 9 ноября относительно условий формирования правительства⁹⁴.

В воспоминаниях В. Пика нарисована картина выхода первых номеров газеты «Rote Fahne» и, что особенно важно, первого совещания спартаковцев, состоявшегося 11 ноября в гостинице «Эксцельсиор». На нем группа «Спартак» была переименована в «Союз Спартака», создан его Центральный комитет. Хотя Союз оставался в составе НСДПГ, это был важный шаг к созданию самостоятельной партии. Проследившая дальнейшие события, В. Пик остановился на агитационной деятельности в Берлине, которую возглавлял, на консолидации контрреволюции, проявившейся в попытках путча 6 декабря и в нападении на матросов в ночь под рождество, на создании революционными старостами Комитета действия, в который вошли также К. Либкнехт и В. Пик⁹⁵.

Охарактеризовав работу Учредительного съезда КППГ, В. Пик подробно описал ход январских боев 1919 г., показал провокационный характер смещения Эйхгорна с поста полиции-президента, изложил решение заседания революционных старост о массовой демонстрации протеста 5 января, призыв начать 6 января массовую забастовку.

В. Пик рассказал также историю «документа о смещении правительства Эберта—Шейдемана», опубликованного несколько дней спустя социал-демократической газетой и превращенного в главное доказательство «путчистских намерений» Революционного комитета: «В манеж многократно приходили делегации полков, заявлявшие о готовности присоединиться к восстанию, если им будет дано заверение, что прежнее правительство, которому они принесли присягу, больше не существует. Такой документ В. Пик и напечатал на пишущей машинке. Никакого практического влияния на ход событий он не оказал, ибо руководство революционного комитета проявляло полную нерешительность, и даже матросы не поддержали рабочих». Спустя несколько дней Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты, а В. Пик чудом удалось скрыться⁹⁶.

Самым серьезным историческим трудом, подготовленным в это время коммунистическими авторами, была «Иллюстрированная история германской революции», вышедшая в свет в 1929 г.* Издатели объявили, что работа написана вовсе не из любви к легендарной «объективности», а с тем, чтобы книга стала для немецких рабочих «оружием в освободительной борьбе»⁹⁷. Поэтому они стремились прежде всего предоставить возможность говорить фактам, а связь между ними осветить с позиций рево-

* Она выходила сначала отдельными выпусками. Ранее издательство выпустило подготовленный советскими авторами том иллюстрированной истории Октябрьской революции. Позднее был издан такой же том о гражданской войне 1917—1921 гг. в России.

люционного марксизма. Впервые в таком масштабе были показаны действия пролетарских масс. Попытка дать цельное изложение событий Ноябрьской революции, ее предьстории и последствий потребовала от авторов огромной предварительной работы по собиранию разрозненных материалов, в том числе упрятанных в недоступные полицейские архивы. Примечательно, что среди членов редакции и авторов были названы давно ушедшие из жизни — В. И. Ленин, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Иоганн Книф, Евгений Левине, Юлиан Мархлевский, а среди живых — руководители коммунистов — Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Клара Цеткин, Герман Дункер, Вальтер Ульбрихт, Фриц Геккерт, участники и историки революции — Пауль Фрелих, Рудольф Линдау, Вилли Мюнценберг, Альберт Шрайнер и др. Обложку создал Джон Хартфильд, помогавший и в подборе иллюстраций.

«Что принесла Германская революция 1918 года?» — спрашивали авторы и отвечали: «Она создала буржуазную республику. Она осуществила то, о чем в 1848 году мечтали, что в 1792 году во Франции осуществили несравнимо более радикально и что в России в 1917 году уже превзошли. Она преодолела вековую отсталость Германии по отношению к Западу, но лишь для того, чтобы построить новую стену отсталости по отношению к Востоку».

Рассказав, что Ноябрьская революция сорвала с голов две дюжины корон и сделала буржуазию самодержцем, авторы отмечали, что она не решила и тех задач, к которым стремилась буржуазия, когда была революционной: сохранились остатки феодальной раздробленности и собственности, влияние церковников. На основе «совершенной демократии» (то и дело исправляемой осадным положением и чрезвычайными судами) власть держат в руках магнаты капитала: «Государство это они»⁹⁸.

«И все же революцию осуществил рабочий класс. Он поднялся из кровавой тины мировой войны против старых властей и капитала. Пролетариат хотел установить собственную власть. Его целью был социализм. И действительно, 9 ноября 1918 г. пролетариат был неограниченным хозяином. Не было силы, которая могла бы ему открыто противостоять. Он мог осуществить то, чего хотел. И на вывеске нового государства в ноябре 1918 г. было написано: Социалистическая республика». Задача книги — показать, как революция превратилась в контрреволюцию, но чтобы это понять, надо прежде всего обратиться к предьстории⁹⁹.

Поэтому в главе «Жалкое прошлое Германии» был дан обзор важнейших событий от Великой Крестьянской войны до революции 1848 г., описано возникновение рабочего движения, создание «железом и кровью» бисмарковской империи. Далее охарактеризована империалистическая Германия и подробно описаны мировая война, подъем рабочего движения, военная катастрофа и начальная стадия Ноябрьской революции. Глава «Революция или контрреволюция» — центральная. В ней последовательно обрисо-

ваны деятельность и маневры «социалистического правительства», активизация контрреволюционных сил, основание Коммунистической партии Германии, принятие революционной программы, убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург. В главе «Эра Носке» показано дальнейшее развитие революционных боев на Руре, в Бремене, Гамбурге, Берлине, Средней Германии, вокруг Баварской Советской республики. В главе «Порядок царит в Германии» охарактеризованы Версальский мирный договор, Веймарская конституция, мнимая «социализация», экономические бои, развитие рабочих партий. Заключал книгу рассказ о капповском путче и борьбе против него рабочих.

Подводя итог, авторы высказали важную мысль, что германский пролетариат осуществил прежде всего *буржуазную революцию*, на которую германская буржуазия была неспособна. Свержение монархии и отражение всех попыток ее реставрации «казались большинству рабочего класса большим успехом — достижением цели революции. Решающие слои пролетариата и широкие слои народа, участвовавшие в революции, не видели после этого начального успеха острой необходимости выйти за рамки достигнутого. Борьба за социализацию, за отчуждение собственности класса капиталистов, за власть Советов не стала еще для широких масс обязательной альтернативой... той великой необходимостью, которая так быстро и решительно продвинула русскую революцию вперед, к социалистической революции...»¹⁰⁰.

Вместе с тем авторы многократно называли германскую революцию *пролетарской*, притом не только по ее движущим силам, формам и методам борьбы, что естественно, но также по характеру, целям и задачам. «Все предпосылки для победы пролетарской революции, — писали они, — были в ноябре 1918 г. налицо, кроме одной — кроме революционной партии, имеющей корни в массах, и собственного революционного опыта масс. Социал-демократия не сделала почти ничего, что обязана была сделать еще в довоенное время для революционного воспитания. Создать отсутствовавшую в революции революционную массовую партию под железным гнетом чрезвычайного военного положения было невозможно. Правда, в НСДПГ собрались массы преданных революции рабочих, но руководство этой партии с первых дней ее существования было единым только в вопросе о враждебности войне. Маленькое ядро тех, кто сплотился вокруг «Спартака» и бременских левых, было по революционному опыту и решимости самой зрелой частью пролетариата. Его влияние в годы войны росло с усилением недовольства и возмущения масс. Его влияние в первые недели революции было больше, чем организационная возможность сосредоточить пробужденную революцией массовую энергию на главном направлении удара. Влияние революционного авангарда быстро растаяло, когда он натолкнулся на барьер демократических иллюзий, в плену которых еще пребывали решающие части

рабочего класса и которые сознательно раздувала социал-демократия».

Соединенная контрреволюция нанесла партии коммунистов, выросшей из революции, точно рассчитанный и коварный удар, затормозивший и ее развитие, и движение революции. Сравнение той роли, какую сыграл в российской революции В. И. Ленин, с той ролью, какую призваны были сыграть в германской революции Роза Люксембург и Карл Либкнехт, показывает, сколь серьезную движущую силу представляет собой в революции личность руководителей¹⁰¹.

«Иллюстрированная история» заканчивалась на оптимистической ноте. Сколь ни тяжелы были удары контрреволюции, пролетариат их преодолет. Предшествующие бои дали кровавый и жестокий наглядный урок, который должен быть усвоен. «Что значат в этом самом грандиозном процессе общественного преобразования капиталистического строя в социалистический месяц, годы, даже десятилетия?... С нетерпением все снова стучатся лучшие силы пролетариата в ворота истории. Призванный вращать вперед колесо истории, зажженный изнутри огнем революции, руководимый историческим опытом всех классовых битв и ясным пониманием законов, движущих историю человечества, пролетариат готовится к исполнению своей освободительной миссии»¹⁰².

Однако на этом пути германского пролетариата громоздились препятствия, в столкновениях с которыми он был снова отброшен далеко назад. То были экономический кризис, фашистская диктатура, вторая мировая война.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ И РЕСПУБЛИКИ

Во второй половине 20-х годов снова возрос интерес общественности Германии к событиям конца мировой войны и Ноябрьской революции. Развитие экономической конъюнктуры не предвещало в то время серьезных потрясений, и многим казалось, что Веймарская республика имеет шансы продолжать развитие по линии стабилизации. Однако заложенные в самом фундаменте республики противоречия придавали ей неустойчивость, прежде всего по отношению к натиску справа, который никогда не прекращался. Это проявлялось и в историографии, обращавшейся к проблематике ее становления.

1927 год был ознаменован появлением целого ряда книг, проливших новый свет на предысторию революции. Вышел большой том воспоминаний принца Макса Баденского, подготовленный им при помощи его бывшего советника Курта Гана, историка Г. Онкена и др.¹⁰³ Он включал целый ряд документов, прояснивших некоторые стороны событий октября—ноября 1918 г., в том числе позицию правых лидеров социал-демократии в отношении революции и монархии. Очевидная цель этой

публикации заключалась в самооправдании бывшего рейх-канцлера, изображении его как «спасителя» Германии, обеспечившего «преемственность» («континуитет») между империей Гогенцоллернов и Веймарской республикой. В соответствии с этим замыслом, отвергая обвинения в «дольхштосе», Макс Баденский прилагал все усилия, чтобы приукрасить значение «миролюбивых акций» своего кабинета и проведенных реформ по «парламентаризации» системы управления. Что касается последних, то автор «Воспоминаний» не смог ни скрыть, ни смягчить того факта, что они проводились с двойной целью: «задобрить» президента Вильсона и одновременно предотвратить нараставший революционный взрыв.

Хотя позиция правых лидеров социал-демократии как противников революции и защитников капитализма была уже к этому времени вполне раскрыта, в том числе и в их собственных сочинениях, все же кое-что Макс Баденский смог к этой картине прибавить. Так, он подтвердил рассказ генерала Грёнера (на процессе в Мюнхене) о предложении, которое Эберт сделал ему в имперской канцелярии 6 ноября: спасти монархию путем отречения кайзера и установления регентства. Еще более колоритным был рассказ Макса Баденского о личной беседе с Эбертом, состоявшейся 8 ноября:

«Я встретил Эберта утром одного в саду. Сначала я рассказал ему о моей запланированной поездке (в ставку.— *Я. Д.*): „Вы знаете, каковы мои намерения. Если мне удастся убедить кайзера (отречься.— *Я. Д.*), будете ли вы тогда на моей стороне в борьбе против социальной революции?“ Ответ Эберта последовал без промедления и был недвусмысленным: „Если кайзер не отречется, социальная революция неизбежна. Но я не желаю ее, да, я ненавижу ее как грех“. После отречения кайзера он надеется, что сможет обеспечить поддержку правительства партией и массами. Мы коснулись вопроса о регентстве. Я назвал принца Эйтеля Фридриха в качестве конституционного регента в Пруссии и Германии. Эберт заявил от имени своего и партии, что они не будут чинить в этих конституционных вопросах препятствий правительству. Потом он в искренних выражениях пожелал мне успеха в поездке. Давид, которого я встретил сразу же, был не менее решителен в своем отрицательном отношении к революции. Он был убежден, что, если нам удастся добиться успеха в Спа (в ставке.— *Я. Д.*), мы тогда сумеем справиться с внутренним положением.

Я считал, что заключил не только договор, как временную меру на несколько дней, а союз, за которым стоит общая решимость спасти страну от переворота»¹⁰⁴.

Макс Баденский привел далее слова Шейдемана на заседании кабинета 8 ноября: «Вы должны признать, что мы сделали все, что могли, чтобы удержать массы». Несколькими страницами ниже Макс Баденский еще раз подтвердил: «Мое доверие к Эберту было непоколебимо. Этот человек был исполнен реши-

мости всем своим несгибаемым авторитетом противостоять революции»¹⁰⁵.

Пытаясь сгладить впечатление, произведенное этими заявлениями Макса Баденского, Герман Мюллер, тогда председатель СДПГ, тотчас заявил в журнале «Die Gesellschaft», что Эберт, «разумеется, имел в виду большевистскую революцию», а не «революцию вообще». О предложении Эберта Макс Баденскому стать регентом Мюллер утверждал, что другие социал-демократы об этом ничего не знали, а если Эберт и сделал его, то лишь «из преувеличенной вежливости»¹⁰⁶.

Макс Баденский изложил в «Воспоминаниях» также свои соображения, побудившие его днем 9 ноября решиться на свой последний маневр — не дождавшись отречения кайзера, подписать составленное Симонсом заявление. «Я сказал себе: революция собирается быть победоносной; мы не можем ее разбить, но, может быть, сможем ее задушить... Если Эберт будет представлен мне улицей в качестве народного трибуна, тогда придет республика; если же будет выдвинут Либкнехт, тогда еще и большевизм. Но если отречающийся кайзер назначит Эберта рейхсканцлером, тогда есть еще маленькая надежда для монархии. Может быть, удастся повернуть революционную энергию в легальные рамки избирательной борьбы»¹⁰⁷. Далее было приведено еще и уточнение Симонса: «Речь для меня шла о решении: либо мирным путем передать правительственную власть в руки Эберта, либо власть путем кровавой революции перейдет к спартаковцам... Только переходом чиновников старой империи на сторону Эберта можно было спасти армию, а Эберт не был, как я знал, принципиальным противником монархии»¹⁰⁸.

В «Воспоминаниях» содержалось еще одно примечательное утверждение Макса Баденского, призванное задним числом оправдать его действия: «Я и сегодня еще придерживаюсь мнения: если бы кайзер встал на спасительный путь, который я ему указывал... мы не пережили бы революции, не имели бы Советской республики [?], Капповского путча, убийства Эрцбергера... Завоевания Октябрьского правительства были бы сохранены, продвижение по пути реформ продолжалось бы в органической связи с прошлым, без озлобления масс и насилия над их убеждениями...»¹⁰⁹

В том же году появилась книга бывшего подполковника генерального штаба, представителя ставки при кайзере Альфреда Нимана «Революция сверху — переворот снизу». Сторонник «легенды о дольхштосе» в ее широком толковании, он прямо связывал «трагический исход героической борьбы Германии с насильственным государственным переворотом — революцией. Не принимая в расчет самооправданий Макса Баденского, он категорически утверждал: «...государственные реформы, сначала сдержанные, а потом слишком торопливо проведенные, настолько ослабили традиционный авторитет государства в период его внешнеполитического бессилия, что борьба за го-

сударственную власть смогла быть в конечном счете силой решена сторонниками переворота. Из революции сверху вырос переворот снизу». Как считал Ниман, опубликованные воспоминания участников событий, материалы расследований и судебные процессы дали достаточно материала, так что настало время представить «связное изложение событий, попытаться различить причины и следствия»¹¹⁰.

Ниман с порога отверг мнение, что «революции в известном смысле развиваются из нетерпимых государственных или социальных условий». Нет, утверждал он, революции совершают люди с различными инстинктами, желаниями, надеждами, жадной власти, притом вовсе не народные массы, а вожди, которые руководствуются не политическими и социальными факторами, а собственным «душевым состоянием». Поэтому (со ссылками на К. Ротхауза и А. Валя) Ниман переносил акцент на личности правителей и революционных вождей, на их идеологию и психологию. Автор прибавил к этому еще и традиционные представления о примате внешнеполитических факторов, а от себя — уничтожительные сентенции такого рода: «Никакая чума так не заразительна, как революция. Всякая революция пробуждает страсть к подражательству». Исходя из столь глубоких посылок, Ниман объявил германскую революцию «бессмысленной», ибо в ней-де проявилось «желание проявлением покорности понравиться чужим народам!»¹¹¹

Свою задачу Ниман видел в разрушении «заблуждения», будто германская революция была явлением закономерным, и изыскивал доказательства злонамеренности германских революционеров, будто бы систематически отравлявших сознание народа. Так, он оспаривал утверждение Шейдемана, что предвоенная социал-демократия ориентировалась на «мирное развитие к демократии и через демократию к социализму». Хотя ревизионистские идеи влияли на парламентскую тактику, считал Ниман, пропаганда социал-демократии оставалась враждебной существующему государству. Война, правда, вызвала крушение интернационалистских иллюзий, и профсоюзы заняли позиции классового мира, однако назависимцы и особенно спартаковцы показали, что «марксизм снова ожил в массах». Хотя вне социал-демократии автор не обнаружил «революционной воли», он осуждал также всех либералов и демократов, парламентариев и газетчиков за их «скепсис и разлагающую критику, опасные для авторитета государства и монархии», обвинил их в «беспринципном оппортунизме и бесхарактерности». С пробуждением в ходе войны революционных настроений Ниман связывал «начало драмы, в конце которой стоит катастрофа 9 ноября 1918 г.»¹¹².

Ниман свидетельствовал, что «Эберт, хотя и убежденный социалист и пацифист, но в основе настроенный патриотично», заключив уже 10 ноября соглашение с «Верховным командованием, как носителем реальной власти», этим «спас Германию от развития по русскому пути». И все же, сетовал он, социал-демо-

кратия не порвала окончательно с Марксом и не вернулась к Лассалю, ибо «в национальной идее ей виделся призрак внутривластической реакции»¹¹³.

Еще дальше назад, к отказу от дифференциации в лагере оппозиции монархии и военщины, к «дольхштосу в широком смысле», продвинулся Ганс Герцфельд, приват-доцент из Галле, сотрудник «Ежегодника Германской истории». Его книга, появившаяся в 1928 г., была озаглавлена «Германская социал-демократия и распад единого национального фронта во время мировой войны». Автор считал, что в литературе предшествующих лет проявилось стремление односторонне рассматривать поражение Германии и процесс внутреннего разложения в стране только с военной точки зрения, поскольку исходным пунктом было обвинение, выдвинутое «сражающейся армией против революции в тылу». Однако этим нельзя ограничиться, и историческое исследование должно вынести свой приговор относительно «двойного лица германской социал-демократии и революционного духа ее марксистского наследия»¹¹⁴.

Герцфельд, опираясь на самых одиозных «свидетелей», выступавших на мюнхенском процессе о «дольхштосе», подчеркивал, что германская революция была вовсе не следствием военного поражения. Напротив, поражение было результатом «систематической и целеустремленной работы тех кругов, которые проповедью тупых интернационалистских представлений полностью перевернули в головах немецких рабочих картину политических реальностей». Далее следовало обычное в устах сторонников легенды утверждение, что «крушение единого национального фронта» ослабило сопротивление Германии и стало одной из причин «катастрофы». Это должно было подвести читателя к выводу: Версаль стал возможен только из-за революции, которая «выбила из рук Германии всякое оружие, физическое и моральное», так что противник потерял к ней всякое уважение¹¹⁵. Хотя зачинателями «дольхштоса» были для Герцфельда независимцы, включая спартаковцев, он, выгораживая военщину, осуждал и всю германскую социал-демократию.

Социал-демократы отвечали на новую волну обвинений публикацией целого ряда работ. Вслед за двухтомным изданием статей и речей Ф. Эберта, а также его дневниковых записей, вышел еще том его сочинений, а также книга, посвященная памяти первого президента республики¹¹⁶. Опубликовал свои воспоминания о пребывании в 1919 г. на посту правительственного комиссара на Рейне и Руре К. Зеверинг. Он рассказал о своем «посредничестве» между горняками, «доверенным лицом» которых изображал себя, и командующим VII военным округом генералом Ваттером, жестоко подавлявшим забастовки силами вооруженных «добровольческих корпусов». Позиция самого Зеверинга состояла в том, что он, подтвердив осадное положение, объявил о введении «трудовой повинности», но обещал некоторое сокращение рабочего дня. Не признавая обоснованной борьбу

горняков за права шахтерских Советов и осуществление социализации, Зеверинг объявил ее причиной «демагогию и натравливание», утверждал, что «часто следствием речи на собрании становились самые опустошительные бесчинства... Убийства, разбой, грабежи и жестокости были в порядке вещей». Лишь с оговорками он признал, что вооруженные каратели во время столкновений, когда текла кровь, проявляли не только «преданность и храбрость», но и «отсутствие политического чутья и сознания». Когда всеобщая стачка горняков в апреле 1919 г. была задушена военной силой и демагогическими маневрами, Зеверинг ездил в Верхнюю Силезию для передачи «опыта» другому социал-демократическому комиссару Герзингу ¹¹⁷.

Почти одновременно вышла документальная книга Г. Шпетмана «12 лет горного дела в Руре». Хотя она отнюдь не защищала революционеров, приведенные в ней конкретные материалы рисовали иную картину условий жизни горняков и причин их упорной борьбы за свои права ¹¹⁸.

В 1928 г. Ф. Шейдеман выпустил два тома «Мемуаров социал-демократа» ¹¹⁹. По сравнению с «Крушением» здесь была существенно заострена полемика с Людендорфом. Больше места заняли события самой революции. Расписывая свои старания об освобождении из тюрьмы Карла Либкнехта, Шейдеман в то же время частично раскрыл свою роль в провокации, приведшей к разрыву накануне революции дипломатических отношений с Советской Россией.

По его рассказу, на заседании кабинета 28 октября 1918 г. возник вопрос о том, как пресечь «большевистскую пропаганду» советского посольства в Берлине: «Я видел только две возможности. Может быть, найдется высший чиновник, который согласится дать себя „прогнать“, после того как он „на собственный страх и риск“ с несколькими клерками ворвется в русское посольство, чтобы конфисковать листовки. Другое мое предложение было таким: нужно отретировать с несколькими грузчиками, как можно при переноске ящика [посольской почты] на каменной лестнице [вокзала] так уронить его на угол, чтобы он обязательно разбился. Тогда из него высыпятся листовки, и это станет доказательством того, что посольство недопустимым образом злоупотребляет своей экстерриториальностью, из чего можно будет сделать соответствующие выводы. В кабинете над этими предложениями посмеялись, но больше не говорили. Общественности они стали известны лишь из книги принца Макса, в которой он их выболтал.

Несколько дней спустя после моего предложения, это было 4 ноября, доктор Зольф (статс-секретарь иностранных дел.— Я. Д.) объявил, что на одном из берлинских вокзалов при разгрузке носильщиками багажа русских дипкурьеров один ящик раскололся; его содержимое составляли большевистские листовки самого зловередного содержания. На следующий день все русские „дипломаты“ были высланы...» ¹²⁰.

Впоследствии были документально установлены и другие

детали этой провокации. В том числе и тот факт, что подброшенные полицией листовки были в действительности написаны и отпечатаны спартаковцами в Германии ¹²¹.

Мемуары Макса Баденского побудили Шейдемана и к некоторым другим «признаниям». Чтобы предстать в роли давнего республиканца, он не только обвинил канцлера в нерешительности и колебаниях по вопросу об отречении кайзера, но и приоткрыл завесу над своими разногласиями с Эбертом относительно провозглашения республики. Он драматизировал ситуацию, в которой провозгласил известную речь из окна рейхстага 9 ноября 1918 г., провозгласив «Германскую республику». По его рассказу, он, Шейдеман, ужаснулся, узнав о намерении Либкнехта «провозгласить Советскую республику», и так изобразил свои чувства: «Значит, Германия станет русской провинцией, филиалом Советской республики?? Нет! Тысячу раз нет! Несомненно, победит тот, кто поведет массы от дворца к рейхстагу „по-большевистски“ или от рейхстага к дворцу „по-социал-демократически“! Я видел перед собой русское безумие, смену царского террора большевистским: „Нет! Нет! Только не это в Германии после всех других ее бед!“».

Опьяненный своей ролью «спасителя Германии», Шейдеман вернулся в столовую, где Эберт доедал жидкий суп. О происшедшей между ними сцене скупой рассказал Макс Баденский ¹²². Теперь Шейдеман решил усилить впечатление: «Такой мирно-дружеской... она не была. Лицо Эберта стало пунцово-красным от гнева, когда он услышал о моем поведении. Он ударил кулаком по столу и закричал на меня: „Это правда?“ Когда я ответил ему, что „это“ не только правда, но и само собой разумеющийся поступок, он устроил сцену, которая мне показалась тогда загадкой. „Ты не имеешь права провозглашать республику. Что будет с Германией, станет ли она республикой или еще чем-нибудь, это решит Учредительное собрание!“ Как мог столь умный человек так ложно оценивать ситуацию, что он еще 9 ноября думал о регенте, преемнике кайзера, имперском правителе и тому подобной абсолютно дискредитированной монархической рухляди! Теперь, много лет спустя после того памятного дня, я лучше понимаю поведение Эберта, ибо появилось много книг и других сообщений, из которых видно, что тогда велось немало тайных переговоров о монархии, республике, регентстве и т. д., о которых я не знал. Эберт чувствовал себя ими в известной мере связанным. Для социал-демократической партии и меня такой связи не было...» ¹²³

Есть в мемуарах Шейдемана и другие подобные «зарисовки», сделанные с очевидной целью представить автора в наиболее эффектной позе, даже за счет своих соратников. Так, он рассказал, что предостерегал Эберта против занятия поста рейхспрезидента, ибо «радикальные рабочие, когда ничего не получится с социализацией, направят свои атаки против социал-демократического президента». Восхваляя Веймарскую конституцию, как «самую свободную в мире», Шейдеман объявил «вели-

чайшей ошибкой, что она еще не оживила народ», не научила его «жить в условиях свободы и пользоваться конституционными правами». Он хвастал тем, что первый, задолго до Капповского путча, провозгласил: «Враг справа!»¹²⁴

В том же году обстоятельный том, специально посвященный воспоминаниям о Ноябрьской революции (до выборов в Национальное собрание), опубликовал Герман Мюллер¹²⁵, в революционные месяцы один из видных деятелей СДПГ и руководителей берлинского исполкома Советов, а затем Центрального Совета. Книга содержала значительный документальный материал, главным образом о событиях в столице, в том числе по черпнутый из неопубликованных протоколов заседаний Советов.

Уже на первых страницах книги Г. Мюллер заметил, что тот, «кто охотно вспоминает о ноябрьских днях 1918 года, даст, руководствуясь своими чувствами, без раздумий положительный ответ на вопрос о том, произошла ли вообще революция». Тем республиканцам, которые выражали в этом сомнение, исходя из недостатков Веймарской республики, автор напоминал, что в ноябре произошли важные события: свержение полуабсолютистской монархии Вильгельма II, крушение авторитарного государства, «капитуляция прусско-германского милитаризма перед народом». Тем демократам, которые считали революцию ненужной после конституционных реформ Макса Баденского, Мюллер возражал, что эти реформы «стали для немецкого народа недостаточными». Отвергая смехотворные утверждения, будто причиной революции были листовки «Спартака» или «русские деньги», он в то же время не преминул продемонстрировать лютую ненависть социал-демократии к «большевизму». Утверждая, что Ноябрьская революция «не развилась нормально из общественных условий, а была детищем войны», точнее — поражения Германии в войне, Мюллер не обнаружил более глубоких причин революции¹²⁶.

Вся книга пронизана ненавистью не только к русской революции, но и к германским революционерам. Из нее видно и то, как руководство СДПГ, опираясь на слаженный партийный аппарат, воздействовало на солдат и рабочих, на возникшие Советы, чтобы, удержав их под своим влиянием, сорвать дальнейшее развитие революции. Это проявилось уже на собрании 10 ноября 1918 г. в цирке Буша, где был утвержден Совет народных уполномоченных и избран Исполком Берлинского Совета.

Хотя воззвание СНУ говорило о задаче «осуществления социалистической программы», Мюллер прокомментировал его так: «Устранение капиталистического общественного строя шесть народных уполномоченных не могли декретировать силой закона. Это запрещало им знание учения Маркса». Но тут же Мюллер утверждал, что в Германии и Пруссии были созданы «чисто социалистические правительства, право на существование которых вытекало из воли рабочих масс. Солдаты тоже в своей массе до демобилизации были лишь одетыми в защитную форму рабочими и служащими». Более того, Мюллер за-

явил даже: «Это переходное время было для Германии, так сказать, периодом диктатуры пролетариата»¹²⁷.

Описывая деятельность берлинского «Исполкома Германской социалистической республики», Мюллер показал, как он сам и другие социал-демократы ловко использовали слабости, колебания, нерешительность независимцев, чтобы помешать «перенесению в немецкие условия русских методов», т. е. установлению *реальной* власти Советов. Мюллер охотно признал, что вступил в исполком «с твердым намерением помешать, чтобы между народными уполномоченными и исполкомом были сооружены баррикады. Напротив, я твердо решил действовать как строитель мостов». Эберт очень боялся, что берлинский исполком может превратиться в общегерманское представительство Советов, но Мюллер успокоил его тем, что кооптированные представители Южной Германии и солдат были приверженцами скорейшего созыва Национального собрания. Описывая «борьбу за власть» между исполкомом и СНУ, Г. Мюллер хвастал, что изнутри систематически срывал все попытки исполкома создать Красную гвардию, свой печатный орган, принять меры для борьбы с контрреволюцией, убедить Советы в стране, что они должны стать полновластными органами, и т. п., а потом добился полной капитуляции исполкома перед СНУ¹²⁸.

Освещая выступления контрреволюции 6 и 24 декабря, а особенно январские бои в Берлине, Мюллер не скрывал своей враждебности к революционерам. Он ни словом не обмолвился об известном по заявлениям Грёнера на мюнхенском «дольхштос-процессе» соглашении Эберта—Грёнера против революции, как, впрочем, и о соглашении Легина—Стиннеса. Характеризуя январские бои, он назвал их «попыткой спартаковского восстания» и (в том числе со ссылкой на Бернштейна) целиком оправдывал кровавые злодеяния карателей, которыми командовал Носке.

Закljučая свои воспоминания, Г. Мюллер заявил: «Переход от авторитарного государства к народному государству произошел сравнительно легко потому, что в неконституционное время [!] народные уполномоченные оправдали себя как законодатели во всех главных сферах». Не наивность, а цинизм выражали слова автора: «Революция начала дело освобождения рабочего класса. В Веймаре был заложен росток будущего социалистического общества»¹²⁹.

Ко времени выхода этой книги Г. Мюллер стал после восьми лет правления буржуазных деятелей рейхсканцлером. В его правительство широкой коалиции вошли и представители правой Народной партии. Это, с одной стороны, означало продолжение социал-демократией политики буржуазного блока, а с другой — вело к углублению раскола рабочего движения.

Стремление укрепить союз буржуазных партий с социал-демократией нашло выражение и в официальном юбилейном издании — монументальном томе «Десять лет германской исто-

рии. 1918—1928». Введение к нему написали рейхсканцлер Герман Мюллер и министр иностранных дел Густав Штресеман. Первый, избегая слова «революция», говорил о «днях, когда в глубокой нужде началось восстановление Германии», о людях, которые в «дни полной катастрофы не утратили веры в волю немецкого народа к жизни» и создали на республиканской основе новый государственный строй. Второй рассуждал о «новых путях осуществления непреходящих требований немецкого народа, о его мирном возрождении и равноправном сотрудничестве в содружестве наций»¹³⁰.

Мнение профессиональных историков о революции и республике выразил в томе тайный советник профессор Берлинского университета Герман Онкен. Высказав сожаление по поводу постигшей Германию в 1918 г. военной катастрофы, он охарактеризовал последующие события как «внезапный и всеобщий переход от организованной силы к хаосу». По его мнению, хотя некоторые сопутствующие явления «внешне выглядели революционно», применить к этому периоду историческое понятие «революция» можно лишь условно, прежде всего в негативном плане — «с точки зрения объема разрушенных законных основ всякого политического порядка и созданного таким образом вакуума, который революционная фантазия хотела разрисовать по собственному усмотрению». Ложными были утверждения Онкена, будто «ноябрьские события» были «революцией без сознательного стремления к революционному творчеству и без революционных вождей». Он считал германскую революцию всего лишь «внутриполитическим следствием внешнеполитических решений»¹³¹ в отличие, например, от Великой французской революции, порожденной внутренними причинами и борьбой за власть (тогда как внешнеполитические события стали ее продолжением).

Позитивным в событиях 1918 г. Онкен признавал только то, что в Германии была тогда предотвращена «большевистская революция». Истоки их он видел в происках «русских агентов», пытавшихся разжечь «хаотическое движение», и в «самых диких анархистских бесчинствах», включая «Мюнхенскую власть Советов». В «отражении большевизма» он усматривал событие европейского масштаба, достигнутое благодаря «здравому смыслу масс, чувству ответственности новых вождей социал-демократического и буржуазного происхождения», а также доказательство того, что, «хотя надстройка лежала в развалинах, фундаменты бисмарковской империи все же устояли»¹³².

Заслугой творцов Веймарской конституции Онкен объявил их противостояние «безудержному захватническому инстинкту» французов и «призраку большевизма». Признавая, что конституция была лишена действительно созидательной идеи, носила черты компромисса, Онкен тем не менее считал ее исторической заслугой то, что она «формально и юридически являлась первым шагом к преодолению революционной анархии»¹³³.

В своей речи в честь конституции на собрании высших учебных заведений Берлина в июле 1929 г. Онкен еще сильнее подчеркнул роль социал-демократии в сохранении традиционных основ буржуазно-юнкерской империи. Он считал, что за десятилетие Веймарская конституция превратилась из временной конструкции в «охранительный вал всего нашего внешнего и внутреннего существования». Время нападков на конституцию за ее «революционное происхождение» и попыток бороться с ней контрреволюционными средствами, заявил он, прошло¹³⁴. Близорукость таких суждений проявилась вскоре.

Примечательно, что за статьей Онкена в юбилейном томе сразу следовала статья Густава Носке, в то время оберпрезидента провинции Ганновер, озаглавленная «Отражение большевизма». Заслугу «спасения» страны от революции он приписывал как социал-демократам, так и военщине, с которой сотрудничал в кровавой расправе над рабочими¹³⁵.

Позицию либеральных политиков ярче всего выразил Вильгельм Кюльц, поддержавший тезис о том, что в Германии родилась «республика без республиканцев», «демократия без демократов». «Не мы пришли к республике и демократии,— писал он,— а республика и демократия неожиданно среди ночи явились к нам. Во мраке 1918 г. вопрос стоял не так, желали ли мы отвернуться от монархии и обратиться к демократии; мы вынуждены были повернуться к демократии, хотели мы того или нет». Революция не преодолела довоенной партийной структуры, партии лишь сменили одежды, а это было, по мнению Кюльца, доказательством того, что «ноябрьские события» были не выражением активной борьбы за осуществление великой идеи, а всего лишь «катастрофой» и инстинктивно вызванной ею «волей к государственному самосохранению», противостоящей внешней и внутренней угрозе уничтожения. Поэтому и Веймарская конституция «вовсе не оправдание революции; она является преодолением революции»¹³⁶.

Столь же официальное юбилейное издание, вышедшее год спустя, называлось: «Германское единство — германская свобода. Памятная книга правительства к десятилетию конституции 11 августа 1919 г.»¹³⁷ Том открывался вводным словом президента Гинденбурга и предисловием рейхсканцлера Мюллера. Среди документов «ноябрьских дней» было опубликовано письмо фельдмаршала народному уполномоченному: 8 декабря 1918 г. Гинденбург впервые обратился к Эберту с личным посланием. После провала путча 6 декабря военщина упрекала Эберта в пассивности, и в письме за восхвалением Эберта как «истинного немца, любящего свое отечество», следовало требование «решительных действий для спасения народа [?] от грозящей катастрофы». Гинденбург настаивал, чтобы Национальное собрание было созвано немедленно, Советы полностью устранены, в войсках решительно восстановлены дисциплина и права

офицеров. Только на этих условиях Гинденбург обещал Эберту полную поддержку, «свою и всей армии»¹³⁸.

Либеральный профессор Теодор Хейс в статье «Эберт и Гинденбург» решил сравнить двух президентов. Их разделяло, писал он, происхождение, мировоззрение, поведение, темперамент, но было у них и нечто общее: деловитость характера, сильное чувство долга и ответственности. Именно поэтому «союз» обоих этих мужей «позволил быстро создать в Германии зимой 1918/19 г. новую правовую почву и законность». Хейса умиляло, что «социалист» Эберт, не страшась упрека из собственной среды в предательстве, стал спасителем буржуазного строя. Он даже сравнил его с Авраамом Линкольном*. В то же время, утверждал Хейс, «солдат короля» и носитель прусской традиции Гинденбург стал «моральным столпом республиканского государства»¹³⁹.

Социал-демократ К. Зеверинг пытался в своей статье, хотя и с оговорками, выдать Веймарскую республику за «государство рабочих», в котором имеются «элементы истинно социального государства», а конституция не только указывает цели, но дает будто бы и средства для их достижения¹⁴⁰. Вместе с тем в том же сборнике поднимали голос также те «молодые», которые мечтали решительно покончить с демократией и водрузить на ее место «третью империю» с сильным авторитарным правительством, не зависящим от партий и парламента, концентрацией власти в руках «вождя» — «фюрера»¹⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Zethin C.* Die internationale Lage. Aus dem Referat auf dem III. Parteitag der KPD, 26. Februar 1920 // *Ausgewählte Reden und Schriften.* B., 1960. Bd. 2. S. 192.

² *Pieck W.* An der Bahre der 42 Toten der Betriebsrätedemonstration // *Gesammelte Reden und Schriften.* B., 1959. Bd. 2. S. 28.

³ *Ego.* Wer hat die Revolution gemacht? Hamburg, 1920.

⁴ *Ludendorff E.* Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit, 1916/18. B., 1920; *Idem.* Kriegsführung und Politik. B., 1922.

⁵ *Hindenburg P. von.* Aus meinem Leben. Leipzig, 1920. S. 393, 403.

⁶ *Wilhelm II.* Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig; Berlin, 1922; *Wilhelm, [Kronprinz].* Aus den Aufzeichnungen, Dokumenten, Tagebüchern und Gesprächen. Stuttgart; B., 1922; *Idem.* Meine Erinnerungen aus Deutschlands Heldenkampf. B., 1923.

⁷ *Hoffmann M.* Der Krieg der versäumten Gelegenheiten. München, 1923.

⁸ *Niemann A.* Kaiser und Revolution. Die entscheidenden Ereignisse im Großen Hauptquartier im Herbst 1918. B., 1922.

⁹ *Bauer M.* Der Große Krieg in Feld und Heimat: Erinnerungen und Betrachtungen. Tübingen, 1921; *Idem.* Wer trägt die Schuld an Deutschlands Unglück?: 15 Fragen an Herrn Philipp Scheidemann und Genossen. Tübingen, 1922; *Idem.* Ludendorff oder Delbrück? Tübingen, 1922.

¹⁰ *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. München, 1920; *Idem.* Preußentum und Sozialismus. München, 1920; (Рус. пер.: *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1923; *Он же.* Пруссачество и социализм. Пг., 1922).

¹¹ *Spengler O.* Preußentum und Sozialismus. S. 4.

* В 1950 г., став президентом ФРГ, Хейс прямо называл Эберта «Авраамом Линкольном германской истории».

- ¹² Ibid. S. 9.
- ¹³ Ibid. S. 13.
- ¹⁴ Ibid. S. 97—98.
- ¹⁵ Hoche A. Die französische und die deutsche Revolution. Jena, 1920.
- ¹⁶ S. 5, 8.
- ¹⁷ Ibid. S. 9, 12-13.
- ¹⁸ Ströbel H. Die deutsche Revolution: Ihr Unglück und ihre Rettung. B., 1920; *Idem*. Die Sozialisierung, ihre Wege und Voraussetzungen. B., 1920; (Рус. пер.: Штрёбель Г. Германская революция, в чем ее несчастье, ее спасение. М., 1924).
- ¹⁹ Bernstein E. Die deutsche Revolution, ihr Ursprung, ihr Verlauf und ihr Werk. B., 1921. S. 5—8; (Рус. пер.: Бернштейн Э. Германская революция, ее происхождение, ход развития и творчество. М., 1922.)
- ²⁰ Ibid. S. 40, 65, 137, 151
- ²¹ Ibid. S. 168—171.
- ²² Ibid. S. 174, 197—198.
- ²³ Scheidemann Ph. Der Zusammenbruch. B., 1921. S. 210, 219; (Рус. пер.: Шейдеман Ф. Крушение германской империи. М., 1923.)
- ²⁴ Scheidemann Ph. Über-Ludendorff. B., 1921.
- ²⁵ Erzberger M. Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart, Berlin, 1920. S. 354—356 (Рус. пер.: Эрцбергер М. Германия и Антанта. М., 1923).
- ²⁶ Ibid. S. 361—363.
- ²⁷ Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. B., 1921.
- ²⁸ Fischer A. Revolutionskommandantur Berlin. B., 1922.
- ²⁹ Blos W. Von der Monarchie zum Volksstaat // Denkwürdigkeiten aus der Umwälzung. Stuttgart, 1923. Bd. 1.
- ³⁰ Hahn P. Erinnerungen aus der Revolution in Württemberg // Denkwürdigkeiten aus der Umwälzung. Stuttgart, 1923. Bd. 2.
- ³¹ Payer F. Von Bethmann Hollweg bis Ebert. Frankfurt a. M., 1923
- ³² Maerker G. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig, 1922. S. 53—58, 134, 162.
- ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191.
- ³⁴ Rathenau W. Deutschlands Rohstoffversorgung. B., 1919; *Idem*. Nach der Flut. B., 1919
- ³⁵ Dix A. Wirtschaftskrieg und Kriegswirtschaft. B., 1920; (Рус. пер.: Дукс А. Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну 1914—1919 гг. м., 1926.)
- ³⁶ Leibrock O. Die volkswirtschaftliche Bedeutung der deutschen Arbeitgeberverbände. B., 1922. Bd. 1.
- ³⁷ Wissell R. Praktische Wirtschaftspolitik. B., 1919; Wissell R., Möllendorff W. Wirtschaftliche Selbstverwaltung. Jena, 1919.
- ³⁸ Koeth J. Die wirtschaftliche Demobilmachung. Ihre Aufgabe und ihre Organisation // Handbuch der Politik. B; Leipzig, 1921. Bd. 4.
- ³⁹ Drahn E., Leonhard S. Unterirdische Literatur im revolutionären Deutschland während des Weltkrieges. B., 1920; (Рус. пер.: Дран Э., Леонард С. Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны. М., 1923.)
- ⁴⁰ Buchner E. Revolutionsdokumente. Im Zeichen der roten Fahne. B., 1921. Bd. 1.
- ⁴¹ Deutscher Geschichtskalender, 1918, 1919 // Hrsrg F. Purlitz. Leipzig, S a. Ergänzungsbände: Der Europäische Krieg 1914—1918; Die deutsche Revolution; Die deutsche Reichsverfassung.
- ⁴² Ebert F. Schriften, Aufzeichnungen, Reden. Dresden, 1926. Bd. 2. S. 352.
- ⁴³ Brammer K. Der Prozess der Reichspräsidenten. B., 1925. S. 129—130.
- ⁴⁴ Der Dolchstoß // Süddeutsche Monatshefte. 1924 H. 7; Die Auswirkung des Dolchstoßes. Neue Dokumente // Ibid. H. 8.
- ⁴⁵ Brammer K. Op. cit. S. 18—19.
- ⁴⁶ Ibid. S. 89.
- ⁴⁷ Ibid. S. 122—124.
- ⁴⁸ Ibid. S. 9.
- ⁴⁹ Der Dolchstoß-Prozess in München, Oktober—November 1925: Eine Ehrenrettung des deutschen Volkes: Zeugen- und Sachverständigen-Aussagen: Eine Sammlung von Dokumenten. München, [1926]. S. 201, 223—224, 383—385.
- ⁵⁰ Ibid. S. 127—128.
- ⁵¹ Ibid. S. 283.

- ⁵² Volkmanн E. O. Der Marxismus und das deutsche Heer im Weltkriege. В., 1925. S. 270—272.
- ⁵³ Der Dolchstoß-Prozess... S. 366.
- ⁵⁴ См.: Petzold J. Op. cit. S. 60—61, 68—70, 108.
- ⁵⁵ Kuhl H. von. Entstehung, Durchführung und Zusammenbruch der Offensive von 1918 // Das Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen verfassunggebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages, 1919—1926/30. Vierte Reihe: Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918. В., 1927, Bd. 3; (Рус. пер.: Ген. ф. Куль, проф. Г. Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций 1918 г. М., 1935. С. 201, 203.)
- ⁵⁶ Ген. ф. Куль, проф. Г. Дельбрюк. Указ соч. С. 260. См. также: Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs. Bd. 6. S. 71.
- ⁵⁷ См.: Petzold J. Op. cit. S. 98.
- ⁵⁸ Der Dolchstoß der USPD: Von einem Frontkämpfer. В., 1925. S. 48—70.
- ⁵⁹ Liebknecht K. Reden und Aufsätze. Hamburg, 1921; *Idem*. Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß. В., 1921; *Idem*. Studien über die Bewegungsgesetze der gesellschaftlichen Entwicklung. München, 1922.
- ⁶⁰ Luxemburg R. Die Krise der Sozialdemokratie [Junius — Broschüre] 2. Aufl. mit einer Einleitung von C. Zetkin. Leipzig, 1919 *Idem*. Briefe aus dem Gefängnis. В., [1920]; *Idem*. Die Akkumulation des Kapitals, oder Was die Epigonen aus der marxistischen Theorie gemacht haben: Eine Antikritik. Leipzig, 1921; *Idem*. Die russische Revolution: Eine kritische Würdigung. S. 1., 1922; *Idem*. Briefe an Karl und Luise Kautsky. В., 1923; (Рус. пер.: Люксембург Р. Письма из тюрьмы. М., 1920; Она же. Накопление капитала: (К вопросу об экономическом объяснении империализма). М., 1921; Она же. Накопление капитала, или Что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика). М., 1922; Она же. Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896—1918 гг.). М., 1923). Рукопись о русской революции не была опубликована.
- ⁶¹ Ельницкий А. Роза Люксембург: Очерк ее жизни, общественной, революционной, публицистической и научной деятельности. М., 1925; Семковская Н. [Ирена Изольская]. Роза Люксембург. Харьков, 1925.
- ⁶² Биншиг Г. Очерки германской революции: Встречи и впечатления М., 1921. С. 7.
- ⁶³ Там же. С. 39—40, 42, 53.
- ⁶⁴ Schwabe F. Aus den Briefen Rosa Luxemburgs an Franz Mehring. // Die Internationale. 1923. Н. 3. S. 67.
- ⁶⁵ Мануильский Д. Германская революция в СССР. Харьков, 1923.
- ⁶⁶ Павловский Е. [Варга Е]. Банкротство Германии. М., 1923.
- ⁶⁷ Поль К. Германия накануне Октября: (Очерки). М., 1923. С. V, VIII.
- ⁶⁸ Тарле Е. Кризис Германии. Пг., М., 1924.
- ⁶⁹ Хмельницкая Е. Военная экономика Германии, 1914—1918 гг. М., 1924.
- ⁷⁰ Майский И. Современная Германия: (Экономика, политика, рабочее движение). М.; Л., 1924.
- ⁷¹ Полонская Л. Пути Германии: Экономические факторы и социальные силы, 1913—1923: В фактах и цифрах. М.; Пг., 1924.
- ⁷² Мстиславский С. Д. Классовая борьба в Германии. М., 1924.
- ⁷³ Панкратова А. М. Фабзавкомы в германской революции (1918—1923). М., 1924.
- ⁷⁴ Германская революция // Под ред. Вл. Мирошевского. М.; Пг., 1924. С. 68, 70, 74, 85.
- ⁷⁵ См. об этом: Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 214; Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1980. Т. 4. С. 654—657.
- ⁷⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 82.
- ⁷⁷ Коммунистический Интернационал. С. 221, 225—228, 239—241. Коммунистический Интернационал в документах, 1919—1932. М., 1933. С. 480—481.
- ⁷⁸ Второй Конгресс Коммунистического Интернационала, июль — август 1920. М., 1934. С. 551.
- ⁷⁹ КПСС в резолюциях и решениях. М., 1953. Ч. 2. С. 44, 47.
- ⁸⁰ Müller R. Vom Kaiserreich zur Republik. Bd. 1. Ein Beitrag zur Geschichte der revolutionären Arbeiterbewegung während des Weltkrieges. Wien, 1924. S. 7—8.

- ⁸¹ Ibid. S. 9.
- ⁸² Müller R. Op. cit. Bd. 2. Die Novemberrevolution. Wien, 1925. S.7.
- ⁸³ Müller R. Der Bürgerkrieg in Deutschland: Geburtswehen der Republik. B., 1925. S. 5.
- ⁸⁴ Spartakusbriege. B., 1926. Bd. 1: Mit einem Vorwort von Ernst Meyer. S. VII.
- ⁸⁵ Ibid. S. XII.
- ⁸⁶ Ibid. S. 157—162.
- ⁸⁷ Spartakus im Kriege: Die illegalen Flugblätter des Spartakusbundes im Kriege // Ges. und eingel, Ernst Meyer. B., 1927; (Рус. пер.: Спартак во время войны. Документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. М., 1933.)
- ⁸⁸ Фрелих П. К истории германской революции. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 3.
- ⁸⁹ Frölich P., Schreiner A. Die deutsche Sozialdemokratie: 14 Jahre im Bunde mit dem Kapital. B., 1928; (Рус. пер.: Фрелих П., Шрейнер А. Германская социал-демократия: 14 лет в союзе с капиталом. Л., 1929.)
- ⁹⁰ Тельман Э. Избранные статьи и речи. М., 1957. Т. 1. С. 374—375.
- ⁹¹ Там же. С. 8—9.
- ⁹² Trotz alledem, 10 Jahre KPD. Bildzeitung. Тельман Э. Избранные статьи и речи. Т. 2. С. 16.
- ⁹³ Pieck W. Die Gründung der KPD: Erinnerungen an die Novemberrevolution // Reden und Aufsätze. B., 1950 Bd. 1. S. 80.
- ⁹⁴ Ibid. S. 92—93.
- ⁹⁵ Ibid. S. 97—102.
- ⁹⁶ Ibid. S. 112—119.
- ⁹⁷ Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution. B., 1929. S. 3.
- ⁹⁸ Ibid. S. 3.
- ⁹⁹ Ibid. S. 4.
- ¹⁰⁰ Ibid. S. 511.
- ¹⁰¹ Ibid. S. 512—513.
- ¹⁰² Ibid. S. 514.
- ¹⁰³ Max Prinz von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart; B.; Leipzig, 1927.
- ¹⁰⁴ Ibid. S. 599—600.
- ¹⁰⁵ Ibid. S. 618, 625.
- ¹⁰⁶ Die Gesellschaft. 1927. H. 9. S. 208—209.
- ¹⁰⁷ Max Prinz von Baden. Op. cit. S. 632.
- ¹⁰⁸ Ibid. S. 634.
- ¹⁰⁹ Ibid. S. 636—637.
- ¹¹⁰ Niemann A. Revolution von oben — Umsturz von unten. Entstehung und Verlauf der Staatsumwälzung in Deutschland, 1914—1918: Mit einem Dokumenten-Anhang. B., 1927. S. 7.
- ¹¹¹ Ibid. S. 9—11.
- ¹¹² Ibid. S. 12—21.
- ¹¹³ Ibid. S. 317—319.
- ¹¹⁴ Herzfeld H. Die deutsche Sozialdemokratie und die Auflösung der nationalen Einheitsfront im Weltkriege. Leipzig, 1928. S. VI—VII.
- ¹¹⁵ Ibid. S. 189—195.
- ¹¹⁶ Ebert F. Schriften, Aufzeichnungen, Reden. Dresden, 1926. Bd. 1—2; *Idem.* Kämpfe und Ziele. B., 1927; Friedrich Ebert und seine Zeit. Ein Gedenkbuch über den ersten Präsidenten der Deutschen Republik. Charlottenburg, 1928.
- ¹¹⁷ Severing C. 1919/1920: Im Wetter- und Watterwinkel. Bielefeld, 1927. S. 7—8, 40—42, 83, 89—91.
- ¹¹⁸ Spethmann H. 12 Jahre Ruhrbergbau. Aus seiner Geschichte vom Kriegsausgang bis zum Franzosenabmarsch. Bd. 1. Aufstand und Ausstand bis zum zweiten Generalstreik April 1919. B., 1928.
- ¹¹⁹ Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten. Dresden, 1928. Bd. 1—2.
- ¹²⁰ Ibid. Bd. 2. S. 252—253.
- ¹²¹ См. об этом: Ноябрьская революция. С. 81—82.
- ¹²² Max Prinz von Baden. Op. cit. S. 642.
- ¹²³ Scheidemann Ph. Op. cit. S. 313—314.
- ¹²⁴ Ibid. S. 354, 362, 386—387, 426.
- ¹²⁵ Müller-Franken H. Die Novemberrevolution. Erinnerungen. B., 1928.
- ¹²⁶ Ibid. S. 7—13.

- ¹²⁷ Ibid. S. 84, 88—89.
¹²⁸ Ibid. S. 104, 106, 111, 117—120, 131, 143.
¹²⁹ Ibid. S. 285—286.
¹³⁰ Zehn Jahre deutsche Geschichte, 1918—1928. B., 1928. S. VI, VIII.
¹³¹ Ibid. S. 6.
¹³² Ibid. S. 7.
¹³³ Ibid. S. 8.
¹³⁴ См.: *Schleier H.* Die bürgerliche deutsche Geschichtsschreibung der Weimarer Republik. B., 1975. S. 49.
¹³⁵ Zehn Jahre deutsche Geschichte. S. 21—22, 37—38.
¹³⁶ Ibid. S. 55—56, 61.
¹³⁷ Deutsche Einheit. Deutsche Freiheit: Gedenkbuch der Reichsregierung zum 10. Verfassungstag, 11. August 1929. B., 1929.
¹³⁸ Ibid. S. 122—124.
¹³⁹ Ibid. S. 220—223.
¹⁴⁰ Ibid. S. 165—166.
¹⁴¹ Ibid. S. 175.

КОНФРОНТАЦИЯ ФАШИЗМА И АНТИФАШИЗМА

В ГОДЫ КРИЗИСА

Небывалый экономический кризис, поразивший особенно тяжело Германию, привел в начале 30-х годов не только к обострению в стране классовых конфликтов, но и к смещению всей идейно-психологической ситуации. Националистическая, расовая, а в демагогическом плане и «антиплутократическая» кампания национал-социалистов привлекла на их сторону прежде всего те слои мелкой буржуазии, которые кризис выбивал из привычной колеи. Реакционно-утопические, прусско-националистические идеи переплетались с растущей враждебностью к парламентско-демократической практике Веймарской республики.

Примечательно, что в конце 20-х и начале 30-х годов немецких избирателей гораздо чаще прежнего призывали к урнам голосования: в 1928 и 1930 гг. переизбирался рейхстаг; в 1932 г. проходило два тура голосования при выборах президента, а летом и осенью того же года дважды проводились выборы в рейхстаг. Однако такая избирательная активность была свидетельством отнюдь не «расцвета» демократии, а, напротив, ее агонии. Парадоксально, но в разрушении и подрыве изнутри Веймарской республики активно участвовали и те силы, которые считали себя ее создателями и столпами.

После падения в марте 1930 г. коалиционного кабинета Мюллера и прихода к власти буржуазного правительства Брюнинга стало все чаще практиковаться выключение рейхстага из управления государством. Финансово-экономические и социально-политические вопросы стали решаться посредством «чрезвычайных декретов», издаваемых президентом по согласованию с рейхсканцлером. Эта усиливавшаяся «президентская диктатура» открывала путь для легального прихода к власти гитлеровской партии и тем самым ликвидации веймарской демократии.

Созданный деятелями либерально-демократических партий Германский республиканский имперский союз, провозгласивший своей задачей распространение и внедрение в народное сознание республиканских идей, провел в 1926 г. в берлинской ратуше конференцию. На ней шли дискуссии о том, какие пути ведут к единому германскому государству, которое революция не создала, а конституция не закрепила¹. В 1930 г. созданная Имперским союзом конституционная комиссия после двухлетнего обсуждения подготовила проект «имперской реформы». Он предлагал вер-

нуться к первоначальным рекомендациям Гуго Прейса 1918—1919 гг., в которых речь шла о разделении Пруссии на самоуправляющиеся области и укрупнении самых мелких земель. Однако эти споры между «унитаристами» и «федералистами», чем дальше, тем больше служили лишь отвлечению внимания общественности от реально нараставшей угрозы справа самому существованию республиканской конституции.

Размыванию авторитета буржуазно-демократической парламентарной системы способствовало и все более широкое распространение консервативно-националистической и фашистской литературы. Вслед за О. Шпенглером и Э. Штадтлером появились и другие проповедники соединения национализма с мнимым «социализмом». А. Мёллер ван ден Брук еще в 1923 г. выпустил книгу «Третья империя»², давшую лозунг гитлеровцам. Консервативный расист, издатель журнала «Deutsches Volkstum» Вильгельм Штапель выступил с критикой «фикций Веймарской конституции». Не скрывая своих монархических симпатий, враждебности к парламентаризму, демократии и «хозяйничанью политических партий», он призывал «сломать деспотию парламентских клик». Проповедуя принцип «вождизма», Штапель писал: «Гинденбург является народным королем, хотя носит лишь титул президента. Важны не названия и организационные формы, а сила, величие и чистота души...»³.

В 1930 г. один из наиболее активных защитников «легенды о дольхштосе» — Эрих О. Фолькман в новой книге «Революция над Германией» назвал ее «полубессильными судорогами поверженного войной, голодом и поражением народа». Все же «первую революцию» в ноябре—декабре 1918 г. во главе с Эбертом и Шейдеманом он считал терпимой из-за заключенного лидерами социал-демократии соглашения с генералитетом. Тем резче он нападал на «вторую революцию», которую связывал с именами революционера К. Либкнехта и не менее ненавистного ему пацифиста К. Эйслера, приветствовал все акции подавления революционных рабочих, особенно в Баварии⁴.

В том же году прекратилась работа «Комитета Германского учредительного национального собрания и рейхстага по расследованию причин поражения Германии в мировой войне», хотя он так и не смог прийти к каким-либо общим выводам ни по одному из вопросов, на которые должен был дать обоснованные ответы.

Первый и второй подкомитеты издали по 4 тома, а четвертый — 12 томов протоколов, материалов и заключений экспертов⁵. Правым силам удавалось задержать или даже сорвать публикации заключений наиболее радикальных экспертов — пацифистов Г. Веберга и графа Монтгеласа, социал-демократа Г. Венделя, леволиберального юриста Г. Канторовича. В четвертом подкомитете противники «легенды о дольхштосе» занимали сильные позиции. Однако заключение леволиберального эксперта М. Хобоме о влиянии пангерманской аннексионистской пропаганды на крушение империи в 1918 г. было похоронено, а второе — о социальных

преследованиях в армии — опубликовано лишь после двух лет борьбы, в 1929 г.⁶ Активность проявляли здесь также Л. Бергштрессер и пацифист Л. Герц. Генеральный секретарь подкомитета, депутат Демократической партии Эуген Фишер-Балинг написал обстоятельное заключение об истории, смысле и критике лозунга о «дольхштоте», увидевшее свет только в 1932 г.⁷

Особое место среди экспертов занимал доцент древней истории Берлинского университета, в 1924—1927 гг. депутат рейхстага от КППГ Артур Розенберг. В своем заключении он ссылаясь на то, что Ленин и большевики выдвинули лозунг поражения своего правительства в империалистической войне, означавший призыв к международной революции, а когда революция победила, обосновали необходимость защиты пролетарского отечества. Однако этот тезис Розенберга был обесценен его же утверждением, будто в Германии произошла «ненастоящая» революция⁸.

В 1928 г. А. Розенберг в книге «Возникновение Германской республики» развивал мысль, будто октябрьские реформы правительства Макса Баденского уже установили в Германии буржуазную демократию. Игнорируя факт сохранения монархий, трехклассной избирательной системы в Пруссии, а прежде всего продолжения империалистической войны, Розенберг объявил, что революция стала поэтому ненужной: «По политической логике новая революция после 28 октября могла быть вызвана лишь одной из двух тенденций: сторонники свергнутой [?] системы могли попытаться осуществить контрреволюцию или же радикальные социалисты могли предпринять атаку в духе русских большевиков. Любая их этих акций справа и слева была обречена на неудачу, ибо она должна была натолкнуться на сопротивление широких масс средних слоев и рабочих в тылу и армии. Эти массы хотели тогда мира и буржуазной демократии, но не желали идти дальше... Несмотря на это, в ноябре 1918 г. произошла самая поразительная из всех революций. Массы, поддерживавшие большинство рейхстага, взбунтовались против правительства Макса Баденского, то есть собственно против самих себя. Как могла произойти такая революция?»⁹

Отвечая на этот, им же придуманный вопрос, Розенберг утверждал, что и самим массам это было непонятно... Однако массы дружно поднялись на революцию, очевидно, не без причины, не по чьему-то наущению. Они явно не хотели удовлетвориться куцыми реформами, дарованными родственником кайзера, они требовали немедленного окончания войны, отстранения ответственных за нее правителей, уничтожения монархии, подлинной, а не мнимой демократии и социализма. Трудно поверить, что серьезный историк мог этого не знать. Видимо, сказались политические мотивы: разошедшийся с коммунистами, недавно исключенный из КППГ, А. Розенберг искал сближения с социал-демократическими и буржуазно-либеральными кругами, как известно, старавшимися принизить, умалить или вовсе отрицавшими правомерность революции. В своей следующей книге, посвя-

щенной «истории большевизма», он констатировал, что «в Германии поначалу победила буржуазная революция», но, желая уличить революционеров в «утопическом радикализме», заявлял теперь, будто Советы вообще не имели никакого отношения к социализму¹⁰.

Происходили неприятные коллизии и с социал-демократическими авторами. Один вынужден был констатировать крушение многих иллюзий. Так, В. Фабиан в книге «Классовая борьба за Саксонию» признал, что социал-демократическое правление не привело эту землю, которую он именовал «экспериментальным полем германской политики», к итогу, сколько-нибудь отличному от остальной Германии: Советы, хотя и проявляли умеренность, были оттеснены от власти, старый государственный аппарат остался в неприкосновенности, «социализация» была заморожена, весной 1919 г. в Лейпциг вступили карательные войска генерала Меркера. Общий итог 12-летнего правления социал-демократов был не лучше: в 1929 г. к власти в Саксонии пришел благодаря поддержке нацистов кабинет буржуазного блока¹¹.

Несколько иначе сложились дела в Пруссии. Пауль Гирш — во время революции прусский министр внутренних дел, подписавший в январе 1919 г. приказ о смещении полицей-президента Эйхгорна и собиравшийся создать концлагеря для спартаковцев, — стал потом премьер-министром. Но не прошло и трех лет после выхода его апологетической книжки «Путь социал-демократии к власти в Пруссии»¹², как его коллеги 20 июля 1932 г. без сопротивления допустили государственный переворот, в результате которого у власти оказался союзник Гитлера фон Папен, а затем его сменил Герман Геринг.

Иной путь выбрал Август Винниг, во время революции участник подавления рабочих в Прибалтике. В новой книге «Империя как республика»¹³ он показал, что вполне усвоил фашистскую риторику, охотно рассуждал о «крови и почве», народности и государственности, о «жизненном пространстве» и колонизации Заэльбья. Вслед за Шпенглером он утверждал, что пруссачество и социализм связаны между собой общим духом, долгом и — враждебностью к парламентаризму. Сам Винниг причислял к своему кругу и других социал-демократов — П. Ленша, Э. Давида, Г. Кунова, К. Гениша. По его утверждению, идею республики «забросила» в Германию во время войны вражеская пропаганда, тогда как стремление к аннексиям должно быть оправдано, ибо оно было свойственно всему народу, не только правым, но и левым..

Винниг не скрывал, а охотно выпячивал то, что социал-демократические руководители не хотели революции. Но в ноябре 1918 г. «социал-демократы большинства, противники революции, сами призвали к революции. Революция, которую они теперь считали неотвратимой, должна была стать их революцией, а не революцией спартаковцев или независимцев». Это помогло СДПГ захватить и удержать власть, так что «революционные группы не

смогли их выключить, отодвинуть в сторону. Революционеры, готовые вести борьбу и против социал-демократов большинства, вынуждены были терпеть, что эти социал-демократы встали во главе движения».

Откровенно сожалея о крушении кайзеровской империи, Винниг считал, что старую государственность преодолело не выросшее и созревшее в народе желание. Нет, ее подавил внешний враг, обладавший превосходящим силами. «То была победа вражеских держав, использовавших рабочий народ для осуществления своего стремления уничтожить Германию». Выворачивая наизнанку факты, Винниг назвал «удивительной чертой этой германской революции» то, что «вышедшая из нее государственность обязана своим существованием не революционным силам, а чиновникам и армии, т. е. созданиям старого строя, которые пережили его. Этот факт символичен, и только он объясняет дальнейшее развитие новой государственности». В гражданской войне Винниг однозначно встал на сторону белогвардейских «добровольцев», особенно собранных на Востоке для «защиты» от большевизма¹⁴.

Винниг был откровеннее Шейдемана и Г. Мюллера. «Относительно цели, к которой стремились народные уполномоченные,— писал он,— несмотря на неясность их программы, едва ли можно сомневаться. Они хотели буржуазного конституционного государства в возможной для Германии республиканской и радикальной форме. Они не хотели „социалистического“ государства». Они добивались демократической республики с максимально достижимым социальным обеспечением, а «социализация» была для них опасным лозунгом, содержащим невыполнимые обещания. Да и независимцы, входившие в первое революционное правительство, не мыслили иначе, считал Винниг, хотя и говорили по-другому: «С самого начала „социализация“ была проблемой массовой психологии, тактики и для политиков никогда не была чем-то иным» Республиканскую конституцию Винниг объявил «временной», подписание Версальского мира — «идиотизмом». Вся логика рассуждений вела его в общество националистов. Книгу завершало выражение вполне определенной мечты: в следующей войне рабочие должны считать «дело нации» своим собственным, а не чуждым делом. «Тогда Германия сможет решить ту задачу, которая оказалась не под силу кайзеровской империи, до которой не доросла республика. Тогда начнется подъем Германии к великому руководству...»¹⁵

В правом лагере, где традиционных монархистов-националистов и поклонников Людендорфа все более оттесняли на второй план сторонники поднимавшегося нацизма, началом Веймарской республики занимались мало. Фашистами были безоговорочно восприняты главные тезисы пангерманцев и наиболее агрессивных сторонников «легенды о дольхштосе». Адольф Гитлер неоднократно с яростью обрушивался на виновников военного поражения Германии, к которым относил, кроме коммунистов, также «партии ноябрьских преступников — Центра и социал-

демократии». Адольф Розенберг видел причины «рабства Германии» в том «ударе кинжалом в спину», который якобы нанесли ей совместно «Антанта, еврейство и марксизм»¹⁶.

Гитлеровская пропаганда противопоставляла «марксистской» революции 1918 г. «национальную революцию», какой станет победа фашизма. В 1930 г. Гитлер в большой речи в Мангейме накануне 12-й годовщины Ноябрьской революции утверждал, что именно она повинна в том «расколе веры», который стал роковым для немецкого народа. Прусская государственная идея не сумела преодолеть противоречий между интернационально-марксистским и буржуазно-национальным мировоззрением, а потому будущее Германии целиком зависит от «нерастраченной силы национал-социализма». В «Воззвании к нации», записанном на грампластинки в 1932 г., Гитлер заявил: «Настал великий час решения. Судьба предоставила нынешним властителям испытательный срок, длившийся более 13 лет... Они тогда заявляли, что будут лучше править Германией, чем их предшественники... Теперь, когда они разрушили в Германии все, настала пора их устранить. Неважно, останутся ли жить нынешние парламентские партии, главное — предотвратить полную гибель германской нации...»

Куда привел Гитлер свою нацию, общеизвестно.

* * *

В Советском Союзе к началу 30-х годов стал проявляться не только юбилейный, но и научный интерес к германской революции. Ленинградский исследователь К. Шелавин, выпустивший основательную работу о российских революциях 1917 г., издал в двух томах, озаглавленных «Авангардные бои западноевропейского пролетариата», подробный очерк возникновения и развития революции в Германии. Шелавин привлек широкий круг немецкой литературы различных направлений, использовал прессу периода революции. Это позволило ему описать ход важнейших событий и проанализировать все узловые моменты революции от ноябрьских дней до первых шагов Национального собрания в Веймаре, особенно же январские дни в Берлине и отклик на них в провинции¹⁷.

В книге, а также в статье о «Спартаке» накануне январских боев¹⁸ Шелавин, хотя и отмечал, что руководство КПГ считало момент для свержения правительства неблагоприятным, придерживался утвердившейся в то время в части марксистской историографии характеристики январских боев как «героического восстания революционного пролетариата под руководством Спартака»¹⁹. Важной чертой работ Шелавина²⁰ было стремление осмыслить общее и различное в ходе российских и германской революций, однако сопоставления не всегда были достаточно аргументированными. Критика действительных и мнимых слабостей германских революционеров, особенно же «ошибок люксембургизма», была преувеличенной. Хотя за рамками книг

Шелавина остались революционные бои весны 1919 г., он отметил, что только после того, как Носке удалось повсюду разгромить рабочих, стало возможным оформить результат революции в веймарской конституции. Революцию в целом он оценивал как «пролетарскую революцию, которая потерпела поражение вследствие предательства шейдемановцев и каутскианцев»²¹.

Обстоятельный военно-политический разбор январских и мартовских боев 1919 г. был впервые осуществлен К. Фальке. Русский перевод с немецкой рукописи вошел в сборник очерков по истории вооруженных восстаний, подготовленный секцией Коммунистической академии по изучению проблем войны²². Фальке установил, что правительство провоцировало берлинский пролетариат, а руководство КПГ «не собиралось превращать протест против устранения Эйхгорна в призыв к вооруженному восстанию. Такой призыв, такой лозунг был бы малопонятен для рабочих масс в остальной части государства». Призыв же Революционного комитета, руководимого независимцами, к свержению правительства автор считал возможным только вследствие отсутствия «большевистской партии, связанной с массами». Независимцы вели дело дилетантски, и бои были «шагом назад по сравнению с декабрьскими», в том числе с точки зрения «тактики уличного боя». Поэтому не удивительна победа «хорошо организованной и хорошо вооруженной техническими средствами военизированной против небольшой толпы неорганизованных, хотя и готовых на жертвы рабочих, не имевших ни политического, ни военного руководства, пассивно обороняющихся, обреченных на то, чтобы истечь кровью на передовых постах без всякой активной помощи извне». Мартовские бои автор считал «классическим уроком того, что партия революционного пролетариата не смеет оставаться пассивной во время борьбы между революционными и контрреволюционными силами». Но тогда руководство компартии «испугалось возможности нового восстания и поражения»²³.

Разбор январских боев был дан также в статье А. Полякова. Однако, считая их «пролетарским восстанием не только по своим движущим силам и методам борьбы, но и по тем целям, за которые боролся берлинский пролетариат», автор ошибочно упрекал КПГ за то, что она раньше не дала лозунга «К оружию!»²⁴.

Летом 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» было опубликовано письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». В нем германские левые, особенно Роза Люксембург, были подвергнуты резкой необоснованной критике, ее ошибки были охарактеризованы как «полуменьшевистские», ей было приписано «сочинение схемы перманентной революции» (вместе с Парвусом), а также «полуменьшевистской теории империализма», которые были-де затем «подхвачены Троцким»²⁵. Эта пагубная установка была очевидным следствием обострения внутривнутрипартийной борьбы в РКП (б) и Коминтерне, стремления Сталина разгромить и уничтожить так называемую право-троцкистскую оппозицию, к которой были причислены Н. И. Бухарин,

А. И. Рыков, К. Б. Радек, а также ряд деятелей Коминтерна и зарубежных компартий.

Бела Кун опубликовал в Москве статью «Изучение истории Коминтерна в свете письма т. Сталина»²⁶. На февральском 1932 г. пленуме ЦК КПП Эрнст Тельман призвал вести решительную борьбу с остатками «люксембургизма». Вместе с тем он сказал, что партия твердо стоит на своей позиции: «Мы не помышляем о том, чтобы принизить значение Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Франца Меринга и других товарищей, которые создали левое крыло довоенной социал-демократии. Мы не помышляем о том, чтобы отречься от истинно революционных борцов и вождей, от их славных революционных традиций... Роза Люксембург и другие принадлежат нам, принадлежат Коммунистическому Интернационалу и КПП, в создании которых они участвовали»²⁷.

К полосе суровых испытаний, связанных с приходом фашистов к власти в Германии и их подготовкой к развязыванию второй мировой войны, прогрессивные общественные силы подходили раздробленными и ослабленными, что не могло не отразиться и на историографии кризисных лет.

НАЦИСТСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

С победой Гитлера сторонники «легенды о дольхштосе» отбросили всякий камуфляж. Э. О. Фолькман в книжке «У ворот нового времени» приветствовал фашистскую диктатуру²⁸. Представители военщины открыто превозносили свою враждебность не только по отношению к Ноябрьской революции, но и к Веймарской республике. Один из главных палачей германских рабочих — генерал фон Лютвиц без стеснения озаглавил свои мемуары «В борьбе против Ноябрьской революции»²⁹. А полковник Рейнгард, которого еще во время революции «буржуазный совет» Берлина публично провозгласил «спасителем Берлина» (что вызвало ревнивое недовольство Носке), назвал свою книжку «Муки республики». Для этого монархиста, впоследствии участника путча Каппа—Лютвица, лидеры социал-демократии Шейдеман, Эберт и даже Носке были «предателями». Рейнгард хвастал, что первый создал в Берлине воинскую часть («добровольческий полк Рейнгарда»), которая «стреляла и не вела переговоров». На его совести тысячи убитых на улицах и в Моабитской тюрьме. Своими воспоминаниями он хотел, как считал, восполнить пробел в описании событий в столице на рубеже 1918 и 1919 г., которые во всех многочисленных публикациях «либо обойдены, либо освещены неправильно»³⁰.

Э. Штадтлер теперь тоже без стеснения рекламировал свой зоологический антибольшевизм, в том числе и свое участие в убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург. Он так изобразил свою «политическую аудиенцию» у начальника штаба гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии В. Пабста: «Я сказал ему, что военное

вступление в Берлин лишь полдела... Если на нашей стороне нет пока вождей, то и другая сторона не должна их иметь... Роза Люксембург в высшей степени опасна... и с каждым днем ее популярность среди пролетарских масс растет... Глаза майора Пабста блестели... Он встал, по-солдатски пожал мне руку и сказал только: «Я вам очень благодарен, на меня вы можете положиться“...»³¹.

В этот хор хотел включиться и Густав Носке. Уволенный в отставку в 1933 г., он подготовил том воспоминаний, в котором снова утверждал, что именно от него зависела судьба Ноябрьской революции: «Не однажды я стоял перед выбором, должен ли я выступить за мирное развитие Германии или двигать вперед революцию. Из Киля, если бы я поднял боевое красное знамя и понес его вперед, по Германии пронесся бы такой сокрушительный поток, масштаб которого невозможно ныне даже представить»³². Он жаловался, что не все это оценили: «... бывшие адмиралы, которых я тогда спас от смерти, в 1933 г. заявили, что не могут сидеть со мной за одним столом...» Еще обиднее было для Носке то, что, хотя лично принявший его Геринг заверил: «Таких людей, как вы, не увольняют»,— ему пришлось уйти до срока выслуги полной пенсии... Да и воспоминания издать тогда не удалось³³.

Стремление возвеличить «подвиги» тех, кто участвовал в подавлении революционных выступлений и расправе с рабочими в разных районах страны, привело к изданию военно-историческим исследовательским институтом в 1936—1940 гг. восьми томов «Описание послевоенных боев германских частей и добровольческих корпусов»³⁴.

В исторических трудах гитлеровского времени были в полной мере развернуты все самые грубые домыслы «легенды о дольхштосе». Под флагом «уничтожения марксизма» отрицались напроць все завоевания рабочего класса, да и сам классовый подход. Достаточно пролистать, например, книги В. Клёбера «От мировой войны к национальной революции»³⁵ или «Историю немецкого народа» Ф. Штиве³⁶. Вышедшая в 1936 г. книга Г. Тидемана «Советская Россия и революционизация Германии в 1917—1919 гг.» посвящена доказательству ходкого и раньше тезиса о том, будто Ноябрьская революция была совершена врагами Германии «на русские деньги». Вместе с тем автор не мог не признать, что в обстановке роста революционных настроений в народе, связанных с влиянием идей русской революции, правящие круги были вынуждены пойти на некоторые реформы³⁷.

Полковник Б. Швертфегер, бывший эксперт Комиссии по расследованию, старавшийся сузить понятие о «дольхштосе» и достигнуть «национального примирения» всех противников революции, снова возродил в 1937 г. утверждения о том, будто армия и флот были «непобежденными». В книге «Поворот мира» он восхвалял «национал-социалистскую революцию»³⁸. «Воинствующей революцией», возродившей нацию, именовал ее К. Эггерс³⁹. Была издана книга «Призрак Ноября» давно умершего командира под-

водной лодки капитана флота фон Форстнера, в которой он рассказал не только о своих «военных подвигах», но и о борьбе против Эберта в 20-е годы. Она была специально рекомендована нацистскими инстанциями⁴⁰.

Начав вторую мировую войну и выступая 1 сентября 1939 г. в германском рейхстаге с обоснованием нападения на Польшу, Гитлер не преминул напомнить о революционных событиях почти 20-летней давности: «Я хочу заверить мир, что Ноябрь 1918 г. никогда больше не повторится в германской истории». Утверждая, что он сам и каждый немец в начавшейся войне готов пожертвовать своей жизнью, Гитлер угрожал противникам войны в Германии, что все сопротивляющиеся «национальному долгу» будут беспощадно уничтожены⁴¹. Еще год спустя он высмеивал англичан, будто бы расчитывавших на действия революционных сил, и заявил, что «генерала революции в Германии не сыскать»⁴².

Когда же в ходе мировой войны произошел перелом и под влиянием военных поражений на советско-германском фронте обозначилось приближение краха «тысячелетней империи», Гитлер и его приспешники стали обращаться к «опыту» 1918 г. в ином смысле, чем прежде. Опасения, что тыл не выдержит напряжения и рухнет, стали особенно сильными после заговора 20 июля 1944 г., несмотря на его провал. Неизменные в речах Гитлера военного времени заявления, что он в отличие от правителей Германии в первой мировой войне не сложит оружия «без четверти 12», а будет сражаться «до 5 минут после 12», звучали в годовщину революции 9 ноября 1944 г. так: «Измена за изменой поразила наш народ. Но все же надежды наших врагов не оправдались... Теперь у них осталась лишь надежда, поскольку они не смогли добиться иных успехов против Германии, нанести ей решающий удар кинжалом в спину изнутри страны. Бесхарактерные субъекты, смесь феодального высокомерия, буржуазной несостоятельности и старой парламентской коррупции, собрались вместе, чтобы сломить под корень сопротивление немцев в надежде тотчас получить плату за это клятвопреступление... Но тот, кто ныне поднимает против Германии кинжал или бомбу, будет безжалостно, беспощадно уничтожен...»⁴³

Однако в это время фашистскому режиму оставались уже считанные месяцы существования.

ОТ «ИДЕИ ШТУРМА»

К АНТИФАШИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

В первых документах КПГ и ИККИ, анализировавших поражение пролетариата в результате установления в Германии фашистской диктатуры, по-прежнему основная вина возлагалась на социал-демократию, которую объявляли главной социальной опорой буржуазии, партией «социал-фашизма». В этот контекст вписывались и характеристика Ноябрьской революции как пролетарской, подавленной социал-демократией, и установка, что

предстоящая борьба с фашизмом должна привести непосредственно к пролетарской революции и диктатуре пролетариата в форме Советской власти.

В это время на историко-философском факультете Московского государственного университета на кафедре истории стран Запада работал специальный семинар академика Н. М. Лукина, посвященный истории Ноябрьской революции в Германии. На нем рассматривались вопросы предыстории революции, ее движущих сил и характера, расстановки классовых сил, политической линии партий, влияния Октябрьской революции. Семинар, как свидетельствовал один из его участников — И. С. Галкин, «работал увлеченно и плодотворно»⁴⁴. К 15-летию революции в журнале «Борьба классов» были опубликованы содержательные статьи о событиях в Киле, Гамбурге, Бремене, Брауншвейге, Эссене, о боях на Руре⁴⁵.

В ярко написанной, хорошо документированной книге Б. С. Утевского об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург (с предисловием Феликса Кона) было раскрыто преступление военщины, ответственность за которое несли и правые лидеры социал-демократии, стоявшие у власти. Об этом свидетельствовали как комедия военного суда над убийцами, так и то, что те практически избежали наказания⁴⁶.

В 1934 г. была опубликована подготовленная в семинаре Н. М. Лукина исследовательская работа Ф. Г. Аленина «Советы в германской революции»⁴⁷. Опираясь на только что вышедшие в русском переводе протоколы I конгресса рабочих и солдатских Советов Германии, на газеты «Rote Fahne», «Freiheit» и «Vorwärts», некоторые документы, мемуары и литературу, автор проанализировал деятельность германских Советов в ноябре—декабре 1918 г. Исходя из характеристик, данных В. И. Лениным роли Советов в России, а также его высказываний о германских Советах, Ф. Г. Аленин подробно рассмотрел роль в Ноябрьской революции Берлинского Исполкома и Всегерманского съезда Советов.

Поставив принципиально важную проблему — «в какой степени Берлинский Совет рабочих и солдатских депутатов был властью. Вопросы двоевластия», — Аленин искал ответ в сравнении развития революционных событий в Германии и в России. Он отметил, что Петроградский Совет и некоторые другие обладали после Февраля реальной властью, но постепенно передавали ее буржуазному Временному правительству. «Такого положения, — писал он, — в Германии в ноябре — декабре не было. Здесь Берлинский Совет с первого же дня не обладал реальной властью, которой обладал Совет народных уполномоченных». Автор конкретно показал, что Берлинский Исполком действовал нерешительно, не умел занять самостоятельную позицию, проявлял беспомощность, все более приспособляясь к СНУ, даже прикрывая его контрреволюционную деятельность. Но тем не менее Аленин заключил: «В Ноябрьской революции в Германии, в частности и в особенности в Берлине, такое двоевластие существовало. Возникновение Берлинского Совета раб[очих] и сол-

д [атских] деп [утатов] 10 ноября означало образование двоевластия. Берлинский Совет раб [очих] и солд [атских] деп [утатов] был властью постольку, поскольку он существовал»⁴⁸.

Неубедительность объяснений Аленин пытался прикрыть рассуждениями о «своеобразии» двоевластия в России и Германии: в первой был буржуазно-демократический этап, во второй же о нем «не может быть и речи... поскольку эпоха буржуазно-демократической революции была уже *завершена*. Там (в Германии.— *Я. Д.*) объективные материальные предпосылки вполне уже созрели для непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата. Если этого не случилось, то по причинам субъективного порядка. В этом — коренное отличие двоевластия в русской и германской революциях».

Вывод Аленина звучал так: «Германская революция 1918 г., будучи по своим движущим силам и задачам пролетарской, не могла в силу предательства с [оциал]-д [мократических] вождей с первого своего шага решить эти стоявшие перед ней задачи. Она не дошла до диктатуры пролетариата. Это случилось потому, что социал-демократическое правительство — Совет народн [ых] уполн [омоченных] и социал-демократические Советы использовали еще сохранившееся у большинства пролетариата доверие к социал-демократии для того, чтобы задушить начинающуюся пролетарскую революцию, восстановить парализованную власть буржуазии, свести на нет силу Советов, превратив их в прикрытие контрреволюции. Двоевластие и выражало вот это противоречие революции. В германской революции не имелось благоприятных условий для прямого перехода от власти буржуазной к диктатуре пролетариата... В основном они сводятся к тому, что ко времени революции в Германии не было большевистской партии, которая могла бы стать во главе революционного пролетариата и завоевать большинство пролетариата на свою сторону...»⁴⁹

В работе Аленина о Советах осталась вне рассмотрения их деятельность весной и летом 1919 г., без чего анализ не был завершенным. Несмотря на очевидные недостатки, работа представляла собой попытку сопоставления Советов в России и Германии, что само по себе интересно.

В известном смысле продолжением начавшихся исследований роли Советов явилась книга Н. Е. Застенкера «Баварская Советская республика»⁵⁰, в первой части которой была дана характеристика Ноябрьской революции в целом. Работа, рассчитанная на массового читателя, была написана живо и образно, основана на широком круге первоисточников, среди которых наряду с листовками, прокламациями и газетами особенно ценным был комплект «Mitteilungen des Vollzugsrats der Betriebs- und Soldatengäte». Автор нарисовал общую картину Баварии, показал состав рабочего класса, положение крестьянства, его различные организации. Центральное место занимал анализ тактики коммунистов *

* Автор посвятил ей также специальную статью⁵¹.

на разных этапах: до установления Советской власти, во время первой («мнимой») Советской республики и особенно в течение тех двух недель, когда они возглавляли Советское правительство.

Критический подход, заостренные характеристики действий социал-демократов, независимцев и анархистов, выявление ошибок, допущенных коммунистами,— черты, свойственные стилю всех исторических работ этих лет,— в известной мере потеснили освещение того положительного, что удалось сделать коммунистам в труднейших условиях за короткий срок их пребывания у власти. Приветственное послание В. И. Ленина, направленное им Баварской Советской республике 27 апреля 1919 г.⁵², рассматривалось как директива, по которой оценивались улучшения коммунистов. Не было учтено, однако, обстоятельство, что приветствие если и дошло до них, то лишь тогда, когда они уже были вынуждены выйти из Советского правительства⁵³. И на этой интересной и содержательной книге лежал отпечаток установок Сталина, исключавших взвешенный анализ положительных и отрицательных сторон действий коммунистов.

Тем временем в 1934 г. в Исполкоме Коминтерна началось обсуждение вопросов относительно «новой стратегической ориентировки коммунистического движения». Речь шла о разработке политики единого рабочего и широкого народного фронта, столь необходимых для эффективной борьбы против фашизма и войны⁵⁴. Вырисовывалась потребность в пересмотре ряда прежних представлений, которые либо оказались неверными, либо не соответствовали более изменившимся условиям. Понадобилось творческое развитие ленинского учения о путях подвода масс к революции, о взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм, о союзах рабочего класса с другими слоями трудящихся. 1 июля 1934 г. Г. Димитров, ставший после Лейпцигского процесса членом Политкомиссии ИККИ, выдвинул в письме И. В. Сталину и ИККИ целый комплекс вопросов, и среди них следующие:

«1. Правильной ли является огульная классификация социал-демократии как социал-фашизма? Этой установкой мы часто преграждали себе путь к социал-демократическим рабочим.

2. Правильно ли считать социал-демократию везде и при всяких условиях главной социальной опорой буржуазии?

3. Правильно ли считать все левые социал-демократические группировки при всяких условиях главной опасностью?..»⁵⁵

Всестороннее обсуждение этих и других вопросов, в котором участвовали представители многих партий (в том числе от КПГ В. Пик, В. Ульбрихт, Ф. Геккерт, З. Шваб и др.), позволило выработать решения, принятые затем на состоявшемся в июле — августе 1935 г. VII конгрессе Коминтерна. Новые стратегические и тактические установки коммунистов потребовали известного пересмотра как их отношения к характеристике предшествующих революционных боев, в том числе Ноябрьской революции в Германии, так и особенно перспектив будущего революционного развития. Конференция Коммунистической партии Германии в ок-

тябре 1935 г., вошедшая в историю под названием Брюссельской, одобрила курс на осуществление широкой политики единого рабочего и народного фронта с целью добиться сотрудничества коммунистов с социал-демократами и объединить всех антифашистов в борьбе за свержение гитлеровской диктатуры.

Ориентируясь на установление товарищеских отношений с социал-демократическими рабочими, на союз рабочего класса со средними слоями, компартия определила свою позицию в народном фронте и ориентировала на *демократическую* республику в Германии. Такая республика, писал В. Пик, установленная после свержения гитлеровской диктатуры, «не должна стать повторением Веймарской республики, которая глубоко разочаровала большую часть немецкого народа. Несчастьем для немецкого народа было то, что партии Веймарской республики использовали демократию не для осуществления интересов большинства немецкого народа, а во всех отношениях капитулировали перед требованиями буржуазии. Именно этим они способствовали дискредитации демократической республики... Эти ошибки *не* должны повториться»⁵⁶.

Возможность установления единства действий социал-демократов и коммунистов стала реальной. В ряде групп, на которые распалась социал-демократическая партия, созревало понимание необходимости заново проанализировать и переоценить политику социал-демократических вождей, приведшую к катастрофе. Не только левая группа «*Neu beginnen!*», но и Пражский манифест эмигрантского правления СДПГ, опубликованный 28 января 1934 г., осудили «тяжелые исторические ошибки» социал-демократии.

О Ноябрьской революции в Манифесте говорилось: «Политический переворот 1918 г. произошел в конце контрреволюционного развития, обусловленного войной и разжиганием националистических страстей немецкого народа. Кайзеровский режим был устранен не организованной, подготовленной, сознательной революционной борьбой рабочего класса, а поражением на полях войны. Социал-демократия, как единственная оставшаяся в целостности организованная сила, без сопротивления возглавила государственное руководство, с самого начала деля власть с буржуазными партиями, со старой бюрократией и даже с реорганизованным военным аппаратом. То, что она переняла в почти неизменном виде старый государственный аппарат, было тяжелой исторической ошибкой, которую совершило дезориентированное во время войны германское рабочее движение»⁵⁷.

Несмотря на сомнительность такого объяснения (в том числе противопоставления революционной борьбы и военного поражения), в нем был элемент самокритики, позволявший выдвинуть перед будущим революционным правительством задачу полного слома гитлеровской государственной машины: «С победой тотального государства вопрос о его преодолении поставлен абсолютно однозначно. Ответ гласит: тотальная революция, моральная, духовная, политическая и социальная революция!» Манифест

призывал осуществить то, что не было сделано в 1918—1919 гг.: немедленное безвозмездное отчуждение крупной земельной собственности, банков. «Только после укрепления революционной власти,— говорилось далее,— и окончательного разрушения феодально-капиталистических и политических позиций власти контрреволюции начнется строительство свободного государства с народным представительством, избранным на основе всеобщего избирательного права...»⁵⁸

Хотя позиции существенно сблизились, понадобились почти три года переговоров и дискуссий, пока 21 декабря 1936 г. Комитет германского народного фронта в Париже смог принять воззвание, призывавшее: «Образуйте германский народный фронт! За мир, свободу и хлеб!» Его подготовили И. Р. Бехер, Р. Брейтшейд, Генрих Манн, А. Мойзель, В. Пик и В. Ульбрихт. Под ним поставили подписи и другие деятели КПГ и СДПГ, видные писатели, артисты, ученые. «История послевоенного времени,— говорилось в нем,— показала, что могильщиками свободы стали небольшие группы привилегированных, которые распоряжаются крупной земельной собственностью, крупными промышленными концернами и банками. Чтобы обеспечить свободу, новая Германия лишит врагов народа их власти»⁵⁹. Генрих Манн вскоре заявил, что будущая народная республика должна не «повторять роковые ошибки и слабости 1918 года, а создать сильную народную власть, противостоящую врагам народной свободы»⁶⁰.

Однако в социал-демократической эмиграции снова взяли верх те деятели, которые не признавали никакой самокритики. Так, Ф. Штампфер, многолетний редактор газеты «Vorwärts», издал в 1937 г. в Чехословакии пухлый том под названием «14 лет первой германской республики». Он продолжал твердить, что в 1918 г. в Германии «еще не было необходимой зрелости для социалистической республики», но революция проложила путь к мирному построению социализма. «Если поставить ретроспективно вопрос,— писал он,— какие возможности открывала перед трудящимися массами Веймарская конституция, ответ может быть только один: все!»⁶¹ Такое утверждение звучало сомнительно в 1919 г., а после крушения республики и ее конституции оно было просто кощунственным.

Впрочем, для Штампфера словесная эквилибристика была делом привычным. Он просто перекалывал вину за все ошибки и просчеты лидеров социал-демократии на народ. И в данном случае он заявлял: «Беспримерным несчастьем для рабочего класса было то, что большая часть его не поняла, что означает для него Веймарская конституция...» Развивая этот дезориентирующий тезис, Штампфер продолжал: «Творцом и носителем республики была прежде всего та часть германского рабочего класса, которая маршировала в рядах социал-демократической партии... Но у большинства народа отсутствовало понимание ценности свободных учреждений государства и воля защитить их от потрясений кризиса. Так взяла верх фанатическая воля мень-

шинства к власти. Большинство же вовсе не понимало, что происходит. Германия соскользнула в гитлеровскую диктатуру, как она в 1914 г. соскользнула в мировую войну...»⁶²

Противникам фашизма не удалось объединить свои усилия, и Гитлер смог вовлечь германский народ, а с ним и другие народы мира в новую, еще более жестокую, чем первая, мировую войну.

В Советском Союзе незадолго до начала войны, в 1938 г. вышла в свет «История ВКП(б). Краткий курс» под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Позднее авторство было приписано И. В. Сталину, Хотя в книге международное рабочее движение едва упоминалось, а все заслуги развития теории и практики марксизма приписывались большевистской партии и ее вождям Ленину и Сталину, книга сразу получила небывало широкое распространение за рубежом, оказав длительное воздействие на всю марксистскую историографию. В противовес решениям VII конгресса Коминтерна (о котором вообще не было и речи) в этом официальном учебнике для коммунистов подчеркивалась прежде всего необходимость разгрома социал-демократических партий и истребления всех «внутренних врагов» в компартиях.

Данная в «Кратком курсе» характеристика Германской революции 1918—1919 гг. в общих чертах воспроизводила формулировку решения XIV конференции РКП(б). Военное поражение Германии, говорилось здесь, привело к тому, что в ноябре 1918 г. разразилась революция, свергшая Вильгельма и его правительство. «Правда, революция в Германии была буржуазная, а не социалистическая, а Советы являлись послушным орудием буржуазного парламента, ибо в Советах господствовали социал-демократы, соглашатели вроде русских меньшевиков, чем, собственно, и объясняется ее слабость. До чего слаба была там революция, видно хотя бы из того, что она допустила безнаказанное убийство таких видных революционеров, как Р. Люксембург и К. Либкнехт. Но все же это была революция. Вильгельм был свергнут, рабочие вырвались из цепей, и уже это одно не могло не вызвать подъема революции в европейских странах»⁶³.

Эта оценка тотчас вошла во все работы марксистов, в том числе и тех, кто прежде называл ее пролетарской. Никаких научных обоснований такому пересмотру не было дано. Только А. Патрик опубликовал в Свердловске небольшую заметку⁶⁴. Поскольку критиковать «Краткий курс» было невозможно, историки не обращали внимания или обходили молчанием также и то, что наряду с правильной общей характеристикой революции как буржуазной новая формулировка содержала ряд сомнительных утверждений. Так, Советы в Германии вовсе не являлись «послушным орудием буржуазного парламента», ибо возникли они в ноябре 1918 г. или раньше, а Национальное собрание начало действовать лишь в феврале 1919 г. Те Советы, которые еще сохранились, в основном вели борьбу против буржуазного парламента. Революция в Австро-Венгрии началась раньше германской.

В 1940 г. вышла книга Я. И. Цитовича «Очерк истории Гер-

мании 1918—1923 гг.»,⁶⁴ почти половина которой была посвящена германской революции. Автор дал общую характеристику ее предпосылок и хода, подчеркнув, что правые лидеры социал-демократии, оказавшись у власти, заключили тайный союз с военщиной, а профсоюзные лидеры — соглашения с монополистами. Вместе с тем не соответствовало действительности воспроизведенное автором вскользь брошенное И. В. Сталиным замечание, что Советы в Германии в конце 1918 г. «прикрывали контрреволюцию против революции»⁶⁵. В работе имелся и ряд других неточностей.

Особенно резкой была критика Учредительного съезда КПГ. «Как программа, так и доклад Р. Люксембург, — писал Цитович, — отражали всю небольшевистскую сущность люксембургизма и целый ряд ошибок политического и теоретического характера, свидетельствовавших о том, что союз „Спартак“, несмотря на свою левизну, все еще не освободился от центристского, меньшевистского груза. Это особенно сказалось в непонимании марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, о роли партии, профсоюзов и т. д.». После четырех страниц перечисления «принципиальных ошибок люксембургского характера» совсем неожиданно звучал вывод, что «Учредительный съезд КПГ был ярким и сознательным выражением решительного разрыва германских революционных рабочих с оппортунизмом»⁶⁷.

Вместе с тем Я. И. Цитович дал более взвешенную характеристику январских боев, чем многие советские авторы до него. Характеризуя Баварскую Советскую республику, он отметил, что это был «наиболее мощный акт революционной борьбы германского пролетариата, завершивший период острейшей гражданской войны в Германии»⁶⁸.

В годы войны было не до научных исследований. Только С. И. Ленчнер опубликовала написанную ранее содержательную статью о крестьянском вопросе в германской революции, хотя и преувеличила революционность крестьянских Советов⁶⁹. Другие авторы писали преимущественно о поражении германской армии в первой мировой войне. Так, К. Поль рассматривала разложение германской армии и флота в 1918 г.⁷⁰, Б. Штейн — распад германской коалиции⁷¹, Ф. Нотович — разгром и капитуляцию Германии⁷², Н. Застенкер разоблачал «веймарские мифы» о причинах поражения Германии, «легенду о дольхштосе», подчеркнул поддержку милитаризма правыми социал-демократами⁷³.

Когда фашистские армии, вторгшиеся в СССР, стали терпеть поражения, особенно после разгрома под Сталинградом, Национальный комитет «Свободная Германия», объединивший в своих рядах военнопленных солдат, офицеров и генералов вермахта, заявил в своем Манифесте 12/13 июля 1943 г., что Германия не погибнет, если целью борьбы немецкого народа станет свободная Германия. «Это значит: сильная демократическая государственная власть, не имеющая ничего общего с бессилием веймарского режима, демократия, которая беспощадно уничтожит в зароды-

ше любую попытку возрождения заговоров против прав и свобод народа или против мира в Европе»⁷⁴.

Писатель Томас Манн в выступлении по радио из Англии задавал в сентябре 1943 г. вопрос, погибла ли Германия окончательно, и отвечал: «Нет, ее можно спасти еще сегодня, еще завтра от полного разрушения, которое ей грозит: посредством демократической революции, посредством решительного устранения не терпимого никем в мире режима грабежа и убийств, который разжег эту войну и уничтожение которого сделает Германию готовой к миру с Востоком и Западом»⁷⁵. Совет борьбы за демократическую Германию, действовавший в США, тоже считал что Объединенные нации будут приветствовать, если немецкий народ создаст массовое движение для уничтожения национал-социализма и «расчистки почвы для будущей, внутренне гарантированной демократии»⁷⁶.

Летом 1944 г. В. Пик опубликовал в газете «Freies Deutschland» большую статью «Коренные ошибки 1918 года, которые не должны быть повторены». Чем больше, писал он, политическое и военное положение, и прежде всего настроение немецкого народа, приближается к тому, которое было в 1918 г., тем чаще Гитлер и Геббельс провозглашают: «1918 год никогда не повторится!»

В противовес обновленной «легенде о дольхштосе», которой пользовались гитлеровские главари, чтобы поддержать миф о «непобедимости» германской армии и заставить народ продолжать уже проигранную войну, В. Пик сформулировал три главных урока, которые следовало извлечь, чтобы избежать ошибок прошлого. Во-первых, «народное выступление в 1918 г. опоздало оказать решающее воздействие на ход войны, а тем самым и на условия мира, которые отвечали бы интересам немецкого народа». Во-вторых, народ в 1918 г. «не рассчитался беспощадно с теми, кто был виновен в войне, наживался на ней, разжигал ее, и не разбил решительно их власть». Третий урок заключался в том, что государственный аппарат не был очищен от враждебных народу элементов, не была создана «сильная, действительно демократическая государственная власть, беспощадно и решительно выступающая против своих врагов»⁷⁷.

Хотя немецким антифашистам не удалось самостоятельно свергнуть гитлеровскую диктатуру, они внесли определенный вклад в ее ослабление, в том числе и тем, что сплывали противников гитлеризма, открывали перед ними на опыте истории перспективу не просто восстановления слабой веймарской демократии, а строительства в Германии антифашистской демократической республики, отвечающей чаяниям собственных трудящихся и не угрожающей другим народам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Welche Wege führen zum deutschen Einheitsstaat: Verhandlungsbericht der Führertagung des Deutschen Republikanischen Reichsbundes. Frankfurt a. M., 1926.

- ² *Moeller van den Bruck A* Das dritte Reich B, 1923
- ³ *Stapel W* Die Fiktionen der Weimarer Verfassung Versuch einer Unterscheidung der formalen und der funktionalen Demokratie Hamburg, B., Leipzig, 1928 S 98 104—105, 113
- ⁴ *Volkman E O* Revolution über Deutschland Oldenburg, 1930, (Рус пер *Фолькман Э* Германия в вихре революции М., Л., 1934)
- ⁵ См об этом *Petzold J* Die Dolchstoßlegende B., 1963 S 143—144, *Schleier H* Die bürgerliche deutsche Geschichtsschreibung der Weimarer Republik B., 1975 S 156
- ⁶ См *Petzold J* Op cit S 156—157, 330, 562—569
- ⁷ Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs Bd 5 S 35—132, *Fischer-Balng E* Volksgericht Die deutsche Revolution 1918 als Erlebnis und Gedanke B., 1932
- ⁸ Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs Bd 4 S 97, 110—111, 179, Bd 5 S 234
- ⁹ *Rosenberg A* Die Entstehung der Weimarer Republik 1871—1918 B., 1928 S 238, 244
- ¹⁰ *Rosenberg A* Geschichte des Bolschewismus von Karl Marx bis zur Gegenwart B., 1932 S 132
- ¹¹ *Fabian W* Klassenkampf um Sachsen Ein Stück Geschichte, 1918—1930 Löbau, 1930 S 7—8, 14, 28, 49, 70, 192
- ¹² *Hirsch P* Der Weg der Sozialdemokratie zur Macht in Preußen B., 1929
- ¹³ *Winnig A* Das Reich als Republik, 1918—1928 Stuttgart, B., 1929
- ¹⁴ *Ibid* S 109, 116, 126—128, 138, 157
- ¹⁵ *Ibid* S 159, 197, 361
- ¹⁶ *Rosenberg A* Dolchstoßdokumente Zeugnisse der Vorbereitung zur Revolte am 9 November 1918 München 1926 S 47 Цит по *Petzold J* Op cit S 75
- ¹⁷ *Шелавин К* Авангардные бои западноевропейского пролетариата Л., 1929—1930 Ч 1—2
- ¹⁸ *Шелавин К* «Союз Спартака» перед январским восстанием 1919 г // Пробл марксизма 1930 № 1
- ¹⁹ См Коммунистический Интернационал 1929 № 2 С 3
- ²⁰ *Шелавин К* Коммунисты и независимые в 1919 г // Пробл марксизма 1931 № 3, 7, Он же Ноябрьские дни 1918 г в Берлине // Там же 1932 № 11/12
- ²¹ *Шелавин К* Авангардные бои западноевропейского пролетариата Ч 1 С 3
- ²² *Фальке К* Январские и мартовские бои в Берлине в 1919 г // Очерки по истории вооруженных восстаний Т 2, вып 1 Вооруженная борьба западноевропейского пролетариата после мировой войны М., Л., 1931
- ²³ Там же С 49—50
- ²⁴ *Поляков А* Январское восстание в Берлине в 1919 г // Борьба классов 1932 № 11/12
- ²⁵ *Сталин И В* О некоторых вопросах истории большевизма Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Соч Т 13 С 89—93
- ²⁶ Пролетарская революция 1932 № 23
- ²⁷ *Thälmann E* Der revolutionäre Aufschwung und die KPD Rede auf der Plenartagung des ZK der KPD am 10 Februar 1932 in Berlin [B., 1932] S 71
- ²⁸ *Volkman E O* Am Tor der neuen Zeit Oldenburg, 1933
- ²⁹ *Lüttwitz W* Im Kampfe gegen die Novemberrevolution B., 1934
- ³⁰ *Reinhard W* 1918/19 Die Wehen der Republik B., 1933 S 68—69, 94
- ³¹ *Stadler E* Als Antibolschewist 1918/19 Düsseldorf, 1935 S 52
- ³² *Noske G* Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Revolution Offenbach a M., 1947 S 71
- ³³ *Ibid* S XV, 71, 314
- ³⁴ Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps / Hrsg Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt B., 1936—1940 Bd 1—8
- ³⁵ *Kloeber W* Vom Weltkrieg zum nationalsozialistischen Reich Deutsche Geschichte 1914—1936 München, B., 1937
- ³⁶ *Stieve F* Geschichte des deutschen Volkes B., München, 1938
- ³⁷ *Tiedemann H* Sowjetrußland und die Revolutionierung Deutschlands, 1917—1919 B., 1936
- ³⁸ *Schwertfeger B* Das Weltkriegsende Gedanken über die deutsche Kriegsführung, 1918 Potsdam, 1937, *Idem* Weltwende B., 1939

- ³⁹ *Eggers K* Die krieglerische Revolution B, 1942
- ⁴⁰ *Forsner G G von* November-Spuk Erlebnisse, 1918 bis 1920 B, 1939 S 3, 231
- ⁴¹ Der Großdeutsche Freiheitskampf München, 1940 S 26
- ⁴² Deutschland im Kampf B, 1940 Bd 25/26 S 81
- ⁴³ Цит по *Petzold J* Op cit S 110
- ⁴⁴ *Галкин И С Н М* Лукин — революционер, ученый М, 1984 С 186
- ⁴⁵ *Ковалев А* Застрельщики Ноябрьской революции (Гамбург и Бремен) // Борьба классов 1933 № 11, *Цветков Г* Киль, Брауншвейг и Эссен в Ноябрьской революции // Там же, *Либкинд А* Революционные бои в Руре в 1919 г // Там же
- ⁴⁶ *Утевский Б С* Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург М, 1933
- ⁴⁷ *Аленин Ф Г* Советы в германской революции М, 1934
- ⁴⁸ Там же С 59, 72—73
- ⁴⁹ Там же С 74—75
- ⁵⁰ *Застенкер Н Е* Баварская Советская республика М, 1934
- ⁵¹ *Застенкер Н Е* Баварская Советская республика и тактика коммунистов // Историк-марксист 1934 № 4—6
- ⁵² См *Ленин В И* Полн собр соч Т 38 С 321—322
- ⁵³ См Становление республики С 177
- ⁵⁴ См *Шириня К К* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг) М, 1979 С 12
- ⁵⁵ Там же С 41—42
- ⁵⁶ *Пик В* Борьба за демократию // Избр произведения М, 1956 С 145—146
- ⁵⁷ Kampf und Ziel des revolutionären Sozialismus Die Politik der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands // Neuer Vorwärts 1934 28 Jan Цит по Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung B, 1966 Bd 5 S 53—54, 458—460
- ⁵⁸ Ibid
- ⁵⁹ Bildet die deutsche Volksfront! Für Frieden, Freiheit und Brot! // Die Rote Fahne 1937 N 1 Цит по Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung Bd 5 S 176, 490
- ⁶⁰ Ibid S 177, 494
- ⁶¹ *Stampfer F* Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik Offenbach a M, 1947 S 83, 137
- ⁶² Ibid S 137, 670
- ⁶³ История ВКП(б) Краткий курс М, 1958 С 221
- ⁶⁴ *Патрик А* К оценке германской революции 1918 года // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института Свердловск, 1940 Вып 2 С 277—282
- ⁶⁵ *Цитович Я* Очерк истории Германии, 1918—1923 гг М, 1940
- ⁶⁶ *Сталин И В* О работе в деревне // Вопросы ленинизма М, 1947 С 464
- ⁶⁷ *Цитович Я* Указ соч С. 32, 36
- ⁶⁸ Там же С 56
- ⁶⁹ *Ленчнер С И* Крестьянский вопрос в германской революции 1918 г // Историк марксист 1941 № 3
- ⁷⁰ *Поль К* Разложение германской армии и флота в 1918 году // Военная мысль 1941 № 10—11, *Она же* Германская армия в 1918 г // Военная мысль 1942 № 4—5
- ⁷¹ *Штейн Б* Распад германской коалиции в первой мировой войне // Большевик 1943 № 11—12
- ⁷² *Нотович Ф* Военный разгром и капитуляция Германии в 1918 году // Исторический журнал 1944 № 1
- ⁷³ *Застенкер Н* Веймарские мифы о причинах военного поражения Германии в войне 1914—1918 гг // Вопр истории 1945 № 2
- ⁷⁴ Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung Reihe III B, 1959 Bd 1 S 4
- ⁷⁵ *Mann Th* Gesammelte Werke B, 1955 Bd 12 S 703
- ⁷⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung Bd 5 S 600
- ⁷⁷ *Pieck W* Grundfehler von 1918, die nicht wiederholt werden dürfen // Reden und Aufsätze Bd 1 S 410—413

КРУШЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОГО РЕЙХА И ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ 1918—1945

8 мая 1945 г. вошло в историю как день безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Для немецкого народа и государства этот день означал, однако, гораздо больше, чем просто окончание проигранной войны. Многие писали тогда о «национальной катастрофе» Германии. У современников само собой возникла параллель: крушение гитлеровской «третьей империи» сравнивалось с поражением империи Гогенцоллернов в первой мировой войне. При этом ни у кого не было сомнения, что второе поражение намного тяжелее, сокрушительнее, тотальнее первого.

И действительно, полная военная капитуляция, развал государства, утрата суверенитета, дезорганизация экономики, снабжения и транспорта, движение миллионных масс населения с Востока на Запад, дымящиеся развалины городов — так выглядела Германия в первые дни и месяцы мира. Гитлеру, правда, не удалось осуществить зловещее намерение увлечь немецкий народ за собой в могилу. Но тактика «выжженной земли» и «общей ответственности» принесла немцам тяжелейшие страдания. Самые широкие массы народа были охвачены чувствами отчаяния и безысходности, пассивности и апатии, настороженности и враждебности как к бывшим правителям, так и к оккупировавшим страну иностранным войскам.

5 июня 1945 г. в Берлине представители правительств СССР, Великобритании, США и Франции подписали Декларацию о поражении Германии. В ней говорилось, что «в Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц»¹. Взятие правительствами этих держав верховной власти на себя, осуществление ими мер по прекращению военных действий, сохранению порядка и управлению страной хотя и не означали аннексии Германии, но требовали безусловного выполнения возложенных на нее обязательств. Принятое тогда же Соглашение о контрольном механизме в Германии установило, что верховная власть будет осуществляться главнокомандующими четырех стран, каждым в своей зоне, а составленный ими Контрольный совет — согласовывать их действия и решения по главным вопросам, касающимся Германии в целом².

На Потсдамской конференции в июле—августе 1945 г. союзники торжественно подтвердили, что «не намерены уничтожить или

вергнуть в рабство немецкий народ», а хотят дать ему возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем «осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе». Политические принципы предусматривали проведение демилитаризации, денацификации и демократизации Германии, наказание военных преступников, экономические — запрещение военного производства, уничтожение монополий, удовлетворение репарационных претензий. Западные державы, вынашивавшие планы расчленения Германии, вынуждены были согласиться рассматривать ее в период оккупации как единое экономическое целое³.

Однако уже в то время — и чем дальше, тем сильнее — проявлялись существенные различия в понимании того, как осуществить предписанную реконструкцию жизни немецкого народа «на демократической и мирной основе», или, иными словами, как он должен «искупить ужасные преступления, совершенные под руководством тех, которым во время их успехов он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался»⁴.

Созданная 9 июня 1945 г. Советская военная администрация в Германии уже на следующий день разрешила деятельность антифашистских демократических партий и организаций, тогда как в западных зонах процесс консолидации этих сил был надолго задержан приказами всех трех администраций о децентрализации.

Первой выступила партия немецких коммунистов, ведущая сила антифашизма, которая уже во время войны глубоко проанализировала истоки политики гитлеризма и наметила перспективы возрождения нации. 11 июня 1945 г. КПГ опубликовала манифест, обращенный к немецкому народу, трудящимся города и деревни, мужчинам и женщинам, немецкой молодежи. Вину и ответственность за небывалую катастрофу, говорилось в нем, несут не только гитлеровские заправилы, но и реакционные милитаристы, империалисты и монополисты. Часть вины за многочисленные преступления против человечества ложится и на тех немцев, которые поддерживали Гитлера или стали его оружием.

«Мы, немецкие коммунисты, заявляем, что и мы чувствуем себя виновными, поскольку не сумели, несмотря на кровавые жертвы наших лучших борцов, в силу ряда наших ошибок выковать антифашистское единство рабочих, крестьян и интеллигенции против всех его противников, собрать силы трудового народа для свержения Гитлера, повести их на бой и избежать того положения, когда немецкий народ оказался исторически несостоятельным».

Из этой суровой критики и самокритики партия сделала важный вывод о необходимости решительного разрыва с прошлым и в первую очередь извлечения уроков из опыта Ноябрьской революции, которая не сумела решить назревшие задачи:

«После всех страданий и горя, стыда и позора, после мрачнейшей эры германской истории теперь у могилы „Третьей империи“ и социал-демократические рабочие признают нашу правоту в том, что фашистская чума смогла распространиться в Германии только потому, что в 1918 г. поджигатели войны и военные преступники остались безнаказанными, что не велось борьбы за подлинную

демократию, что Веймарская республика предоставила реакции свободу действий, что антисоветская травля со стороны некоторых демократических лидеров расчистила путь Гитлеру, а отклонение антифашистского единого фронта парализовало силы народа».

Исходя из этой оценки исторического прошлого, коммунисты сформулировали важнейшие требования:

«Не повторять ошибок 1918 года!

Покончить с расколом среди трудящихся!

Никакого снисхождения фашизму и реакции!

Никогда не допускать в будущем травы и враждебности в отношении Советского Союза, ибо там, где начинается такая травля, там подымает голову империалистическая реакция!»⁵

Важнейшим условием возрождения народа и восстановления Германии коммунисты считали установление единства рабочего класса, создание блока антифашистских, демократических партий, сплочение всех прогрессивных организаций, включая профсоюзы и возникший вскоре «Культурбунд».

Однако обращение к революционной традиции 1918 г., решительная переоценка исторических ценностей не могли рассчитывать на полное понимание даже в рабочем классе, деморализованном годами фашистского господства. Правда, часть руководителей Социал-демократической партии Германии пришла к выводу о необходимости преодоления раскола рабочего движения и отказа от пагубной политики коалиций с буржуазией, которая открыла Гитлеру путь к власти. Но другая не хотела или не решалась порвать с многолетней традицией социал-реформизма.

В этой ситуации принципиальное значение имело воззвание находившегося в Берлине Центрального правления СДПГ во главе с Отто Гротеволем, бывшим депутатом рейхстага от Брауншвейга, печатником и графиком, от 15 июня 1945 г. Оно поддержало основные мысли манифеста коммунистов, призвало к строительству антифашистско-демократической Германии на основе решительного искоренения последствий фашистской диктатуры и милитаризма, к созданию на развалинах рейха антифашистской, парламентско-демократической республики.

«Мы хотим, — говорилось в нем, — вести борьбу за новый строй прежде всего на почве организационного единства германского рабочего класса! Мы видим моральное преодоление политических ошибок прошлого в том, чтобы дать молодому поколению единую политическую боевую организацию. Знамя единства должно стать светлым символом политических действий трудящегося народа! Мы протягиваем братскую руку всем, кто признает лозунг: „Борьба против фашизма, за свободу народа, за демократию, за социализм!“»⁶

Несмотря на некоторую неопределенность формулировок, это воззвание и заключенное четыре дня спустя соглашение ЦК КПГ и ЦП СДПГ о создании совместной Центральной комиссии для координации деятельности обеих партий были важным шагом вперед. В социал-демократических организациях развернулись идеологические дискуссии. Выяснению исторических уроков

способствовали в советской зоне оккупации совместные собрания членов двух партий. В октябре—ноябре 1945 г. они были посвящены юбилеям Октябрьской революции в России и Ноябрьской революции в Германии.

Но еще ранее, на первом массовом митинге блока антифашистских демократических партий советской зоны 12 августа 1945 г., В. Пик, говоря о будущем Германии, снова напомнил:

«Дважды за последние три десятилетия наш немецкий народ стал жертвой военных преступников, дважды он был ввергнут в катастрофу, последняя — гораздо большего масштаба, чем в 1918 г. Необходимо не допустить этого в третий раз...»⁷. В принятой резолюции говорилось, что единый фронт позволит избежать ошибок, совершенных после катастрофы 1918 г., когда раздробление демократических сил народа позволило реакционерам сплотиться и восстановить свой аппарат власти, который потом использовал Гитлер⁸.

О. Гротеволь на конференции берлинской социал-демократии 14 сентября 1945 г. остро поставил вопрос: «Где мы стоим, куда хотим идти?» Оглядываясь на путь «от 1918 до 1945 г.», он заметил, что, когда Германия стала республикой, широкие круги рабочего класса восприняли веймарскую демократию как «великую хартию социализма». Вина социал-демократии состояла в том, что она вместо политической стратегии ограничилась тактической борьбой, тогда как крупный капитал развешивал все более решительный поход против демократии. В классовой политике партия допустила две серьезные ошибки, недооценив действий крупной буржуазии и не сумев организовать деклассированные массы. «Нам необходимо самим разобраться в происшедшем, ясно осознать упущения и ошибки... Мы ошибались, поверив, что не живем больше, как было при трехклассном избирательном праве, в условиях классовой борьбы. Мы думали, что можно отказаться от стратегии и обойтись в демократическом государстве парламентской тактикой и завоеванием постов... Мы проиграли после 1918 года битву за социализацию, ибо раскол рабочего класса помешал ее успеху»⁹.

В советской зоне оккупации и коммунистические и социал-демократические организации на местах дружно поддержали идею преодоления раскола и создания единой партии рабочего класса. В западных секторах Берлина и многих центрах Западной Германии — в Мюнхене, Гамбурге, Бремене, Франкфурте-на-Майне, Ханау, Брауншвейге, Эссене и др. — тоже стали возникать комитеты единства из представителей КПГ и СДПГ. Их консолидация тормозилась установкой военных администраций, затруднявшей действия партий в масштабе зон. Однако К. Шумахеру и его группе было разрешено создать бюро в Ганновере, ставшее организационным центром социал-демократии в английской, а затем и в других западных зонах, противостоявшим Центральному правлению партии в Берлине.

Курт Шумахер, прошедший через гитлеровские тюрьмы и

концлагеря, инвалид первой мировой войны, использовал свой авторитет и ораторский талант для противодействия сближению социал-демократов с коммунистами, которых именовал не иначе как сторонниками «русской диктатуры», врагами нации и демократии. Приняв на себя роль «башенного стража демократии», он называл себя сторонником «революционного социализма», хотя вместо опоры на революционную традицию германского рабочего движения и критики старой социал-демократической политики превозносил Веймарскую республику как «выражение политического и социального равновесия классовых сил», нарушенного в 1933 г. крупным капиталом. В духе буржуазной доктрины «тоталитаризма» Шумахер ставил фашизм на одну доску с коммунизмом, а прозападную ориентацию соединял со злым антисоветизмом¹⁰.

Ожесточенная кампания противников единства не смогла сорвать намеченное объединение КПП и СДПП. Съезд в Берлине в апреле 1946 г. создал Социалистическую единую партию Германии, которая в манифесте к немецкому народу заявила:

«Отсутствие единства часто было для немцев роковым. В августе 1914 г. с началом первой мировой войны единство социалистического движения было разрушено. Этот раскол парализовал силы мира и свободы. Революция в ноябре 1918 г. не устранила власти милитаризма и империализма. Реакция снова взяла верх и смогла выхолостить демократические свободы, пока в конце концов не восторжествовал гитлеровский фашизм, развязавший вторую мировую войну... Мы стоим у поворота. Сделанное сегодня, как и упущенное, будет иметь решающее значение для следующих поколений. Если Германия хочет обрести будущее, она должна вступить на совершенно новый путь... Единство рабочего движения, сотрудничество всех созидательных и демократических сил народа являются поэтому высшим национальным долгом»¹¹.

Этот серьезный вывод из исторической параллели между 1918 и 1945 гг., намеченный путь радикального преодоления ошибок и заблуждений прошлого, был вскоре дополнен практически делами по осуществлению глубоких антифашистско-демократических преобразований, в которых СЕПГ приняла решающее участие. Создание демократической государственной власти, проведение аграрной реформы, отчуждение собственности монополистов и виновников войны стали важными этапами антифашистско-демократической революции¹². Однако все это оказалось возможным только в советской зоне оккупации. В западных зонах объединение партий удалось сорвать, а военные администрации запретили там деятельность СЕПГ.

В мае 1946 г. СДП западных зон провела свой сепаратный съезд в Ганновере. Сохранение раскола рабочего движения не только вело к его ослаблению, но и было зловещим предвестником раскола Германии. СДП не могла, впрочем, полностью игнорировать уроки истории, и в принятых съездом тезисах го-

ворилось: «В период между двумя мировыми войнами силы финансового капитала и реакции пытались повсюду избежать социалистических следствий демократии. В Германии им это удалось в силу экономических, исторических и духовных условий... Только полное преобразование создаст для немецкого народа экономические и социальные условия существования, обеспечит свободу и мир».

Учитывая настроения народа и стремясь даже «превзойти» антифашистско-демократическую программу СЕПГ, тезисы не только требовали перевода в общественную собственность всей крупной промышленности и аграрной реформы, но даже объявляли *социализм* «немедленной задачей дня»: «... для современной социал-демократии нет реформистского или революционного социализма. Всякий социализм революционен, если он устремлен в будущее и конструктивен... Как социализм невозможен без демократии, так и, наоборот, при капитализме истинная демократия находится в постоянной опасности. В силу особенностей исторических условий и своеобразия духовного развития Германии немецкая демократия нуждается в социализме. Немецкая демократия должна стать социалистической, или контрреволюционные силы снова ее разрушат»¹³.

Увы, за этими радикальными словами не последовали соответствующие действия. Наоборот, сами эти слова были вскоре забыты. В этом тоже состоял своего рода исторический урок: действительное отношение к революционной традиции (с учетом всех ее сильных и слабых сторон) — немаловажный показатель для характеристики прогрессивности или реакционности политического курса. Историческая параллель 1918—1945 была в первый послевоенный год лишь обозначена. Политикам и историкам еще предстояло в ней разобраться более глубоко.

ТРИ ПОДХОДА К УРОКАМ ИСТОРИИ

«Немецкий народ также имеет свою революционную традицию»¹⁴. Этими словами начал в 1850 г. историческую работу о Крестьянской войне в Германии 30-летний Фридрих Энгельс. Проведя аналогию между крестьянской войной XVI в. и революцией 1848—1849 гг., автор высказал соображение, что глубокий анализ, выявляющий сходство и различия разделенных столетиями событий, способен помочь прогрессивным силам осмыслить новые исторические задачи. Предисловие, напечатанное четверть века спустя, Энгельс заключил выражением надежды, что немецкие рабочие «будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии»¹⁵.

Такая нужда наступила в 1945 г. Естественно, что историки-марксисты сочли своим первейшим долгом помочь немецкому народу переосмыслить свое историческое прошлое. Уже в начале 1946 г. в Берлине вышла книга «Ложный путь нации. К понима-

нию немецкой истории»¹⁶. Автор ее Александр Абуш, коммунист, журналист, активный участник антифашистской борьбы, тогда не смог еще вернуться из эмиграции, и впервые книга увидела свет в конце 1945 г. в Мексике.

«Немецкая нация,— писал Абуш,— стоит теперь перед задачей покинуть длинный путь своих заблуждений и злой судьбы. Она ввергнута в национальную катастрофу, какой Германия не переживала со времени Тридцатилетней войны...» Место фальсифицированной фашистами «героической» истории должна занять история правдивая и суровая: «Немецкая нация должна заново познать свою историю без всякой жалости к себе самой, чтобы изгнать все то мрачное прошлое, которое как кошмар душило каждое свободное побуждение всех поколений. Решающее же состоит в том, что немецкая нация должна научиться по-новому исторически действовать. Чтобы не только понять уроки собственной истории, но и следовать им, немцам необходимо самосознание, нужна самостоятельная деятельность. Делать нечто принципиально новое — вот сильнейшая движущая сила перевоспитания народа, его внутреннего преобразования»¹⁷.

На ложном пути немецкого народа, считал Абуш, важными вехами были неудавшиеся революции — начала XVI в., 1848—1849 гг. и 1918 г. Именно на этих переломах истории реакционные силы толкали немецкий народ на пагубный путь. И не потому, что у него не хватало борцов за свободу и высокие идеалы, а потому, что эти герои не смогли сплотить в решающий момент прогрессивные национальные силы, направить их по революционному демократическому пути. Когда же из-за многих просчетов возник чудовищный фашизм, в немецких антифашистах «воплотилось в чистом и концентрированном виде все лучшее, что за века породили немецкая мысль, немецкая сущность»¹⁸.

Исторически ошибочно, подчеркнул Абуш, сводить события ноября 1918 г. к формуле «военный крах» — он был лишь одной стороной, другой же была «антигогенцоллернская, антимилиитаристская, антиимпериалистическая революция». Однако социал-демократические лидеры заключили тогда с военщиной пакт против революции, а вожди революции были убиты. «Немецкое рабочее движение должно было в ноябре 1918 г. последовательно действовать как исторический наследник Великой крестьянской войны и повстанцев 1848—1849 гг., разумеется, с учетом новых исторических условий XX века»¹⁹. Его первыми делами должны были быть: полное разрушение прусской военной и государственной машины, коренная аграрная реформа, уничтожение хозяйственной мощи магнатов промышленности и банков. Только это могло экономически обеспечить «успех поздней демократической революции в Германии», очищение духовной жизни нации от «значительного количества унаследованной реакционной рухляди». Воссе не революционные рабочие угрожали демократии в Германии, а те социал-демократические вожди, которые не повели решительной борьбы против контрреволюции и позво-

лили превратить буржуазную демократию в щит для реакционеров. Так был «упущен шанс», а раскол пролетарского движения и политические ошибки вождей способствовали впоследствии приходу Гитлера к власти²⁰.

В новых условиях, резюмировал Абуш, важнейшая задача немецкого народа состоит в том, чтобы «навсегда устранить из жизни нации социальных носителей агрессии». Новая германская демократия должна быть совсем иначе, чем веймарское государство, укоренена в народе: она должна опираться на социалистическое рабочее движение и все демократически-гуманистические партии и организации, для которых гитлеризм стал незабываемым предостережением. В отличие от 1918 г. должна быть создана «республика с республиканцами», т. е. народное государство, которое не позволит втянуть себя в империалистические авантюры²¹.

Выводы, сделанные Абушем из широкого обзора исторического пути немецкого народа, совпадали с теми оценками событий последних трех десятилетий, которые дал другой коммунист, историк и публицист Пауль Меркер в своем двухтомном историческом исследовании «Германия: быть или не быть?»²². Первый том этого труда, вышедшего на немецком языке в Мексике в 1944—1945 гг., «От Веймара к Гитлеру» начинался словами:

«Трагедия немецкого народа состоит в том, что в боях за национальную свободу, в восстаниях трудящихся за политическую свободу и социальную справедливость всегда брали верх не революционные силы, а реакционные»²³. Говоря о революции 1918—1919 гг. и правительстве Эберта—Носке, Меркер показал пагубность как союза лидеров СДПГ с Верховным командованием против революции, так и соглашения профсоюзных вождей со Стиннесом и другими монополистами о «деловом сотрудничестве». Разоблачив лживое утверждение, будто союз Эберта—Гинденбурга был вынужденным ответом на путчистские действия коммунистов, автор раскрыл, как этот союз ударил по самым искренним друзьям демократической республики и одновременно спас милитаристов, промышленников и юнкеров от заслуженного наказания. Поставив вопрос о том, почему немецкие рабочие поддалися маневрам Эберта и других, верили им, Меркер напомнил, что прошедшим многолетнюю реформистскую школу пролетариям не хватало ясной революционной ориентации, что малочисленная коммунистическая партия не сумела тогда создать необходимой революционной организации. Шумиха о «социализации» обманула рабочих, многим из них мирный путь к социализму казался более привлекательным, чем суровая борьба²⁴.

Меркер не ограничился перечислением ошибок и слабостей революции. Он отметил и достигнутые революционной борьбой социальные завоевания — восьмичасовой рабочий день, пособия безработным, закон о производственных Советах, а в политической сфере — всеобщее избирательное право, демократи-

ческие свободы. Веймарская демократия, утверждал автор, погибла вовсе не потому, что немцы-де «не способны быть ни республиканцами, ни демократами». Она погибла потому, что «правительства, призванные охранять демократическую конституцию и расширять ее, поставили ее на службу империализму. Демократическое ядро конституции было разрушено предшественниками Гитлера. Осталась лишь поврежденная оболочка, которая не смогла выдержать напора реакции»²⁵.

Второй том своего исследования Меркер заключил словами, что судьба страны в условиях национальной катастрофы определяется тем, станет ли она на путь решительной демократии, способной стереть следы своего мрачного прошлого: «Быть или не быть?— зависит для Германии от того, сумеют ли после тяжелых уроков гитлеризма ее демократические народные силы действовать в единстве, сплоченно»²⁶.

Предельно остро об «утрате немцами права на существование» писал в это время Эрнст Никиш,²⁷ человек сложной судьбы. Освобожденный Советской Армией из Бранденбургской тюрьмы, почти слепой и полупарализованный антифашист, он в ярком и безжалостном очерке германской истории показал, что гитлеризм не просто «ложный шаг» оступившегося народа, а последняя ступень длинного исторического пути: от средневековья через возвышение Пруссии, неудачи буржуазии, пангерманизм и империализм к исторической катастрофе, «ужасной, неопишуемой и безграничной», в которой немецкий народ проиграл все, что имел. О Ноябрьской революции, в которой автор активно участвовал, будучи одним из руководителей Советов в Баварии, Никиш говорил лишь попутно. Из военного поражения в первой мировой войне, заметил он, крупная буржуазия извлекла свой урок: агрессию надо готовить лучше. И она превратила Веймарскую республику в платформу борьбы за мировое господство, вскормив гитлеризм как средоточие расизма, антибольшевизма, преступного империализма. Хотя Никиш, всегдашний противник дешевого «оптимизма», не указал путей выхода из катастрофы, его проникнутая гневом брошюра была горьким лекарством, призванным взбудоражить апатичных и пробудить к борьбе живые силы нации, прежде всего рабочий класс.

В ином ключе была написана книга коммунистического публициста Альберта Нордена, вышедшая в 1947 г. «Уроки германской истории» рассмотрены в ней под углом зрения политической роли финансового капитала и юнкеров²⁸. Норден смог учесть в ней и два первых года послевоенного развития в Западной Германии, где подняли голову те же силы, которые на протяжении десятилетий оказывали роковое влияние на жизнь Германии. Тем важнее, считал автор, снова подчеркнуть то, «что было упущено в 1918 г.». Поскольку Веймарская республика с самого начала не перекрыла экономических источников силы политической и военной реакции, не устранила государственной бюрократии, республика упустила шанс, уникальный в германской истории. Сра-

жавшиеся весной-летом 1919 г. за продолжение революции рабочие были разгромлены. Хотя они добились включения в конституцию демократических прав и свобод, она содержала и пресловутую статью 48 о «президентской диктатуре». Поскольку государственная власть осталась в руках старых сил, «над конституцией потом издевались вдоволь: „зубы дракона“ гитлеровских СС и вермахта выросли из кровавого посева 1919—1920 гг.» В итоге не только сохранились основы германского империализма но и углубилась пропасть между обеими рабочими партиями, которые, если бы они действовали совместно, могли повернуть судьбу Германии в сторону социализма и мира ²⁹.

Активный участник Ноябрьской революции коммунист Рудольф Линдау в брошюре «Проблемы истории германского рабочего движения» охарактеризовал ее как «исторический час, когда был решен вопрос о будущем немецкого народа». Ставший явным в августе 1914 г. глубокий раскол рабочего движения проявился в ноябре 1918 г. еще острее. Численно слабое левое крыло, охваченное революционным нетерпением, надеялось, что капитализм «рухнет» под стихийным натиском рабочего класса. Правое же крыло было исполнено решимости не допустить, даже с помощью кайзеровского генералитета, чтобы революция продвинулась дальше формальной демократии. «Слепцы не видели, что за новым фасадом сохранилась решающая реальная власть юнкеров, монополистов, служащих им генералов и высших бюрократов». Кардинальная ошибка коренилась в непонимании, что лишь действительно демократическая политика могла преодолеть раскол рабочего класса и обладать притягательной силой для массы крестьян, колеблющихся средних слоев, прогрессивной интеллигенции ³⁰.

В ноябре 1918 г., отметил автор, тактика империалистической буржуазии превосходила тактику расколотого пролетариата. Это превосходство сохранилось и в годы Веймарской республики. Социал-демократы надеялись, что можно на почве формальной демократии прийти к социализму посредством все большей демократизации государства и экономики. Коммунисты распознали классовый характер Веймарской республики, но они не смогли развить такую стратегию и гибкую тактику, которые соответствовали бы реальным условиям и меняющемуся соотношению классовых сил ³¹.

Такое отношение к урокам истории, ориентированное на возрождение революционной традиции немецкого народа прежде всего у рабочего класса, отнюдь не было в послевоенной Германии единственным. Правда, самые реакционные националистические круги, тесно связавшие себя с гитлеровским режимом, были потрясены масштабом катастрофы и в первое время не решались подавать голос. Зато поспешили заявить о себе те силы буржуазии, которые объявляли себя либеральными, могли продемонстрировать хоть какую-либо причастность к антигитлеровской оппозиции, а также те демократически-реформистские

(в том числе социал-демократические) круги, которые принимали то или иное участие в антифашистской борьбе, но отвергали необходимость сколько-нибудь решительных революционных преобразований. Они имели некоторые общие черты, но были между ними и различия.

В формировании *буржуазного* подхода к новейшим урокам истории ведущая роль принадлежала старейшине буржуазно-либеральной историографии Фридриху Майнеке. Окончание войны застало его в деревушке неподалеку от Берлина, куда он уехал с началом бомбардировок столицы. 83-летний корифей вскоре откликнулся на события книгой «Немецкая катастрофа. Наблюдения и воспоминания», которая вышла в Висбадене в 1946 г.³² и была затем переведена на многие языки. Как и после поражения Германии в первой мировой войне, Майнеке и на сей раз выдвинул мысль о необходимости пересмотра традиционного немецкого «представления об истории»³³. Впрочем, как и тогда, этот «пересмотр» не шел слишком далеко.

Относя себя к числу давних идейных противников гитлеризма, заявляя, что «наперед видел в захвате власти Гитлером величайшее несчастье для Германии», Майнеке подверг нацизм довольно суровой критике. Но, следуя идеалистической концепции «немецкого историзма», Майнеке сразу же придал этой критике иррационалистический характер. «Удастся ли когда-нибудь,— так начал он введение,— полностью понять те чудовищные события, которые нам пришлось пережить за 12 лет Третьей империи?.. Германская история богата трудноразрешимыми загадками и неудачными поворотами. Но заданная нам ныне загадка и пережитая катастрофа превосходят все прежние подобные удары судьбы, выпавшие на нашу долю»³⁴.

Рассуждая о «демоническом» начале в истории, о «демонической подпочве человеческой и исторической жизни», Майнеке и гитлеризм рассматривал как пример «единичной и не поддающейся учету власти личности в общественной жизни — в данном случае вообще демонической личности». Как это ни покажется странным, но автор использовал фактор «свободы», противопоставляемый им фатализму, для... смятения вины немецкого народа за приход Гитлера к власти.

Вообще же преступный гитлеризм, по Майнеке, лишь «яд», «инфекция», временное заблуждение, а потому достаточно стряхнуть «извращения», затуманившие непреходящие ценности немецкой культуры. Отсюда вытекала главная черта его критики: она была направлена не на те социально-экономические и политические отношения, которые породили гитлеризм, а лишь на те или иные частные ошибки и просчеты; прежде всего в сфере идеологии и политики³⁵. Майнеке, впрочем, не мог совсем не принимать в расчет реальные основы власти. Так, он упоминал о поддержке Гитлера крупными промышленниками, финансистами, аграриями, признавал, что прусско-германский милитаризм был «той исторической силой, которая, пожалуй, больше

всего способствовала созданию Третьей империи». Но он тут же спешил подчеркнуть, что в нацизме проявился только «низший и извращенный милитаризм», тогда как «благородный» и «здоровый воинский дух» для «здорового народа в Центральной Европе» совершенно необходим³⁶.

Обращаясь к поражению Германии в первой мировой войне, Майнеке возложил вину за него на агрессивно-националистические круги «Отечественной партии» и создателей «легенды о долхштосе», обусловивших тот «фатальный поворотный пункт в развитии немецкой буржуазии», когда она еще больше отвернулась от демократической идеи и выступила против сотрудничества с реформистской социал-демократией. Вместе с тем, объявив социалистическое и националистическое движения «двумя волнами века», Майнеке откровенно демонстрировал свою глубокую враждебность по отношению к революционной тенденции в рабочем движении. Он приветствовал то, что в отличие от российского «коммунистического большевизма» пришедший к власти в Германии в 1918 г. «социализм» имел «более мелкобуржуазное направление», а потому выдвинул на первый план «демократическую часть своей программы»³⁷.

Размышляя после второй мировой войны об уроках истории, Майнеке снова, как и после первой, предостерегал против каких-либо революционных шагов, сколько-нибудь существенных демократических преобразований. Хотя он не говорил об этом прямо, он имел в виду и те, которые были предписаны потсдамскими решениями союзных держав. «Нам не нужно,— писал он,— никакого радикального перевоспитания, чтобы снова стать действительным членом западноевропейского культурного сообщества. Радикально исчезнуть должна только нацистская мания величия с ее лжекультурой и бескультурьем». Он еще более активно проповедовал свою давнюю идею о месте Германии в «христианско-западной культурной общности» и об особой, незаменимой «немецкой миссии» в ней. Призывая отказаться, во всяком случае на некоторое время, от борьбы за мировое могущество, Майнеке утверждал, что свою долю участия в мировой политике Германия сможет обрести вновь «только как член будущей добровольно объединившейся федерации народов Центральной и Западной Европы», вернулся к идее «Соединенных штатов Европы». И внутри страны, считал он, придется от идеала единого государства вернуться к федеративному решению. «Немецкое государство разбито... Иностранная оккупация стала надолго нашей судьбой. Удастся ли спасти немецкий дух?»— этим риторическим вопросом завершил Майнеке свою книгу³⁸. В том же, 1946 г. был переиздан его фундаментальный труд «Возникновение историзма», вышедший впервые в 1934 г.³⁹

Не только Майнеке, но и другие профессиональные историки старались в первые послевоенные годы создать хотя бы внешнее впечатление об учете ими суровых уроков германской истории. Г. Риттер с консервативных и националистических позиций тоже

ратовал за новое осмысление прошлого и «прояснение национального самосознания», писал о необходимости правильного сочетания политической свободы и социальной справедливости, но призывал вместе с тем хранить традиции Фридриха Великого и Бисмарка⁴⁰. В эти годы В. Гофер, Л. Дегио и другие с большей или меньшей определенностью критиковали антигуманизм фашистских концепций, писали о демократии и свободе, хотя ни один из них не пошел дальше восхваления «западной политики», не высказался за социальное переустройство Германии⁴¹.

В это же время правые социал-демократические политики и идеологи, выражая *социал-реформистский* подход, публично демонстрировали желание сохранить полную преемственность довоенных концепций и континуитет веймарской демократии. Курт Шумахер утверждал, что СДПГ была «единственной партией, выдержавшей испытание перед судом истории»⁴². Новых исторических исследований не появилось, но в 1947 г. были изданы воспоминания Г. Носке «Пережитое в годы подъема и гибели демократии», переиздана книга Ф. Штампфера с немного измененным названием — «Первые 14 лет Германской республики».

Носке был в конце апреля 1945 г. освобожден Советской Армией из берлинской тюрьмы. В предисловии к мемуарам он высказал надежду, что в возрожденной Германии социал-демократия «победоносно пойдет вперед». Издатели сочли нужным заметить, что Носке был одной «из самых спорных личностей Веймарской республики», указать на односторонность его взглядов, оправдание им жестокого насилия, но тем не менее заключили, что книга может способствовать «извлечению уроков из истории», поскольку имеются «известные параллели»⁴³. Сам Носке с удовольствием описывал, как вместе с офицерами подавлял «сорвавшиеся с цепи политически невоспитанные массы» и «усмирал одичавших». Революционеры для него лишь «политические идиоты и преступники», в себе же он носил позднее сформулированные идеи Шпенглера о «прусском социализме»⁴⁴.

Ф. Штампфер в предисловии, написанном в 1947 г. в Нью-Йорке, тоже советовал немецкому народу «учиться истории» по его книге. Оправдывая социал-демократическую политику, он отвергал обвинение в предательстве ею собственных идеалов и принципов. Для убедительности он представлял социализм не экономической программой, которую можно осуществить при завоевании политической власти, а «формой хозяйства и общества, развивающейся в недрах существующего строя и требующей времени для созревания». Демократию же (разумеется, буржуазную) он объявлял главной целью. Признавая, что Советы были «фактом революции», он объяснял их подавление желанием... «предотвратить гражданскую войну». Считая упущением, что «не был осуществлен прыжок к единому государству», он видел в Веймарской конституции торжество демократии...

Назвав Веймарскую республику «выражением растущей мощи рабочих», а Третью империю — «последней формой господства

капитала, искусственно продлившей свою жизнь», Штампфер призвал немецких рабочих «водрузить на развалинах германской Бастилии знамя прав человека»⁴⁵. Но эта помпезная фразеология лишь едва маскировала то, что лидеры правой социал-демократии, не смотря на все испытания, ничего не забыли и ничему не научились. Критику этих взглядов дал Пауль Меркер в брошюре «Социал-демократизм. Штампфер, Шумахер и другие вчерашние»⁴⁶.

ВЕЙМАРСКИЙ ОПЫТ И БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ

Различие подходов к историческому прошлому вылилось в конкретные формы, когда стали предприниматься попытки юридически определить общественную и государственную структуру послефашистской Германии, очертить контуры будущей республики.

Стремясь содействовать развитию общественного движения за единство и демократизацию Германии, СЕПГ опубликовала 22 сентября 1946 г. документ «Основные права немецкого народа», а 16 ноября того же года поставила на всенародное обсуждение проект общегерманской конституции — «Конституции Германской Демократической Республики»⁴⁷.

Инициатива выдвижения этого проекта была продиктована желанием привлечь внимание широких кругов народа к коренным проблемам будущего Германии. Это было тем важнее, что к этому времени в американской зоне оккупации уже были приняты конституции земель, проникнутые в большей или меньшей степени демократическим духом, но едва касавшиеся проблем единства Германии и преодоления тяжелого наследия прошлого.

В наиболее прогрессивной конституции Гессена говорилось, что земля — «член Германской республики», но в конституции Баварии речь шла о суверенитете баварского народа, а о Германии в целом вообще не упоминалось. Гессенская конституция отразила чаяния трудящихся: статья 41 предписывала отчуждение предприятий тяжелой промышленности, энергетики и транспорта, государственный контроль над банками; следующая требовала земельной реформы; предусматривалось запрещение монополий, соучастие профсоюзов, право на забастовку и т. п. В более слабом виде эти идеи, практически реализованные в советской зоне, проявились и в других конституциях земель. Однако в конституции Баварии сохранялись авторитарные предписания: над ландтагом был поставлен сенат, статья 48 давала право главе правительства ограничивать демократические свободы и править без ландтага. Повсюду сохранялось засилье чиновничьей бюрократии, многие социальные реформы остались на бумаге.

Федералистические устремления, особенно резко формулировавшиеся деятелями ХДС/ХСС, пользовались поддержкой и руководства СДПГ, выступавшего за «децентрализованное союз-

ное государство». Западные военные администрации, оставаясь под влиянием экстремальных планов американцев Моргентгау о расчленении Германии и Баруха о ее экономической деградации, французских расчетов на отделение Рейнланда, все больше видели в федерализме средство оторвать Западную Германию от Восточной с целью восстановления на Западе догитлеровских порядков.

В этих условиях выдвинутый СЕПГ проект общегерманской конституции был призван сформулировать позицию наиболее передовой немецкой общественности, чтобы ее могла учесть предстоявшая сессия Совета министров иностранных дел союзных держав в Москве, на которой должны были рассматриваться вопросы будущей государственно-правовой структуры Германии.

Исходной мыслью проекта было предложение провести всенародное обсуждение на основе признания важнейших принципов: конституционно-юридические решения являются производными от политического развития; демократическое государство должно быть не инструментом угнетения народа, а орудием его воли и интересов. Такой подход предусматривал как сохранение преемственности с положительными сторонами веймарской демократии, так и серьезную (притом не только формально-юридическую) критику тех недостатков, которые сделали возможным рождение в ее недрах террористической фашистской диктатуры.

Проект СЕПГ рекомендовал рассматривать Германию как «неделимую демократическую республику, состоящую из земель», в которой государственная власть осуществляется соответственно парламентом, ландтагами, органами местного самоуправления. Суверенитет народного представительства обеспечивало предоставление ему законодательной власти, контроля над исполнительной и судебной властями. Демократические права граждан, в том числе и в социальной сфере, не только провозглашались, но и гарантировались ликвидацией частных монополий, обобществлением крупной промышленности и предприятий военных преступников, ликвидацией помещичьего землевладения.

Обосновывая проект, О. Гротеволь, председатель конституционной комиссии, подчеркнул необходимость коренных преобразований, знаменующих разрыв с роковой традицией, ибо невозможно просто наполнить демократическим содержанием те старые формы, которые служили авторитарной империалистической политике. Характеризуя Веймарскую республику, он заметил: «Принципиальный недостаток этой „демократии“ заключался именно в том, что она вовсе не была истинной демократией, не была действительно народным государством, которое обеспечивало бы народным массам хотя бы возможность действительно сопротивляться наступлению диктатуры». Он обратил при этом внимание на то, что снова проявились в конституционных дискуссиях попытки спекуляции на старых формулах — принципе «разделения властей» и лозунге «правового государства». За первым скрывались сохранение власти старого бюрократического ап-

парата, военщины, президента, за вторым — реакционная позиция враждебных демократии судебных властей. Гротеволь решительно опроверг ложный тезис, будто веймарская конституция была хороша, а народ плох и политически «незрел». Подобные ссылки на «глупость народа» призваны лишь скрыть пагубные ошибки создателей и апологетов веймарской конституции и республики ⁴⁸.

Широкое обсуждение конституционных вопросов в советской зоне оккупации показало возможность сближения в рамках антифашистского блока разных точек зрения и поисков взаимоприемлемых решений. В западных зонах эти вопросы не получили широкого резонанса, оставаясь делом узкого круга юристов и политиков. В государственно-правовой литературе здесь возобладало мнение, что достаточно внести некоторые исправления в государственную структуру и устранить авторитарную власть президента.

Еще в 1945 г. бывший видный прусский государственный чиновник и юрист А. Брехт опубликовал в Нью-Йорке книгу, в которой обосновывал сохранение в послевоенной Германии (и после ликвидации Пруссии) федералистической структуры ⁴⁹. Осенью 1946 г. профессор Мюнхенского университета В. Апель выпустил большое исследование по истории веймарской конституции ⁵⁰. При всей тщательности и доскональности юридического анализа, критической оценки ряда ее положений, а особенно конституционной практики республики автор не предлагал сколь-нибудь существенных преобразований.

В том же году Ф. Фриденсбург, в прошлом буржуазно-демократический политик и историк, в это время руководитель одного из экономических управлений в советской зоне оккупации Германии, выпустил в Западном Берлине книгу «Веймарская республика» ⁵¹. Написана она была еще в 1934 г., но не публиковалась. Фриденсбург считал, вслед за Онкеном, что в 1918 г. в Германии произошла не революция, а имел место «крах», вызванный неудачным исходом войны. Ни народ, ни вожди не были готовы к республике и демократии. Опыт военного поражения он считал поучительным лишь в том смысле, что после него удалось сравнительно быстро «восстановить страну». Негативным он считал то, что был упущен благоприятный момент для «создания единого государства», что веймарская конституция лишь «преобразовала органы существующего», сохранив устарелое и путаное территориальное деление. Видя слабости республики в дуализме «рейх—земли», в ее отношении к военщине и гитлеровцам, в позиции Гинденбурга и т. п., он усматривал, однако, решающий недостаток в «политической незрелости подавляющего большинства народа, для преодоления которой республике не хватало времени...» ⁵².

Фриденсбург считал, что «снова, как в 1919 г., хотя и в условиях бесконечно возросших трудностей, германский народ стоит перед задачей восстановления... Я не могу отрицать, что ныне... нужно найти новые принципы и формы для урегулирования в Германии

экономических и социальных отношений. Особенно жизненно важной задачей, исходя из внутренних и внешнеполитических условий, представляется тесное, доверительное сотрудничество с левым крылом демократического фронта, что тогда казалось еще невозможным и опасным»⁵³.

Автор брошюры, появившейся тоже в Западном Берлине, В. Кёрнер, ссылаясь на многочисленные авторитеты, в том числе на Шпенглера, доказывал, что время для создания общегерманской конституции еще не пришло. По его мнению, путь к ней шел от земель к союзному государству. Особенно рьяно Кёрнер ратовал за сохранение «профессионального чиновничества»⁵⁴.

Директивы правления СДПГ, принятые в марте 1947 г., предусматривали в основном сохранение веймарской структуры. Шагом назад была уступка ХДС — согласие на «децентрализованное союзное государство». Президентскую власть предлагалось ослабить, а устойчивость правительства обеспечить с помощью так называемого «конструктивного вотума недоверия»⁵⁵.

Вскоре западные державы во главе с США встали в условиях «холодной войны» на путь прямого раскола Германии. Последней серьезной акцией Союзного контрольного совета был принятый 25 февраля 1947 г. закон о ликвидации Пруссии, как давнего носителя милитаризма и реакции⁵⁶. Объединением американской и британской зон (созданием Бизонии) был открыт путь к созданию сепаратного западногерманского государства. «План Маршалла» включил промышленный Запад Германии в западноевропейский блок, а «Лондонские рекомендации» поручили ландтагам создать «Парламентский совет» для подготовки конституции Западной Германии.

В противовес этому на Востоке Германии развернулось движение «Народного конгресса за единство и справедливый мир», было выдвинуто предложение провести во всей стране референдум о «создании единой, неделимой Германской республики, в которой землям были бы предоставлены те же права, какими они обладали по веймарской конституции»⁵⁷. Продолжалась разработка проекта общегерманской конституции. В мае-июне 1948 г. на заседаниях конституционной комиссии Немецкого народного совета обсуждались доклады: «Конституционная проблема в историческом развитии Германии» (К. Полак), «Имеет ли немецкий народ право на самоопределение своей конституции?» (А. Штайнигер), «Современные конституции в Германии» (И. Дикман), «Веймарская конституция. Ее достижения и недостатки» (К. Полак)⁵⁸. Последний доклад содержал глубокий научный анализ того, что проект новой общегерманской конституции может (или не может) почерпнуть из предшествующей.

Рассмотрев уставов «отцов Веймарской конституции» Гуго Прейса и Макс Вебера, а также компромиссные результаты длительных дискуссий в Национальном собрании, Полак пришел к выводу, что конституция отразила продвижение Германии от союза государств к единой демократической республике. Угроза

федералистического партикуляризма была отражена, установлен суверенитет империи при сохранении известной самостоятельности земель. Впервые утвердив в Германии парламентскую демократию, она создала определенные предпосылки, требующие дальнейшего развития демократизации представительства земель.

Самым серьезным недостатком Веймарской конституции Полак считал то, что народное представительство (рейхстаг) не было центром власти, не оказывало решающего воздействия на государственный аппарат и экономическую организацию. Власть промышленников и аграриев имела проводников во враждебной демократии государственной бюрократии: «раковая болезнь» конституции заключалась в сохранении старого авторитарного аппарата, что делало парламентаризм республики мнимым. В частности, судебные органы систематически способствовали подавлению демократов и покрывали фашистских террористов. Будущая германская конституция, гласил вывод, должна обеспечить решающее влияние народа на экономический строй и государственный аппарат⁵⁹.

«Основные направления» общегерманской конституции, одобренные Народным советом в августе 1948 г., учитывали как исторический опыт, так и конкретные условия послевоенного развития Германии. Опираясь на антифашистско-демократические преобразования, осуществленные в советской зоне, они вместе с тем предусматривали с учетом мнений партий Демократического блока создание рядом с рейхстагом палаты земель, оставляли открытой возможность продолжения дискуссий и нахождения решений, приемлемых для всей Германии. Но Запад уклонился от совместных обсуждений.

«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»

1948 год был юбилейным: весной отмечалось 100-летие германской революции 1848—1849 гг., осенью — 30-летие Ноябрьской революции 1918 г. Разумеется, юбилеи стали удобным поводом для нового обращения к урокам германской истории. На Востоке Германии они служили пробуждению и укреплению в немецком народе сознания своей ответственности за выбор дальнейшего пути. Обострение международной ситуации в связи с «холодной войной», растущая опасность разрушения единства Германии и раскола страны особенно настоятельно требовали ясных оценок как прошлого, так и перспектив.

Центральное правление СЕПГ в июне заслушало на пленуме доклад Отто Гротевоя, а в сентябре провело специальное обсуждение и приняло тезисы «Ноябрьская революция и ее значение для германского рабочего движения». В них содержался призыв провести юбилей под знаком борьбы за полное решение тех исторических задач, которые из-за слабости и половинчатости революции 1918 г. не были решены своевременно, что в дальнейшем

вергло немецкий народ в пропасть фашизма, обрекло на ужасы гитлеровской войны. Нужно добиться, говорилось в тезисах, чтобы были полностью поняты предыстория, ход и последствия Ноябрьской революции.

Из доклада, с которым выступил на пленуме ЦП СЕПГ О. Гротеволь, выросла первая в послевоенной марксистской литературе специальная книга, посвященная Ноябрьской революции и озаглавленная: «Тридцать лет спустя. Ноябрьская революция и уроки истории германского рабочего движения»⁶¹. Автор считал, что анализ должен дать ответ на весьма актуальный вопрос: «Сможет ли германский рабочий класс решить поставленную перед ним историей задачу осуществления социализма и тем самым поднять всех трудящихся и в конечном счете весь народ на тот социальный, национальный и культурный уровень, который обеспечит всем достойное человека существование?»⁶² Гротеволь не скрывал, что особенно выходцам из социал-демократической партии необходимо проявить мужество и осознать ошибки прошлого: «Поколение, которое выросло в рабочем движении Бебеля, потом действовало в различных политических лагерях в годы первой мировой войны, Ноябрьской революции и Веймарской республики и, наконец, из-за собственного пагубного поведения стало жертвой позорной гитлеровской диктатуры, имеет поистине достаточно оснований, чтобы осознать свой ложный путь в прошлом и найти правильный путь в настоящем и будущем»⁶³.

Почти половина книги посвящена предыстории революции. В этой части рассмотрены подъем германского рабочего движения в XIX в. и порожденная этим успехом опасность: появление иллюзий о возможности «мирного встания» в социализм. Переход к империализму, его воздействие на рабочий класс привели к возникновению в германской социал-демократии трех течений и борьбе между ними. 4 августа 1914 г. стало днем открытого разрыва правых лидеров с марксизмом и интернациональной солидарностью, раскола рабочего движения. В книге содержался анализ вредного влияния теоретических и стратегических установок социал-демократии.

В главе об обострении революционной ситуации автор дал разбор тактических ошибок левых независимцев и спартаковцев-коммунистов, затруднявших единые действия рабочего класса. Но кардинальную ошибку, считал Гротеволь, совершили лидеры СДПГ и НСДПГ, которые противодействовали революционному подъему пролетарских масс и подготавливали новое предательство, еще более роковое, чем 4 августа. В Великой Октябрьской социалистической революции автор видел не только первый прорыв системы империализма, но и начало мировой революции, создание базы ее дальнейшего развития.

В книге охарактеризованы исторические задачи Ноябрьской революции, показана роль рабочих и солдатских Советов. Имелась возможность с их помощью продвинуть революцию дальше ее первой, незрелой фазы. Но развитие было прервано насильст-

венным подавлением Советов. Автор высказал мысль, что германский рабочий класс трижды за пять лет стоял на грани важнейших решений: «4 августа 1914 г. он принес себя в жертву „гражданскому миру“, и Германия окунулась в море крови и слез. 9 ноября 1918 г. он пожертвовал своими интересами и революционными задачами во имя „спокойствия и порядка“, что привело его к Национальному собранию в Веймаре. 19 января 1919 г. он пожертвовал собой ради избирательного бюллетеня формальной буржуазной демократии Веймарской республики, попал в водоворот коалиционной политики и окончил путь в море крови, пролитой фашизмом. Три исторических призвания, три исторических просчета»⁶⁴.

Рассматривая причины этих ошибок, О. Гротеволь указал на влияние реформизма, ложную оценку империализма вождями германской социал-демократии, их «западную ориентацию» и антибольшевизм. Говоря о слабостях и недостатках Веймарской конституции и республики, автор снова подчеркнул коренной недостаток республики: она вовсе не была «действительно народным государством, которое предоставляло бы массе народа хотя бы возможность действительно противостоять надвигавшейся диктатуре»⁶⁵. Указав на сохранение старой бюрократии, Гротеволь заметил, что «ныне мы видим на Западе по меньшей мере подобные же стремления, и нам следует извлечь из этого горькие и серьезные уроки»⁶⁶. Опасность велика: «Если мы не соединим наше строительство нового государства с критикой старого буржуазного государства, закрепленного Веймарской конституцией, мы рискуем вместо создания государства нового типа реставрировать старое, а именно веймарское государство»⁶⁷. Резюмируя значение уроков истории, О. Гротеволь подчеркнул в книге необходимость эффективного единства рабочего класса.

Антон Аккерман посвятил свой доклад на торжественном заседании в Берлине урокам двух революций. В ноябре 1918 г., заметил он, когда революция мгновенно смела верхушку юнкерско-буржуазного государства, влияние русского Октября было очевидным. Но движение Советов оказалось в Германии несравненно более слабым, и они вскоре выпустили власть, оставив ее в руках старых сил. «Этот принципиальный факт, а не то или иное положение конституции, как часто ложно утверждают, наложил на Веймарскую республику печать буржуазно-капиталистического государства».

Почему же судьба повела немецкий народ после Ноябрьской революции по пути инфляции, рационализации, кризисов, от Эберта через Гинденбурга к Гитлеру и ко второй мировой войне? «Потому что в 1918 г. была упущена возможность довести до конца демократическую революцию и превратить ее в пролетарскую. Потому что в 1918 г. не было разбито классовое господство юнкеров и монополистов. Потому что в 1918 г. германский рабочий класс позволил удержать себя от действий, которые совершил российский рабочий класс, прогнавший в Феврале

1917 г. царя, а в Октябре свергнувший господство помещиков и капиталистов»⁶⁹. Напомнив, что Томас Манн назвал антибольшевизм главной глупостью нашей эпохи, Аккерман показал, что он служил прикрытием и для Эберта и для Гитлера.

Отто Бухвиц, ссылаясь на собственный многолетний опыт пребывания в СДПГ, писал, что руководящий слой немецкой социал-демократии и профсоюзов был во время революции так опутан сетями ревизионизма и приспособленчества, что, во-первых, страшился революционизации рабочих, а во-вторых, боялся, что какие-либо социалистические меры побудят американцев и англичан усилить блокаду. Кроме того, в старой социал-демократии господствовало мнение, что Германия будет первой страной социальной революции. А учиться у русских она ничему не хотела: «Тогда в германской социал-демократии раздавалось много голосов, осуждавших отвагу русских революционеров...» Призывая учиться интернационализму, Бухвиц указал: «Тот, кто забывает о собственной революционной задаче и действует ей вопреки, действует вопреки интернациональному долгу... Кто не использует разумно опыт других стран, тот вредит и себе и международному движению»⁷⁰.

В интереснейшей книге «50 лет функционер германского рабочего движения» Отто Бухвиц вспомнил о своей деятельности во время Ноябрьской революции в Силезии. Критически оценивая тогдашнюю политику социал-демократического руководства, он заметил, что партия «растрачивала то доверие, которое люди питали к партии Бебеля». За горький самообман пришлось дорого расплачиваться: контрреволюционеры быстро осознали бессилие расколотого рабочего класса и использовали для того, чтобы «уничтожить немногие завоевания революции 1918 г. и укрепить свою власть»⁷¹.

Рудольф Линдау, активный участник революции, заметил, что опоздание в истории — это немецкая трагедия: «Когда в 1918 году объективно стояла на очереди социалистическая революция, германский рабочий класс смотрел назад, на традицию 70-летней борьбы за формальную демократию в полуабсолютистской Германии... В революционной ситуации ноября 1918 г. расколотый рабочий класс оказался без партии, способной руководить борьбой, и без соответствующей историческим задачам тактической программы»⁷².

Известный писатель Бернгард Келлерман, вспоминая о 9 ноября, которому почти 30 лет назад посвятил свой одноименный роман, свидетельствовал, что рождавшуюся тогда новую Германию подрубили два чудовищных удара: отсутствие единства в рабочем классе и поиск прибежища у сил реакции. «От этих ударов она никогда полностью не сумела оправиться». Дальнейшим ударом была нерешительность тех, кто именовал себя «революционным правительством», — большинство из них оказались заурядными мещанами без кругозора и размаха, а в результате скоро подняла голову реакция, которая задушила революцию»⁷³.

В специальном номере теоретического журнала СЕПГ «Einheit» проводилась мысль, выраженная в тезисах Центрального Правления партии, что «Ноябрьская революция 1918 года осталась незавершенной буржуазной революцией» в результате контрреволюционных действий правых социал-демократических вождей и отсутствия в то время в Германии революционной партии рабочего класса⁷⁴.

В Западной Германии лишь немногие пытались критически осмыслить события 30-летней давности. Одним из них был профессор Эуген Фишер-Балинг, в годы Веймарской республики депутат рейхстага от Демократической партии и генеральный секретарь подкомитета в Комиссии по расследованию вопроса о виновниках первой мировой войны. В газете «Neue Zeitung», выходившей в американской зоне оккупации, он в ноябре 1948 г. размышлял о том, что такое «дух 9 ноября 1918 года»⁷⁵. По его мнению, этот дух заключался в победе германского народа, людей религиозных в широком смысле слова, сторонников соглашения с другими странами, над политиками «крови и железа», сторонниками войны и агрессии. Упущением было, однако, то, что тогда не был осуществлен решительный, демонстративный разрыв со старым строем, не состоялся, например, суд над теми, кто планировал морское сражение с принесением в жертву флота. Нужно было, считал автор, открыто признать ответственность за войну и неизбежность репараций, бороться за Лигу наций.

Фишер-Балинг, активный борец против «легенды о дольхшто-се», книги которого гитлеровцы в 1933 г. публично сожгли на костре, ясно видел пагубность союза социал-демократии с военной против революции. Соглашение Эберт-Грёнер, считал он, стало «началом добровольного подчинения революции старому генералитету», «принципу вооруженного национального эгоизма». Потому и не провели решительной чистки старой армии, даже не думали о создании собственной Красной армии, а вместо того позволили любым офицерам создавать «добровольческие корпуса», не допускали никакой критики в адрес армии и милитаристского прошлого. Эберт дал себя одурачить, приветствуя «непобежденных на фронте» солдат. Допустив роковую фальсификацию истории, он лишил морального авторитета и себя и революцию.

Разумеется, писал Фишер-Балинг, следовало возражать против Версаля и единоличной ответственности Германии за войну, но критика эта должна была вытекать из желания прийти к соглашению: «Республиканская Германия не должна была проявлять солидарности с кайзеровской, защищать и приукрашивать завзятую приверженность значительной части немцев к военным действиям». Вследствие таких упущений и восторжествовал «национализм без мировой идеи и обязательств перед миром». Поэтому многие немцы утратили меру, умение различать правое и неправое, поверили, что Германия противостоит враждебному миру. «Дерево, рожденное революцией, потеряло сок и листья».

А генералы, доверчиво приглашенные «приличными людьми» к сотрудничеству, приспособились к республике, не изменяясь сами. «В то время как Эберт заключал союз с Грёнером 9 ноября 1918 г. в качестве представителя непреодолимой силы революции, Грёнер и Гинденбург пошли на союз с чувством угрожающей им смертельной опасности. В 1933 г. Гинденбург, находившийся под давлением правых сил, смог предать демократические партии подручному, который их уничтожил. Демократия погибла, ибо не имела мужества возникнуть, мужества сломать солидарность со своим антиподом: мужества создать новый мир». В этом Фишер-Балинг видел трагедию Веймарской республики, повторение которой стремился предотвратить. Но он был борцом-одиночкой.

Многие другие буржуазные историки Западной Германии и Западного Берлина пытались в это время решить совсем другую задачу — ссылками на историю оправдать осуществлявшуюся на их глазах политику империализма, направленную прежде всего на раскол Германии. Так, Ф. Майнеке в работе о революции 1848 г. в Германии вопреки хорошо известным ему реальным фактам приписывал вину за поражение этой революции не трусливым либеральным буржуа, а... леворадикальным силам и руководимой Марксом и Энгельсом горстке немецких коммунистов. Он утверждал даже, будто «наличие коммунистического движения» раскололо демократический лагерь, «помешало сохранению у народа единой революционной воли, которой, возможно [?!], подчинились бы правительства», а это привело бы к осуществлению политики «национального либерализма»⁷⁶. Майнеке не проводил прямой параллели с современностью, но заданность этих рассуждений очевидна.

Социал-демократические авторы тоже не удостоили 30-летие Ноябрьской революции и установления Веймарской республики своим вниманием. В появившихся воспоминаниях правых деятелей Отто Брауна («От Веймара к Гитлеру»), Вильгельма Кейля, Пауля Лёбе⁷⁷ этим событиям было уделено по несколько страниц, не высказано никаких новых мыслей.

Тем временем «Парламентский совет» во главе с К. Аденауэром принял в мае 1949 г. «Основной закон», отвергнув предложение о согласовании его с проектом общегерманской конституции, одобренным после всенародного обсуждения Народным советом Национального фронта демократической Германии. «Основной закон», хотя и содержал некоторые коррективы по сравнению с Веймарской конституцией, не давал гарантий ни против возрождения власти монополий, ни против ремилитаризации. В сентябре 1949 г. завершилось конституирование Федеративной Республики Германии. Ответной мерой стало провозглашение 7 октября 1949 г. Германской Демократической Республики, введение демократической конституции. На германской земле сложились два независимых суверенных государства с различным социальным и политическим строем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ведомости Контрольного Совета в Германии. Специальный номер I. Сборник текстов, изданных до создания Союзной Контрольной власти и мотивирующих ее создание. Берлин, [1945]. С. 7.
- ² Там же. С. 10.
- ³ Там же. С. 14—17.
- ⁴ Там же. С. 14.
- ⁵ Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Reihe III. B., 1959. Bd. 1. S. 16—17.
- ⁶ Ibid. S. 31.
- ⁷ Deutsche Volkszeitung. 1945. 13. Aug.
- ⁸ Dokumente und Materialien... Bd. 1. S. 90.
- ⁹ *Grotewohl O.* Wo stehen wir: Wohin gehen wir: Weg und Ziel der deutschen Sozialdemokratie. B., 1945. S. 14, 20—21.
- ¹⁰ См. об этом: *Plener U.* Die Stellung zur Novemberrevolution und die politischen Schlußfolgerungen führender Vertreter der SPD nach 1945 // IV. Deutscher Historiker-Kongress der DDR. Arbeitskreis: Die Bedeutung der Novemberrevolution: Die Räte in der Novemberrevolution: Protokoll. Leipzig, 1968.
- ¹¹ Dokumente und Materialien... Bd. 1. S. 628—629.
- ¹² См. об этом: *Doernberg S.* Die Geburt eines neuen Deutschland, 1945—1949. B., 1959.
- ¹³ Sozialismus. Eine Gegenwartsaufgabe. B., 1946. S. 23—28.
- ¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 345.
- ¹⁵ Там же. Т. 18. С. 500.
- ¹⁶ *Abusch A.* Irrweg einer Nation: Beitrag zum Verständnis deutscher Geschichte. B., 1946.
- ¹⁷ Ibid. S. 267, 271.
- ¹⁸ Ibid. S. 262.
- ¹⁹ Ibid. S. 226—228.
- ²⁰ Ibid. S. 228—231.
- ²¹ Ibid. S. 270.
- ²² *Merker P.* Deutschland: Sein oder nicht sein? Mexico, 1944—1945. Bd. 1—2. (Bd. 1: Von Weimar zu Hitler; Bd. 2: Das dritte Reich und sein Ende).
- ²³ Ibid. Bd. 1. S. 7.
- ²⁴ Ibid. S. 367.
- ²⁵ Ibid. S. 372.
- ²⁶ Ibid. Bd. 2. S. 498.
- ²⁷ *Niekisch E.* Deutsche Daseinsverfehlung. B., 1946.
- ²⁸ *Norden A.* Lehren deutscher Geschichte. Zur politischen Rolle des Finanzkapitals und der Junker. B., 1947.
- ²⁹ Ibid. S. 53—54, 60—62.
- ³⁰ *Lindau R.* Probleme der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1957. S. 32—35.
- ³¹ Ibid. S. 36—37.
- ³² *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe: Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946.
- ³³ Ibid. S. 156—157.
- ³⁴ Ibid. S. 5, 7.
- ³⁵ Ibid. S. 96, 141—142.
- ³⁶ Ibid. S. 73, 77, 94, 105, 108, 155.
- ³⁷ Ibid. S. 15, 51—52.
- ³⁸ Ibid. S. 161, 168, 172—173, 176.
- ³⁹ *Meinecke F.* Die Entstehung des Historismus. 2. Aufl. München, 1946.
- ⁴⁰ См., *Ritter G.* Geschichte als Bildungsmacht. Stuttgart, 1946.
- ⁴¹ См.: *Unbewältigte Vergangenheit.* 3. Aufl. B., 1977. S. 141.
- ⁴² *Schumacher K.* Nach dem Zusammenbruch: Gedanken über Demokratie und Sozialismus. Hamburg, 1948. S. 9; см. также: *Turmwächter der Demokratie.* Ein Lebensbild von Kurt Schumacher // Reden und Schriften. B. [W.], 1953. Bd. 2.
- ⁴³ *Noske G.* Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach a. M., 1947. S. IX—XVI.

- ⁴⁴ Ibid. S. 89—91.
- ⁴⁵ *Stampfer F.* Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach a. M., 1947. S. VI, 59—62, 92, 134, 670—671.
- ⁴⁶ *Merker P.* Sozialdemokratismus: Stampfer, Schumacher und andere Gestrige. B., 1949.
- ⁴⁷ См. об этом: *Grotewohl O.* Die Grundrechte des deutschen Volkes; Rede vor den Vertretern der In- und ausländischen Presse anlässlich der Veröffentlichung des Verfassungsentwurfs der SED // Im Kampf um Deutschland: Reden und Aufsätze. B., 1948. Bd. 1. S. 275—286, 294—299.
- ⁴⁸ *Grotewohl O.* Deutsche Verfassungspläne. B., 1947. S. 28—29, 33, 80—81.
- ⁴⁹ *Brecht A.* Federalism and Regionalism in Germany: The Division of Prussia. N. Y., 1945.
- ⁵⁰ *Apelt W.* Geschichte der Weimarer Verfassung. München, 1946.
- ⁵¹ *Friedensburg F.* Die Weimarer Republik. B., 1946.
- ⁵² Ibid. S. 25, 222, 363—364, 369.
- ⁵³ Ibid. S. 7, 9.
- ⁵⁴ *Körner W.* Zur Verfassungsfrage. B., 1946.
- ⁵⁵ *Badstübner R., Thomas S.* Restauration und Spaltung: Entstehung und Entwicklung der BRD, 1945—1955. Köln, 1975. S. 280—289.
- ⁵⁶ Ibid. S. 306—309.
- ⁵⁷ Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. B., 1951. Bd. 1. S. 259.
- ⁵⁸ *Polak K.* Das Verfassungsproblem in der geschichtlichen Entwicklung Deutschlands // Schriftenreihe des Deutschen Volksrates. B., 1948; *Steiniger A.* Hat das deutsche Volk ein Recht auf Selbstbestimmung seiner Verfassung? // Ibid.; *Dieckmann J.* Die gegenwärtigen Länderverfassungen in Deutschland // Ibid.; *Polak K.* Die Weimarer Verfassung, ihre Errungenschaften und Mängel // Ibid.
- ⁵⁹ Ibid. S. 38, 44—45, 59.
- ⁶⁰ Die Novemberrevolution und ihre Lehren für die deutsche Arbeiterbewegung: Beschluß des Parteivorstandes der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands vom 16. September 1948 // Dokumente der SED. B., 1949. Bd. 2. (Рус. пер: Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1949. Т. 6, № 2)
- ⁶¹ *Grotewohl O.* Dreissig Jahre später. Die Novemberrevolution und die Lehren der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1948.
- ⁶² Ibid. S. 6.
- ⁶³ Ibid. S. 7.
- ⁶⁴ Ibid. S. 88.
- ⁶⁵ Ibid. S. 106.
- ⁶⁶ Ibid. S. 113.
- ⁶⁷ Ibid. S. 118.
- ⁶⁸ Ibid. S. 137, 145.
- ⁶⁹ *Ackermann A.* Die Lehren zweier Revolutionen // Neues Deutschland. 1948. 9. Nov.
- ⁷⁰ *Buchwitz O.* Mehr Internationalismus! // Ibid.
- ⁷¹ *Buchwitz O.* 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1949. S. 81, 83.
- ⁷² *Lindau R.* Die verspätete Revolution // Neues Deutschland. 1948. 9. Nov.
- ⁷³ *Kellermann B.* Der 9. November: Eine Mahnung // Ibid.
- ⁷⁴ Einheit. 1948. Nov. Sondernummer.
- ⁷⁵ Die Neue Zeitung. 1948. 18. Nov.
- ⁷⁶ *Meinecke F.* 1848 — Eine Sekularbetrachtung, B., 1948. S. 13—14, 17, 22.
- ⁷⁷ *Braun O.* Von Weimar zu Hitler. Hamburg, 1949; *Keil W.* Erlebnisse eines Sozialdemokraten. Stuttgart, 1948. Bd. 1—2; *Lobe P.* Erinnerungen eines Reichspräsidenten. B., 1949.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИИ МАРКСИСТОВ

КРУГ ИНТЕРЕСОВ В 50-Е ГОДЫ

Образование Германской Демократической Республики — открыло новую страницу и в марксистской историографии. Был создан Музей германской истории, возникли Институт истории Германской академии наук в Берлине, кафедры германской истории в университетах Берлина, Лейпцига, Галле; с 1953 г. стал выходить ежемесячный исторический журнал ¹.

Еще ранее началось издание работ революционных руководителей, создателей Коммунистической партии Германии. В 1950 г. вышли 2 тома речей и статей Вильгельма Пика ², в следующем — 2 тома избранных речей и работ Розы Люксембург, в 1952 г. — том избранных речей, писем и статей Карла Либкнехта ³.

Среди работ В. Пика был, в частности, опубликован его доклад «К истории КПГ», прочитанный в декабре 1943 г. в Москве в связи с 25-летием партии. Рассказав о создании группы «Спартак», В. Пик отметил, что отделение спартаковцев от социал-демократии совершалось медленно и непоследовательно, сначала путем создания пропагандистской группы внутри НСДПГ. «Отсрочка основания Коммунистической партии была серьезным упущением, имевшим следствием, что у германского пролетариата не оказалось в момент крушения кайзеровской военной машины и кайзеровской империи революционной партии, которая могла бы привести его к победе над империализмом, к уничтожению империалистических властителей и установлению власти пролетариата. Хотя Великая Октябрьская революция показала германскому пролетариату пример и оказала сильное влияние на народные массы, что проявилось, например, в забастовках января 1918 г., революция в Германии осталась *буржуазно-демократической*. Она, правда, свергла монархию, но оставила в неприкосновенности все реакционные силы и дала им свободу готовить новую войну» ⁴.

Напомним, что КПГ была создана лишь в конце 1918 г., В. Пик отметил, что съезд был недостаточно подготовлен в массах, не стал объединением расколотого военной политикой социал-демократии рабочего класса, а охватил лишь сравнительно небольшой его авангард, политически далеко не единый. В программных документах «Спартака» и решениях Учредительного съезда КПГ имелись «серьезные политические ошибки в оценке ситуации», «неясности и ложные взгляды». 1919—1923 годы назывались в докладе «периодом послевоенного революционного кризиса» ⁵.

Уже в первые недели Веймарской республики, указал В. Пик, контрреволюция предпринимала «одну провокацию за другой, чтобы вызвать авангард рабочего класса на преждевременные разрозненные выступления в разных частях Германии и разгромить их».

В этой связи В. Пик разъяснил, что январские бои 1919 г. в Берлине ошибочно именуют «спартаковским восстанием». В действительности, они были стихийным выступлением берлинских рабочих против попыток правительства разоружить рабочих и отобрать завоевания Ноябрьской революции. Слабостью партии было то, что она поддалась на провокацию правительства. Кровавое подавление войсками Носке весенних боев в Берлине, Баварии, Средней Германии, Рурской области, поражения рабочих были связаны с их раздробленностью и отсутствием сильной коммунистической партии ⁶.

В том же 1950 г. В. Ульбрихт опубликовал изложение своего труда «Поражение Германии в первой мировой войне и Ноябрьская революция», написанного в Москве в 1939—1940 гг. вскоре после появления «Краткого курса истории ВКП(б)» ⁷. В работе рассматривались переход германской социал-демократии в лагерь кайзеровского империализма, влияние на Германию Октябрьской революции, планы германской буржуазии по удержанию власти в условиях военного поражения. В Ноябрьской революции народное восстание легко смело Вильгельма II, что ослабило бдительность масс. Хотя большинство рабочего класса требовало социализма, «мнения относительно закрепления завоеванных свобод и пути к социализму существенно расходились» ⁸. Страх перед массами заставил Эберта заключить союз с Гинденбургом, сохранить реакционный государственный аппарат.

Во многих местах Советы боролись за решительную демократизацию, но, оставаясь в плену буржуазно-демократических реформистских иллюзий, не добились успеха. В. Ульбрихт подчеркнул, что стремление к социализму не должно было заслонять первоочередность демократических требований. Не поставив их в центр массовой борьбы, «Союз Спартака» затруднил себе завоевание социал-демократических рабочих и большинства членов НСДПГ.

«Ноябрьская революция осталась поэтому буржуазной революцией, которая, правда, устранила монархию, дала рабочим некоторые демократические права и социально-политические улучшения. Место монархии заняла буржуазно-демократическая республика, в которой власть,— замаскированная буржуазным парламентаризмом под социал-демократическим руководством,— оставалась в руках монополистического и банковского капитала и помещиков. *Основная задача Ноябрьской революции — уничтожить в Германии основы империализма и старый государственный аппарат, создать предпосылки для демократии и социализма — не была решена*» ⁹.

В. Ульбрихт указал, что разгромом в январские дни 1919 г. авангарда рабочего класса реакция достигла своей непосредственной цели. Хотя авангард сражался героически, отсутствие революционной марксистской партии, предательство социал-демократии не позволили революции решить национальную и социальную задачи.

В то время существовал лишь один путь, который вел к миру и подъему германского народа: «Это было принятие мирного предложения Советской России, сделанного 8 ноября 1917 г., немедленное прекращение захватнической войны на Востоке путем свержения власти германских империалистов, виновников войны. Этот путь избавил бы немецкий народ от Версальского мира, кризисов, безработицы, фашизма и катастрофы гитлеровской войны»¹⁰. Вопросы о реальной осуществимости такой политики автор не касался.

Одной из первых книг марксистских историков ГДР была работа А. Шрайнера «К истории германской внешней политики в 1871—1918 гг.», выросшая из лекций, прочитанных в 1947—1949 гг. в Лейпцигском университете. В заключительной главе автор высказал мысль, что характер Ноябрьской революции может быть лучше всего распознан по политике выросших из революции органов власти. «Обстоятельства, при которых в Германии было создано революционное правительство, и базис, на который оно опиралось, определяют характер германской Ноябрьской революции как *буржуазной революции*». Впрочем, как считал А. Шрайнер, этот базис «нес на себе печать дуализма, двоевластия между правительством Советов и Конституантой», но Советы все больше превращались в «инструмент правительства народных уполномоченных, стремившегося к реставрации неограниченного буржуазного классового господства». Объяснение было дано традиционно упрощенное: «Все предпосылки для победы пролетарской революции были в ноябре 1918 г. даны, кроме одной: недоставало укорененной в массах революционной марксистской партии, партии большевистского типа»¹¹.

В начале 50-х годов в ГДР вышло несколько работ марксистских исследователей старшего поколения, где события рассматривались с широким охватом тех проблем, которые нуждались в новом осмыслении. Фред Эльснер опубликовал книгу «Роза Люксембург. Критический биографический очерк». В противовес фальсификациям справа и слева автор показал Розу Люксембург прежде всего как борца и революционера. Придерживаясь укоренившейся фразеологии и обязанности критиковать «люксембургянство», Эльснер писал, как бы оправдываясь: «Главная причина обстоятельного рассмотрения ошибок Розы Люксембург заключается в том, что враги рабочего класса, троцкисты, брандлеровцы, левые социал-демократы и не в последнюю очередь социал-демократические идеологи пытались и пытаются до наших дней использовать ложные представления Розы Люксембург для своего подлого ремесла»¹². Тем не менее, заключал автор, она остается одним из величайших революционных деятелей германской истории.

Юрген Кучинский в «Очерках истории германского империализма», в «Истории положения рабочего класса в Германии» на огромном фактическом материале анализировал экономические и политические условия, в которых на разных исторических этапах разворачивалась борьба рабочего класса, в том числе и в период революции 1918—1919 гг.¹³ Альберт Норден в ярко публицистических и насыщенных фактами книгах показал, в частности, что уже через 24 часа после свержения монархии в 1918 г. секретный договор Эберта—Гинденбурга открыл путь к гибели республики, которую стали готовить и впоследствии осуществили магнаты промышленности и финансов, юнкеры и генералы. В книге «Между Берлином и Москвой» Норден раскрыл пагубность для Германии антисоветского курса, утвердившегося с первых дней Веймарской республики¹⁴.

Постепенно в исследовательскую работу стали включаться и более молодые историки. Их внимание было сосредоточено в первую очередь на предыстории Ноябрьской революции. К. Маммах после участия в публикации документов выпустил в 1955 г. книгу «Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии»¹⁵.

Особенно первая часть этой работы содержала много нового, впервые вводимого в научный оборот материала. Развитию германского монополистического капитала и его сращиванию с государством в годы первой мировой войны посвятил свое исследование А. Мюллер¹⁶.

В разработке этой проблематики непосредственно помогал историкам ГДР профессор Ленинградского университета В. Г. Брюнин, длительное время читавший лекции в университетах ГДР.

Его собственные исследования о влиянии Октября на германское рабочее движение и о политическом кризисе в Германии в сентябре—октябре 1918 г. публиковались как в СССР, так и в ГДР, способствуя сближению точек зрения историков обеих стран¹⁷.

В последующие годы особенно значительное влияние на формирование целого поколения историков ГДР оказало пребывание в республике профессора А. С. Ерусалимского, в частности его семинар в Институте истории Германской академии наук, в работе которого наряду с конкретными вопросами истории германского империализма большое место занимали методологические вопросы, связанные с изучением творческой лаборатории В. И. Ленина, его «Тетрадей по империализму», как раз в это время впервые опубликованных на немецком языке. Об этом интересно рассказано в книге Эрики Штёккер «А. С. Ерусалимский. Германская история в жизни советского историка и коммуниста»¹⁸.

К проблемам германской революции исследователи подходили с разных сторон. Так, Ф. И. Нотович выпустил в 1947 г. книгу

о крушении захватнической политики германского империализма на востоке Европы в годы первой мировой войны¹⁹. Б. Е. Штейн обстоятельно рассмотрел деятельность Парижской мирной конференции и особенно место, уделенное в ее работе «русскому вопросу», т. е. организации вооруженной интервенции против Советской России²⁰. С. И. Ленчнер обратилась к вопросу о месте Пруссии в Германской империи, рассмотрела проекты расчленения Пруссии, выдвинутые во время подготовки Веймарской конституции, но не осуществленные из-за желания реакционных сил сохранить свои позиции. В другой работе она впервые проанализировала «перестройку» буржуазных и юнкерских партий, обновивших лозунги и программы, приспособившаяся к новым условиям. Став «республиканцами поневоле», они, как показал исход выборов в Национальное собрание, сумели сохранить значительное влияние²¹.

В связи с 30-летием январских боев в Берлине журнал «Вопросы истории» поместил в 1949 г. две статьи. П. А. Манова на основе изучения доступных материалов процесса Ледебурга, прессы и других опровергла мнение о «спартаковском восстании», распространявшееся врагами революции, и утверждала, что имела место провокация шейдемановцев. Значительное внимание она уделила тактике правящих кругов и формированию контрреволюционных «добровольческих корпусов»²². К. Р. Каменецкая в статье «Убийцы К. Либкнехта и Р. Люксембург перед судом Веймарской республики», уточнив картину преступления, сосредоточила усилия на показе того, как осуществлялась фальсификация событий и проводилось судебное расследование. В ряде случаев автору удалось расширить материал и углубить анализ по сравнению с книгой Б. Утевского²³.

В конце 40-х — начале 50-х годов заметно оживился интерес советских историков к германской революции. Продолжалось изучение роли Советов, был защищен ряд кандидатских диссертаций, и в историографии появились новые имена*.

В начале 50-х годов выяснилось, что по принципиальным вопросам германской революции у советских историков сложились разные мнения. Споры велись, например, на кафедре новой истории МГУ, но они лишь в небольшой степени становились достоянием общественности³¹. Любая попытка рассматривать германскую революцию как *буржуазно-демократическую* объявлялась в то время «ревизией» положений «Краткого курса истории ВКП(б)». Так, в рецензии Г. Г. Толмачева упомянутая статья С. И. Ленчнер о буржуазных партиях была буквально разгром-

* О Советах в Киле, Гамбурге, Бремене написал Г. К. Цветков²⁴. Статьи о советском движении в первые месяцы революции в Берлине и других городах, о Гамбургском Совете и о II съезде Советов в апреле 1919 г. опубликовал К. Д. Петряев²⁵. В его работах выявлялись прежде всего слабости германских Советов, подвергалась критике позиция независимых и коммунистов. Роль США в заключении мира с Германией рассмотрел Я. И. Цитович²⁶. Диссертации защитили: С. И. Спивак (Ставрополь)²⁷, В. И. Биллик (Великие Луки)²⁸, Я. С. Драбкин (Москва)²⁹, А. А. Галкин (Москва)³⁰.

лена за то, что в ней якобы имелось «антиисторическое» утверждение о «всенародной революции», тогда как ее надо было, дескать, считать «очень слабой буржуазной революцией»³². Диссертация В. И. Биллика, во введении к которой революция характеризовалась как буржуазно-демократическая, не была утверждена Высшей аттестационной комиссией. Только после удаления этой формулировки автор два года спустя защитил ее.

В 1956 г., после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина, положение изменилось. Журнал «Вопросы истории» решил открыть научную дискуссию, материалы которой поступили еще на два года раньше и многократно рецензировались, в том числе специалистами из ГДР. Дискуссия началась в мае статьей Я. С. Драбкина «О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии»³³. За ней последовала статья В. И. Биллика «О своеобразии Ноябрьской революции в Германии»³⁴. Вскоре были опубликованы статьи В. Ф. Шелике³⁵, Н. Г. Обушенкова³⁶. По центральному вопросу обсуждения все сошлись на том, что вполне правомерно считать германскую революцию буржуазно-демократической, хотя по другим вопросам высказывались несовпадающие мнения.

Несколько раньше историки ГДР начали обсуждение вопросов Германской революции в связи с подготовкой учебника по новейшей истории Германии. Здесь в центре внимания оказался вопрос о роли Советов, о том, в чьих руках была реальная власть в первые месяцы революции. Выявились некоторые разногласия и в отношении этапов революции. Относительно ее характера руководивший обсуждением А. Шрайнер резюмировал: «На повестке дня истории стояла пролетарская революция. Началось движение как народная революция, т. е. как буржуазная революция. Не удалось превратить ее в социалистическую революцию»³⁷. В это же время началась публикация статей о Советах в Ноябрьской революции, причем статья М. Айнхорн впервые опиралась на материалы, почерпнутые в только что открывшихся архивах ГДР³⁸.

Начало публичной дискуссии советских историков побудило и коллег в ГДР обратиться от частного к главному вопросу — о характере Ноябрьской революции. Этому посвятил свою статью в журнале «Einheit» Роберт Лейббранд (она была позднее опубликована и в «Вопросах истории»). Он отметил, что следует очень приветствовать опубликование статей Я. С. Драбкина и В. И. Биллика в немецком переводе: «Работы обоих советских историков свидетельствуют о серьезном изучении ими этих проблем. Это ценные дискуссионные статьи, которые содержат разносторонние соображения и импульсы для оценки Ноябрьской революции». Рассказав, что дискуссия в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в Берлине выявила наличие разных точек зрения и среди историков ГДР, Р. Лейббранд сформулировал собственную позицию: он отвергал теперь характеристику революции как буржуазной, которая почти два десятилетия считалась общепринятой, и обосновывал тезис, что она была пролетарской (социалисти-

ческой), потерпевшей поражение. Это означало возвращение к оценке, имевшей хождение в более ранние годы³⁹. Такой пересмотр вскоре поддержал и А. Шрайнер⁴⁰. Так выявились две позиции, поскольку в защиту «просто буржуазного» характера германской революции выступил лишь один советский участник дискуссии⁴¹.

К СОРОКАЛЕТИЮ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

Ставшая международной научная дискуссия развертывалась в преддверии 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и последующего 40-летия Ноябрьской революции в Германии. Историки ГДР развернули большую подготовку к этим юбилеям. Институт истории Германской академии наук выпустил под редакцией А. Шрайнера большой коллективный труд «Революционные события и проблемы в Германии в период Великой Октябрьской социалистической революции. 1917—1918 годы»⁴². В нем были широко использованы материалы архивов ГДР*.

Труд свидетельствовал о серьезной исследовательской работе, позволившей глубже, чем прежде, осмыслить предпосылки Ноябрьской революции. Сказался положительный результат концентрации усилий историков на событиях сравнительно небольшой хронологической протяженности, была создана добротная основа для дальнейшей монографической разработки ряда проблем.

В ряду проведенных в ГДР юбилейных конференций особое место заняла состоявшаяся в ноябре 1957 г. в Лейпциге научная сессия созданной незадолго до того двусторонней Комиссии историков СССР и ГДР. На ней обсуждались две большие темы: «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию» и «Важнейшие направления буржуазно-империалистической историографии второй мировой войны». Докладчиками по первой теме были: А. Шрайнер — «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию накануне и в период Ноябрьской революции»; А. С. Ерусалимский — «Великая Октябрьская социалистическая революция и проблема советско-германских отношений»; В. Г. Брюнин — «Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Германии, 7 ноября 1917 г.—8 ноября 1918 г.»

В докладе А. Шрайнера обстоятельно рассматривался вопрос о влиянии на Германию революционных событий в России —

* Апрельская забастовка 1917 г. в Берлине была описана Г. Шеелем, движение в германском флоте — Г. Й. Бернхардом, январская стачка 1918 г. — Вальтером Бартелем, революционное движение матросов в октябре — ноябре 1918 г. — К. Цайслером, советское движение накануне Ноябрьской революции — А. Шрайнером и Г. Шмидтом, отношении рабочих партий к некоторым проблемам Октябрьской революции — Р. Лейббрандом и К. Маммахом.

сначала Февральской, а затем и Октябрьской социалистической революции. Воздействие последней проявилось особенно сильно в ходе Ноябрьской революции — события не только национального, но и международного значения, самого мощного выступления масс со времени Великой крестьянской войны XVI в. Большое место в докладе заняло рассмотрение дискуссионных вопросов, в первую очередь вопроса о характере революции и роли в ней германских Советов. Докладчик показал, что они в подавляющей массе возникли и функционировали как боевые органы рабочего класса.

Шрайнер полемизировал с теми немецкими и советскими историками, которые считали революцию буржуазно-демократической.

Сам он, как участник Ноябрьской революции, до середины 30-х годов называл ее революцией пролетарской, хотя и задушенной в самом начале своего развития; затем в течение длительного времени считал революцию буржуазно-демократической, а примерно с лета 1955 г. на основе дальнейшего изучения исторических фактов снова вернулся к выводу о том, что ее следует характеризовать как неудавшуюся пролетарскую революцию в Германии.

Заостряя полемику, Шрайнер утверждал: «Расценивать Ноябрьскую революцию как буржуазную, значит, приближаться к демагогической версии Штампера, что социал-демократы не предали революцию». В подтверждение этой точки зрения докладчик ссылаясь на высказывания В. И. Ленина и Э. Тельмана. Исходя из существования в Германии рабочих и солдатских Советов, он сделал вывод, что наличие объективных предпосылок социалистической революции в Германии наряду с огромным размахом революционного рабочего движения дает достаточно оснований, чтобы характеризовать Ноябрьскую революцию как потерпевшую поражение пролетарскую революцию. Все ее слабости и ошибки «объясняются в конце концов тем, что в Германии не было марксистской революционной партии»⁴³.

В первой секции, где рассматривались вопросы о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на Германию, в центре внимания были вопросы о роли Советов и характере революции. Интересные факты и обобщения содержались в сообщениях В. Г. Брюнина и И. С. Галкина, В. Бартеля и Г. Вебера, Г. Шмидта и З. Фаука, В. Рихтера и Г. Хабеданка. Подробный анализ деятельности Советов в революции дала З. К. Эггерт. Власти в Германии, считала она, не стали органами пролетарской власти, хотя иногда и провозглашали себя ее носителями. Тем не менее нельзя согласиться с утверждениями, будто они с самого начала были органами буржуазии. З. К. Эггерт указала на необходимость более подробного и тщательного изучения положительных, революционных сторон деятельности Советов. Поскольку архивные материалы — это, как правило, документы врагов, важно шире привлечь воспоминания участников борьбы⁴⁴.

В тезисах Я. С. Драбкина, прочитанных на сессии в его отсутствие, было предложено при определении характера Ноябрьской революции исходить из того, что он не может определяться ни движущими силами, ни результатами революции. Он обусловлен как теми задачами, которые объективно назрели и должны быть решены революцией, так и основным направлением действий народных масс в ходе ее. Это направление действий выражается прежде всего в практической постановке вопроса о власти, ибо без установления диктатуры пролетариата (хотя бы на короткий срок) нельзя даже приступить к решению социально-экономических задач социалистической революции. Следует поэтому считать, что в ноябрьские дни в Германии произошла не социалистическая, а буржуазно-демократическая революция. В дальнейшем революционный авангард предпринимал героические попытки развития революции. Но это не удалось и Баварской Советской республике. Рабочие потерпели тяжелое поражение, а буржуазно-демократическая революция в общем победила, хотя и не решила многих своих задач⁴⁵.

Точку зрения Я. С. Драбкина поддержал В. Нимц, высказавший ряд соображений, почему объективная возможность социалистической революции не воплотилась в действительность. «По своему социально-экономическому содержанию она была революцией буржуазно-демократической,— сказал он,— а по основным силам, по формам и методам борьбы носила характер пролетарской революции. По своей главной направленности она была борьбой против империализма и милитаризма». Нимц решительно возразил Шрайнеру, будто оценка Ноябрьской революции как буржуазно-демократической смыкается с отношением к ней лидеров социал-демократии (Штампфер и др.). «До сих пор все мы считали Ноябрьскую революцию буржуазно-демократической, но это ни в коей мере не мешало нам разоблачать предательство лидеров социал-демократии»⁴⁶. В. Раазе, говоря о роли Советов, отметил, что они были революционными органами, противостоявшими буржуазно-демократической парламентской форме власти. Потому социал-демократические лидеры старались разложить их изнутри и уничтожить террором извне⁴⁷.

Против такой характеристики революции выступил Роланд Бауэр. По его мнению, Ноябрьская революция и по задачам, и по характеру, и по движущим силам была пролетарской, социалистической, ибо весь немецкий пролетариат стремился к социализму, а его сознательная часть во главе со спартаковцами мобилизовывала массы на борьбу за установление диктатуры пролетариата. Советы еще не стали органами действительно пролетарской власти, но завоевали ряд важных позиций. То, что социалистическая революция не победила, считал оратор, не дает оснований отрицать, что она была по классовому содержанию и характеру не буржуазной, а пролетарской⁴⁸.

Р. Лейббранд сказал, что можно привести много примеров слабости Ноябрьской революции, но это не доказательство ее непро-

летарского характера. На революцию, которую нельзя считать во всех отношениях социалистической, не следует «ставить штамп буржуазно-демократической». Характер революции определяется ее объективными предпосылками, главными движущими силами и их общей направленностью. Развитие событий в ходе революции на ее характер не влияет⁴⁹.

Заключая дискуссию в секции, Э. Гофман отметил, что обмен мнениями по вопросу о характере Ноябрьской революции является примером научного спора. Впервые были обоснованы обе точки зрения, высказаны соображения о критериях оценки. Обсуждение и исследование необходимо продолжить⁵⁰.

В 1958 г. были опубликованы доклад А. Шрайнера и большая дискуссионная статья Р. Бауэра, которая вышла и в русском переводе⁵¹. «Вопросы истории» поместили статью И. А. Жолдака, считавшего, что следует говорить о «Германской буржуазной революции 1918—1923 гг.». Понятие «Ноябрьская революция» он предлагал сохранить лишь для первого ее этапа⁵². Вскоре в том же журнале появилась статья В. Д. Кульбакина «Обсуждение проблем германской революции 1918 г. на первой сессии историков СССР и ГДР в Лейпциге». обстоятельно осветив ход обсуждения, автор изложил и собственные аргументы в пользу характеристики революции как буржуазно-демократической⁵³. Журнал «Einheit» напечатал статью В. Биллика, несогласного с соображениями Р. Лейббранда⁵⁴. В Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ состоялось обсуждение доклада последнего «О характере германской Ноябрьской революции и роли левых и КПГ в Ноябрьской революции». Хотя в нем была попытка сближения точек зрения относительно критериев определения характера революции, общий вывод гласил, что революция имела «по своим объективным социально-экономическим предпосылкам и по своему объективному классовому содержанию характер социалистической революции... Вследствие своего поражения Ноябрьская революция не решила исторической задачи, а осуществила лишь ряд буржуазно-демократических требований». Этому мнению на обсуждении в Институте выступавшие противопоставляли позицию, изложенную ранее в тезисах Я. С. Драбкина, выступлении В. Нимца, и другие соображения, но единого мнения достигнуть не удалось.

Рассказывая об этом в газете «Neues Deutschland» С. Дёрнберг обратил внимание на то, что для решения спорных вопросов необходимы, видимо, два условия: во-первых, ясное определение критериев требует углубленного изучения диалектического и исторического материализма, уяснения методологических вопросов; во-вторых, нужны дальнейшие конкретные исторические исследования о содержании и масштабе классовых боев, объективной роли масс, влиянии революционного авангарда и других политических сил и т. п. Разумеется, не следует откладывать решение вопроса о характере революции до создания множества монографий, коллективных работ и специальных исследований, но еще

ошибочнее было бы откладывать публикацию работ до завершения дискуссии⁵⁵.

Устные обсуждения продолжались и в Москве, в частности на кафедре Академии общественных наук при ЦК КПСС при предварительном рассмотрении подготовленной Р. Бауэром к защите кандидатской диссертации. В нем участвовали: И. С. Галкин, Б. Ф. Поршнев, Я. С. Драбкин, В. Т. Фомин⁵⁶. В другой дискуссии по докладу Я. С. Драбкина в советской секции Комиссии историков СССР и ГДР приняли участие 11 человек, среди них Р. Бауэр, В. И. Биллик, З. К. Эггерт, С. И. Ленчнер, Л. И. Гинцберг, В. Ф. Шелике, В. Д. Кульбакин.

В ходе подготовки к 40-летию Ноябрьской революции в Германии Политбюро ЦК СЕПГ 29 мая 1958 г. заслушало доклад председателя Комиссии по подготовке тезисов В. Ульбрихта о возникших на втором заседании Комиссии принципиальных расхождениях во мнениях и о его предложении относительно оценки Ноябрьской революции с позиций исторического материализма⁵⁷. Тезисы, подготовленные Комиссией Политбюро ЦК СЕПГ, были опубликованы 5 октября 1958 г.⁵⁸ Вскоре в журнале «Einheit» появилась речь В. Ульбрихта на II Пленуме ЦК СЕПГ с обоснованием ряда главных проблем⁵⁹. Эти документы были напечатаны и в русском переводе⁶⁰.

В конце 1958 г. журнал «Вопросы истории» подвел итоги научной дискуссии, продолжавшейся почти два с половиной года. Было отмечено, что она способствовала новому углубленному изучению этого выдающегося события в истории международного рабочего движения. Большинство ее участников «пришло к выводу о том, что Ноябрьская революция была буржуазно-демократической революцией, проведенной в известной мере пролетарскими методами и средствами». Эта дискуссия — яркий пример плодотворного сотрудничества историков двух братских стран — СССР и ГДР⁶¹.

Советские историки в эти годы не только дискутировали, но и вели большую исследовательскую работу. Завершила многолетний капитальный труд «Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны» З. К. Эггерт⁶². Она еще до войны начала печатать статьи по этой проблематике. Автора интересовали не столько военные действия и внешнеполитические акции, сколько нарастание классовой борьбы масс и ее отражение в политической борьбе партий. Вторая часть книги (главы VIII—XI) целиком посвящена революционному кризису 1917 г. Она доведена до установления диктатуры пангерманской группировки империалистической буржуазии накануне Октября. В книге отмечена важность разоблачения «легенды о долъхштосе», дан обзор опубликованных источников и литературы.

Я. С. Драбкин в монографии «Революция 1918—1919 гг. в Германии»⁶³ впервые охватил всю проблематику революции от ее предпосылок в годы первой мировой войны до Баварской Советской республики включительно. обстоятельно рассматривались также лежащие вне рамок революции, но органически связанные

с ее ходом и результатами споры о подписании Версальского мира, многомесячные дебаты в Национальном собрании, завершившиеся принятием Веймарской конституции. В статье о рабочем и солдатском Совете Берлина в ноябре—декабре 1918 г.⁶⁴ автор впервые использовал неопубликованные протоколы Исполкома и общих собраний.

В. И. Биллик опубликовал в разных сборниках целый цикл статей⁶⁵, которые в совокупности могли бы составить интересную монографию. Он первый провел исследование деятельности солдатских Советов за все время их существования, с ноября 1918 г. до лета 1919 г., обстоятельно проанализировал процесс формирования вооруженных сил контрреволюции, создания «добровольческих корпусов» и оставленный ими кровавый след, рассмотрел ход демобилизации армии и создание офицерских союзов. Биллик внес вклад и в разработку историографических проблем, подвергнув серьезному критическому разбору широкий круг работ буржуазных и реформистских авторов. Он оценил также воспитательное значение воспоминаний революционеров — участников событий.

Автору основательно документированной биографии Карла Либкнехта Л. И. Гинцбергу особенно удались разделы, в которых раскрыта героическая борьба Либкнехта в годы войны и во время революции, его роль в образовании КПП⁶⁶. Небольшая книжка М. А. Полтавского о Баварской Советской республике содержала не только интересные факты об этом кульминационном пункте революционной борьбы германского пролетариата, но и яркий портрет ее коммунистического руководителя Евгения Левине⁶⁷. Книга А. А. Галкина «Сепаратисты на Рейне»⁶⁸ освещала мало до того изученные обстоятельства предательства германской буржуазией национальных интересов народа в 1919 г.— планы отторжения от Германии и перехода под французский протекторат Рейнской области. Особую актуальность этому сюжету придавало то обстоятельство, что одним из вдохновителей сепаратизма был тогдашний обербургомистр Кёльна К. Аденауэр. О рейнских сепаратистах писал и В. И. Виноградов⁶⁹.

Влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на германское рабочее движение посвящали статьи многие авторы, особенно в связи с 40-летием революции. Наиболее серьезно исследовал эти проблемы В. Г. Брюнин, который использовал также обширные материалы из архивов ГДР⁷⁰. Его статьи, взятые вместе, представляют из себя известную целостность*.

* Писали об этом также Н. К. Газизов (Киров)⁷¹, В. А. Козюченко (Волгоград)⁷². Интересную статью с привлечением баварских материалов опубликовал И. С. Кремер⁷³. Историки из союзных республик собрали важные материалы о германской оккупации Прибалтики и Украины, о революционном движении в оккупационных войсках. Большой документальный очерк о развитии событий в Латвии содержала книга В. Я. Сиполса⁷⁴. О Литве рассказали Ю. Жюгжда и Д. Файнгауас⁷⁵. М. И. Кулинич и М. М. Кошик изучили революционную деятельность немецкой коммунистической группы «Спартак» на Украине⁷⁶. С. И. Сливак (Ставрополь) обратился к истории бременской группы «Интернациональных коммунистов Германии»⁷⁷, а Г. А. Сапожникова (Харьков)⁷⁸ и

Итоги многолетней исследовательской работы, в том числе в архивах СССР и ГДР, изложил в монографии о рабочем движении и социал-демократии Германии в годы первой мировой войны Ф. Ф. Головачев⁸³. Он последовательно проанализировал изменения в положении рабочего класса, позиции разных течений в социал-демократии, подъем массового антивоенного и революционного движения. Крупнейшая политическая стачка в январе 1918 г. и особенно отношение правых, центристов и левых к Брестскому миру рассматривалось автором как важный этап в процессе усиления, с одной стороны, революционного потенциала масс, а с другой — противодействия грядущей революции правых лидеров СДПГ. В книге ярко показана активность спартаковцев накануне Ноябрьской революции и вместе с тем ограниченность их влияния на рабочий класс. Автор особенно выделил среди немецких левых Ф. Меринга, обратил внимание на противоречивость поведения левых независимых и революционных старост. Опыт и уроки германского рабочего движения показывают, резюмировал Головачев, что революционный кризис может перерасти в революцию и без революционной партии. Но отсутствие ее и единства рабочего класса на революционной основе обусловили поражение пролетарского авангарда, так что Ноябрьская революция ограничилась неполным решением даже демократических задач.

В 1960 г. в Москве вышел большой сборник статей и материалов «Ноябрьская революция в Германии»⁸⁴, подготовленный группой по изучению истории Германии при Институте истории Академии наук СССР*. В нем приняли участие многие советские исследователи из разных городов, и он явился известным итогом проведенных изысканий и обсуждений, в том числе по некоторым менее известным и слабо разработанным аспектам германской революции.

Сборник открывала статья Я. С. Дабкина «В. И. Ленин и Ноябрьская революция в Германии». В ней был показан большой интерес Ленина к истории Германии, ее рабочему движению, особенно к деятельности немецких левых, раскрыто его отношение к известиям о начале, ходе и результатах революции. Анализ Лениным событий, данные им характеристики органично связывались с обстановкой и представлениями того времени. Несколько

К. Д. Петряев (Одесса)⁷⁹ к деятельности Бременского Совета. Р. Я. Цирульник рассмотрел публицистические выступления Клары Цеткин в защиту Советской России⁸⁰. В. Ф. Шелике (Фрунзе) в статьях и диссертации, использовала материалы архивов ГДР и другие, подробно проанализировала мартовские бои 1919 г. в Берлине. Частично оспорив сложившиеся представления, она обосновала, что эти бои были не только следствием провокации правящих кругов, но и плодом стихийной революционной инициативы возмущенных берлинских пролетариев⁸¹. Одесский государственный университет провел научную конференцию преподавателей вузов Одессы, посвященную проблемам Ноябрьской революции⁸².

* Редакционная коллегия: В. Д. Кульбакин (отв. редактор), Я. С. Дабкин, А. С. Ерусалимский, З. К. Эггерт.

материалов сборника посвящено предыстории Ноябрьской революции. Так, в статье Ф. Ф. Головачева раскрывалась революционная деятельность группы «Спартак», она сопоставлялась с позицией некоторых левых независимцев. В статье Я. И. Цитовича рассматривалась иная сторона событий: назревание «кризиса верхов», обострение разногласий относительно методов борьбы с нарастающей революцией, начало восстания в германском флоте.

Развитие самой революции освещалось в других материалах сборника. Позицию спартаковцев в первые дни раскрывало впервые опубликованное письмо одного из руководителей группы и основателей КППГ — Лео Йогихеса от 11 ноября 1918 г. Картины революционного восстания моряков и рабочих Киля рисовали воспоминания первого председателя солдатского Совета матроса К. Артельта, а воспоминания Э. Броссата описывали деятельность Народной морской дивизии в Берлине. В центре исследования В. И. Биллика — анализ действий контрреволюционных сил в декабре 1918 г., собирания войск для осуществления плана Эберта—Грёнера вооруженной силой подавить рабочих столицы. Соглашательская политика независимцев в Исполкоме Берлинского рабочего и солдатского Совета шаг за шагом прослеживалась на основе архивных протоколов в содержательной статье С. И. Ленчнер. В. Ф. Шелике, опираясь на разнообразную прессу, архивные материалы и литературу, критически осмыслила ход мартовских 1919 г. боев в Берлине, подчеркнув активную роль пролетариата. Яркие страницы революционных битв были воспроизведены в воспоминаниях участников событий в Бремене и Баварии Э. Миллера и Э. Хана.

В двух статьях речь шла о советско-германских отношениях: В. Г. Брюнин с привлечением ранее не публиковавшихся материалов из германских архивов осветил период от Брестского мира до начала революции, И. А. Росенко показал антисоветский и антинародный характер политики правительства Эберта—Шейдемана.

Проявления братской солидарности народов Советской России и Украины с трудящимися Германии ранее почти не освещались в литературе. Этот пробел начала восполнять включенная в сборник подборка материалов из советских архивов и провинциальной прессы, подготовленная В. А. Кондратьевым. Он же собрал воспоминания немецких интернационалистов — участников борьбы за установление Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. Исследование их деятельности осуществил И. М. Кривогуз. К. Л. Селезнев рассмотрел влияние большевистской пропаганды на войска Германии, оккупировавшие западные области России и Украины.

В сборник был включен также библиографический указатель научной и научно-популярной литературы о Ноябрьской революции, вышедшей в СССР за 40 с лишним лет.

В Германской Демократической Республике 40-летие революции торжественно отмечалось под лозунгом: «ГДР осуществ-

вляет цели великой народной революции 1918 года». Среди изданий, вышедших к юбилею, были 23-й том сочинений В. И. Ленина, содержащий работы 1916—1917 гг.⁸⁵, и несколько книг воспоминаний о Ленине⁸⁶ и об Октябре⁸⁷. В сборник работ Р. Люксембург «Я был, я емь, я буду!» вошли 10 (из 25) ее статей, напечатанных в «Rote Fahne», содоклад на берлинской конференции НСДПГ и доклад на Учредительном съезде КПГ⁸⁸. В новое, расширенное издание «Писем Спартака» включены были также отсутствовавшие в издании 1926 г. 12 номеров журнала «Спартак» с сентября 1917 г. по октябрь 1918 г.⁸⁹. Вышли два тома «Документов и материалов к истории германского рабочего движения» (ноябрь 1917 — май 1919 г.)⁹⁰, четыре тома архивных исследований «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию» под редакцией и со вступлением Лео Штерна⁹¹.

В сборник, названный «Вперед и не забудьте!»*, вошли воспоминания активных деятелей революции во главе с В. Пиком и Г. Матерном о различных периодах и разных районах страны. Здесь были важные свидетельства готовности пролетариев к самопожертвованию ради успеха революции, но не умалчивались и слабости движения. Так, Г. Матерн озаглавил свой очерк: «У нас был революционный порыв, но еще не было боевой революционной партии»⁹². Другой сборник составили воспоминания более 40 профсоюзных деятелей, в том числе коллективный рассказ рабочих завода Лейна. Как заметил Г. Дункер, получились «своего рода моментальные снимки великого всеобщего движения, картины, позволяющие непосредственно окупиться в противоречивый процесс революции»⁹³. Большой период охватывали воспоминания бывшего деятеля молодежного движения Ф. Глобига. Особенно интересен его рассказ о приеме в честь освобождения Либкнехта из тюрьмы, устроенном советским посольством в Берлине⁹⁴. Есть воспоминания о революции и в книге Ф. Зикельского «Ружье в моих руках»⁹⁵.

СЕПГ создала во всех округах республики, во многих районах и городах комиссии по изучению местного рабочего движения. К юбилею они выпустили более 60 брошюр⁹⁶. Уровень их был различен, но многие содержали уникальные документы из местных архивов, воспоминания участников событий. Юбилеям Октября и Ноябрьской революции посвятил специальные номера исторический журнал⁹⁷. Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ с 1959 г. стал выпускать новый журнал по истории рабочего движения⁹⁸.

Историки ГДР опубликовали ряд крупных монографий. В. Бартели посвятил большую исследовательскую книгу деятельности немецких левых социал-демократов, их борьбе против милитаризма и войны. Написанная на основе первоисточников, в том числе архивных, с привлечением прессы и литературы, работа

* Слова революционной песни о солидарности

В. Бартеля впервые показала истинный масштаб действий «Спартака» и других левых групп. Последняя глава названа: «Группа Спартак готовит революцию»⁹⁹. Л. Бертольд и Г. Нееф в книге «Милитаризм и оппортунизм против Ноябрьской революции» раскрыли в тексте и обширной документации, как был заключен в начале Ноябрьской революции союз Эберта—Грёнера и как он развивался в ноябре—декабре. Приведены и позднейшие высказывания об этом пагубном сотрудничестве, а также статьи и воззвания революционеров, направленные на его разоблачение¹⁰⁰. В. Рихтер исследовал другой сговор: между организациями монополистов и профсоюзами, приведший в начале революции к «Соглашению о сотрудничестве», известном как «пакт Легин—Стиннес»¹⁰¹. Г. Байер осуществил обширное разностороннее исследование о Баварской Советской республике, основанное на широком использовании прессы, некоторых архивных источников ГДР, воспоминаний и литературы¹⁰². Вышел и ряд популярных работ*.

Под названием «Октябрьская революция и Германия» в 1958 г. был издан на немецком языке (на русском — в 1960 г.) протокол лейпцигской сессии Комиссии историков СССР и ГДР¹¹⁰. Однако из доклада А. Шрайнера был исключен большой раздел, в котором автор обосновывал свой тезис, что «Ноябрьская революция была первым актом социалистической революции в Германии». Вместо этого имеется примечание, в котором автор указал: «Аргументы, приводившиеся преимущественно товарищем Вальтером Ульбрихтом в опровержение взгляда о социалистическом характере Ноябрьской революции, по зрелом размышлении стали мне понятны, хотя бы уже потому, что они не допускают противоречия между марксистской исторической наукой и политикой в оценке Ноябрьской революции, последующих политических событий и действий марксистско-ленинской партии вплоть до сегодняшнего дня. Сказанное достаточно объясняет, почему, учитывая результаты дискуссий, можно отказаться от воспроизведения в протоколе тех мест моего доклада, которые служили защите точки зрения о социалистическом характере Ноябрьской революции»¹¹¹. В протокол (уже без всякого объяснения) не были также включены выступления Р. Бауэра, Р. Лейббранда и др., а в выступлении В. Нимца опущена полемика с ними и Шрайнером. Так пишется история!

В январе 1959 г. Институт общественных наук, Высшая партийная школа им. Карла Маркса и Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ провели научную конференцию, посвященную 40-летию основания Коммунистической партии Германии. С докладом об историческом значении этого события выступил Г. Матерн. Он подчеркнул, что Учредительный съезд был первым шагом к «усвоению ленинизма лучшими представителями германского пролетариата. Полное усвоение ленинизма не могло быть достигнуто сразу. По целому ряду вопросов в молодой КПГ продолжали сохраняться ошибочные представления немецких

* Г. Кольбе¹⁰³, К. Фишер¹⁰⁴, В. Кёнен¹⁰⁵, Г. Расмус¹⁰⁶, К. Вробель¹⁰⁷
И Петцольд¹⁰⁸; см также альбом, изданный ИМЛ при ЦК СЕПГ¹⁰⁹

левых». Однако больше не было речи об «ошибках люксембургизма», которые прежде заслоняли все позитивное и верное. «С основанием КПГ,— сказал Матерн,— германский рабочий класс снова обрел революционную организацию, которая продолжала великие интернационалистские традиции германского рабочего движения...»¹¹²

На конференции выступили ветераны партии Э. Гофман, Р. Линдау, Ф. Глобиг. Молодые историки говорили о роли К. Либкнехта (Р. Бауэр), о помощи Ленина немецким левым (П. Винклер), о союзе рабочего класса с крестьянством (Г. Ульман), о профсоюзах (В. Раазе), о роли Советов (В. Зайферт), о бременских леворадикалах (Г. Бензер) и т. д. Были также намечены планы дальнейших исследований.

СПОРЫ О ХАРАКТЕРЕ, ДВИЖУЩИХ СИЛАХ РЕВОЛЮЦИИ И РОЛИ СОВЕТОВ

В чем же состояла суть выше кратко описанных дискуссий и исследований марксистов во второй половине 50-х годов? Ведь и раньше, собственно с первых поисков научных подходов к оценке революции 1918—1919 гг., в среде марксистов не было полного единодушия ни относительно ее характера, ни по вопросу о том, «кто виноват», что она не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Можно понять, почему в течение первых пяти лет после революции среди ее участников живы были еще надежды: вот-вот новая революционная волна «все поставит на свои места». Но 1923 г. показал, что время иллюзий прошло

В последующие годы на представления политиков и историков все больше «наслаивались» влияния обострявшейся идейно-политической схватки Сталина с его реальными и мнимыми оппонентами в СССР, КПГ и Коминтерне. А поскольку оценка Октября и послеоктябрьского революционного подъема в Европе являлась исходным пунктом отсчета для всех суждений о дальнейшей политике, то и в оценке Германской революции научный подход все более отеснялся на задний план партийно-политическими установками, а любое «инакомыслие» жестоко каралось. С конца 30-х годов незыблемым канонem для марксистской историографии стала концепция «Краткого курса».

Между тем в начале 50-х годов новое поколение советских историков, в отличие от участников и свидетелей революции более свободное от въевшихся в сознание стереотипов и к тому же впитавшее в себя новый живой опыт исторических последствий второй мировой войны, проявило интерес к углубленному осмыслению переломных событий прошлого. Хотя нельзя сказать, что эти историки преодолели господствовавший догматический и цитатный подход, они стали продвигаться в двух направлениях: во-первых, расширения источниковой базы исследований; во-вторых, более творческого подхода к теоретико-методологическим основам исторического анализа. Объектом их критики

была поначалу не сама концепция «Краткого курса», они видели неодолимое препятствие для всякой исследовательской работы в догматическом ее истолковании. Однако дискуссия смогла выйти из узких рамок келейных разногласий на арену публичных споров только после XX съезда КПСС и начавшейся критики «культы личности» Сталина.

Несколько иначе обстояло дело в ГДР, где марксистская историческая наука находилась в то время в стадии становления. Естественным был интерес в первую очередь к новому исследованию истории рабочего движения, особенно в плане изучения революционных традиций пролетариата, подавленных гитлеризмом.

Теоретическое переосмысление, развернувшееся и здесь после смерти Сталина начали молодой историк Р. Бауэр и ветераны коммунистического движения А. Шрайнер и Р. Лейббранд. Они вместе предприняли попытку возродить в противовес концепции «Краткого курса» старую характеристику Ноябрьской революции как «пролетарской, потерпевшей поражение». Поскольку такая оценка мотивировалась желанием улучшить идейное воспитание молодежи в духе революционной пролетарской традиции, она сразу нашла широкий отклик. Однако руководство СЕПГ, прежде всего участники Ноябрьской революции В. Пик и В. Ульбрихт, бывшие одновременно ее историографами, рассматривали эту революцию как исходный пункт при определении последовательности решений в Германии демократических и социалистических задач. Поэтому ЦК СЕПГ принял самое непосредственное участие в рассмотрении спорных вопросов и своим авторитетом воздействовал на их решение.

Совместные усилия историков СССР и ГДР позволили — в пределах, разумеется, уровня знаний и представлений того времени — поставить и обсудить некоторые наиболее существенные стороны действительно сложного исторического феномена, каким несомненно была Германская революция 1918—1919 гг.

Вопросы о *причинах революции*, о закономерности ее возникновения, об исторических задачах, которые только она была в состоянии решить, не вызывали в среде историков-марксистов сколько-нибудь существенных разногласий. Все сходились на том, что в Германии (как и в других империалистических странах) к исходу первой мировой войны сложились зрелые *объективные*, прежде всего экономические, условия для *социалистической революции*, хотя в стране оставался нерешенным и целый комплекс буржуазно-демократических задач. Война, чрезвычайно обострившая все противоречия империализма, породила и тот революционный взрыв, первым проявлением которого стали Февральская и Октябрьская революции в России. Тем больше шансов на успех имела революция в Германии, где налицо был многочисленный организованный рабочий класс, прошедший школу профсоюзной и отчасти парламентской борьбы, способный, как были убеждены революционные руководители, не только свалить прогнившую монархию и обанкротившихся генералов, но и реа-

лизовать главную историческую задачу — сокрушить господство в Германии монополистов и юнкеров, открыть путь в Европе к социализму.

Поскольку, однако, эта задача не была решена — в Германии была установлена демократическая республика, но она осталась капиталистическим государством, — то возник вопрос прежде всего о *характере* происшедшей революции, или, иными словами, о ее основном социальном содержании. То был не просто спор о терминах или понятиях, вовсе не «доктринерская контроверза с политической подкладкой» (как выразился один из антикоммунистов¹¹³). Речь шла о научном обсуждении принципиально важной для обществоведения и отнюдь не простой проблемы.

Можно сказать, что для решения этого вопроса участники дискуссии мобилизовали не только свои знания конкретных обстоятельств Германской революции 1918—1919 гг., но и все познавательные возможности, какие давала марксистско-ленинская методология. Широко использовался сравнительно-исторический метод, причем Ноябрьскую революцию сопоставляли не только с революциями XVIII—XIX вв. в Европе, но и с тремя русскими революциями, отчасти и с революционными преобразованиями после второй мировой войны, причем принималось в расчет не только общее, но и различное. Были привлечены оценки разных революций К. Марксом и Ф. Энгельсом, проанализированы все высказывания В. И. Ленина о германском рабочем движении, конкретно о революции 1918—1919 гг., а также о других революциях. Не всегда всеми диспутантами полностью учитывался при этом исторический контекст, но в конечном счете были выделены самые существенные определения.

Вскоре выяснилось, что многие разногласия коренятся в недостаточной разработанности *научных критериев* оценки характера революции. Дело в том, что для характеристики революций XVIII—XIX вв. достаточно было исходить из объективно назревших задач буржуазных преобразований в сфере аграрной, промышленной, национальной, политической. Иначе в XX в., когда в эпоху империализма возникла *альтернативная возможность*, что революция окажется *либо* буржуазно-демократической, *либо* социалистической. В сравнительно отсталой России буржуазно-демократическая революция, очевидно, должна была предшествовать социалистической революции или быть ее необходимой первой стадией. В развитых же странах капитала, в том числе в Германии, предполагалось, что власть сразу перейдет в руки пролетариата и революция станет социалистической. Предположение, как известно, не сбылось. Но значило ли это, что оно вообще не могло сбыться?

Альтернативная возможность делала недостаточным при определении характера Германской революции 1918—1919 гг. (как, впрочем, и многих последующих революций в других странах) установление только объективно назревших задач, тем более что среди них были и общедемократические и социали-

стические. Необходимо стало учитывать и *второй критерий*, который нельзя было в полной мере предугадать заранее: какие реально задачи встают в центре борьбы революционных масс, или иначе — как практически ставится в ходе революции *вопрос о власти*. «Ни обойти, ни отодвинуть вопрос о власти,— писал Ленин,— нельзя, ибо это есть именно основной вопрос, определяющий *все* в развитии революции»¹¹⁴.

При пользовании этим вторым критерием следовало также учитывать коренное отличие революции буржуазной от пролетарской. В то время как в первой переход власти в руки буржуазии *завершал* революцию, поскольку снимал преграды для стихийного развития капиталистической экономики и социальных отношений, социалистическая революция лишь *начинается* с переходом власти (в той или иной форме) в руки пролетариата, ибо без этого условия невозможно осуществление социалистических преобразований. На этом основании марксисты всегда считали пролетарскими, социалистическими только такие революции, когда в руках пролетариата оказывалась, хотя бы временно, государственная власть. Потому Июньское восстание рабочих Парижа в 1848 г. не было *пролетарской революцией*, а Парижская коммуна 1871 г. (позднее также и Венгерская Советская республика 1919 г.) стала ею.

Такой подход исключал смешение основного характера революции с ее *движущими силами*. Это было важно, поскольку уже первая русская революция показала, что в эпоху империализма возможна и вероятна буржуазная революция, в которой движущей силой и даже гегемоном является *не буржуазия, а пролетариат*, что буржуазно-демократическая по своему социальному содержанию революция может быть пролетарской по средствам борьбы¹¹⁵. Существенно и то, что характер не ставился в зависимость от *результатов* революции, которая могла либо победить, либо потерпеть поражение. Но из поражения Парижской коммуны или Венгерской Советской республики никто не заключал, что то были не пролетарские, а буржуазные революции.

На основании второго критерия вопрос о характере Ноябрьской революции в Германии должен был определяться тем, за что реально развернулась в ней борьба, и классовым характером установленной в ходе государственной власти. У участников дискуссии (да и вообще у историков) не было сомнения, что Совет народных уполномоченных во главе с Эбертом—Гаазе, несмотря на «социалистическую» вывеску и фразеологию, был не пролетарской властью, а, как потом признался сам Эберт, лишь «опекуном обанкротившегося старого режима»¹¹⁶. Даже те, кто говорил о наличии в революции двоевластия, не считали Исполком Берлинского Совета органом реальной политической власти. Отсюда и следовало, что на первом своем этапе Ноябрьская революция имела *буржуазно-демократический* характер. Не изменилось ли положение в дальнейшем? Нет, буржуазная власть в Германии так и не была поколеблена ни вооруженными боями в Берлине и Рейнской области, ни локальными попытками установить пролетарскую власть в Бремене и Баварии. Поэтому и итоговое

обобщение должно было гласить: в Германии в 1918—1919 гг. произошла не пролетарская, а «буржуазно-демократическая революция, проведенная в известной мере пролетарскими средствами и методами».

Хотя вопрос о характере революции был в дискуссии центральным, он не был единственным. Выявились немало неясностей и в вопросе о *движущих силах* революции. Общая картина движения рабочих, матросов и солдат была очевидной, но не хватало прежде всего углубленного анализа социальной структуры германского общества к исходу мировой войны. Ввиду его отсутствия историки пользовались самыми грубыми прикидками относительно удельного веса промышленных и сельскохозяйственных рабочих, социальной принадлежности моряков и солдат. Структура общества была в Германии несомненно иной, чем в России, а потому прямые параллели относительно расстановки классовых сил и союзников пролетариата здесь не годились.

Еще сложнее было оценить политический уровень, идеологические представления, психологическое состояние различных групп населения как в столице, так и в разных районах страны. Известно, например, что в начале революции самой боевой и активной силой были моряки, но их настроения и действия в дальнейшем плохо поддавались учету. Весьма существенными были различия в поведении трех больших групп солдат: тех, кого революция застала в тыловых гарнизонах; солдат, возвращавшихся с Восточного фронта, где они находились в непосредственном контакте с русской революцией; наконец, солдат, организованно отведенных с Западного фронта под командованием офицеров. В ходе революции поведение солдат менялось под воздействием различных новых факторов, в том числе демобилизации; оно не выражалось однозначно ни в акциях солдатских Советов, ни в противодействовавших им карательных действиях «добровольческих корпусов». В дискуссии участники оперировали, как правило, лишь отдельными примерами, которые не всегда могли быть сведены в цельную картину.

Наименее изученным оказалось отношение к революции крестьянских масс. Кое-что конкретное было известно, пожалуй, только в отношении Баварии. По разрозненным данным складывалось, однако, общее впечатление, что бедняцкие, полупролетарские массы деревни, прежде всего сельскохозяйственные рабочие, особенно в Остэльбии, стремились к уничтожению юнкерского засилья и кулацкой кабалы. Однако сколько-нибудь активно деревня в ходе революции не выступила. Это ослабляло, разумеется, ее размах, но, учитывая наличие в Германии пролетарского большинства, пассивность деревни не давала основания отрицать *демократический* характер германской революции.

В итоге обсуждения удалось установить, что в первый период революции, когда была свергнута монархия, главными движущими силами революции были рабочие, солдаты и матросы, т. е. промышленный пролетариат и часть мелкой буржуазии города и деревни. В ходе дальнейшего развития революции пролетар-

ская струя в ней заметно усилилась: множились и ширились экономические и политические стачки, вооруженные бои с правительственными войсками. Непосредственной целью этой борьбы рабочего класса было закрепление и расширение демократических завоеваний революции, но в то же время пролетарский авангард стремился направить бои на перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Деревня оставалась в основном в стороне от революционного движения, а часть городской мелкой буржуазии, вовлеченной в него, затем отшатнулась. Неспособность германского пролетариата последовательно осуществить свою гегемонию была одной из важнейших причин *слабости революции*.

Обращаясь к выяснению главных корней этой слабости, участники дискуссии исходили из давно установленных фактов о «субъективной слабости» германского пролетариата. Ее обычно сводили к трем моментам: «предательству классовых интересов» правыми лидерами социал-демократии и профсоюзными вождями; колебаниям и соглашательству независимых; отсутствию (или слабости) революционной марксистской партии.

По пункту первому на основании новых документов и материалов (в том числе архивных) удалось с полной определенностью установить, что социал-демократические правители начали буквально с первых же часов революции плести нити *заговора против революции*.

То был тайный сговор против революционного пролетариата с целью сорвать дальнейшее развитие и углубление революции, сохранить и укрепить капиталистический строй, ликвидировать Советы, вооруженной силой разгромить революционные рабочие организации и физически уничтожить их вождей, вовлечь Германию в антисоветские авантюры международного империализма. Первым звеном этого заговора был союз, заключенный Эбертом с генералом Грёнером, подтвержденный затем путем обмена телеграммами между Эбертом и Гинденбургом. Вторым — соглашение между профсоюзными лидерами и монополистами о «деловом сотрудничестве», направленное против революционных организаций. Третье звено касалось внешнеполитического курса правительства и предусматривало добровольное предложение западным державам совместных действий против Советской России, отказ от принятия хлеба и возобновления прерванных кайзеровским правительством дипломатических отношений с РСФСР¹¹⁷.

Что касается позиции независимых, то были яснее, чем прежде, прослежены не только действия Гаазе и других членов СНУ, но также Каутского, Бернштейна и Гильфердинга, показано, что скрывалось за их революционной фразой. В полной мере раскрылись колебания, соглашательство, нерешительность тех деятелей партии, которые были сторонниками Советов и занимали руководящие позиции в Берлинском Исполкоме: Р. Мюллера, Э. Деймига, Г. Ледебура. Была разобрана теоретическая несостоятельность и практическая неосуществимость в обстановке развязанной Носке гражданской войны центристской концепции «третьего пути»: попытки соединить рабочие Советы с буржу-

азным парламентаризмом, «укоренить» Советы в Веймарской конституции.

В анализе действий революционеров — «Союза Спартака», а затем Коммунистической партии Германии — удалось уточнить ряд принципиальных вопросов. Новые конкретные исследования позволили обстоятельнее осветить сложный процесс формирования КПГ, преодолеть тенденцию рассмотрения деятельности немецких левых под углом зрения критики их заблуждений и слабостей, безмерного преувеличения так называемых «ошибок люксембургизма». Стало шире применяться не механическое, а творческое сопоставление позиции германских левых с теорией и практикой ленинизма. Сравнение спартаковцев и бременских леворадикалов подтвердило ведущую роль «Союза Спартака». Было достигнуто более взвешенное понимание значения создания КПГ, ценности ее революционной программы.

Как было отмечено, обращение историков ГДР к изучению *роли Советов* накануне и во время Ноябрьской революции предшествовало дискуссии о характере революции. Вопрос о Советах занимал, естественно, и в ходе этих обсуждений видное место. Уже первое изучение архивных материалов, в частности протоколов заседаний Исполкома и пленарных собраний Берлинского рабочего и солдатского Советов, а также материалов о местных Советах (преимущественно в Восточной Германии), позволило установить, что конкретная деятельность местных Советов была более разнообразной и активной, чем предполагалось ранее на основе знакомства с узким кругом источников. С другой стороны, материалы центральных и местных органов старого государственного аппарата позволили раскрыть те методы саботажа, ущемления, дискредитации, к которым прибегали эти органы, стремясь устранить исходившую от Советов реальную (или потенциальную) угрозу их компетенциям и контрреволюционной деятельности.

Важным вопросом, поставленным на обсуждение, но так и не получившим полного ответа, был вопрос о том, имели ли Советы на начальном этапе революции, в ноябрьские дни, в своих руках *реальную* власть, которую потом потеряли из-за собственной нерешительности и давления извне, или же они были изначально лишь номинальными «контролерами» при сохранившейся старой администрации. Во всяком случае, всеми исследователями было решительно отброшено, как неверное, распространившееся в общих работах утверждение, будто Советы были просто «органами буржуазной власти» или даже «прикрытием контрреволюции», «придатком буржуазного парламента». Напротив, была шире выявлена позитивная сторона их деятельности, которую замалчивали буржуазные и социал-демократические авторы.

В ходе дискуссии, а особенно в работах 60-х годов, стало яснее проводиться различие между меньшинством революционных рабочих Советов, руководимых спартаковцами, леворадикалами, левыми независимыми, которые боролись за разрушение старого государственного аппарата и установление пролетарской вла-

сти, и большинством Советов, которые под влиянием разлагающей деятельности социал-демократических и независимых руководителей, находясь в плену буржуазно-парламентских представлений, покорно сдавали свои позиции Национальному собранию и местным органам власти.

Большое значение для понимания роли Советов имело уяснение процесса, начавшегося еще в ноябре, который постепенно привел к повсеместному функциональному разделению рабочих Советов на две части: производственные рабочие Советы, или просто производственные Советы (подобные русским фабзавкомам), и коммунальные (местные) рабочие Советы. Создание первых как представительных органов рабочих и служащих отдельных предприятий имело положительное значение, поскольку ослабляло позиции реакционной профбюрократии. Однако, с другой стороны, искусственное разделение производственных и местных Советов вело к ослаблению обеих частей: первые все больше ограничивали свою деятельность узкопрактическими, экономическими задачами; вторые стали все более обособляться от рабочих масс, связав их с предприятиями стала слабеть, а замена производственных выборов территориальными превратила их в бессильный придаток местной администрации.

Во время весенних боев 1919 г. в промышленном Руре и Средней Германии, приведших к столкновениям с карательными войсками и носивших характер гражданской войны, рабочие требовали преимущественно прав для производственных Советов, которые, по их мнению, должны были взять в свои руки осуществление «социализации» т. е., иными словами, национализации производства. Понимание первоочередной необходимости сосредоточения в руках рабочих Советов всей полноты политической власти в стране не созрело. Это позволило социал-демократическим правителям подменить в конституции полномочные Советы урезанными и выхолощенными производственными Советами. В Баварской Советской республике пагубно сказалось то, что судьбу правительства (Комитета действия) решало собрание производственных Советов с преобладанием делегатов от мелких предприятий.

В ходе дискуссии обсуждался также вопрос о *периодизации* Ноябрьской революции, прежде всего о ее *хронологических рамках*. Большинство считало, что первым ее этапом были ноябрьские дни, примерно до середины месяца. В качестве дальнейших рубежей назывались: I Всегерманский съезд Советов, январские бои и выборы в Национальное собрание. Окончание революции едва ли не все связывали с разгромом в майские дни 1919 г. Баварской Советской республики и начавшимся спадом революционной активности масс. Никто не предлагал включить в революционный период до Капповского путча 1920 г. (как было в «Иллюстрированной истории» 1929 г.), и лишь один из советских участников дискуссии (И. А. Жолдак) рекомендовал говорить о «Германской революции 1918—1923 гг.»

Исходя из тезисов ЦК СЕПГ «Ноябрьская революция в Германии», в ГДР утвердилось мнение, что, поскольку поражение

рабочего класса в январских боях 1919 г. позволило реакции достигнуть непосредственной цели и сохранить основы своей экономической и политической власти, революция на этом закончилась. Весенние революционные бои 1919 г., включая Бременскую и Баварскую Советские республики происходили уже вне рамок Ноябрьской революции. Этот рубеж был закреплен вскоре в общей периодизации, данной в «Очерке истории германского рабочего движения», где Ноябрьская революция (до января 1919 г.) рассматривалась вслед за Великой Октябрьской социалистической революцией, а последующие бои — в другой главе, в контексте «послевоенного революционного кризиса 1919—1923 гг.»¹¹⁸

Описанные дискуссии и исследования марксистских историков СССР и ГДР без сомнения способствовали более глубокому, чем прежде, проникновению в сущность событий Ноябрьской революции. Вместе с тем они несли на себе явственный отпечаток не преодоленного в ту пору упрощенного схематизма. Кратковременный эпизод с «возвратом» к характеристике революции как «пролетарской, потерпевшей поражение», не оказал длительного влияния на историографию, но в тот момент способствовал установлению научных критериев характера революций. Вместе с тем в дискуссии не обошлось без попыток решать спорные вопросы методами силового давления авторитетов, нивелировать мнения и тем создавать помехи для дальнейших исследований. Ниже будет показано, что не все записанное в 1958 г. в обобщающих статьях и решениях оказалось способным выдержать испытание временем.

НАВСТРЕЧУ ПОЛУВЕКОВОМУ ЮБИЛЕЮ

В начале 60-х годов внимание к истории германского рабочего движения продолжало возрастать.

Томик избранных статей Р. Линдау, участника революции в Гамбурге, восстанавливал некоторые страницы предыстории и истории Ноябрьской революции. Революционные бои в Бремене, Гамбурге, на Руре, мартовские бои в Берлине и Советская республика в Баварии — обо всех этих событиях автор рассказывал на основе собственных впечатлений, последующих раздумий историка и изучения документов. К книге были приложены статистический материал и обстоятельная хроника от 7 ноября 1917 г. до августа 1919 г.¹¹⁹ Р. Линдау принадлежал к тем, кто не согласился с исключением послеянварских событий из революции*.

Несомненный интерес представляли два тома воспоминаний В. Эме: «Тогда в имперской канцелярии» и «Веймарское национальное собрание»¹²⁰. Социал-демократический журналист, печатавшийся до войны в ревизионистском журнале «Sozialistische Monatshefte», был в годы войны членом солдатского Совета на Восточном фронте. Оказавшись в Берлине в дни революции, он попал в имперскую канцелярию и стал сотрудником помощника Эберта. Деятельность правых лидеров социал-демократии он

* Это следует из машинописной записки Р. Линдау, подаренной автору

наблюдал вблизи, но лишь почти 40 лет спустя переосмыслил виденное. В зарисовках Эме много живописных деталей, тогда как общие оценки не представляли большой ценности.

Объемное исследование советско-германских отношений осуществил Г. Розенфельд. В большом томе «Советская Россия и Германия. 1917—1922»¹²¹ он на основе глубокого изучения архивов СССР и ГДР, публикаций и других источников привлек внимание читателя к наиболее важным, узловым моментам развития: советским мирным предложениям, Брестским переговорам, пути Германии от Бреста к Компьену, провокационному разрыву дипломатических отношений, Ноябрьской революции, интервенции в Прибалтике и ее провалу. Указывая, что в революции Германия находилась «на перепутье», автор раскрыл, какие именно причины и обстоятельства побудили социал-демократических правителей участвовать в антисоветской интервенции. Участие в ней не смягчило, однако, требований держав Антанты и не спасло Германию от версальского диктата. Он показал и то, какие силы предпринимали попытки вновь наладить политические и экономические отношения, открыв путь к Рапалло.

В разработку региональных проблем германской революции внес свой вклад В. Шуман, опубликовавший исследование о совместной борьбе немецких и польских рабочих «Верхняя Силезия в 1918—1919 гг.»¹²². Описанию хода революции предшествует глава о положении и борьбе рабочих этого региона в годы войны. Ценность работы, кроме того, в привлечении автором обширных материалов из архивов ГДР и ПНР, в приложенных к книге документах. Политике германской аннексии в годы войны против Польши и стран Прибалтики посвящена книга В. Базлера¹²³. Она хорошо документирована материалами архивов ГДР, разнообразными публикациями. В заключительной главе проанализировано отношение социал-демократии и «Спартака» к германскому экспансионизму.

О контрреволюционном сепаратистском движении буржуазии на западе Германии написал П. Клейн в книге «Сепаратисты на Рейне и Руре»¹²⁴. В ней на основе первоисточников прослеживалось развитие движения, подробно выяснялась роль К. Аденауэра, лидера сепаратистов Г. Дортена, банкира Л. Хагена, деятеля христианских профсоюзов К. Тримборна и др., их отношение к июньскому путчу. В работе показана роль рабочего класса в защите национальных интересов, единства Германии и борьбе за углубление революции.

В 1962 г. Вальтер Нимц, заведующий кафедрой Высшей партийной школы при ЦК СЕПГ, выпустил книгу «Ноябрьская революция 1918 г. в Германии», в основу которой легли прочитанные им лекции¹²⁵. Автор осветил изменение международного соотношения сил под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, отношение германских левых к ее урокам. Он показал, как обострение экономических, политических и социальных противоречий в Германии привело к образованию в стране революционной ситуации. Выяснив объективные задачи револю-

ции, Нимц проследил развитие в октябре 1918 г. общенационального революционного кризиса. Опираясь на опубликованные документы и некоторые архивные материалы, он нарисовал картину распространения в стране рабочих и солдатских Советов, деятельности правительства народных уполномоченных и консолидации сил контрреволюции под прикрытием лозунга о выборах в Национальное собрание. Решения первого Всегерманского конгресса рабочих и солдатских Советов автор считал поворотным пунктом в развитии революции, окончанием первой ее фазы, когда вопрос о власти был решен в пользу германского империализма. В специальной главе, посвященной образованию КПГ, говорилось, что Учредительный съезд установил принципиально верные ориентиры, хотя и не все вопросы тактики нашли правильное решение. Изложение событий заканчивалось январскими боями 1919 г. в Берлине и выборами в Национальное собрание. В приложении воспроизводились выдержки из документов о положении трудящихся в годы войны, забастовочном движении, влиянии Октября и ходе Ноябрьской революции.

В 1965 г. вышло второе, расширенное и исправленное издание книги¹²⁶. В нем было уделено больше внимания назреванию, а также первому периоду Ноябрьской революции, усилена полемика со сторонниками концепции «третьего пути». Несколько расширился круг привлеченных источников.

В 1966 г. вышло 8-томное издание «История германского рабочего движения».^{127—128}

В соответствии с принятой периодизацией период с 1917 по 1923 г. составил том 3. В него вошли глава VI (от ноября 1917 г. до января 1919 г.) и глава VII (от января 1919 г. до конца 1923 г.). Свыше трети тома составили документальные приложения. Глава о Ноябрьской революции по своей структуре и изложению была близка к названной выше книге В. Нимца, который был ее автором. Вместе с тем она включала новые материалы и некоторые более широкие обобщения. В заключительном параграфе «Поражение рабочего класса в Ноябрьской революции и его причины» говорилось, что Тезисы ЦК СЕПГ к 40-летию революции завершили дискуссию о ее характере. Подчеркивая, что она была *буржуазно-демократической*, проведенной в известной мере пролетарскими средствами и методами, автор указал на научную несостоятельность мнения о том, что она была «социалистической, потерпевшей поражение». Не ограничившись, однако, этой констатацией, автор без всякой аргументации прибавил, что сторонники такого мнения стояли будто бы на «политически вредных, немарксистских позициях» и даже недооценивали «руководящую роль марксистско-ленинской партии как объективной закономерности социалистической революции»¹²⁹. Подобное преувеличение свидетельствовало о неизжитом догматизме.

В томе отмечалось, что, несмотря на поражение рабочего класса, Ноябрьская революция — явление исторически прогрессивное. Это была «первая революция германского рабочего класса против империализма и милитаризма, за решение жизненных националь-

ных и социальных задач германского народа. Она была крупнейшим антиимпериалистическим революционным массовым движением в Европе после Великой Октябрьской социалистической революции и имела большой международный отклик... Но прежде всего она помогла молодой Советской России, облегчив ей аннулирование грабительского Брестского мира, освобождение Белоруссии и Украины»¹³⁰.

В 60-е годы советские авторы продолжали интенсивную исследовательскую работу. Брестский мир послужил исходной точкой для рассмотрения советско-германских отношений в книге И. К. Коблякова «От Бреста до Рапалло»¹³¹, основанной на изучении советских, немецких, американских документальных публикаций, прессы и литературы. Автора интересовали прежде всего дипломатические отношения, но, рассказывая о периоде революции, он затронул и некоторые аспекты внутренней истории Германии.

Этой же проблематике, только в суженных рамках, посвящена вышедшая годом позже книга «От Бреста до Киля» А. А. Ахтамзяна¹³². Кроме публикаций, прессы и мемуаров в ней использованы некоторые неопубликованные документы из Историко-дипломатического архива. Показывая провал антисоветской политики германского империализма в 1918 г., автор рассматривал, кроме Брестского, также Бухарестский мир и интервенцию в Финляндии. Наиболее содержательны главы о советско-германских отношениях в обстановке назревания в стране политического кризиса, когда правящие круги Германии пытались компенсировать военные неудачи на Западе агрессивными акциями в Прибалтике и усилением нажима на Советскую Россию.

Книга И. С. Кремера «Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией»¹³³ написана в ином разрезе. В центре внимания автора — рассмотрение деятельности рабочих организаций, отношение их к мирной политике Советской России, поддержка «русских условий» мира, проявления солидарности. Привлечены некоторые материалы из архивов Баварии. Посвященная предыстории и истории заключения Брестского мира книга А. О. Чубарьяна¹³⁴ основана на советских и американских публикациях, некоторых неопубликованных документах.

Специальное исследование деятельности «Спартака» и процесса образования Коммунистической партии Германии осуществил И. М. Кривогуз¹³⁵. Он привлек материалы ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, в том числе фонды К. Либкнехта, Р. Люксембург, архива Музея революции СССР и др., использовал советские и немецкие публикации, прессу. В книге прослежен путь немецких левых в годы войны, приведший их к окончательному разрыву с правыми социал-демократами и центристами. Автор предложил периодизацию этого процесса, подчеркнув опоздание с образованием самостоятельной революционной партии германского рабочего класса. Положительно оценивая создание КПГ, автор отметил и допущенные в документах Учредительного съезда серьезные ошибки.

В. Г. Брюнин, опубликовавший в предыдущие годы значительное количество статей, посвященных разным сторонам и этапам истории Германии последних лет мировой войны, выпустил в 1965 г. книгу «Внутриполитическая борьба в Германии летом и осенью 1917 г.»¹³⁶. Эта наиболее объемная работа автора опиралась, как и другие, на основательное изучение материалов архивов ГДР и широкое использование опубликованных источников. Оценив вклад своих предшественников, автор осуществил самостоятельное исследование военной экономики Германии в 1917 г., действий правящего лагеря, массового движения, проанализировал концепции левых социал-демократов, особенно К. Либкнехта, а также борьбу социал-шовинистов и центристов против нарастающего революционного движения. Послеоктябрьский период остался, к сожалению, не обобщенным В. Г. Брюниным. Его содержательный обзор советской историографии Ноябрьской революции¹³⁷ появился в 1967 г. уже после смерти автора.

В 1967 г. вышла монография Я. С. Драбкина «Ноябрьская революция в Германии»¹³⁸. В отличие от книги, опубликованной десятью годами ранее, она была основана на значительном количестве архивных материалов из хранилищ СССР и ГДР, новых публикациях, учитывала новейшую литературу. Соответственно сложившейся традиции в книге рассматривались события революции только включая январь 1919 г.* В следующем году монография в расширенном виде была опубликована в ГДР¹⁴⁰.

В. М. Холодковский в серьезном исследовании «Революция в Финляндии и германская интервенция»¹⁴¹ дал анализ целей и действий германских интервентов, потопивших революцию в крови. В книге показано отношение к интервенции рабочих партий Германии, раскрыты германская политика по отношению к после-революционной Финляндии в 1918 г. и крушение замыслов оккупантов.

Результаты разнообразных исследований находили выражение также в научных статьях, публиковавшихся в разных изданиях, прежде всего в «Ежегоднике германской истории» и сборниках**.

---

* К 50-летию КПГ автор выпустил брошюру «Исторический путь Коммунистической партии Германии» Для двухтомного коллективного труда «Германская история в новое и новейшее время» им была написана глава «Русский Октябрь и германский Ноябрь. Создание Веймарской республики», для «Ежегодника германской истории» — статья «Ленин, Советская Россия и Ноябрьская революция»¹³⁹

** Детальному рассмотрению деятельности Берлинского Совета, его Исполкома в период мартовских боев 1919 г. посвятила хорошо документированную статью С. И. Ленчнер¹⁴². Несколько статей о революционном кризисе накануне революции и о событиях в ее ходе написал В. А. Козюченко¹⁴³. В. А. Артемов начал изучение действий бременских леворадикалов, опубликовал интересный очерк об Иоганне Книфе¹⁴⁴. Он дал также анализ позиции журнала «Lichtstrahlen», газеты «Der Kampf», расширив сложившиеся представления о деятельности групп немецких левых социал-демократов в годы войны и в преддверии революции¹⁴⁵. В продолжение прежних работ К. Л. Селезнев рассказал об участии германских военнопленных-интернационалистов в борьбе за победу

В ГДР продолжалось широкое изучение проблем предьстории Ноябрьской революции. Под руководством Ф. Клейна были подготовлены обобщающие работы по военно-политической истории первой мировой войны: сначала сборник «Политика в войне»¹⁵², а затем трехтомный труд «Германия в первой мировой войне»¹⁵³. И. Петцольд выпустил выше многократно цитированное серьезное историографическое исследование «Легенда о дольхштосе. Историческая фальсификация на службе германского империализма и милитаризма»¹⁵⁴. В статье об «этическом империализме» он впервые рассмотрел теоретическую и политическую концепцию, которая сложилась весной 1918 г. в окружении принца Макса Баденского и предусматривала проведение реформ¹⁵⁵. Взаимодействие государства, военных и монополий проанализировано в книге Г. Вебера «Людендорф и монополии»¹⁵⁶.

Для углубленного понимания политики правящих кругов Германии при переходе от войны к миру и в период становления Веймарской республики представляли большой интерес ранее высказанные Ю. Кучинским¹⁵⁷, а затем развитые В. Руге и обоснованные большим материалом соображения о двух основных тактических направлениях действий монополистической буржуазии¹⁵⁸. В. Руге назвал одно из них (связанное преимущественно с рейнско-вестфальской тяжелой промышленностью) «авантюристически-милитаристским», а второе — «парламентски-гибким» (носителями его были концерны электротехники, химии и машиностроения). Вместе с тем он подчеркивал их взаимосвязь. Эта мысль развивалась и в написанном В. Руге учебнике «Германия с 1917 по 1923 г.», а также в популярной книге «Веймар — республика временная»¹⁵⁹.

Две основательно документированные работы были посвящены разным военным организациям, действовавшим в ходе Ноябрьской революции. Насыщенная конкретным материалом книга Г. Экеля рассматривала создание и действие вооруженных формирований, революционных рабочих, показав как их сильные, так и слабые стороны¹⁶⁰. Э. Кённеман глубоко проанализировал функции и характер «ополчений» и «добровольческих корпусов», выступивших в роли контрреволюционных карателей¹⁶¹.

Исследование Г. Хабеданка¹⁶² освещало вопросы о так называемой «социализации». Она играла в ходе революции существенную роль, с одной стороны, как требование рабочих, стремившихся к социализму, а с другой — как средство дезориентации рево-

---

Октября¹⁴⁶. И. М. Кулинич привел новые материалы о деятельности германских революционных солдат в оккупированном Харькове в 1918—1919 гг.¹⁴⁷ М. Я. Домнич первым в советской литературе обратился к анализу позиции немецких христианских синдикалистов в Ноябрьской революции¹⁴⁸. Н. В. Фарбман рассмотрел истоки ревизии Версальского мирного договора¹⁴⁹.

В отличие от названных исследовательских работ невысоким научным уровнем характеризовались статьи Н. А. Велецкой¹⁵⁰, в которых упор был сделан на ошибках и слабостях немецких левых, в том числе и в Программе КПГ. Компилятивный характер носили статья Р. А. Лаповой¹⁵¹ и некоторые другие.

люционных рабочих правыми деятелями социал-демократии, профсоюзов и центристами. В другой работе он обратился к сотрудничеству магнатов капитала с «народными уполномоченными», об экономической политике которых писал также Инго Матерна¹⁶³.

Большое значение для углубления источниковой базы дальнейших исследований имел выход в свет VIII и IX томов сочинений К. Либкнехта¹⁶⁴, в которых собрано значительное количество документов, ранее не публиковавшихся или труднодоступных. Появились также ценные справочные издания: «Хроника истории германского рабочего движения», т. II.¹⁶⁵ и биографический лексикон¹⁶⁶.

Накануне юбилея, в октябре 1968 г., в Лейпциге состоялся IV конгресс историков ГДР. В нем участвовала делегация советских историков во главе с В. М. Хвостовым. С одним из главных докладов «Значение Ноябрьской революции 1918 года» выступил Э. Диль. На заседании истории секции, которой руководил Л. Бертольд¹⁶⁸, выступавшие осветили многие общие и частные вопросы*. Была отмечена желательность дальнейшего исследования роли Советов на предприятиях и в деревне, анализа изменений в их характере, изучения историографических проблем. Конгрессу был посвящен сдвоенный номер исторического журнала¹⁶⁹.

К юбилею вышел специальный номер журнала по истории рабочего движения, в котором наряду со статьями были опубликованы подборки документов о деятельности Советов в Берлине, о действиях Гинденбурга и буржуазных министров против революции, воспоминания ветеранов¹⁷⁰. Монография Г. Вольгемута о создании КПГ содержала обширные материалы о предыстории образования партии в 1914—1918 гг.¹⁷¹

Известным итогом работы историков ГДР явился выход подготовленного к 50-летию революции большого тома «Иллюстрированная история Ноябрьской революции в Германии»¹⁷². Издание существенно отличалось от того, что было выпущено коммунистами почти на 40 лет раньше. В новом труде были подытожены многолетние изыскания, обновлен и расширен иллюстративный и графический материал. В том были включены 14 карт, много документов.

* А. Лашица показала отношение К. Либкнехта и Р. Люксембург к Советам, Г. Розенфельд — отношение В. И. Ленина и Советской России к германской революции, стремление восстановить отношения между обеими странами. Г. Белов указал на имеющиеся в советских архивах документы о революционных акциях немецких солдат и влияния Октября на Германию. Д. С. Давидович рассказал о воздействии ленинских идей на дальнейшее развитие КПГ. Об общем и особенном при сравнении «германского Ноября» и «русского февраля» говорил Я. С. Дабкин. Значительный интерес представляли сообщения о деятельности рабочих и солдатских Советов в разных городах и районах Германии: Берлине (И. Матерна), Рурской области (Д. Энгельман), Тюрингии (В. Пеланд), Хемнице (С. Беккерт), Мекленбурге (Г. Мейриц), Бремене (Г. Энгель). К. Вробель говорил о матросском Совете, а Э. Кённеман о мнимых «буржуазных советах», П. Гейдер о военной политике КПГ. З. Итерсхаген остановился на социал-демократических искажениях картины революции в годы Веймарской республики, а Г. Кюстер — на концепциях историков ФРГ.

Открывала том глава о Великой Октябрьской социалистической революции и возникновении революционного кризиса в Германии.

Попытки предотвратить народную революцию посредством «революции сверху» и «парламентаризации», а также нарастание выступлений масс рассмотрены в следующей главе. Дальнейшие посвящены событиям в ноябре — декабре 1918 г., когда развернулась борьба по кардинальному вопросу: «Власть Советов или Национальное собрание», основанию Коммунистической партии Германии. Революция считалась законченной выборами в Национальное собрание.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin. (Далее: ZfG).
- ² Pieck W. Reden und Aufsätze. В., 1950. Bd. 1—2.³ Luxemburg R. Ausgewählte Reden und Schriften. В., 1951. Bd. 1—2; Liebknecht K. Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze. В., 1952.
- ⁴ Pieck W. Zur Geschichte der KPD: Schulungsvortrag. Dezember 1943 // Ausgewählte Reden und Aufsätze. Bd. 1. S. 382—408.
- ⁵ Ibid. S. 382—383.
- ⁶ Ibid. S. 383—384.
- ⁷ Ulbricht W. Der Zusammenbruch Deutschlands im ersten Weltkrieg und die Novemberrevolution // Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung: Aus Reden und Aufsätzen. В., 1953. Bd. 1.
- ⁸ Ibid. S. 9.
- ⁹ Ibid. S. 25, 34—35.
- ¹⁰ Ibid. S. 40.
- ¹¹ Schreiner A. Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik, 1871—1918. В., 1955. Bd. 1. S. 439, 441.
- ¹² Oelbner F. Rosa Luxemburg: Eine kritische biographische Skizze. В., 1951.
- ¹³ Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1800 bis in die Gegenwart. В., 1946—1947. Bd. 1—2; Idem. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. В., 1948—1950. Bd. 1—2; (Рус. пер.: Кучинский Ю. История условий труда в Германии. М., 1949; Он же. Очерки истории германского империализма. М., 1952. Т. 1).
- ¹⁴ Norden A. Lehren deutscher Geschichte. В., 1947; Idem. Um die Nation. В., 1952; Idem. Zwischen Berlin und Moskau. В., 1954; (Рус. пер.: Норден А. Уроки германской истории. М., 1950; Он же. Во имя нации М., 1953; Он же. Между Берлином и Москвой. М., 1956).
- ¹⁵ Mammach K. Der Einfluß der russischen Februarrevolution und der Großen sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse. В., 1955; Рус. пер.: Маммах К. Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии. М., 1957.
- ¹⁶ Müller A. Die Kriegsrohstoffbewirtschaftung 1914—1918 im Dienste des deutschen Monopolkapitals. В., 1955
- ¹⁷ Брюнин В. Г. Вторая нога Германии Вильсону: (Из предыстории перемирия 11 ноября 1918 г.) // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1949. Вып. 14; Он же. Политический кризис в Германии в сентябре — октябре 1918 г. Образование кабинета принца М. Баденского и первое обращение Германии к президенту Вильсону // Там же. Л., 1951. Вып. 18; Он же. Первые отклики рабочего класса Германии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ленинский Декрет о мире (ноябрь — декабрь 1917 г.): По материалам архивов ГДР // Из истории Германии нового и новейшего времени. М., 1958; Он же. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Германии в 1917—1918 гг. // Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958; Он же. Ленин и германские левые (1917—1918 гг.) // Вестн. ЛГУ. Сер. яз. и лит. 1960. Вып. 2, № 8.

- ¹⁸ *Stoeker E. A. S.* Jerussalimski. Deutsche Geschichte im Leben eines sowjetischen Historikers und Kommunisten. В., 1980.
- ¹⁹ *Ногович Ф. И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. М., 1947.
- ²⁰ *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949.
- ²¹ *Ленцнер С. И.* Прусский вопрос и Веймарская конституция // *Вопр. истории.* № 7; *Она же.* Буржуазные партии и Ноябрьская революция // *Труды по новой и новейшей истории.* М.; Л., 1948. Т. 1.
- ²² *Манова П. А.* О январских боях в Берлине // *Вопр. истории.* 1949. № 1.
- ²³ *Каменецакая К. Р.* Убийцы К. Либкнехта и Р. Люксембург перед судом Веймарской республики // *Вопр. истории.* 1949. № 1.
- ²⁴ *Цветков Г. К.* Киль, Гамбург, Бремен в революции 1918—1919 гг. // *Вестн. МГУ.* 1947. № 7.
- ²⁵ *Петряев К. Д.* К вопросу о советском движении в Германии (ноябрь — декабрь 1918 года) // *Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та* 1948. Т. 62; *Он же.* Гамбургский совет в германской буржуазной революции 1918 года // *Учен. зап. Коми гос. пед. ин-та.* Сыктывкар, 1951. Вып. 3; *Он же.* II Всегерманский съезд Советов // Там же. 1956.
- ²⁶ *Цитович Я. И.* О роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 г. // *Вопр. истории.* 1950. № 12.
- ²⁷ *Спивак С. И.* Германская социал-демократия и «Спартак» в Ноябрьской революции (ноябрь — декабрь 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1948.
- ²⁸ *Биллик В. И.* Германская социал-демократия и формирование контрреволюционных вооруженных сил в период революции 1918—1919 гг. в Германии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953.
- ²⁹ *Драбкин Я. С.* Германское Национальное собрание в 1919 г. и образование Веймарской республики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
- ³⁰ *Галкин А. А.* Рейнский сепаратизм и политика национальной измены немецкой буржуазии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
- ³¹ *Заставенко Г. Ф.* Дискуссия на кафедре новой истории // *Вестн. МГУ.* 1954. № 7. С. 140.
- ³² *Толмачев Г. Г.* [Рецензия] // *Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос.* Т. 5, № 5. С. 457—460.— Рец. на кн.: *Труды по новой и новейшей истории.* Академия наук. Институт истории. М.; Л., 1948. Т. 1.
- ³³ *Драбкин Я. С.* О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии // *Вопр. истории.* 1956. № 5; Нем. пер.: *Die Presse der Sowjetunion.* 1956. № 95—96.
- ³⁴ *Биллик В. И.* О своеобразии ноябрьской революции 1918 г. в Германии // *Вопр. истории.* 1956. № 6; Нем. пер.: *Die Presse der Sowjetunion.* 1956. № 107.
- ³⁵ *Шелике В. Ф.* О некоторых проблемах революции 1918—1919 гг. в Германии // *Вопр. истории.* 1956. № 12; Нем. пер.: *Die Presse der Sowjetunion.* 1957. № 32.
- ³⁶ *Обушенков Н. Г.* О спорных вопросах германской революции 1918—1919 гг. в Германии // *Вопр. истории.* 1957. № 12.
- ³⁷ *Schreiner A.* Diskussion über die Disposition des Hochschullehrbuchs der Geschichte des deutschen Volkes // *Protokoll der Arbeitstagung zur Klärung einiger strittigen Fragen der neuesten deutschen Geschichte der Periode 1918—1945, am 23. und 24. Juni 1955.* Manuskript. Nur als Diskussionsmaterial gedruckt. [В., 1957]. S. 127.
- ³⁸ *Kleen W.* Über die Rolle der Räte in der Novemberrevolution // *ZfG.* 1956. H. 2; *Einhorn M.* Zur Rolle der Räte im November und Dezember 1918 // *ZfG.* 1956. H. 3; *Schumann W.* Zur Rolle der Räte in der Novemberrevolution in Oberschlesien // *ZfG.* 1956. H. 4; *Wilhelmus W.* Die Rolle der Räte in Vorpommern // *ZfG.* 1956. H. 6; *Schreiner A.* Zur Frage der Räte in der Novemberrevolution 1918 // *ZfG.* 1956. H. 6.
- ³⁹ *Leibbrand R.* Zur Diskussion über den Charakter der Novemberrevolution // *Einheit.* 1957. H. 1.
- ⁴⁰ *Schreiner A.* Zur Frage...
- ⁴¹ *Жолдак И. А.* О характере и некоторых особенностях Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // *Вопр. истории.* 1958. № 2.
- ⁴² *Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während der Periode der*

- Großen Sozialistischen Oktoberrevolution 1917/1918. Beiträge zum 40. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. В., 1957.
- ⁴³ Die Oktoberrevolution und Deutschland. Referate und Diskussionen zum Thema «Der Einfluß der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland». В., 1958; Октябрьская революция и Германия: Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 года: Доклады и дискуссии по теме «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию». М., 1960. С. 21—49; *Тартаковский Б.* Первая научная сессия Комиссии историков СССР и ГДР в Лейпциге // Новая и новейшая история. 1958. № 2. С. 171—174; *Schreiner A.* Auswirkungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland vor und während der Novemberrevolution // ZfG. 1958. H. 1. S. 32.
- ⁴⁴ Октябрьская революция... С. 139—151.
- ⁴⁵ Там же. С. 214—229.
- ⁴⁶ Там же. С. 230—235.
- ⁴⁷ Там же. С. 236—238.
- ⁴⁸ *Тартаковский Б.* Указ. соч. С. 177; *Bauer R.* Zur Einschätzung des Charakters der deutschen Novemberrevolution 1918—1919 // ZfG. 1958. H. 1.
- ⁴⁹ *Leibbrand R.* Zur Diskussion über den Charakter der Novemberrevolution // Einheit. 1957. H. 1.
- ⁵⁰ *Тартаковский Б.* Указ. соч. С. 177.
- ⁵¹ *Schreiner A.* Op. cit.; *Bauer R.* Op. cit.
- ⁵² *Жолдак И. А.* Указ. соч.
- ⁵³ *Кульбакин В. Д.* Обсуждение проблем германской революции 1918 г. на первой сессии историков СССР и ГДР в Лейпциге // Вопр. истории. 1958. № 11.
- ⁵⁴ *Billik W.* Noch einmal über die Eigenart und über den Charakter der Revolution von 1918—1919 in Deutschland // Einheit. 1958. H. 7.
- ⁵⁵ *Doernberg S.* Diskussionen marxistischer Historiker // Neues Deutschland. 1958. 19. Apr.
- ⁵⁶ См.: *Бауэр Р.* К вопросу о роли Советов в Ноябрьской революции в Германии // Новая и новейшая история. 1957. № 4; *Он же.* Предпосылки и основные черты Ноябрьской революции 1918 года в Германии (на первом этапе): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.
- ⁵⁷ *Ulbricht W.* Über den Charakter der Novemberrevolution // Neues Deutschland. 1958. 18. Juni.
- ⁵⁸ Die Novemberrevolution 1918 in Deutschland: Thesen des Zentralkomitees zum 40. Jahrestag der Novemberrevolution // Neues Deutschland. 1958. 5. Okt.; Einheit. 1958. H. 10.
- ⁵⁹ *Ulbricht W.* Begründung der Thesen über die Novemberrevolution 1918: Referat auf der 2. Tagung des Zentralkomitees der SED // Einheit. 1958. H. 10.
- ⁶⁰ *Ульбрихт В.* О характере Ноябрьской революции // Вопр. истории. 1958. № 8; Ноябрьская революция 1918 г. в Германии: Тезисы ЦК СЕПГ к 40-й годовщине // Вопр. истории. 1958. № 11; *Ульбрихт В.* О Ноябрьской революции 1918 года в Германии // Новая и новейшая история. 1959. № 1.
- ⁶¹ К итогам дискуссии о характере и особенностях Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Вопр. истории. 1958. № 12.
- ⁶² *Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914—сентябрь 1917). М., 1957.
- ⁶³ *Драбкин Я. С.* Революция 1918—1919 гг. в Германии: Краткий очерк. М., 1958.
- ⁶⁴ *Драбкин Я. С.* Рабочий и солдатский Совет Берлина в ноябре—декабре 1918 г. // Новая и новейшая история. 1958. № 6.
- ⁶⁵ *Биллик В. И.* О солдатских Советах в германской армии (ноябрь 1918 г.—июнь 1919 г.) // Учен. зап. Велколук. пед. ин-та. Великие Луки, 1956. Вып. 2; *Он же.* По страницам воспоминаний спартаковцев-коммунистов и рядовых членов рабочих «независимой» соц.-дем. партии о Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Там же. 1958. Вып. 3; *Он же.* О формировании контрреволюционных вооруженных сил в Германии в период революции 1918—1919 гг. // Учен. зап. по новой и новейшей истории. М., 1958. Вып. 4; *Он же.* О фальсификации истории германской революции 1918—1919 гг. в буржуазной и реформистской историографии // Критика новейшей буржуазной историографии. М., Л., 1961; *Он же.* Демобилизация армии и офицерские союзы в Германии в период революции 1918—1919 гг. // Германский империализм и милитаризм. М., 1965.

- ⁶⁶ Гинцберг Л. И. Карл Либкнехт. М., 1959.
- ⁶⁷ Полтавский М. А. Баварская Советская республика. М., 1959.
- ⁶⁸ Галкин А. А. Сепаратисты на Рейне. М., 1959.
- ⁶⁹ Виноградов В. И. К истории реакционного рейнского сепаратизма (ноябрь 1918—июнь 1919) // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. М., 1958. № 4.
- ⁷⁰ Брюнин В. Г. Первые отклики рабочего класса Германии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ленинский Декрет о мире (ноябрь—декабрь 1917 г.): По материалам архивов ГДР // Из истории Германии нового и новейшего времени. М., 1958; *Он же*. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Германии в 1917—1918 гг. // Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958; *Он же*. Январская стачка 1918 г. в Берлине // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. Л., 1959. № 1; *Он же*. В. И. Ленин и германские левые (1917—1918) // Вестн. ЛГУ. 1960. Вып. 2, № 8; *Он же*. Бременские левые радикалы о Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918) // Там же. 1959. Вып. 4, № 20.
- ⁷¹ Газизов Н. К. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Германии в ноябре 1917—январе 1918 г. // Учен. зап. Кирова, гос. пед. ин-та. Киров, 1957. Вып. 11; *Он же*. Подъем революционного движения в Германии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции // Там же. 1958. Вып. 18.
- ⁷² Козюченко В. А. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Германии в конце 1917 и начале 1918 г. // Учен. зап. Сталингр. гос. пед. ин-та. Сталинград, 1957. Вып. 8.
- ⁷³ Кремер И. С. Великая Октябрьская социалистическая революция и антивоенное движение рабочего класса Баварии (конец 1917—начало 1918 г.) // Вопр. истории. 1960. № 11.
- ⁷⁴ Сиполс В. Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920 гг.). М., 1959.
- ⁷⁵ Жюжда Ю., Файнгаузас Д. Революционное движение в немецких войсках в Литве (1918—1919 гг.) // Новая и новейшая история. 1957. № 3.
- ⁷⁶ Кулінич І. М., Кошик М. М. Революційна діяльність німецької комуністичної групи «Спартак» на Україні (1918—1919 рр.). Київ, 1959.
- ⁷⁷ Спивак С. И. К истории бременской группы «Интернациональных коммунистов Германии» // Вопр. истории. 1956. № 9.
- ⁷⁸ Спаложникова Г. А. Бременська рада робітничих депутатів (з 7 листопада 1918 р. до 4 лютого 1919 р.) // Учені зап. Харківського університету. Харків, 1957. Т. 89.
- ⁷⁹ Петряев К. Д. Бременська Рада в революції 1918—1919 рр. // Тр. Одес. ун-та. Одесса, 1958. Т. 148, вып. 6.
- ⁸⁰ Цирульник Р. Я. Публицистическая деятельность Клары Цеткин в защиту Советской России в 1917—1918 гг.: (К 100-летию со дня рождения) // Вопр. истории. 1957. № 5.
- ⁸¹ Шелке В. Ф. Всеобщая забастовка 3—8 марта 1919 г. в Германии // Учен. зап. Кирг. гос. пед. ин-та. Фрунзе, 1957. Вып. 3; *Она же*. Подавление вооруженного восстания в Берлине в марте 1919 г. // Там же. 1959. Вып. 4; *Она же*. Мартовские бои 1919 г. в Берлине: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959.
- ⁸² Научная конференция преподавателей общественных наук вузов Одессы, посвященная проблемам Ноябрьской революции 1918 г. в Германии: Тез. докл. (В. Д. Слуцкий, К. Д. Петряев, П. И. Воробей, Н. Э. Овандер). Одесса, 1959.
- ⁸³ Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны (август 1914—октябрь 1918 г.). М., 1960.
- ⁸⁴ Ноябрьская революция в Германии: Сб. ст. и материалов. М., 1960.
- ⁸⁵ Lenin W. I. Werke. B., 1957. Bd. 23.
- ⁸⁶ Zetkin C. Erinnerungen an Lenin. B., 1957; Unvergesslicher Lenin: Erinnerungen deutscher Genossen. B., 1957; Koenen W. Meine Begegnungen mit Lenin. B., 1957; Über Lenins militärische Tätigkeit, 1917—1920. B., 1957.
- ⁸⁷ Roter Oktober 1917. Wie deutsche Arbeiter und Soldaten das Sturmjahr der Weltwende erlebten. B., 1957; Antonow-Owsejenko W. Im Jahre Siebzehn: Erinnerungen an die Oktoberrevolution. B., 1958.
- ⁸⁸ Luxemburg R. Ich war, ich bin, ich werde sein! B., 1958.
- ⁸⁹ Spartakusbrieve. B., 1958.

- ⁹⁰ Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Reihe II. B., 1957—1958. Bd. 2, 3.
- ⁹¹ Archivalische Forschungen zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung: Die Auswirkungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland / Hrsg. L. Stern. B., 1959. Bd. 4 (I—IV).
- ⁹² Vorwärts und nicht vergessen: Erlebnisse aktiver Teilnehmer der Novemberrevolution 1918. B., 1958. S. 79.
- ⁹³ 1918: Erinnerungen von Veteranen der deutschen Gewerkschaftsbewegung an die Novemberrevolution (1914—1920). B., 1958. S. 13.
- ⁹⁴ *Globig F.* ... aber verbunden sind wir mächtig: Aus der Geschichte der Arbeiterjugendbewegung. B., 1958.
- ⁹⁵ *Zikelski F.* Das Gewehr in meiner Hand. B., 1958.
- ⁹⁶ Аннотации на некоторые брошюры см.: *ZfG.* 1959. Н. 1. Из наиболее содержательных названий: *Beike H., Schrader G.* Die Novemberrevolution 1918 unter Berücksichtigung der Ereignisse im Kreis Merseburg; *Kuster H.* Die Wahlen zur Nationalversammlung im Januar 1919 in Berlin; Novemberrevolution 1918. Mansfelder Land. Eisleben, 1958.
- ⁹⁷ *ZfG.* 1957. Н. 5; 1958. Sondernummer.
- ⁹⁸ Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung (BzG).
- ⁹⁹ *Bartel W.* Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. B., 1958. (Рус. пер.: *Бартель В.* Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны. М., 1959).
- ¹⁰⁰ *Berthold L., Neef H.* Militarismus und Opportunismus gegen die Novemberrevolution. B., 1958.
- ¹⁰¹ *Richter W.* Gewerkschaften, Monopolkapital und Staat im ersten Weltkrieg und in der Novemberrevolution (1914—1919). B., 1959.
- ¹⁰² *Beyer H.* Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München. B., 1957.
- ¹⁰³ *Kolbe H.* Sturmtage. Die Novemberrevolution 1918. Leipzig; Jena, 1958 (Рус. пер.: *Кольбе В.* Революция 1918 г. в Германии. М., 1958.)
- ¹⁰⁴ *Fischer K.* Die Berliner Abwehr-Kämpfe 1918/1919. B., 1956.
- ¹⁰⁵ *Koenen W.* Die Novemberrevolution in Deutschland. B., 1956. (Рус. пер.: *Кёнен В.* Ноябрьская революция 1918 года в Германии. М., 1958).
- ¹⁰⁶ *Rasmuss H.* Die Januarkämpfe 1919 in Berlin. B., 1956.
- ¹⁰⁷ *Wrobel K.* Die Volksmarinedivision. B., 1957; *Idem.* Der Sieg der Arbeiter und Matrosen im Dezember 1918 in Berlin. B., 1958.
- ¹⁰⁸ *Petzold J.* Der 9. November in Berlin. B., 1958.
- ¹⁰⁹ Die Novemberrevolution 1918 in Bildern und Dokumenten. B., 1958.
- ¹¹⁰ Die Oktoberrevolution und Deutschland: Protokoll der wissenschaftlichen Tagung. B., 1958.
- ¹¹¹ *Ibid.* S. 38.
- ¹¹² Die Gründung der Kommunistischen Partei Deutschlands: Protokoll der wissenschaftlichen Tagung des Instituts für Gesellschaftswissenschaften, der Parteihochschule «Karl Marx» und des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED am 22. und 23. Januar 1959 in Berlin. B., 1959.
- ¹¹³ См.: *Weber H.* Die Novemberrevolution und die SED. Die Diskussionen der SED-Historiker über den Charakter der Novemberrevolution 1918 // S[owjetische]-B[esatzungs]-Z[one]-Archiv. Köln, 1958. S. 321—324.
- ¹¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200.
- ¹¹⁵ Там же. Т. 30. С. 311.
- ¹¹⁶ См. об этом: Становление республики. С. 44.
- ¹¹⁷ См. об этом: Ноябрьская революция. С. 111—125.
- ¹¹⁸ См.: Grundriß der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1963. (Рус. пер.: Очерк истории германского рабочего движения. М., 1965.).
- ¹¹⁹ *Lindau R.* Revolutionäre Kämpfe, 1918—1919. B., 1960.
- ¹²⁰ *Oehme W.* Damals in der Reichskanzlei: Erinnerungen aus den Jahren 1918/1919. B., 1958; *Idem.* Die Weimarer Nationalversammlung: Erinnerungen. B., 1962.
- ¹²¹ *Rosenfeld G.* Sowjetrußland und Deutschland, 1917 bis 1922. B., 1960.
- ¹²² *Schumann W.* Oberschlesien 1918/19: Vom gemeinsamen Kampf deutscher und polnischer Arbeiter. B., 1961.
- ¹²³ *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum, 1914—1918. B., 1962.

- ¹²⁴ Klein P. Separatisten an Rhein und Ruhr: Die kontrrevolutionäre separatistische Bewegung der deutschen Bourgeoisie in der Rheinprovinz und in Westfalen, November 1918 bis Juli 1919. B., 1961.
- ¹²⁵ Nitz W. Die Novemberrevolution 1918 in Deutschland: Mit einem Dokumentenanhang. B., 1962.
- ¹²⁶ Nitz W. Die Novemberrevolution 1918 in Deutschland: Mit einem Dokumentenanhang. 2. überarb. und erweit. Aufl. B., 1965.
- ^{127—128} Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1966. Bd. 1—8.
- ¹²⁹ Ibid. Bd. 3. S. 148.
- ¹³⁰ Ibid. S. 198—199.
- ¹³¹ Кобляков И. К. От Бреста до Рапалло: Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М., 1954.
- ¹³² Ахтамзян А. А. От Бреста до Киля: Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963.
- ¹³³ Кремер И. С. Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.). М., 1963.
- ¹³⁴ Чубарьян А. О. Брестский мир. М., 1964.
- ¹³⁵ Кривогуз И. М. «Спартак» и образование Коммунистической партии Германии. М., 1962.
- ¹³⁶ Брюнин В. Г. Внутриполитическая борьба в Германии летом и осенью 1917 г. Л., 1965.
- ¹³⁷ Брюнин В. Г. Советская историография Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Проблемы всеобщей истории и историографии. Л., 1967.
- ¹³⁸ Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.
- ¹³⁹ Драбкин Я. С. Исторический путь Коммунистической партии Германии. М., 1968; Он же. Русский Октябрь и германский Ноябрь: Создание Веймарской республики // Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 2; Он же. Ленин, Советская Россия и Ноябрьская революция // Ежегодник германской истории, 1969. М., 1970. (Далее: ЕГИ).
- ¹⁴⁰ Draghin J. S. Die Novemberrevolution 1918 in Deutschland. B., 1968.
- ¹⁴¹ Холодковский В. М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.
- ¹⁴² Ленчнер С. И. Берлинский Совет в период мартовских революционных боев 1919 г. в Германии // Германское рабочее движение в новейшее время. М., 1962.
- ¹⁴³ Козюченко В. А. Борьба рабочих и солдат Берлина во главе с «Союзом Спартак» против контрреволюционного путча в декабре 1918 г. // Вопросы рабочего движения в Германии в новейшее время. Саратов, 1965; Он же. Общенациональный кризис в Германии накануне Ноябрьской революции и позиция правых социал-демократов // Там же.
- ¹⁴⁴ Артемов В. А. Пропаганда ленинских идей бременскими левыми в 1917—1918 гг. // Из истории нового и новейшего времени. Воронеж, 1969. Вып. 2; Он же. Иоганн Книф: Из истории жизни и борьбы // Ежегодник германской истории, 1972. М., 1973.
- ¹⁴⁵ Артемов В. А. «Лихтштрален» в годы первой мировой войны: Сб. ст. Воронеж, 1974; Он же. «Дер кампф» — орган революционных социал-демократов во время первой мировой войны // ЕГИ, 1983. М., 1985.
- ¹⁴⁶ Селезнев К. Л. Немецкие интернационалисты в борьбе за победу Октября // ЕГИ, 1968. М., 1969.
- ¹⁴⁷ Кулинич И. М. О деятельности харьковской группы немецких коммунистов в 1918—1919 гг. // Там же.
- ¹⁴⁸ Домнич М. Я. Немецкий христианский синдикализм в период первой мировой войны и Ноябрьской революции // ЕГИ, 1969. М., 1970.
- ¹⁴⁹ Фарбман Н. В. У истоков ревизии Версальского мирного договора // Там же.
- ¹⁵⁰ Велецкая Н. А. К истории Учредительного съезда КПГ // Тр. каф. обществ. наук МИСИ. М., 1956. Сб. 12, вып. 3; Она же. К вопросу о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на Германию // Там же. М., 1957. Сб. 28, вып. 2.
- ¹⁵¹ Лапова Р. А. К вопросу о роли Советов в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Учен. зап. Велюколу. пед. ин-та. Великие Луки, 1958. Т. 3.
- ¹⁵² Politik im Krieg 1914—1918. B., 1964.
- ¹⁵³ Deutschland im ersten Weltkrieg / Hrsg. F. Klein, W. Gutsche, J. Petzold. B., 1968. Bd. 1—3.

- ¹⁵⁴ *Petzold J.* Die Dolchstoßlegende. Eine Geschichtsfälschung im Dienst des deutschen Imperialismus und Militarismus. B., 1963.
- ¹⁵⁵ *Petzold J.* «Ethischer Imperialismus»: Eine Studie über die politische Konzeption des Kreises um den Prinzen Max v. Baden / Politik im Krieg.
- ¹⁵⁶ *Weber H.* Ludendorff und die Monopole. Berlin, 1965.
- ¹⁵⁷ *Kuczynski J.* Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. B., 1948—1950. Bd. 1—2.
- ¹⁵⁸ *Ruge W.* Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919 // ZfG. 1963. H. 6. S. 1090.
- ¹⁵⁹ *Ruge W.* Deutschland von 1917 bis 1933 (Von der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution bis zum Ende der Weimarer Republik). B., 1967; *Idem.* Weimar — Republik auf Zeit. B., 1969.
- ¹⁶⁰ *Oeckel H.* Die revolutionäre Volkswehr 1918/19: Die deutsche Arbeiterklasse im Kampf um die revolutionäre Volkswehr (November 1918 bis Mai 1919). B., 1958.
- ¹⁶¹ *Koennemann E.* Einwohnerwehren und Zeitfreiwilligenverbände. B., 1971.
- ¹⁶² *Habedank H.* Um Mitbestimmung und Nationalisierung während der Novemberrevolution und im Frühjahr 1919. B., 1967.
- ¹⁶³ *Habedank H.* Die «Zusammenarbeit» der Rüstungsmagnaten mit dem Rat der Volksbeauftragten; *Materna I.* Zur Wirtschaftspolitik des Rates der Volksbeauftragten // Monopole und Staat in Deutschland, 1917—1945. B., 1966.
- ¹⁶⁴ *Liebknecht K.* Gesammelte Reden und Schriften. B., 1966—1968. Bd. 8—9.
- ¹⁶⁵ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung: Chronik. Teil. II. von 1917 bis 1945. B., 1966.
- ¹⁶⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Biographischer Lexikon. B., 1970.
- ¹⁶⁷ *Diehl E.* Die Bedeutung der Novemberrevolution 1918 // Einheit. 1968. H. 11.
- ¹⁶⁸ IV. Deutscher Historiker-Kongress der DDR. Arbeitskreis: Die Bedeutung der Novemberrevolution, die Räte in der Novemberrevolution: Protokoll. Leipzig, 10—11. Oktober 1968.
- ¹⁶⁹ ZfG. Beiträge vom IV. Historikerkongress der DDR, 1969. H. 1/2.
- ¹⁷⁰ BzG. Sonderheft zum 50. Jahrestag der Novemberrevolution, 1968.
- ¹⁷¹ *Wohlgemuth H.* Die Entstehung der Kommunistischen Partei Deutschlands 1914 bis 1918: Überblick. B., 1968.
- ¹⁷² Illustrierte Geschichte der Novemberrevolution 1918 in Deutschland. B., 1968.

КОНЕЦ РЕАКЦИОННЫХ ЛЕГЕНД?

Образование Федеративной Республики Германии как буржуазно-парламентского государства отодвинуло на задний план и разговоры о революционных преобразованиях в будущем, и возникший после «национальной катастрофы» интерес к осмыслению поворотных периодов в прошлом Германии. В «эру Аденауэра» историки консервативного, националистического направления, занявшие ключевые позиции в науке, обратились прежде всего к обоснованию «континуитетов», преемственности в германской истории. Однако необходимость отмежевания от фашизма — или хотя бы от наихудших его проявлений — осложняла задачу сохранения наиболее одиозных исторических легенд, дискредитированных гитлеризмом.

Инициатором воссоздания в 1949 г. Союза историков Германии был Герхард Риттер, ставший вскоре его председателем. Его труды и раньше были проникнуты враждебностью к революции, стремлением во что бы то ни стало реабилитировать прусско-германский милитаризм. Заслужив характеристику «адвоката традиции», Г. Риттер и в послевоенных работах не только продолжал выражать сожаление по поводу падения монархии Гогенцоллернов, но и утверждал, что именно этот переворот открыл в Германии «путь к тоталитаризму». Правда, ему пришлось пойти на некоторые жертвы: ради «очищения» германского милитаризма он отрекся от возвеличения как Гитлера, так и Людендорфа¹.

Свое отношение к Ноябрьской революции Риттер ясно выразил в 1955 г. в полемике с английским либеральным историком Дж. Уилер-Беннетом, который в книге «Немезида власти. Германская армия и политика 1918—1945 гг.»² критически высказался о вмешательстве армии в политическую жизнь. В рецензии на немецкое издание книги Риттер выразил возмущение заявлением Уилер-Беннета, что социал-демократические правители осуществили в Ноябрьской революции «изгнание левых гарпий правыми фуриями»: разве можно так характеризовать «защиту Германии от большевизма»? Это плохо, продолжал Риттер, когда «заверения Эберта и Носке, а также Аденауэра и Шумахера, что на Германии лежит задача спасения Европы от красного потопа, представляются нашему автору лишь пропагандистской болтовней, за которой скрывается ветхий Адам германского национализма...». Неужели же, поучал Риттер английского коллегу, тот «желал бы победы красного авангарда

под руководством Либкнехта и Розы Люксембург»? Нет, заключал Риттер (продолжая мысль, ранее выраженную Ф. Майнеке), для немцев в ФРГ время их «перевоспитания» прошло навсегда³.

Столь откровенно промилитаристских и националистических взглядов не придерживались преемники Риттера во главе Союза историков Г. Ротфельс и особенно К. Д. Эрдман. Они сами причисляли себя к либералам, сторонникам «европеизма», преодолевшим нацистское прошлое и стремившимся вообще «не обвинять или защищать, а понять». В том же 1955 г. Эрдман в проблемной статье об истории Веймарской республики подчеркивал преемственность традиции «Веймар—Бонн» и рекомендовал «возродить веймарский образец». Допуская, что в 1918—1919 гг. в Германии сложилась «открытая ситуация», он категорически утверждал: в то время у правящих социал-демократов был один лишь выбор «между конкретными либо-либо: или социальная революция в союзе с силами, стремившимися к пролетарской диктатуре, или парламентская республика в союзе с консервативными элементами и старым офицерским корпусом»⁴.

Этот четко сформулированный тезис, с одной стороны, целиком оправдывал репрессивные действия военщины против революции и революционных рабочих, а с другой — «признавал» заслуги социал-демократических вождей в сохранении (при переходе от монархии к республике) устоев капиталистического общественного и государственного строя. Тезис этот имел не только академический характер и применялся не только для оправдания исторического прошлого. Он одновременно служил обоснованию политического курса Аденауэра: из него прямо вытекали и защита Запада от «угрозы коммунизма», и признание социал-демократии «немецкой национальной силой». Последнее ставилось, однако, в зависимость от того, сколь быстро она завершит свою интеграцию в боннскую систему и признает необходимость вооружения ФРГ. Как известно, этот процесс привел в следующем году фракцию СДПГ в бундестаге к почти единодушному голосованию в поддержку ремилитаризации ФРГ.

Уже в 1955 г. появились однако, и первые попытки критики сформулированной Эрдманом жесткой альтернативы. К. Д. Брахер, тоже представитель либерального направления, в своей книге о гибели Веймарской республики под натиском фашизма, выясняя корни слабости республики, признал, что во время Ноябрьской революции «опасность справа» была существенно усилена тем, что социал-демократия пошла на сотрудничество с милитаристами. Позднее он выразил свое сомнение еще более четко: а действительно ли в 1918 г. были «правильно установлены стрелки движения»?⁵

В том же году вышли новым изданием две довоенные работы Артура Розенберга, социал-демократического историографа Веймарской республики, посвященные ее становлению и исто-

рии⁶. Они привлекли к себе тем большее внимание, что появились на фоне мемуаров К. Зеверинга и П. Лёбе, в которых оправдывалось не только поведение правых социал-демократов в годы Веймарской республики, но даже их сотрудничество с гитлеровцами после прихода тех к власти⁷, апологетической биографии Ф. Эберта, написанной М. Петерсом⁸.

В книге Розенберга молодых социал-демократических историков, пытавшихся критически осмыслить поведение в революции правых лидеров СДПГ, заинтересовал тезис о том, что социал-демократическое правительство должно было прежде всего развить позиции антидемократических сил, господствовавших в армии, государственном аппарате и экономике, создать «новую, близкую народу демократию». Оно должно было развивать, а не подавлять движение Советов — зародыш «живой демократии, серьезного самоуправления народных масс». Однако Эберт и Носке «в согласии с буржуазией и генералами видели в правительственной деятельности рабочих Советов только мятеж и беспорядок». В своем ослеплении они не замечали, что «реальная власть в Германии оказалась в руках добровольческих корпусов, а не Национального собрания», не осознали мощи возрождавшейся «если не монархической, то по меньшей мере буржуазно-капиталистической контрреволюции». В результате рабочие изверились в революции, Советы не заняли значительного места в государственной и экономической жизни. «Так была похоронена ведущая идея германской революции»⁹. В этом возрождении давно забытых представлений Каутского—Гильфердинга о сочетании Советов и буржуазного парламента довольно широкие слои западногерманской общественности усмотрели теперь нереализованную альтернативу пагубному союзу Эберта—Грёнера*.

В 1956 г. Эрих Маттиас, который еще раньше выразил критическое отношение к социал-демократической политике на Востоке¹⁰, в статье, напечатанной в партийном теоретическом журнале, впервые публично оспорил тезис Эрдмана о неотвратимости союза Эберта—Грёнера. Он предложил заново исследовать революционную историю возникновения Веймарской республики и высказал мысль: тогда «не были осуществлены многие мероприятия, которые могли бы создать прочный фундамент новой демократии, не потому, что не было шансов на их успех, а потому, что народные уполномоченные боялись всякой активной, устремленной вперед политики». Ноябрьскую революцию Маттиас охарактеризовал как «завязшее в песке восстание масс» против дискредитированного авторитарного государства¹¹. Но непосредственного отклика это острое выступление тогда не получило.

Первое в историографии ФРГ исследование В. Тормина, специально посвященное Ноябрьской революции, и роли в ней Со-

* В последующие годы книга А. Розенберга выдержала в ФРГ 15 изданий

ветов было озаглавлено «Между диктатурой Советов и социальной демократией»¹². Эта работа, как и одновременно появившаяся книга О. Анвайлера «Советы в русских революциях»¹³, была выдержана в традиционном антикоммунистическом духе. Германские Советы рассматривались как формы забастовочных комитетов, а не органы революционной власти, роль революционеров преуменьшалась, элементы критики социал-демократии были едва обозначены. Немногим отличалась и созданная в рамках «остфоршунга» книга Г. Нойбауэра «Мюнхен и Москва в 1918—1919 гг. К истории движения Советов в Баварии»¹⁴. Но все же работы Тормина и Нойбауэра не поддерживали версии об угрозе Германии со стороны «русского большевизма».

В книге А. Розенберга нашелся и другой тезис, противоположный первому, за который тотчас ухватились историки консервативного толка. Так, автор утверждал, с одной стороны, что «парламентаризация Германии была не завоевана рейхстагом, а приказана Людендорфом». С другой стороны, он считал, что после отставки Людендорфа автократическое или феодальное правление стало более невозможным, а реформы Макса Баденского означали уже «полную победу буржуазной революции». Отсюда следовало заключение, будто Ноябрьская революция не была исторически закономерной, более того, массы, якобы желавшие только буржуазного парламентаризма, а не социализма, бунтовали в ноябре, собственно, «против самих себя»¹⁵.

Консервативный историк Т. Эшенбург высказал похожую мысль, что-де в Германии возникла «импровизированная демократия», поскольку она не была результатом внутренней политической борьбы, навязали ее извне, а противники демократии использовали ее как тактический маневр, позволявший смягчить последствия проигранной ими войны¹⁶. Этой версией, которая была, по сути, продолжением давних тезисов о «республике без республиканцев» и «демократии без демократов», сразу же стали пользоваться для объяснения слабости Веймарской республики.

В центре возникших споров оставался, однако, поставленный Эрдманом вопрос о правомерности сотрудничества социал-демократии с военщиной. Г. Котовский писал в 1960 г. с позиций официальной социал-демократии о «заслугах» Эберта в отражении «большевизма» и предотвращении в Германии гражданской войны¹⁷. Близкий к ХДС историк К. Бухгейм поставил вопрос еще шире. Разделяя точку зрения тех, кто считал, что «демократизация и парламентаризация кайзеровской империи» привели бы к успеху и без революции, он пытался вопреки известным фактам изобразить войска западного фронта «мощной демократической силой». Отказавшись от утверждения, что германской революцией прямо «дирижировали из Москвы», он не снял тезиса об «угрозе большевизма». Восхваляя пакт Эберта—Грёнера, автор усмотрел именно в сотрудничестве социал-демократии и армии доказательство континUITета истинно немецкой

«консервативно-демократической традиции», а крушение Веймарской республики объяснял ослаблением этого сотрудничества¹⁸. Применительно к реальностям боннской республики эта концепция Бухгейма значила, что необходимо сближение аденауэровской ХДС с СДПГ.

На фоне начавших обостряться в ФРГ социальных и политических конфликтов возникло и так называемое «дело Фишера». В конце 1959 г. профессор Гамбургского университета Фриц Фишер опубликовал первые итоги своих многолетних исследований о целях Германии в первой мировой войне¹⁹. Его ученик Иммануил Гейс написал книгу об аннексионистских планах Германии в Польше, а затем издал документацию об июльском кризисе 1914 г.²⁰ В 1961 г. вышла монография Ф. Фишера «Рывок к мировому господству»²¹. Строго документированное исследование, основанное на широком круге источников, в том числе архивных, убедительно доказывало агрессивность германского империализма в первой мировой войне. Концепциям консерваторов, определявшим лицо историографии ФРГ, был нанесен сокрушительный удар.

Хотя Фишер приуменьшал значение борьбы немецких революционеров, его работа еще раз опровергла и «легенду о долхштосе». Относительно нее к этому времени высказывались разные мнения. Один из ее виднейших в прошлом апологетов — Г. Герцфельд в послевоенных работах пересмотрел свое отношение к социал-демократии, признал, что Германия потерпела в первой мировой войне военное поражение, открыто осудил легенду²². С другой стороны, бывший ее противник Л. Рудольф назвал свою книгу: «Ложь, которая не умирает»²³. Проведенный в 1958 г. Алленбахским институтом демоסקопии опрос населения показал, что 15% верят легенде, а 33% не могут дать точного ответа²⁴. Издатель мемуаров генерала Грёнера барон Гиллер фон Гертринген считал, что легенда от частого употребления превратилась в «плоский лозунг», утратила притягательную силу и требуется «переоценка ценностей»²⁵. Этот вывод в той или иной мере разделяли многие историки.

Но вернемся к Фишеру, книга которого вызвала настоящую бурю. Ожесточенную травлю ее автора возглавил Г. Риттер. Он не только выразил «глубокую печаль и озабоченность относительно грядущего поколения», но и предпринял на всемирном конгрессе историков в Вене грубую попытку дискредитировать Фишера²⁶. Риттера поддержали Э. Хельцле, Л. Дегио, В. Конце и другие именитые историки²⁷. Однако контратаки реакционеров не имели успеха прежде всего потому, что острокритический подход Фишера и его учеников к германскому империализму нашел живой отклик у молодых историков. С этих пор критическая струя — «идея реализма в историографии», как ее назвал А. С. Ерусалимский²⁸, утвердилась в ФРГ прочно и надолго.

То, что резонанс «дела Фишера» вышел за круги профес-

сиональных историков, свидетельствовало и о переменах в общественном настроении, предвещавших закат «эры Аденауэра». Важнейшее значение имело и то, что с конца 50-х годов перед историками ФРГ открылись широкие возможности для работы в архивах. Начала выходить многотомная публикация «Источников по истории парламентаризма и политических партий». Уже первые тома ее, подготовленные Э. Маттиасом и Р. Морзей, на обширном документальном материале осветили новые стороны предистории революции. Так, они ввели в оборот содержательные протоколы «Межфракционной комиссии рейхстага в 1917—1918 гг.», а затем разнообразную документацию «Правительство Макса Баденского»²⁹.

В обстановке начавшегося в ФРГ подъема рабочего движения интерес к истории проявили деятели самого крупного и радикального профсоюза металлистов. В его справочнике за 1962 г. появилась статья о деятельности рабочих Советов в революции 1918—1919 гг.³⁰ Вскоре профсоюз поручил осуществить специальное исследование молодому историку Петеру фон Эртцену, который зарекомендовал себя содержательной статьей о стачках рурских горняков весной 1919 г.³¹, а в 1959 г. выступил на Годесбергском съезде СДПГ с острой критикой выдвинутого правыми проекта программы «в целом с марксистских позиций»³². Записка Эртцена для профсоюза называлась: «Проблемы нового экономического строя и соучастия во время революции 1918 г. с учетом прежде всего металлопромышленности». Большая книга Эртцена «Производственные Советы в Ноябрьской революции. Политологическое исследование о власти идей и структуре производственных и экономических рабочих Советов» вышла в свет в 1963 г.³³.

Годом раньше молодой историк Эбергард Кольб выпустил книгу «Рабочие Советы в германской внутренней политике 1918—1919 гг.». Обе эти исследовательские работы были написаны на основе обширного круга первоисточников, в том числе ранее не использованных материалов из архивов ФРГ (Эртцен работал и в архивах ГДР). Авторы, называя свою методику аналитической и синтезирующей, не ограничились описанием событий и систематизацией фактов. В обеих работах давалась более или менее критическая оценка политики Эберта и социал-демократического руководства в революции, документально опровергалась концепция Эрдмана.

Кольб поставил под сомнение (хотя и с некоторыми оговорками) наличие в Германии 1918—1919 гг. реальной «угрозы большевизма» как со стороны Советской России, так и со стороны революционеров. Тем не менее, считал он, именно «страх перед большевизмом» был определяющим мотивом политики лидеров СДПГ. Особо после января 1919 г. он превратился в «подлинный психоз, пленником которого стало само правительство». В этом Кольб видел причину того, что руководители социал-демократии, сконцентрировав все силы на борьбе с ле-

выми, «переоценили» лояльность военщины, не изгнали реакционных чиновников из органов управления и тем самым «не сделали Веймарскую республику действительно демократическим государством»³⁴. Умалая значение деятельности спартаковцев-коммунистов, Кольб лишь нехотя признавал события 1918—1919 гг. революцией (отсюда и название его книги). Эртцен многократно говорил о революции.

В центре работ Кольба и Эртцена — вопрос о рабочих Советах, их характере, деятельности, возможностях. Кольб считал это важным для уяснения, почему в период становления Веймарской республики «не удалась государственная и политическая интеграция» Советов. Он подразделил их на «радикальные» и «демократические», причем, умалая значение первых, признал в конечном счете правомерным военный разгром их «добровольцами» Носке. Зато серьезной ошибкой он объявил удушение социал-демократами «демократических» Советов, которые, как он считал, представляли из себя «интеграционные органы новой демократически-республиканской формы»³⁵.

Эртцен сосредоточил свое внимание преимущественно на производственных Советах. Из анализа их действий во время массовых выступлений в Руре и в Средней Германии весной 1919 г. он сделал вывод, что Советы обладали серьезными демократическими потенциями и заявил: «Единственной действительной альтернативой буржуазной демократии был не „большевизм“, а опирающаяся на Советы социальная демократия»³⁶.

Не выходя из рамок социал-демократической традиции, Кольб и Эртцен игнорировали социалистические задачи германской революции, рассматривая только буржуазно-демократические. Элиминируя первые, они тем самым освобождали социал-демократическую верхушку от ответственности за отказ от продвижения к социализму. Их критика заключалась, по сути дела, в том, что социал-демократия как следует не решила и буржуазно-демократических задач, не создала для Веймарской республики такого прочного демократического основания, которому не были бы страшны атаки реакции, свалившие ее 14 лет спустя.

Уже в постановке вопроса, а особенно при попытках найти на него ответ оба автора не обратились к определяющим социально-экономическим, классовым факторам, обуславливающим характер революции. Понятия «демократия», «реакция», «государство», «общество», «радикальные тенденции» и т. п., которыми они оперировали, для них — внеклассовые категории, вневременные формулы. И в анализе «феноменологии Советов» (Кольб), и в «политологическом исследовании идейного содержания и структуры» Советов (Эртцен)³⁷ авторы не исходили из рассмотрения капиталистического фундамента того общества и государства, которому считали возможным придать устойчиво демократический характер. Отойдя от некоторых явных фальсификаций и ложных легенд, молодые историки не решились все же на их радикальный пересмотр.

Вопрос об отношении социал-демократии к Советам во время Ноябрьской революции заинтересовал в это время не только специалистов. Наряду с продолжением спора об оценке Ф. Фишером агрессивности германского империализма в годы первой мировой войны он оказался в центре острых дискуссий на XXVI конгрессе историков ФРГ, состоявшемся в октябре 1964 г. в Западном Берлине.

Секция по проблеме Советов под руководством К. Брахера заседала при переполненной аудитории³⁸. Кольб и Эртцен развивали здесь свои взгляды, причем Эртцен объявил, что реальной альтернативой консервативной парламентарной Веймарской республике была «умеренно социалистическая „социальная республика“, опирающаяся на советское движение»³⁹. С возражениями в духе Эрдмана выступил Г. А. Риттер; его в той или иной мере поддержали О. Анвайлер В. Бессон; В. Тормин усомнился в том, что такая альтернатива была осознана участниками самих событий. Об упущенных правами социал-демократами возможностях говорил Э. Маттиас. В период между началом революции и созывом Национального собрания, считал он, правительство даже не попыталось всерьез использовать свою власть для обуздания бюрократии и милитаристов, противодействия претензиям крупных промышленников, вовсе не стремилось осуществить то демократическое переустройство, которое отвечало интересам огромного большинства народа⁴⁰.

Вскоре стали одна за другой появляться работы, в которых на большом конкретном материале раскрывалось, как тормозило развитие революции сохранение старого государственного аппарата, оставшегося в руках монархически настроенных чиновников. Так, книга В. Эльбена⁴¹ показала полную преемственность в политике государственных секретарей и военного командования; книга В. Рунге⁴² — противодействие демократизации со стороны прусских чиновников. У. Бермбах в статье о поражении системы Советов в революции признал, что совместить эту систему с парламентаризмом не было возможности, но видел шанс в «соединении социальной революции с парламентской демократией»⁴³. Р. Рюруп, ломая давнюю традицию и возражая скептикам, утверждал, что в Германии произошла «настоящая революция», причем возможности правых социал-демократов продвинуть ее вперед «далеко не были исчерпаны»⁴⁴.

Приближение 50-летия Ноябрьской революции вызвало естественное оживление исследований и дискуссий. В октябре 1967 г. Германское общество изучения Востока — один из главных центров «остфоршунга» — провело в Мюнхенском университете конференцию на тему «Русская революция 1917 г. и ее эхо в Германии»; часть ее докладов была вскоре издана Г. Нойбауэром⁴⁵. В вводной статье он признал, что в Германии, где долгие годы господствовали легенды о «дольхштосе» и «ноябрьских преступниках», лишь с 50-х годов «сформировался трезвый взгляд, который разоблачает мифы и достаточно беспристрастен,

чтобы указать отдельным событиям и личностям их место, не боится называть революцию революцией». Он заметил, что формальное учреждение в Германии системы Советов можно было бы использовать как для «подталкивания революции вперед», так и для ее остановки. Именно поэтому разброс мнений по проблеме Советов так велик. Сравнительный анализ русской Октябрьской и германской Ноябрьской революций был бы полезен, но время для него еще не пришло⁴⁶.

Доклады известных советологов Р. Лёвенталья и Ю. Мейснера соответствовали старым антисоветским канонам. Вполне традиционным был и доклад В. Тормина об отношении германских партий к большевикам в годы мировой войны. Зато Э. Маттиас отметил, что 50 лет спустя после русской революции «едва ли найдется кто-либо способный оспорить, что она была уникальным по своей значимости событием». Говоря о влиянии Февральской и Октябрьской революций на германское рабочее движение, он указал на связь между усилением антисоветских тенденций в верхушках СДПГ и НСДПГ и все большим отрывом лидеров этих партий от революционирующихся масс. У «народных уполномоченных» сложилось «гротескно ложное представление» о германских Советах, которые, по его мнению, «вовсе не олицетворяли большевистских тенденций». Немецким демократическим силам, считал Маттиас, нанесли большой ущерб — сначала «клише большевизма», а затем ложная формула О. Вельса (призванная снять ответственность с социал-демократии), будто к фашизму Германию толкали «Версаль» и «Москва»⁴⁷.

Доклад Э. Кольба был посвящен соотношению между идеей Советов и реальными Советами, действовавшими в ходе германской революции. Эта революция, сказал он, стала в ФРГ «предметом научных споров о возможностях и границах государственного переустройства Германии после крушения кайзеровской Германии. Тем самым в фокусе интересов оказался вопрос о движущих силах, структуре и целях революционного движения 1918—1919 гг.» Он отметил, что «собственно Ноябрьская революция» была лишь началом процесса, который заключался в «борьбе между революционным массовым движением и буржуазно-социал-демократической коалицией порядка». За первой фазой революции последовала весной 1919 г. вторая, которую часто игнорировали. Между тем «за внешне успешной, но внутренне не упроченной буржуазно-демократической революцией последовала — обусловленная ходом и результатом первой фазы — неорганизованная и неудачная попытка пролетарской революции с ясно выраженной антипарламентской тенденцией. Лишь поражение этого движения завершило германскую революцию 1918—1919 гг.». При всей нечеткости такой характеристики она знаменовала несомненный шаг вперед, который сделал Кольб вслед за своим учеником Р. Рюрупом⁴⁸.

За этим, впрочем, следовали оговорки, что-де Советы в первой фазе были не классовым, а «народным движением». Не отрицая

более влияния «русского примера», Кольб по-прежнему старался представить германские Советы преимущественно мирными и «демократичными». Признав, что в ноябре — декабре в центре борьбы стоял вопрос «Национальное собрание или система Советов?», он утверждал, что весной 1919 г. идея Советов превратилась для рабочих масс в «советский миф, катализатор выросшей из обманутых надежд решимости изменить существующий строй»⁴⁹. Но поскольку Кольб продолжал считать главной целью революционного движения не социализм, а демократизацию, он от перечисления трудностей, стоявших перед правительством Эберта — Шейдемана (переход от войны к миру, забота о единстве страны, продовольственное снабжение, поддержание производства, разрушение авторитарных структур), перешел к оправданию подавления им Советов. Он говорил не о действиях лидеров против революции, а лишь о «неудаче» их попыток демократизации республики — через Советы или без них, — что и обусловило «существенную структурную слабость веймарского государства»⁵⁰. Таков был предел критики, до которого сумела в то время подняться историческая наука ФРГ.

В 1968 г. Кольб при участии Рюрупа опубликовал большой том протоколов «Центрального Совета Германской социалистической республики»⁵¹. Как показали документы, правые социал-демократы, вставшие во главе Советов, вопреки названию лишь прикрывали социалистической вывеской свою полнейшую политическую беспомощность и толкали Советы к бесславной гибели.

Вскоре был опубликован и самый важный источник, до того известный историкам лишь в выдержках и отрывках: протоколы заседаний Совета народных уполномоченных⁵². В обширной вступительной статье Э. Маттиас * признал, что СНУ фактически считал себя не органом революции, а прямым продолжением правительства Макса Баденского. Ничего не сделав для изменения старых структур власти, он был озабочен лишь тем, чтобы «кое-как навести мосты» в промежуточный период между взрывом революции и созывом Национального собрания. Вместо того чтобы сделать попытку политической, обращенной в будущее, заявить о своей руководящей роли по отношению к бюрократическим и военным инструментам исполнительной власти, СНУ ничем не противодействовал «центробежным тенденциям федерализма и социально-экономическим властелинам тяжелой промышленности», хотя имел такую возможность, поскольку «новый демократический строй почитался естественным и соответствующим интересам огромного большинства народа»⁵⁴. То, что правительство третировало Советы и не считалось с мнением собственных сторонников, вызвало, по мнению Маттиаса, радикализацию масс весной 1919 г.⁵⁵

Как видим, и этот историк не пошел дальше сожалений, не дал

* Она была опубликована и отдельно под названием «Между Советами и тайными советниками»⁵³.

ясной оценки сущности социал-демократической политики. Впрочем, хотели того публикаторы или нет, совокупность правительственных документов, как и протоколы Центрального Совета, безжалостно развенчали лидеров социал-демократии, которые сумели в дни революции захватить в свои руки решающие рычаги власти, но использовали их не для ее развития, а против нее*.

Значительное число новых документов было введено в оборот также в ряде сборников. Самый крупный был издан Г. А. Риттером и С. Миллер⁵⁷. Авторы введения признали, что «консервативная струя» была внесена в революцию теми ее «руководителями», которые, стараясь избежать «болезненных разрывов с прошлым и рискованных действий», искали «синтеза между традицией и переворотом, прагматических переходных решений» и т. п. Но издатели оправдывали такой консерватизм «необходимостью отразить штурм бесшабашного радикализма», инспирированного «примером революционной России»⁵⁸. Апологетический комментарий и почти полное отсутствие в обширном издании документов, исходивших от революционеров, не только снижали его ценность, но и способны были дезориентировать читателя.

К сборнику о Советской Баварии, в котором Г. Шмольце собрал многочисленные свидетельства очевидцев, в том числе деятелей культуры, Э. Кольб написал предисловие. «Историческое легендотворчество, — заметил он, — быстро и так интенсивно заглушило события, разыгравшиеся в Мюнхене между ноябрем 1918 и маем 1919 г., как, пожалуй, не случилось ни с одним другим явлением новейшей истории Германии» Их изображали в виде «гротескного и кровавого революционного карнавала, инсценированного чужеродными агитаторами, служителями богемы, распушенной солдатней, которые все вместе сумели навязать террористический режим консервативному, стремившемуся к покою и порядку баварскому народу». В действительности же Советская республика была драматическим эпилогом революционных боев в Германии в 1918—1919 гг.⁵⁹ Большое количество разнообразных документов было представлено в сборнике, изданном К. Бозлем, «Бавария на переломе»⁶⁰ П. Кукук включил в свой сборник о Советском Бремене протоколы заседаний рабочего Совета и другие документы⁶¹

50-летие Ноябрьской революции совпало по времени с кульминацией бурного студенческого движения и с подъемом борьбы рабочего класса ФРГ. Это несомненно способствовало повышению интереса широкой общественности к созвучным современности проблемам исторического прошлого. В обсуждение вопросов, связанных с революцией 1918—1919 гг., включились средства массовой информации — газеты, журналы, радио. Телевидение показало ряд документальных лент, среди них волнующий фильм

* Сказанное в полной мере относится и к изданным позднее протоколам кабинета Шейдемана и правительства Бауэра⁵⁶

об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, о зловещей комедии суда над их убийцами.

Немыслимо было представить себе нечто подобное на пять-шесть лет раньше. В конце 1961 г. гамбургский журнал «Stern» привел высказывание майора В. Пабста, который в начале 1919 г. был начальником штаба гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии, расправлявшейся с берлинскими рабочими: «...я присутствовал тогда на коммунистическом собрании, где выступали Роза Люксембург и Карл Либкнехт. У меня сложилось впечатление, что они оба — идейные вожди революции, и я решил, что их нужно убить. По моему приказу оба были схвачены». В ответ на эту публикацию убийца, проживавший в Швейцарии, и убежденный, что срок давности истек, цинично заявил (и это было напечатано в праворадикальном мюнхенском листке «Deutscher Studentenanzeiger» как раз в годовщину убийства 15 января 1962 г.): «...после добросовестного рассмотрения всех обстоятельств было решено отойти от правовой позиции... Осуществление [убийства] подчиненными произошло, однако, во многом иначе, чем им приказали. Поэтому затем поднялось гораздо больше пыли, чем было необходимо...»⁶²

Это сообщение три недели спустя не только перепечатал официальный бюллетень правительства ФРГ, но и в комментарии представил Пабста как «неизвестного командира» тех «добровольческих корпусов», которые вместе с правительственными войсками противодействовали «плану Москвы в хаосе тех лет включить в красную империю все, что осталось от Германии, пережившей кораблекрушение», и в конце концов «одолели эту коммунистическую агрессию, выразившуюся в восстаниях и Советских республиках».

Комментатор продолжал: «Пабст не оспаривает свою ответственность за расстрелы на месте преступления, но он заверяет, что осуществлял их ввиду острой необходимости и в убеждении, что иным путем нельзя окончить гражданскую войну и спасти Германию от коммунизма...»⁶³. Так оправдывал убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург и превозносил его виновника официальный орган правительства.

В конце 60-х годов ситуация в ФРГ стала иной. Не считаться с живейшим интересом молодежи к немецким революционным вождям было невозможно; стали говорить даже о «ренессансе» марксизма. В этих условиях и некоторые правые социал-демократические авторы сочли нужным прибегнуть к более утонченной аргументации. Они стали изображать Либкнехта и Люксембург то ли «революционными утопистами», то ли сторонниками некоего «демократического коммунизма», принципиально отличного от ленинизма⁶⁴.

И все же сенсационный характер приобрела серия статей известного либерального публициста С. Хаффнера в журнале «Stern» за 1968 г., озаглавленная «Великое предательство». Редакционная аннотация интриговала читателя: «Пятьдесят лет назад генерал

Людендорф своим требованием перемирия вызвал цепную реакцию, которая ввергла Германию в революцию. Было ли поражение причиной революции или революция была причиной поражения? Совершили ли германские социал-демократы, которые 9 ноября 1918 г. сформировали правительство, революцию или покончили с ней? Себастиан Хаффнер дает в журнале „Stern“ новый ответ на эти вопросы»⁶⁵.

Вскоре статьи Хаффнера вышли книгой под названием «Преданная революция»⁶⁶. Яркими красками, опираясь на документы, автор нарисовал враждебную революции политическую игру правых лидеров социал-демократии, их сговор с самыми жестокими врагами революции, республики и демократии. Хаффнер показал, что «Эберт и его команда» совершили подлинное «детоубийство» по отношению к своей собственной, «социал-демократической» революции: «Она была подавлена самым жестоким, беспощадным образом, притом не с фронта, не в честном бою, а с тыла, путем предательства»⁶⁷.

Хаффнер принадлежал к числу тех немногих буржуазных авторов, которые оказались способными оценить роль революций в истории. «Разумеется, — писал он, — революцию не делают ради удовольствия... Всякая революция — это болезненный, кровавый и страшный процесс, подобный родам. Но, подобно родам, каждая победоносная революция — это творческий процесс, дающий новую жизнь. Все народы, пережившие великую революцию, с гордостью вспоминают о ней. И каждая победоносная революция делала великим народ, совершивший ее... Больным народ становится не от победоносных революций, а от революций задушенных и подавленных, от революций, которые были преданы и от которых отреклись. Немцы до сих пор больны из-за того, что революция 1918 г. была предана»⁶⁸.

Главные герои революции — рабочие и солдаты. Они «инстинктивно чувствовали, что, пока у власти остаются старая бюрократия и старое офицерство, революция будет обречена на гибель и ее не спасут ни самая лучшая конституция, ни самый лучший парламент... И как раз в этом вопросе Эберт и все руководство СДПГ совершенно однозначно встали на сторону контрреволюции. Они стремились спасти именно то, что революция хотела сокрушить: старое государство и старое общество, воплощением которого были бюрократия и офицерский корпус. Они лишь хотели придать старому государству парламентские формы, интегрироваться в него, чтобы в дальнейшем участвовать в управлении»⁶⁹.

Хаффнер заметил, что, пожалуй, ни об одном явлении новейшей истории Германии так много не лгали, как об этой революции. Действительно, в массовом сознании, сформированном буржуазным школьным образованием, находящимся под непрерывным воздействием средств информации, оставались живыми многие традиционные представления и стереотипы мышления, которые укоренились в годы Веймарской республики и пережили фашистскую диктатуру. Назвав их ошибочными, слепыми и пагубными

для немецкого народа легендами, Хаффнер вступил с ними в открытый бой. Первой он считал отрицание или умаление самого факта, что в Германии произошла в 1918 г. «настоящая» революция, а не просто военная катастрофа, приведшая к крушению кайзеровской империи. Второй он назвал истолкование Ноябрьской революции и последующих событий как якобы «большевистской анархии», импортированной из Советской России и угрожавшей самому существованию Германии. Третьей была пресловутая «легенда о дольхитесе». И каждую Хаффнер опроверг убедительными доводами⁷⁰.

Откровеннее и решительнее, чем профессиональные историки, Хаффнер вскрыл «великое предательство» социал-демократических вождей и пагубные для Германии последствия этого. Он осудил их не только как виновников крушения революции 1918—1919 гг., но и как разрушителей революционной пролетарской традиции, как политиков, которые упустили благоприятный исторический шанс направить развитие Германии по демократическому пути и, напротив, открыли путь к фашистской диктатуре, к новой военной катастрофе.

В книге не только показаны обстоятельства злодейского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но и раскрыты его корни. Лицемерные попытки апологетов социал-демократии возложить вину на самих убитых Хаффнер решительно отверг. Нет, они были убиты преднамеренно. Это «было убийством тех, кто превосходил своих противников мужеством и умом, было убийством неопровержимой правды»⁷¹. Он не оставил ни малейшего сомнения относительно главных виновников, стоявших за спиной офицеров-убийц.

«Эберт и Носке, — писал Хаффнер, — не становятся симпатичнее от того, что они не были крупномасштабными негодяями, а скорее мелкими обывателями. Чудовищность их исторических дел не соответствует характеру их личности. Исследуя мотивы их поступков, не находишь ничего демонического или сатанински-величественного, а только банальности: любовь к порядку и мелкобуржуазный карьеризм. Можно вполне поверить, что они искренне ненавидели и почти панически боялись того беспорядка, который неизбежно является спутником любой революции, хотя поразительно, почему они не испытывали такого страха перед не меньшими по масштабам — но более кровавыми — беспорядками контрреволюции... Они радостно принесли в жертву тех, кто им верил и шел за ними, во имя тех, кто одарил их своей благосклонностью»⁷².

Хаффнер с полным основанием считал убийство революционных вождей только первым шагом, «стартовым выстрелом» в длинной цепи убийств, начатых в «эру Носке» и миллионнократно повторенных затем в «эру Гитлера». «И именно это преступление, — подчеркнул Хаффнер, — до сих пор не хотят (в ФРГ. — Я. Д.) признать как таковое, оно до сих пор ждет искупления

и раскаяния... Поэтому оно до сих пор, словно смертоносный луч лазера, шлет свой палящий свет»⁷³.

Либеральный публицист не дал действительно научного объяснения событий. Не проводя специального исследования, опираясь в основном на известные источники, он отдал дань модной концепции «третьего пути». Без учета социально-экономических факторов нарисованная им картина революции осталась поверхностной, одномерной. В книге немало неточностей и фактических ошибок*. Однако антимилитаристская, антифашистская зоркость позволила публицисту, удостоенному премии Генриха Гейне за «оригинальность и прозорливость», поставить в центр внимания те вопросы, которые профессиональные историки ФРГ предпочитали оставлять в тени. Они, разумеется, не простили Хаффнеру его дерзости, ответив ему гневными нападкамии вроде той, что он-де «ведет истерическую полемику против руководства социал-демократии, особенно против Эберта, притом столь острую, какую едва ли можно найти в коммунистических трудах»⁷⁴.

Одно несомненно: выступление Хаффнера, выражая определенный сдвиг в общественном мнении ФРГ, вместе с тем оказало немалое влияние на общественность, способствовало разрушению некоторых дискредитированных исторических легенд, преодолению живучих стереотипов исторического мышления.

РЕАЛЕН ЛИ «ТРЕТИЙ ПУТЬ»?

В 60-е годы в ФРГ получила широкое хождение концепция «третьего пути». Она ратовала за демократию, притом более прочную и устойчивую, более укорененную в народе, чем веймарская. В работах молодых историков Кольба и Эртцена, Маттиаса и Рюрупа проводилась идея о том, что в германской революции был возможен путь, не предусмотренный альтернативой Эрдмана — «большевизм» или союз социал-демократии с реакцией. Основу «третьего пути» могло будто бы составить превращение рабочих Советов в демократическую основу парламентарной республики. Родословную этой идеи авторы ввели от Артура Розенберга, который высказал ее на закате Веймарской республики. Выше показано, что создали ее еще в пору рождения республики Каутский и Гильфердинг.

Известно, однако, что ход германской революции (как и других революций) убедительно показал несовместимость длительного существования в государстве двух властей, выражающих интересы противоположных классов. Советы частью были раздавлены кровавой диктатурой Носке, частью разложились изнутри, а «закрепленные» конституцией и законами производственные Советы не смогли сыграть сколько-нибудь существенной политической роли. Почему же историки, всегда «заземленные» на

* См об этом вводную статью и примечания к книге

реальные факты, занялись несвойственными им рассуждениями о том, что было бы, если бы? Нет сомнения, что попытка молодых историков в ФРГ возродить почти забытую идею имела свои причины. Выяснение их представляет интерес.

Эти историки, критически оценивая альтернативу Эрдмана, пытались опровергнуть обе ее стороны — доказать несостоятельность как тезиса об «угрозе большевизма», так и оправдания союза социал-демократии с силами реакции. Они не соглашались и со стоявшей за формулой Эрдмана негативной оценкой революции вообще. Преодолев первоначальную робость, они признали ее «настоящей революцией» и высказали важную мысль, что из краха империи Гогенцоллернов должен был быть возможным позитивный выход, а именно создание действительно демократической республики, отвечающей чаяниям трудящихся масс. Однако при этом они не задумались о ее социально-экономической основе, оставив вне поля зрения ее базисную структуру. Им представлялось, что подлинная демократия возможна при сохранении устоев капитализма и буржуазной государственной власти без борьбы за социализм; они не принимали всерьез социалистических требований революционеров.

Историки, о которых идет речь, отвергали не только реакционный, но и марксистский подход к германской революции, в основе которого лежит анализ ее объективных предпосылок и материальных условий, состояния субъективного фактора, признание важности борьбы пролетариата за отстранение от власти всех носителей старого режима, разрушение устоев капитализма, переход всей власти в руки Советов. Но реальным ли было промежуточное решение? Сам Э. Маттиас признавал, что «нелегко найти ответ на вопрос, какие же шансы успеха сулил „третий путь“»⁷⁵.

В иных условиях выдвижение историками такой концепции, их запоздалые диспуты о роли Советов в Германской революции 1918—1919 гг. остались бы лишь на уровне узкопрофессиональных споров. Однако реалии политико-экономической и идеологической ситуации в ФРГ 60-х годов придали дискуссиям широкое общественное звучание, далеко вышедшее за рамки историографии. Идейный климат в ФРГ в это время менялся под влиянием растущего противодействия со стороны рабочих и молодежи, прежде всего студентов, усиливавшейся капиталистической интеграции — идее «сформированного» общества, активизации неонацизма, ремилитаризации и угрозе «атомной смерти». Тут-то и оказалось, что идея рабочих Советов относится не только к отдаленному прошлому, а по ряду причин способна вписаться в современное общественное движение.

Впрочем, не одни только историки вспомнили в это время о Советах. Профсоюзные деятели левого направления связывали с возрождением активности производственных Советов возможности «соучастия» рабочих в управлении предприятиями. В продолжение работы П. Эртцена референты правления профсоюза металлистов Д. Шнайдер и Р. Кудя выпустили книгу «Рабочие

Советы в Ноябрьской революции. Идеи, действия, документы». В ее первой части были кратко обрисованы история возникновения и круг идей рабочих и солдатских Советов. При этом авторов интересовали не «политические Советы», а специально «модели экономических Советов» и притом под углом зрения вопроса, представляют ли «основные идеи чистой экономической системы Советов все еще пригодную альтернативу организованному капитализму», не могут ли они все же стать «организационной формой завтрашней социальной демократии»? Они пришли к выводу, что незаинтересованность СДПГ в антикапиталистических реформах помешает установлению в ФРГ экономической системы Советов, но концепция профсоюзов о праве на «соучастие» в управлении производством может быть расширена посредством восприятия элементов «Советской демократии». Со ссылками на Э. Деймига и других деятелей революции авторы утверждали, что экономические Советы могли бы стать инструментом «изменения системы» при сохранении парламентского строя⁷⁶. Вторую часть книги составляла подборка редких документов, характеризующих рабочие Советы периода революции 1918—1919 гг., отношение к ним рабочих партий и профсоюзов.

Политологи и социологи со ссылками на пример Югославии и Венгрии пытались возродить «модели Советов» анархистского или синдикалистского толка, апеллируя к авторитетам 1918—1919 и последующих лет: анархистов Э. Мюзамы и Г. Ландауэра, «ультралевых» О. Рюле, Г. Гортера и др. Кое-кого идея Советов привлекала тем, что выглядела антитезисом «системе партий» и преувеличенной роли парламентаризма.

Во время бурного взлета студенческого движения наиболее радикальные сторонники демократизации общественной жизни ФРГ выдвинули даже лозунг «Вся власть Советам!». Не заботясь о том, что в стране явно не сложились условия для борьбы за власть, какие были в период революции 1918—1919 гг., левые студенты усмотрели в абстрактной «демократии Советов» альтернативу парламентарной демократии, недостатки которой видели воочию. В Советах их привлекало прежде всего то, что они — выражение стихийной активности самих масс, органы «прямой демократии», а потому не зависимы ни от политических партий, в том числе социал-демократической, ни от профсоюзных бонз.

В дискуссиях студентов и «новых левых» о Советах возникло множество разных мнений. Лишь немногие ориентировались на гипотетическое полномочие Советов, большинство рассуждало о том или ином «сочетании» Советов с парламентской системой, так что критики иронически спрашивали, не лучше ли лозунг «Половина власти Советам!».

Один из участников молодежных дискуссий — В. Готшалх в статье «Парламентская система и демократия Советов» прямо поставил вопрос: не способна ли система Советов стать альтернативой парламентаризму и «государству партий», которые не устраивают решительных демократов? Оговорив, что он не исто-

рик, он сопоставил взгляды Маркса на Парижскую коммуну, взгляды Р. Люксембург и Р. Гильфердинга на Советы в германской революции. Его выбор — в пользу последнего: «Поскольку одного парламентаризма более недостаточно, чтобы обеспечить демократическое волеизъявление и контроль, остается вопрос, могут ли формы демократии Советов компенсировать недемократичность парламентской формы правления. Можно при этом подумать о том, чтобы дополнить, а где возможно заменить традиционные учреждения государства, земель и общин Советами как конституционными государственными органами с определенными правами контроля, инициативы и вето. Впрочем, предпосылкой функционирования такой связи должна была бы быть общественная организация экономики*». Кроме того, стоило бы попытаться объединить республиканские клубы, группы и организации внепарламентской оппозиции в своего рода движение Советов»⁷⁷. Умозрительный характер этих представлений и рассуждений, их полный отрыв от реальностей общественного и государственного строя ФРГ очевидны.

Один из тех, кто первым возродил интерес к германским Советам в Ноябрьской революции, П. Эртцен, ставший деятелем СДПГ, теперь разъяснял, что «Советы избираются демократически и выражают волю большинства. Они предполагают свободу выборов, свободу мнений и полную личную свободу каждого. Они не исключают ни существования различных направлений, ни господства права и закона». Если в идее Советов и есть те или иные недостатки, то она все же позитивный «вклад в критическую дискуссию об олигархических и бюрократических тенденциях в нашем обществе и нашей парламентской системе»⁷⁸.

Германский союз политологов провел осенью 1969 г. в Западном Берлине специальную конференцию на тему «Советы как принцип политической организации». В защиту «системы Советов» здесь выступали В. Готшалх («Соображения о теоретических моделях по проблеме советской демократии») и Б. Рабель («Тезисы о Советской демократии»). Их оппонентами были советологи О. Анвайлер, П. Лёше, У. Бермбах, Ю. Фиалковски. В результате рассмотрения роли Советов в период становления Веймарской республики и особенно возможностей возрождения Советов в ФРГ в качестве органов «прямой демократии», средства обновления или замены парламентской системы политологи добились отклонения «образа Советов». В организации рабочего класса посредством Советов они усмотрели опасность для существующего в ФРГ капиталистического строя⁷⁹.

В начале 70-х годов дискуссии о Советах как актуальной проблеме современности постепенно угасли. Но вопросы Ноябрьской революции в большей, чем прежде, степени оставались в

---

* Понятие «общественная экономика» — «гемайнвиртшафт» — было связано в Ноябрьской революции прежде всего с именем социал-демократического министра экономики Р. Висселя

поле зрения общественности ФРГ. Э. Кольб, ставший профессором Гёттингенского университета, выпустил в 1972 г. сборник «От кайзеровской империи к Веймарской республике»⁸⁰, в котором были подведены некоторые итоги десятилетних исследований. Отметив устарелость старых клише и то, что под влиянием политического развития не только сместились критерии оценок и ценностные категории, но и появились новые аспекты подхода, Кольб очертил три круга проблем 1918—1919 гг., продолжавших вызывать живой интерес: окончание мировой войны, государственный переворот и внутреннее переустройство, мирный договор.

«Легенду о дольхштосе» Кольб считал дискредитированной и фактически мертвой. Тезис Т. Эшенбурга об «импровизированной демократии» — ослабленным новейшими публикациями и исследованиями об активной деятельности парламентского большинства в рейхстаге, хотя «революция сверху» действительно была вызвана акцией Людендорфа. Не выдержал испытания и тезис А. Розенберга, что октябрьские реформы сделали революцию ненужной, ибо новые документы и анализ В. Зауэра (в этом сборнике) показали наличие «заговора адмиралов», а бегство кайзера в ставку означало подготовку контрреволюции. Включенная в том выдержка из книги Г. Риттера подтвердила, что и глава консервативных историков пришел к выводу о банкротстве военного и политического руководства кайзеровской Германии и ответственности Людендорфа⁸¹.

«Новейшие исследования ставят существенно иным образом, — констатировал Кольб, — чем в межвоенные годы и даже чем в первые годы после 1945 г., вопросы о движущих силах, целях и шансах германской революции 1918—1919 гг., „поражение“ которой понимается как решающее и чреватое серьезными последствиями установление стрелок развития новейшей германской истории»⁸². Он разделял мнение Р. Рюрупа, заметившего, что история не знала иной, внешне успешной революции, которая была бы так быстро вытеснена из сознания современников, как эта. В то время как правые ее целиком осуждали, «социал-демократия стилизовала свою собственную политику зимы и весны 1919 г. под „автобиографическую героическую легенду“ и приписала себе заслугу спасения Германии от большевизма»⁸³. Всю историю становления Веймарской республики она свела, скрывая все свои просчеты, к внушению альтернативы: большевизм или Веймар. А между тем именно ее ошибки привели к тому, что был упущен «шанс придать германской республике решительно демократический и социальный облик». Сам Кольб прямо связывал такую новую трактовку событий со «сдвигом влево» в западногерманской политике, а ее быстрое восприятие публицистикой объяснял общим изменением политического климата в стране. В отличие от ситуации во время «дела Фишера», теперь никто против новой концепции открыто не возражал⁸⁴.

Хельга Гребинг, назвав свою историографическую статью в этом томе «Консервативная республика или социальная демокра-

тия?»*, сформулировала тем самым ту новую альтернативу, которую Кольб и его направление противопоставили альтернативе Эрдмана. Эберт, считала Гребинг, не использовал ни одной из представившихся ему 9 ноября 1918 г. возможностей: частичной социализации, установления экономической советской системы, демократизации управления и армии при помощи Советов. Причину этого упущения она усматривала в том, что социал-демократия в результате деятельности правых и Каутского была ко времени революции теоретически и политически иммобильна, не способна мобилизовать массы, боялась их стихийных действий, находилась в плену «антибольшевизма»⁸⁵.

Среди других статей сборника — содержательная статья Г. Шика о «социализации», не продвинутой дальше деклараций, так что в конце переходного периода были осуществлены не требования рабочих, а, напротив, только «основные требования буржуазии: оставлена в неприкосновенности частная собственность, а все экономическое и финансово-политическое законодательство отложено до Национального собрания»⁸⁶. Р. Рюруп охарактеризовал Веймарскую конституцию как продукт «революции, которой не удалось изменить существовавших отношений власти и осуществить действительные преобразования... Либерально-демократическая конституция была построена не только на развалинах проигранной мировой войны — что обычно преувеличивают, — а прежде всего на основе недемократического, авторитарного социального строя. Она была итогом потерпевшей поражение, а не успешной революции»⁸⁷.

Таким образом, сборник свидетельствовал (в него были включены «для сравнения» и Тезисы ЦК СЕПГ о Ноябрьской революции) об известном продвижении вперед группы молодых историков. Они несколько приблизились к учету социально-экономических факторов и классовых сил. Однако виден и их предел: они сохранили приверженность концепции «третьего пути», продолжали утверждать, что «социальная демократия» была возможна при сохранении устоев капитализма, приуменьшали роль в революции левых сил и отрицали правильность их установки «Вся власть Советам!».

В том же году был опубликован совместный доклад, с которым на конференции в Линце в 1971 г. выступили Кольб, Рюруп и американский историк Дж. Д. Филдмен⁸⁸. Он назывался «Массовые движения рабочих в Германии в конце первой мировой войны (1917—1921)»⁸⁹. В нем говорилось, что в развитом индустриальном обществе возникают объективные предпосылки для свержения капитализма, но слабеют субъективные. Поэтому авторы отрицали, что германская революция была вызвана социально-экономическими условиями, объявляя ее лишь «результатом вызванного поражением политического кризиса», восстанием

* Она до этого была опубликована в профсоюзном журнале «Gewerkschaftliche Monatshefte» 1969/20

моряков. По их мнению, в революции на первом месте стояло стремление к миру, затем — к демократизации, а требование социализма Советы выдвинули только в 1919 г.⁹⁰

На XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско в 1975 г. Э. Кольб выступил с докладом «Германское рабочее движение перед вопросом: реформа или революция в 1914—1919 гг.»⁹¹ Начав с рубежа веков, он уделил Ноябрьской революции сравнительно немного места. Отрицая измену социал-демократических лидеров 4 августа 1914 г. прежним принципам, он утверждал, что вину за политику партии несут не вожди, а массы, неудачи довоенной реформистской политики приписывал «неразумности» правящих кругов, не желавших идти на уступки. В ходе войны, считал он, разногласия по вопросу «революция — реформа» усиливались. В НСДПГ только спартаковцы были подлинными революционерами, тогда как СДПГ стала после раскола определённо реформистской. Автор видел, что позиции реформизма находили все меньший отклик, классовые противоречия обострялись и СДПГ теряла влияние в массах. Тем самым надежда Шейдемана на получение воздаяния от правителей без решительной борьбы размывалась, а политика партии попала в порочный круг.

Кульминацией расхождений двух линий стали события Ноябрьской революции. Явно преувеличивая роль стихийности, Кольб снова утверждал, что не социализм, а лишь мир и демократизация государства и общества были целью народного движения. Это позволяло ему представить политику Эберта и других лидеров СДПГ менее пагубной, чем она была на деле. Кольб осуждал руководство СДПГ не за активное участие в организации контрреволюции, а только за то, что оно «оказалось совершенно нечувствительным к настроениям масс», что, не желая революции, ограничилось минимумом реформ, хотя в интересах закрепления у власти должно было осуществить максимум. Он признал, впрочем, что оно «все теснее сотрудничало... с бывшими господствующими силами, которые при этом быстро отвоевали потерянную было в ноябре 1918 г. инициативу»⁹².

Революционерам из «Спартака» и левого крыла НСДПГ Кольб вменял в вину не только то, что они-де слишком форсировали «революционную мобилизацию масс», но даже то, что они верили в возможность «без наличия сильной партийной организации и без длительной воспитательной работы в короткий срок превратить пришедшие в движение массы в революционный потенциал для завоевания власти и реализации радикальных целей». Рост влияния революционных групп Кольб объяснял тем, что руководство СДПГ не проявляло реформаторской инициативы, а будто бы концентрировало свои усилия на «обороне революции». Он обвинял революционеров и в том, что массовое движение рабочих и солдатских Советов «оказалось дискредитированным в глазах значительной части населения»⁹³.

Смазывая поставленный им самим вопрос, какой же курс был

«правильным», Кольб утверждал, что вожди всех трех партий — СДПГ, ГСДПГ и КПГ — оказались не на высоте, не сумели так модифицировать свои прежние представления, чтобы они стали адекватными изменившейся внутривластной и социально-психологической ситуации, им «не хватило мужества и таланта для активной импровизации». Так, под видом «объективной критики» вольно или невольно размышлялось различие между палачами революции и их жертвами. Заметив, что «с точки зрения догматического марксизма-ленинизма» ответ на вопрос, какой курс правилен, «задан априорно», Кольб в итоге пришел к выводу: «Существовавший в революционные месяцы 1918—1919 гг. шанс завоевать и обеспечить в новом государстве сильные позиции власти для рабочего движения остался в значительной мере неиспользованным. Веймарская республика — продукт застрявшей революции и недостаточно полно проведенной реформы»⁹⁴.

Этот вывод оставлял без ответа главный вопрос, поставленный автором: путь реформы или путь революции был для Германии «правильным»? Ссылки на объективные условия, на «положение рабочего движения», на «неуступчивость» правящих кругов, на социально-психологические и иные факторы не освобождают историка, обязанного учитывать как объективные, так и субъективные причины явлений, от выяснения *исторической ответственности* классов, партий, вождей. Хотя «третий путь» в докладе Кольба оставался как бы за сценой, он явно проходил ближе к реформе, чем к революции.

В отличие от Кольба, избравшего академическую стезю и продолжавшего выступать в роли публикатора новых документов о Советах⁹⁵, П. Эртцен стал видным политическим деятелем: председателем организации СДПГ в Ганновере, членом Центрального управления и одним из главных идеологов партии. Он руководил разработкой «Экономико-политической ориентировочной программы на 1975—1985 гг.», принятой Мангеймским съездом СДПГ.

Числясь «умеренно-левым», именно он выступал в ходе программных дискуссий против левых, отстаивая концепцию демократического социализма в духе Годесбергской программы 1959 г., против которой когда-то возражал. Он отверг те «первоначальные и радикальные представления», которые связывали демократический социализм с «триадой»: обобществлением средств производства, плановым хозяйством и политической демократией. Признавая, что «система Советов является особенно радикальной формой демократического контроля избранных представителей», он полностью элиминировал ее политические функции, а затем не включил в программу даже упоминания о ней⁹⁶.

В ответ на «вызов», брошенный в то время СДПГ «молодыми социалистами», Эртцен высказался за отказ партии от «тотальной конфронтации с существующей системой и от любого, пусть даже словесного, заигрывания с идеей революции». Это он советовал левым отбросить напрочь «революционную романтику», «игру

с идей насильственных переворотов», «словесный радикализм» и т. п. Главный его тезис теперь гласил: «социал-демократическая партия есть демократически-социалистическая партия реформ», целиком стоящая на почве капиталистического строя ФРГ. Для Эрцгена «третий путь» стал идентичным политике СДПГ и «модели ФРГ»⁹⁷.

Среди тех, кто продвинулся дальше «родоначальников», был младший коллега Кольба Р. Рюруп. Он, не выходя за рамки концепции «третьего пути», поставил под сомнение самую устойчивую легенду буржуазно-реформистской историографии, отрицавшую правомерность революции и умалявшую ее значение. Он прямо указал, что в 1918—1919 гг. речь шла не просто о крушении старого режима, а о настоящей революции, поскольку возникло массовое движение «принципиального характера», которое сделало попытку реализовать определенную революционную программу. Рюруп характеризовал ее как «освобождение громадного большинства народа от политической и социальной зависимости и утверждение свободной конституции». Эту программу революция не осуществила, шаг за шагом отрекаясь от нее⁹⁸.

Так писал Рюруп в 1968 г. А в 1975 г. в качестве профессора Западноберлинского университета он в предисловии к изданному им сборнику статей о Советах в Рейнско-Вестфальском промышленном районе снова поставил в вину социал-демократическому руководству то, что оно не использовало возможности общественного преобразования Германии с помощью Советов в демократически-социалистическом направлении. Он считал революцию «одним из немногих моментов германской истории, когда достигший зрелости и политической ответственности народ предпринял попытку разрушить старые механизмы угнетения и создать новое демократическое общество — социальное „народное государство“, как тогда его охотно называли»⁹⁹.

За неудачу революционного движения 1918—1919 гг., за поражение демократии ответственность несут социал-демократические лидеры, которые проводили «политику конфронтации с массовым движением, даже ценой союза со старым офицерским корпусом», политику, которая провалилась. Интерпретация революции, считал Рюруп, в большой степени зависит от политических взглядов. Поэтому в ГДР ее считают одной из вершин борьбы за демократию и социализм, а в ФРГ не включают в позитивную историческую традицию. Социал-демократия обязана принципиально переосмыслить свою позицию в этом вопросе: «В отношении к революции 1918—1919 гг. процесс новых открытий и переоценки только еще начался, но представляется возможным и нужным, чтобы ей в будущем было отведено центральное место в демократической истории немецкого народа. Одна из коренных предпосылок для этого — проясненное отношение социал-демократии к „ее“ революции». По мнению Рюрупа, признание того, что руководство СДПГ в 1918—1919 гг. «использовало слишком много энергии на то, чтобы подавить массовые движения своих собственных сто-

ронников (и более левых группировок), но сделало слишком мало для осуществления и закрепления перемен в духе социал-демократической политики», такое признание «могло бы и в настоящее время способствовать выработке соответствующей достойной политической стратегии»¹⁰⁰.

Об известном продвижении влево свидетельствовал также написанный У. Клюге (куратором его докторской диссертации был Рюруп) большой том «Солдатские Советы и революция»¹⁰¹. В работе собран огромный фактический материал, в том числе новый, из архивов ФРГ и ГДР, а также Голландии и Польши. Автор считал в духе концепции «третьего пути», что в условиях революции можно было создать новую «народную армию», которая была бы, как он пишет, чем-то средним «между Красной армией и рейхсвером». Но вместо этого руководство СДПГ избрало ошибочный путь. Оно не поддержало солдатские Советы, стремившиеся к демократизации армии, а опиралось сначала на войска Западного фронта, а потом на «добровольческие корпуса». Став союзником «монархистски настроенного, буржуазно-консервативного прусско-немецкого офицерского корпуса», лидеры СДПГ укрепили позиции последнего.

Вместе с тем работа Клюге была и шагом назад. Так, в заключении говорилось, что «9 ноября 1918 г., конечно, не может быть истолковано как революция, т. е. политический переворот в духе значительной смены руководящих групп в сфере военной, бюрократической и экономической. И последовавшие внутривнутриполитические перемены до весны 1919 г. не заслуживают такого обозначения». Кроме совершенно несостоятельного определения понятия «революция», Клюге далее с очевидной целью как-то обосновать возможность некоего «промежуточного» решения бездоказательно утверждал, что рабочие не играли существенной роли, объявил рабочие и солдатские Советы народным движением, «состоящим из буржуазных и пролетарских групп». Он считал целью Советов — «в рамках парламентарно-демократической системы ослабить влияние и права старых элит и обеспечить право участия в обсуждении и принятии решений тех традиционно непривилегированных групп населения в армии, на предприятиях, в коммунах, которые стояли вне партий и групп»¹⁰².

Методологическими слабостями книги Клюге не преминул воспользоваться Г. В. Ракениус, который в изданной Военно-историческим ведомством работе «Вильгельм Грёнер как первый генерал-квартирмейстер. Политика Верховного командования армии в 1918—1919 гг.»¹⁰³ попытался опровергнуть все критические суждения о «союзе Эберт—Грёнер», опровергая не сам факт соглашения, а его оценку. Он даже поставил под сомнение позднейшие высказывания самого Грёнера на процессе о «дольхштосе» и в изданных Гиллером фон Гертрингеном в 1957 г. его мемуарах¹⁰⁴. В противовес концепции «третьего пути», которую он назвал «гипотетической», Ракениус поставил примечательный вопрос: а не было ли после 9—10 ноября иной возможности — «сильнее инте-

гировать в Веймарское государство носителей бывшей кайзеровской власти, чем это в конечном счете удалось», и таким способом создать «стабильную демократию»¹⁰⁵

«Вначале, — писал Ракениус, — отношение Верховного командования к имперскому руководству было абстрактно лояльным и лишь в течение 10 ноября оно обрело целеустремленную лояльность, которая была определена далеко идущим совпадением интересов между Верховным командованием и Советом народных уполномоченных... Совет народных уполномоченных принял главное требование Грёнера — безраздельное право военных командиров отдавать приказания; эта легализация... должна рассматриваться как естественный результат взаимной лояльности и признания». Автор не скрывал, что соглашение было направлено против тех, «для кого государственный переворот 9—10 ноября был лишь началом революционного общественного и политического переустройства», что Верховное командование, считая революцию «законченной», протестовало против всех попыток революционных сил оказывать давление на правительство, предпочитало «сильное государство, которому не мешает никакой контроль исполнительной власти», отрицательно относилось к «плюралистскому многообразию», поддерживало «диктаторскую форму правления»¹⁰⁶.

Ракениус подчеркивал политическую роль Верховного командования и то, что «Грёнер, благодаря своему постоянному контакту с Эбертом, являлся противовесом другим силам революционного процесса». Более того, он одобрял, что Верховное командование уже 15—16 ноября «сумело перестроить свое сотрудничество с правительством из первоначально пассивной лояльности в активную». Как известно, эта активность проявлялась и в вооруженном подавлении революционных рабочих, и в сфере внешнеполитической — в протестах против условий перемирия и требованиях отклонить Версальский мир. Ракениус, целиком оправдывая это вмешательство военной верхушки в определение политики, считал его доброй прусско-германской традицией, «традиционным дуализмом» военных и гражданских властей, сохранившимся, «несмотря на октябрьские конституционные реформы 1918 г. и революцию... до национал-социалистского режима»¹⁰⁷.

Такой откровенно реакционный ответ сторонникам «третьего пути» свидетельствовал о том, что правые силы в ФРГ сохранили свои позиции и в историографии, вовсе не собирались складывать оружие.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

К началу 70-х годов «критическое» направление распространилось и на изучение проблем внешней политики Германии периода революции и становления Веймарской республики.

Э. Кольб заметил, что в межвоенные годы Версальский мир был той «великой травмой», вокруг которой кипели политические страсти. Но после второй мировой войны даже многие консервативные историки, в том числе Г. Риттер, признали, что Версаль, по сути дела, оставил Германии «неплохие шансы». Приступила острота в межвоенные годы столь шумных споров между сторонниками неподписания и «исполнения» договора. Если в первые годы после второй мировой войны о внешней политике Германии писали преимущественно зарубежные авторы¹⁰⁸, то в 70-е к этим сюжетам обратились и историки ФРГ¹⁰⁹.

В книге А. Хильгрубера «Преимственность и дисконтинуитет в германской внешней политике от Бисмарка до Гитлера»¹¹⁰ была высказана мысль, что Германия, несмотря на Версальский мир, имела возможность снова занять влиятельное положение среди мировых держав, так что после 1919 г. перед ней открывался даже больший выбор внешнеполитической ориентации, чем прежде, в эпоху Бисмарка и кайзеровской империи.

Молодой западногерманский историк К. Швабе дал своей книге «Германская революция и мир Вильсона» характерный подзаголовок: «Американская и немецкая стратегия мира между идеологией и политикой силы»¹¹¹. В его работе, основанной на сопоставлении обширных документальных материалов, почерпнутых в архивах ФРГ и США, убедительно показано, что расчет Брокдорфа-Ранцау вызвать раскол между союзниками «твердой позицией» в Германии оказался ошибочным. Германские правители не поняли, что Вильсон вовсе не был сторонником «мягкого мира», зато американцы прекрасно понимали, что Эберт и Шейдеман лишь послушно отражали взгляды Гинденбурга. Иллюзорной оказалась надежда генералитета во главе с Грёнером, что американцев удастся соблазнить совместить вооруженной интервенцией против Советской России. Ведь чем энергичнее подавляли каратели Носке революционных рабочих Германии, тем меньшее впечатление производила на американцев «угроза большевизма». Утверждение германских политиков и военных, будто германская революция означала «добровольный переход в лоно демократических народов», Швабе назвал «своего рода демократической легендой о дольхштосе»¹¹². Но и она не произвела на Запад никакого впечатления.

В книге приведена убийственная характеристика, которую американский эмиссар полковник Конджер дал правительству Шейдемана, указав, что оно «не является ни представительным, ни уважаемым. Состоит оно из политических интриганов, дилетантов и социалистических марионеток, которых ненавидят с каждым днем все больше»¹¹³. Швабе документально установил, что не кто иной, как американский эксперт Джон Фостер Даллес, был автором включенной в Версальский договор сакраментальной формулы, согласно которой основанием для всех

требований о возмещении Германией военного ущерба являлась ее единоличная вина за развязывание мировой войны ¹¹⁴.

В написанной У. Венгстом биографии графа Брокдорфа-Ранцау появились материалы, свидетельствовавшие о том, что, хотя министр делал ставку на карту «большевистской опасности», он в доверительных беседах допускал возможность сотрудничества с Советской Россией, не разделяя авантюристических планов военщины о походе на Москву ¹¹⁵. Мрачные предсказания Брокдорфа, что Германия погибнет, подписав Версальский договор, констатировал Венгст, не оправдался: «Правда, молодая республика была в первые годы обременена тяжелыми долговыми обязательствами, но гибель ее не была запрограммирована мирным договором» ¹¹⁶.

П. Крюгер начал свое исследование об отношении Германии в 1918—1919 гг. к проблеме репараций ¹¹⁷ с трезвой мысли, что, если бы из мировой войны победительницей вышла Германия, она не преминула бы потребовать «возмещения» для себя. Ведь предложение Ленина о мире «без аннексий и контрибуций» не устраивало правителей обеих групп воюющих держав, а Германия в Бресте навязала Советской России тяжелейший мир. Крюгер привел (в том числе и со ссылками на книгу Ф. Фишера) соответствующие требования германских аннексионистов. После военного краха и революции вопросами мира и репараций занимались не деятели социал-демократии, а представители старой бюрократии, влиятельные группы промышленников и банкиров ¹¹⁸.

На основе новых материалов, почерпнутых в архивах Кобленца и Бонна, автор раскрыл картину деятельности различных организаций германских промышленников и банкиров, оказывавших в своекорыстных интересах сильнейшее давление на правительство и комиссию по мирным переговорам. Дуйсберг, Рейш, Бош, Сименс, Варбург и многие другие страшились не столько репараций, сколько ограничения возможностей для новой экономической экспансии. Они готовы были платить, но решительно требовали отклонения мира, «который не позволит Германии вновь подняться экономически» ¹¹⁹.

Крюгер убедительно показал, что социал-демократия, заключив союз с тремя важнейшими руководящими группами вильгельмовской империи — армией, верхушкой бюрократии и предпринимателями, — искала сотрудничества с ними ценой отказа от проведения собственной внутренней и внешней политики. Отмена военных займов, стабилизация марки не были проведены, реваншистские настроения поощрялись. Внешнеполитический курс соответствовал поэтому прежде всего интересам промышленников и особенно крупных банков, был выражением «имевшихся у германской тяжелой промышленности политически очень опасных связей между национализмом и стремлением к прибыли и власти». Используя выражение Ф. Фишера о «пре-

мстственности залуждения», Крюгер считал, что она проявилась и в отношении к перемирию и миру ¹²⁰.

В отличие от Крюгера Л. Хауптс обнаружил в Германии группу либеральных экономических экспертов и политиков, которые будто бы стремились создать «альтернативу политике силы», проводившейся Германией в годы первой мировой войны ¹²¹. Эта группа, во главе которой стоял банкир Макс Варбург (в нее входили также банкиры Манкиевы, Дербург, Мендельсон, Саломонзон, промышленник Бош и др.), в противовес представителям тяжелой промышленности Стиннесу, Рехбергу и др. искала «новой ориентации». Возникший в результате их сближения с правительством «удивительный союз между вождями правых социал-демократов и внешнеторговыми коммерсантами и банкирами» основывался на том, что-де и те и другие положили в основу своих внутри- и внешнеполитических планов «индустриально-государственную структуру Германии и ее зависимость от мирового рынка» ¹²².

Автор, привлекая для обоснования своей концепции обширные архивные материалы экономического и политического характера, вынужден был, однако, в конечном счете признать, что инициативы либеральной группы, цеплявшейся за 14 пунктов Вильсона, были узкими и робкими, затруднялись разногласиями между Эрцбергером и Брокдорфом. Но главное даже не в том, что эти планы не приняли всерьез ни германская делегация на переговорах, ни державы-победительницы. Они вообще были иллюзорными, ибо «лейтмотивом их представлений было, правда, восстановление германской экономики, но оно, по их мнению, не должно было вести к возобновлению экономического соперничества между странами, которое могло бы снова привести к войне. Либеральная мечта о свободном развитии частной инициативы в экономике, представление о свободе торговли в экономических отношениях между странами должно было осуществиться в результате установления международного правового строя, выходящего за рамки политической Лиги наций... Могли ли предложенные экспертами меры действительно решить послевоенные экономические проблемы, на этот вопрос нельзя дать окончательный ответ..» К такому неутешительному итогу привел исследователь Хауптс читателей на 423-й странице своей книги ¹²³.

Интересные наблюдения и более или менее определенные признания относительно пагубной роли магнатов капитала, их связей с буржуазными политиками, многообразного воздействия на разные стороны внутренней политики в период революции и становления Веймарской республики можно обнаружить и в работах других авторов. Так, в исследовании Л. Альбертина о двух главных партиях германской буржуазии, которые были наследниками национал-либералов, — Немецкой народной и Немецкой демократической партий ¹²⁴ — приведены обширные новые материалы, в известной мере раскрывающие механизм вли-

яния на эти партии организаций промышленников и банкиров. Речь шла не только о финансировании избирательной кампании партий на выборах в Национальное собрание специальным куратором во главе с Сименсом, который сами его хозяева цинично называли «центральным скупочным пунктом политических преимуществ для промышленности»¹²⁵. Автор показал и методы прямого нажима при выдвижении тех или иных кандидатов, при обсуждении конкретных законопроектов (например, о производственных Советах). В целом воздействие шло по линии активной защиты существующего строя от всяких реальных и возможных посягательств посредством ужесточения политики, направленной против «второго Ноября» (продолжения революции) или «восточной чумы» (союза с Советской Россией)¹²⁶.

Историки обратились также к причинам и предпосылкам германской революции. Прямое выведение их только из войны и военного поражения переставало удовлетворять исследователей. В книге Х.-У. Велера «Германская империя 1871—1918», вышедшей в 1973 г.¹²⁷, говорилось о том, что в последние годы войны в Германии назрела «социальная и политическая конфронтация». Но наиболее серьезное исследование по этим проблемам опубликовал в том же году Ю. Кокка: «Классовое общество в войне. Германская социальная история 1914—1918 гг.»¹²⁸. Обращение этих авторов, а также Рюрупа и других к «социальной истории» выражало их стремление к более глубокому осмыслению социально-экономической подоплеки исторического процесса. К этому их подводили многие обстоятельства, в том числе влияние марксизма, но еще более — шедших от политологии «структуралистских» концепций. Каждый из авторов на свой страх и риск соединял разнообразные элементы, строил свои «модели исторического анализа», в большей или меньшей степени поддававшиеся проверке историческими фактами и случившиеся истолкованию тех или иных явлений.

Ю. Кокка признал, например, марксистско-ленинские положения о государственно-монополистическом капитализме «единственной до сих пор попыткой теоретически ясно осмыслить экономическую и социальную историю Германии в годы мировой войны». Недостаточным он считал при этом объяснение происшедшего «отчуждения между социально-экономически господствующим классом и государством»¹²⁹, указывая на недооценку тенденции государства к относительной самостоятельности, на слабый учет гетерогенности госаппарата и промышленных кругов, обострения противоречий внутри господствующего класса и т. п. Впрочем, Кокка сам же указал на многообразные «механизмы, при помощи которых попытки государства проявлять самостоятельность ограничивались экономическими, социальными и политическими интересами», в том числе влиянием магнатов тяжелой промышленности на Людендорфа¹³⁰. Как и другие авторы, Кокка отмечал пределы воздействия герман-

ского «социал-империализма», которое ослабляло позиции господствующих классов во время первой мировой войны. Рассматривая взаимосвязь классовой структуры, войны и революции, автор указывал, что в народе росли разочарование, недоверие, озлобление, направленные не столько против «классового противника», сколько против «государства, бюрократии, системы». Этим он объясняет и то, почему в начале революции рабочие нападали не на владельцев капитала и предпринимателей, а на органы власти и «ослабленное, парализованное государство». Он предложил модифицировать, а по сути дела отбросить, тезис Розенберга, объявившего революцию «недоразумением»: «И в рамках структурно-исторического подхода эта революция является не недоразумением, а закономерным следствием германской социальной истории в годы мировой войны». С другой стороны, «поражение революции» Кокка связывал в известной степени с успешностью попыток государства интегрировать рабочих посредством привлечения профсоюзов к сотрудничеству с предпринимателями, что привело к созданию еще накануне революции союза Стиннеса—Легина¹³¹.

Характеризуя свой методологический подход, отвечающий, как он считал, призыву «больше теории», Кокка подчеркнул, что его «историко-социологический анализ» и моделирование цельного общества вытекают из идеи Маркса о дихотомии классового общества, но понадобилось ее «дополнение» из других источников. Он назвал среди них «плюрализм моделей и ингерпретаций» и обстановку открытых дискуссий. Выступая за модель, прежде всего «ориентированную на Маркса», Кокка заметил, что «ренессанс марксистских идей ныне в Западной Европе необозрим». Однако, по его представлению, целостная «теория экономики, общества и государства» могла бы сложиться только в результате дальнейшего широкого обсуждения проблематики «организованного капитализма»¹³².

Заметным показателем поворота социального направления среди историков ФРГ к социально-экономическому объяснению общественно-политических процессов (что прежде отвергалось, как зловерный вымысел марксистов) стал международный симпозиум в Бохуме в июне 1973 г., протокол которого составил обширный том «Индустриальная система и политическое развитие в Веймарской республике»¹³³. В симпозиуме участвовали историки, экономисты, социологи и политологи из ФРГ, США, Англии и Франции. Открывая его, Г. Моммзен заметил, что обращение к социально-экономическим проблемам необходимо для углубленного понимания кризисного развития Веймарской республики и причин подъема фашистского движения. Германская историческая наука, как он считал, до сих пор недостаточно занималась этими факторами, тогда как они определяют и современный мир, названный им «демократически-капиталистическим экономическим обществом»¹³⁴.

П. Крюгер развивал на симпозиуме свои мысли о влиянии

банкиров и промышленников на политику во время мирных переговоров в Версале. Он повторил, что лидеры СДПГ были противниками социальной революции, а промышленники ответственны за внешнеполитические ошибки. Л. Альбертин напомнил, что революция не затронула крупной собственности и это позволило промышленникам вместе с лидерами профсоюзов противодействовать любым преобразованиям. Американский историк Дж. Филдмен заметил, что «страсть к исследованию роли Советов» в революции стимулируется современными, а вовсе не историческими соображениями. Поскольку вопрос о возможной победе революции «всегда останется умозрительным», он предложил сосредоточить внимание на выяснении причин победы контрреволюционных сил. Он убедительно показал, что главной заботой ведомства демобилизации, руководимого Кётом, была реализация программы Стиннеса—Фёггёра об отмене максимальных цен и ликвидации «принудительного хозяйства» военного времени. Потому все попытки «планового хозяйства», «социализации», «общественной экономики» заранее блокировались промышленниками¹³⁵.

Ф. Цункель, проанализировав состав «Имперского союза германской промышленности», установил преобладающее влияние в нем магнатов тяжелой индустрии и отметил, что нерешительность, экономическо-политическая безынициативность правительства усиливали позиции промышленников. Об этом говорил и П. Вульф¹³⁶. Все сошлись на том, что «деловое содружество» монополистов и профсоюзов, известное как соглашение Стиннеса—Легины, служило интересам магнатов капитала. В дискуссии Р. Рюруп подчеркнул, что ошибкой социал-демократических правителей было откладывание всех важных социально-экономических преобразований до Национального собрания, тогда как ведомство демобилизации осуществляло тем временем мероприятия, определившие дальнейшее развитие страны. Как заметил Г. А. Винклер, на совести СДПГ было то, что она не использовала «открытую ситуацию 1918—1919 гг. для социального фундирования парламентской демократии». Это подтвердил и Л. Альбертин¹³⁷.

В заключительной дискуссии участники симпозиума попытались определить методологические позиции дальнейших исследований. Только англичанин Тим Мэзон заявил: «Я представляю марксистскую точку зрения, поскольку утверждаю: историческая теория должна быть одновременно структурной и динамической и оба эти момента должны быть соединены. По-моему, марксистское понимание истории — единственная теория, осуществляющая это требование». С ним согласился Д. Штегман, но добавил, что «проясненный неомарксистский подход» должен быть очищен от «догматической теории» историков ГДР¹³⁸.

Еще менее определенно говорили о «просвещенном неомарксизме» Винклер и Кокка, когда пытались противопоставить ему концепцию «организованного капитализма», обсуждавшуюся

незадолго до этого на съезде историков в Регенсбурге, но не получившую там общего признания¹³⁹.

Филдмен решительно назвал теорию ГМК бессмыслицей, сочтя более предпочтительной выдвинутую американским социологом Ч. Мойером конструкцию «корпоративного плюрализма», которая носила чисто описательный характер. Однако такое стремление избежать «генерализирующих обобщений», оставаться на уровне «частных фактов» и общих утверждений (вроде того, что в условиях ГМК тоже возможно сохранение принципов либерализма и демократии) не удовлетворило молодых исследователей. Так, Кокка заявил, что «конструктивный плюрализм» может в лучшем случае рассматриваться как частный случай «организованного капитализма»¹⁴⁰.

Дискуссия показала желание использовать соответствующим образом интерпретированную социально-экономическую, политическую, идеологическую историю для отыскания новых способов совершенствования тех форм общественного и государственного строя, которые сложились в ФРГ. Если ранее, при появлении концепции «третьего пути», на первое место выдвигалась критика союза социал-демократической верхушки с милитаристами и бюрократией, то теперь под лупу критики попали также ее внешнеполитические представления и, наконец, ее союз с магнатами капитала, оказавший решающее воздействие и на внешнюю и на внутреннюю политику. Критика эта не была последовательной и старательно избегала определенных выводов. Рассуждения о возможности или нереальности «третьего пути» оставляли широкий простор для различных градаций при оценке ошибок и исторической ответственности лидеров социал-демократии. Об этом свидетельствовали также новые книги, например работа Ф. Цункеля «Промышленность и государственный социализм», посвященная экономической истории Германии в годы первой мировой войны, работа И. Краузе об истории НСДПГ¹⁴¹.

Обращение сторонников концепции «третьего пути» к социально-экономическим аспектам углубило представления о причинах и ходе революции, способствовало критическому переосмыслению важного рубежа новейшей истории Германии и разрушению тех укоренившихся реакционных легенд, которые в течение десятилетий дезориентировали немецкий народ. Тем более; что они исчезли не полностью, и их сторонники отнюдь не считали себя побежденными.

Так, К. Д. Эрдман (формула которого, выдвинутая в середине 50-х годов, оправдывала союз Эберта с реакционной военщиной, как единственный выбор) спустя два десятилетия лишь незначительно модернизировал свою концепцию, ставшую исходным объектом критики. В девятом издании многотомника «Германской истории» Гебхардта, вышедшем в 1976 г., Эрдман в качестве автора тома «Время мировых войн»¹⁴² вновь обратился к событиям после первой из них.

Ноябрьскую революцию он не удостоил специальной главы или

раздела, а расчленил ее на пять параграфов, включенных в две части: «А. Первая мировая война» и «Б. Веймарская республика». В первой § 25 озаглавлен «9 ноября», во второй § 26—29 названы: «Совет народных уполномоченных: государство Советов или парламентская демократия?», «Совет народных уполномоченных: экономическая и социальная политика», «Совет народных уполномоченных: внешняя политика», «Гражданская война, пограничные бои и Национальное собрание».

Как и прежде, Эрдман непосредственно выводил крушение Германской империи из военного поражения. С трудом дистанцируясь от «легенды о дольхштосе», он писал, что «нельзя с уверенностью возложить ответственность за военную катастрофу на внутреннее подрывное движение». Впрочем, за этим следовали и другие оговорки: боевая сила армии ослабла только после 8 августа 1918 г., пропаганда независимых социал-демократов разлагала армию, но тем не менее «до последнего дня фронтовые войска находились прочно в руках своих командиров. Германская армия в целом оставалась до своей демобилизации крепко сколоченной...»¹⁴³

По мнению Эрдмана, «Старый режим не был свергнут планомерно подготовленным народным восстанием. Он рухнул сам, когда матросы взбунтовались и их мятеж в стране, уставшей от войны, перебросился на тыловые гарнизоны и рабочих. Это событие не было революцией в смысле социального переворота... Но оно создало ситуацию, когда стали возможными революционные новообразования и революционные действия. Только с таким ограничением можно говорить о „Ноябрьской революции“...»¹⁴⁴ Так трудно расставался автор с еще одной старой легендой.

Рабочие Советы, считал Эрдман, возникли в Германии стихийно, хотя он вынужден признать не только влияние идей Октября, но и наличие «структурно аналогичных (с Россией. — Я. Д.) проблем: отношения Советов и Национального собрания, отношения Советов и революционной партии, вопроса о социализации». Указав на принципиальное различие между «западным типом парламентской демократии» и «советским типом диктатуры Советов», Эрдман заметил, что история не знает их симбиоза. Поскольку в Германии пролетариат составлял в 1918 г. меньшинство населения, вопрос «Национальное собрание или власть Советов?» означал «альтернативу: демократия или диктатура»¹⁴⁵. Так он возвратился «на круги своя».

В библиографическом примечании¹⁴⁶ Эрдман, напомнив о ранее сформулированной им альтернативе, назвал главными своими оппонентами сторонников концепции «третьего пути». Обозначив их аргументацию, он упрощенно изложил также и марксистскую позицию*. Продемонстрировав мнимую «объективность», Эрдман лишь слегка модифицировал свою прежнюю точку зрения.

* Избрав в качестве «самого законченного примера» книгу Драккина «Ноябрьская революция», Эрдман заявил, что она «ориентирована на альтернативу между буржуазной демократией и пролетарской диктатурой». Исказив мысль

Считая Эберта противником революции («скорее консервативной, чем революционной, натурой»), ставившим парламентскую демократию впереди социализма, Эрдман голословно утверждал, что власти Эберта угрожало насилие «слева, а не справа». Он по-прежнему целиком оправдывал заключение «пакта Эберт—Грёнер», объяснив, что социал-демократы большинства и офицерский корпус были «на политической сцене Германии тогда самыми важными элементами, оставшимися от старого строя». Отсюда Эрдман заключал: «Как бы они ни противоречили друг другу в своем фиктивном (?) монархизме и фиктивном (!) марксизме, все же оба реальных образования зависели друг от друга в солидарности против попытки революции»¹⁴⁷. Признав «добровольческие корпуса» (насчитывавшие в марте 1919 г. 250 тысяч) силой контрреволюционной, Эрдман заключил: «То, что народные уполномоченные вынужденно опирались на такие добровольческие формирования, стало тяжелой ипотекой, которая легла грузом на историю возникновения Веймарской республики. Но именно эти добровольческие корпуса создали предпосылки для того, чтобы, несмотря на забастовки и беспорядки, повсюду в Германии провести 19 января 1919 г. выборы в Национальное собрание»¹⁴⁸.

Эрдман приветствовал, что высшая бюрократия, включая статс-секретарей, осталась на своих постах. На упреки историков, что социал-демократы не сменили чиновников, его ответ гласил: не хватало обученных кадров. Только в одном он допускал критику: «Более серьезным упущением для развития политического климата в Германии, чем недостаточно быстрое обновление управленческого аппарата, было сохранение в неприкосновенности юстиции — слепой на правый глаз». Он положительно отнесся к созданию крестьянских «советов» под руководством аграриев и, разумеется, к союзу монополистов с профсоюзными деятелями. «Деловое сотрудничество» он противопоставил Советам, как временному «продукту революции»¹⁴⁹.

Однозначно одобрял Эрдман расправу «добровольческих корпусов» над революционными рабочими, которые, по его определению, боролись весной 1919 г. за «социализацию и экономическую систему Советов», создали несколько Советских республик. В этой связи он снова заметил, что «отношения между монархическим офицерским корпусом и республиканским государством с самого начала были скорее союзом, чем командованием и подчинением». Для Германии жизненно важным был вопрос, удастся ли органично привлечь армию на сторону нового государства и однозначно подчинить ее политическому руководству. В час создания новой армии Носке — как член правительства народных уполномоченных, а затем военный министр — сумел обеспечить, несмотря на все противоречия, совместные действия в духе недоктринерского

автора о противоположности буржуазной и пролетарской демократии, буржуазной и пролетарской диктатуры, Эрдман использовал ее для критики концепции Кольба о «третьем пути»

патриотизма обоих факторов — государства и вооруженных сил»¹⁵⁰.

В сфере внешней политики Эрдман остался традиционно враждебным Советской России, оправдывал высылку посольства и последующие акции, в том числе агрессивные действия Германии в Прибалтике. Он сочувственно рассматривал действия рейнских сепаратистов под руководством Аденауэра, сожалел о неудаче аншлюса Австрии. Эрдман обошел молчанием вопросы о роли промышленных кругов в спорах о мирном договоре, воздержался от оценки политики Брокдорфа-Ранцау. В духе неоконсерватизма он дал двойственную оценку Версалю: «В целом о мирном договоре можно сказать, что в зависимости от того, как на него смотрели, он был слишком суров, либо слишком мягок. Слишком суров, ибо Германия не могла поступать иначе, как с первого же момента пытаться его стряхнуть, слишком мягок, ибо вторжение в сущность Германии не было столь глубоким, чтобы лишить ее надежды и возможности пересмотреть договор — вырваться из него или разорвать его». Вместе с Г. Риттером он выражал сожаление, что слепая ненависть против Версаля вовлекла Германию в авантюристическую ошибку и величайшее несчастье¹⁵¹.

Характеризуя Веймарскую конституцию, Эрдман отмечал, что она была продуктом компромисса. Он воздержался от ее критики, отметил лишь то негативное явление, что в ней не утвердился в противовес классовой борьбе идеи социального партнерства. Если бы в конституции, считал он, нашли отражение также обязанности партий, это могло будто бы «создать гарантии, что носители демократического парламентаризма не станут его разрушителями»¹⁵².

Как видим, критическая струя в историографии ФРГ, хотя и получила широкий отклик в среде демократической общественности, не поколебала сколько-нибудь существенно позиций консервативных кругов. Они ограничились лишь отказом от наиболее одиозных реакционных легенд, но в их руках или под их влиянием оставались самые мощные рычаги воздействия на идеологию и психологию широких масс. Это показало, в частности, исследование школьных учебников по истории, проведенное прогрессивным марбургским профессором Р. Кюнлем с группой молодых исследователей*, озаглавленное «История и идеология»¹⁵³. Исходя из мысли Маркса, что передача исторических знаний следующим поколениям не может быть свободна от идеологии, а всегда связана с определенными современными интересами, авторы рассмотрели в учебниках прежде всего вопросы освещения революций, начиная с Великой французской. Отметив разного рода искажения и фальсификации, они сформулировали призыв к обучающим и обучающимся: критически отнестись к написанному в учебниках. Они высказали при этом свои соображения о том, как можно «критикой традиционного преподавания истории, все снова

* Гонорар за первое издание книги авторы передали в фонд помощи Вьетнаму

воспроизводящего господствующую идеологию, найти пути для перехода к преподаванию, несущему освободительные идеи»¹⁵⁴.

В разделе о Ноябрьской революции авторы показали, что причины революции раскрываются неверно как в школьных учебниках, так и в методических указаниях учителю. Вместо выяснения социальных факторов все сводится к истерике Людендорфа, слабости кайзера и т. п. Но главная цель преподавания заключается в создании «отеческого образа» Эберта, якобы спасшего «свободно-демократический строй» от «коммунистических» и «тоталитарных» посягательств. Массы — только «бунтовщики», а главные исторические актеры — кайзер, генерал, принц и вожь партии Эберт, личности которого придается символический характер. «Теперь в конце войны, — цитируют авторы один из учебников, — когда великие оказались несостоятельными, он, простой человек из рабочего сословия, был вынужден принимать решения о будущей судьбе Германии». Эберта изображают «человеком середины», которого правые травят как «изменника родины», а коммунисты — как «предателя рабочих». Его главная заслуга — «отражение большевизма». Для убедительности «спартакистов» называют «русскими», сторонниками террора, противниками демократии. Союз Эберта с правыми и военщиной представляется вынужденным: «Правительству удалось добиться парламентарно-демократического строя против сторонников государства Советов. Ему, правда, пришлось передать значительные функции власти своим противникам справа». Тем самым главная вина за все беды Германии возлагается на левых¹⁵⁵.

Такая концепция соответствует известной «теории тоталитаризма», вошедшей в употребление в годы «холодной войны». Авторы приводят выдержку из официальной инструкции 1962 г., предписывавшей рассматривать в школах ФРГ эту теорию в ходе преподавания истории: «Обсуждение тоталитаризма принадлежит к числу важных задач политического образования нашей молодежи. Учителя всех видов школ обязаны поэтому знакомить учеников с признаками тоталитаризма и главными чертами большевизма и национал-социализма как важнейших тоталитарных систем XX века». Далее разъяснялось, что «коммунистический и национал-социалистский тоталитаризм» выдвигают «предсудительные цели», используют «преступные методы»¹⁵⁶.

Другой пример — книжка, изданная в Западном Берлине в 1976 г. под названием «1918—1919. Революция в Германии? Вопросы и ответы»¹⁵⁷. Это сценарий для школьного телевидения. В сопроводительный текст включены выступления двух профессиональных историков: социал-демократа проф. П. Лёше и ученика Ф. Майнеке Г. Котовского. Инсценирована «научная дискуссия» между ними. Так, первый отстаивает тезис об «упущенном шансе»: «Ноябрьская революция 1918—1919 гг. была неиспользованным шансом демократизации общества и государства». Второй рассуждает о «нежелательной революции»: «Ноябрьская революция 1918—1919 гг. была заранее обреченной на неудачу попыткой

установить в Германии посредством системы Советов диктатуру меньшинства». В то время как первый говорит об «открытой ситуации», о мыслимом соединении «модифицированной модели Советов» с парламентской демократией и критикует ошибочные решения правительства, второй утверждает, что в условиях военного поражения, давления извне и изнутри выбора не было, оправдывает Эберта и Шейдемана, а также создание Веймарской республики как оптимальное решение ¹⁵⁸.

Позиция составителя документации видна из такой его итоговой формулы: «Стало возможным сотрудничество германской социал-демократии с большинством буржуазных партий, но с той поры и до нынешнего дня едва ли мыслимо, чтобы она добровольно объединилась с радикальной — коммунистической — частью рабочего движения». Поэтому сколь угодно острый спор двух профессоров должен был при любой раскладке ролей закрепить у учащих впечатление, что Ноябрьская революция не давала рабочим абсолютно никаких шансов на успех их борьбы ¹⁵⁹.

РАДИКАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Еще в 60-е годы нельзя было говорить о наличии в историографии ФРГ марксистского или близкого к нему направления. Книги В. Абендрота «Подъем и кризис германской социал-демократии» и «Социальная история европейского рабочего движения» ¹⁶⁰ были написаны с левых социал-демократических позиций. Но после исключения Абендрота за поддержку левых студентов из СДПГ он, став профессором Марбургского университета, создал здесь школу, близкую к марксизму, хотя многие его ученики не свободны и от других идейных влияний.

Историки Марбургской школы выпустили две коллективные работы: «История германской социал-демократии 1863—1975» и «История германского профсоюзного движения» ¹⁶¹. В 1976 г. уже после ухода Абендрота на пенсию в Марбурге было создано «Общество по изучению социальной истории и рабочего движения». Оно поставило задачей критическое исследование теории и практики деятельности рабочих партий и профсоюзов «с прогрессивных буржуазно-демократических и марксистских позиций» ¹⁶². Входящие в его руководство Г. Фюльберт и Ю. Харрер опубликовали критическую работу о социал-демократической историографии ¹⁶³. Р. Кюнль выпустил несколько интересных книг о фашизме ¹⁶⁴.

В конце 60-х годов во Франкфурте-на-Майне был создан научный центр ГКП — Институт марксистских исследований во главе с известным историком И. Шлейфштейном. Его вышедшая в 1975 г. книга «К истории и стратегии рабочего движения» ¹⁶⁵ знакомила читателя с важнейшими узловыми событиями.

Появились исследования, непосредственно связанные с Ноябрьской революцией. Так, Р. Опиц посвятил в книге «Гер-

манский социал-либерализм 1917—1933 гг.»¹⁶⁶ значительную часть ее выяснению характера Германской демократической партии, направленной в ней, связанных с именами К. Наумана, М. Вебера, В. Ратенау. Рассматривалось не только положение социал-либерализма между течениями, выражавшими интересы монополий тяжелой промышленности и монополизированной экономики, но также и идейно-политические установки партии, являвшейся одной из создательниц буржуазной веймарской демократии.

В книге, изданной И. Гейсом и Р. Тамшина, «Революция — продольный исторический разрез» молодой историк Йорг Берлин написал главу «Структурный кризис Германской империи — революция 1918—1919 гг.»¹⁶⁷. В отличие от тех, кто связывал революцию лишь с военным поражением Германии в первой мировой войне, автор анализировал ее в контексте предшествующей истории страны, уделив специальное внимание сложившейся в стране в XX в. социальной структуре. Оценивая голосование социал-демократии 4 августа 1914 г. за военные кредиты, Берлин (вслед за своим учителем И. Гейсом) выдвинул сомнительный тезис: речь-де шла не об «измене рабочему классу», а о «честном, но объективно ложном убеждении, что Германия подверглась нападению». Вместе с тем Берлин отмечал идейное влияние на Германию русской революции и значение решений, принятых германскими левыми на конференции в октябре 1918 г.¹⁶⁸

Характеризуя политические представления рабочих Советов, автор считал, что они требовали не только демократии, но и социализма, хотя у них при этом не было ясной стратегии и тактики. Он осуждал лидеров социал-демократии за то, что они не использовали шанса для проведения решительной демократизации. Их позицию он и в этом случае был склонен объяснять не столько личными мотивами, сколько долговременной реформистской практикой партии, стремлением предотвратить революцию, а их сотрудничество с бюрократией и военными также «фикцией об аполитичном специалисте». Рассмотрев итоги выборов в Национальное собрание, Берлин заключил, что они лишь подтвердили то, что было ясно и до них: «За 77 дней (революции.— Я. Д.) и не затрагивая позиций власти старых господствующих классов, нельзя было с помощью избирательного бюллетеня добиться основательного изменения соотношения сил в обществе а тем более осуществить социалистическую революцию»¹⁶⁹

В новой фазе движения весной 1919 г. появились зачатки «систематической теории Советов», которые концентрировали их внимание на специфически пролетарских интересах представительства на предприятиях и на социализации. Берлин назвал это даже «вторым движением Советов», что вряд ли обоснованно. Оценивая ситуацию в целом, автор считал, что «революционное массовое движение потерпело поражение». Высоко оценивая роль Советов, он в отличие от сторонников «третьего пути» видел причины их неудачи в ориентации на социал-демократию, недостаточном политическом радикализме, слабости попыток заменить старый госу-

дарственный аппарат и реформистские рабочие организации. Он отклонил как тезис о том, что в Германии-де «не было революции», и утверждения А. Розенберга о ненужной революции, так и мнимую «альтернативу» Эрдмана, оправдывавшую сотрудничество социал-демократии с теми антидемократическими силами, которые позднее открыли путь нацизму.

Берлин указал, что разделяет мнение марксистов о зрелости в Германии социально-экономических предпосылок для социалистической революции и о слабости субъективного фактора. Вслед за Либкнехтом он отметил реальное противоречие, возникшее между политической формой и социальным содержанием борьбы, между пролетарским действием и буржуазным характером революции. Вместе с тем он обратил внимание на то, что в ФРГ именно те авторы, которые занялись серьезным изучением первоисточников, выдвинули мысль о том, что «в ходе революции имелся шанс соединить парламентскую демократию с социально-политическим переворотом», указали на демократический потенциал Советов, на возможности демократизации армии и частичного отстранения бюрократии. Отвергая вместе с тем вывод о некоем «третьем пути», Берлин считал, что для продолжения дискуссий важно осуществить анализ причин революции, социальной структуры империалистической Германии, ее противоречий и т. п.¹⁷⁰

Изданная В. Абендротом книга Х. Дэна «Модели советской демократии» посвящена идейной полемике, которая велась в 1918—1919 гг. в Германии относительно роли, функций и задач Советов¹⁷¹. Автор сопоставил друг с другом пять, как он их назвал, «советско-демократических моделей». Их выдвигали: левые независимые социал-демократы — Деймиг, В. Кёнен, Гейер, Штёккер, Р. Мюллер, Ледебур; правое крыло НСДПГ — Каутский, Гильфердинг, Брейтшейд, Гаазе, Дитман, Эйснер; спартаковцы-коммунисты — К. Либкнехт и Р. Люксембург; гамбургские леворадикалы — Лауфенберг; социал-демократы, которых автор причислил к левым, — Коэн, Калиски, Зинцгеймер. Систематизация взглядов различных групп представляла интерес, но была проведена формально. Дэн отклонил предложенное Кольбом разделение Советов на «радикальные» и «демократические», но в конце концов пришел к сходной типологии. Используя терминологию «новых левых», он свел их к двум группам: Советы, «преодолевающие систему», и Советы, «сохраняющие систему». Но в отличие от Кольба симпатии Дэна на стороне первых. Обосновывая нереальность компромисса между «буржуазно-демократическими и советско-демократическими формами организации», он сослался и на Ленина. Однако работа означала лишь первый шаг: в ней не было ни четкого классового анализа, ни попытки увязать практику Советов с теоретическими представлениями о них.

- ¹ См.: *Ritter G.* Die Dämonie der Macht. Stuttgart, 1947; *Idem.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954; *Idem.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. München, 1954—1968. Bd. 1—4.
- ² *Wheeler-Bennett J. W.* The Nemesis of Power: The German Army in Politics, 1918—1945. L., 1953. (Нем. пер.: *Idem.* Die Nemesis der Macht: Die deutsche Armee in der Politik, 1918—1945. Düsseldorf, 1954.)
- ³ *Ritter G.* Nemesis der Macht? // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1955. 20. Apr. См. также: *Berthold W.* «...großhungern und gehorchen». B., 1960. S. 177, 203—204.
- ⁴ *Erdmann K. D.* Die Geschichte der Weimarer Republik als Problem der Wissenschaft // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. H. 3. S. 7.
- ⁵ *Bracher K. D.* Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart; Düsseldorf, 1955; *Idem.* Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. Bern; München; Wien, 1964. S. 17—20.
- ⁶ *Rosenberg A.* Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt a. M., 1955.
- ⁷ *Severing O.* Mein Lebensweg. Köln, 1950. Bd. 1; *Löbe P.* Der Weg war lang. Lebenserinnerungen. [West] Berlin, 1954.
- ⁸ *Peters M.* Friedrich Ebert. Erster Präsident der Deutschen Republik. Sein Werden und Wirken. [West] Berlin, 1954.
- ⁹ *Rosenberg A.* Op. cit. S. 74—76, 90.
- ¹⁰ *Matthias E.* Die deutsche Sozialdemokratie und der Osten 1914—1945. Eine Übersicht. Tübingen, 1954.
- ¹¹ *Matthias E.* Zur Geschichte der Weimarer Republik // Die neue Gesellschaft. 1956. H. 4. S. 313—315.
- ¹² *Termin W.* Zwischen Räte diktatur und sozialer Demokratie. Düsseldorf, 1954.
- ¹³ *Anweiler O.* Die Rätebewegung in Rußland 1905—1921. Leiden, 1958.
- ¹⁴ *Neubauer H.* München und Moskau 1918/19. Zur Geschichte der Rätebewegung in Bayern. München, 1958.
- ¹⁵ *Rosenberg A.* Op. cit. S. 227, 232—233, 238.
- ¹⁶ *Eschenburg Th.* Die improvisierte Demokratie. München, 1963. S. 11—60.
- ¹⁷ *Kotowski G.* Die deutsche Novemberrevolution // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1960. S. 364—375.
- ¹⁸ *Buchheim K.* Die Weimarer Republik. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1960. S. 29, 36, 434—444. Рецензия: Drabkin J. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1961. H. 2. S. 475—477. (Далее: ZfG).
- ¹⁹ *Fischer F.* Deutsche Kriegsziele, Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914—1918 // Historische Zeitschrift. 1959. H. 2. S. 251—255; *Idem.* Kontinuität des Irrtums // Ibid. 1960. H. 1.
- ²⁰ *Geiss I.* Der polnische Grenzstreifen 1914—1918. Lübeck; Hamburg, 1960; *Idem.* Julikrise un Kriegsausbruch 1914. Hannover, 1963. Bd. 1.
- ²¹ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961.
- ²² *Herzfeld H.* Weltmächte und Weltkriege: Die Geschichte unserer Epoche 1890—1945. Braunschweig, 1952. S. 173, 188.
- ²³ *Rudolf R.* Die Lüge, die nicht stirbt. Die «Dolchstoßlegende» von 1918. Nürnberg, 1958.
- ²⁴ Цит. по: *Petzold J.* Die Dolchstoßlegende. B., 1963. S. 119—120.
- ²⁵ *Hiller von Gaertringen F. Frh.* «Dolchstoß»-Diskussion und «Dolchstoßlegende» im Wandel von vier Jahrzehnten // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1963. H. 3.
- ²⁶ *Ritter G.* Eine neue Kriegsschuldthese? // Historische Zeitschrift. 1962. H. 3. S. 668.
- ²⁷ См. об этом: *Klein F.* Die westdeutsche Geschichtsschreibung über die Ziele des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg // ZfG. 1962. H. 3; Erster Weltkrieg: Ursachen, Entstehung und Kriegsziele/Hrsg. W. Schieder. Köln; B., 1969; *Geiss I.* Die Fischer-Kontroverse // Studien über Geschichte und Gesellschaftswissenschaften. Frankfurt a. M., 1972.
- ²⁸ См.: *Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность. М., 1964. С. 621.

- ²⁹ Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Erste Reihe. Bd. 1. Der Interfraktionelle Ausschuß 1917—18. Düsseldorf, 1959; Bd. 2. Die Regierung des Prinzen Max von Baden/Bearb. E. Matthias, R. Morsey. Düsseldorf, 1962.
- ³⁰ Handbuch für die Vertrauensleute der IG Metall. Frankfurt a. M., 1962; 1964.
- ³¹ *Oertzen P. von*. Die großen Streiks der Ruhrbergarbeiterschaft im Frühjahr 1919 // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. 1958. H. 3/4.
- ³² См.: *Abendroth W.* Ein Leben in der Arbeiterbewegung/Gespräche, aufgezeichnet und hrsg. von B. Dietrich, J. Perels. Frankfurt a. Main, 1976. S. 248—249.
- ³³ *Oertzen P. von*. Betriebsräte in der Novemberrevolution: Eine politikwissenschaftliche Untersuchung über Ideengewalt und Struktur der betrieblichen und wirtschaftlichen Arbeiterräte in der deutschen Revolution 1918/19. Düsseldorf, 1963 (Записка «Die Probleme der wirtschaftlichen Neuordnung und Mitbestimmung in der Revolution von 1918, unter besonderer Berücksichtigung der Metallindustrie» была напечатана в приложении ко второму изданию книги в 1967 г.).
- ³⁴ *Kolb E.* Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik, 1918/19. Düsseldorf, 1962.
- ³⁵ Ibid. S. 406—408.
- ³⁶ Ibid. S. 8—12, 239, 243, 287—288, 360—362.
- ³⁷ *Oertzen P. von*. Op. cit. S. 67, 297.
- ³⁸ См.: 26. Versammlung deutscher Historiker in Berlin, 7.—11. Oktober 1964 // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht: Beilage. Stuttgart, 1965.
- ³⁹ Ibid. S. 43—44.
- ⁴⁰ Ibid. S. 49. См. об этом также: *Салов В. И.* Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968. С. 13—16.
- ⁴¹ *Eiben W.* Das Problem der Kontinuität in der deutschen Revolution // Die Politik der Staatssekretäre und der militärischen Führung von November 1918 bis Februar 1919. Düsseldorf, 1965.
- ⁴² *Runge W.* Politik und Beamtentum im Parteienstaat // Die Demokratisierung der politischen Beamten in Preußen zwischen 1918 und 1933. Stuttgart, 1965.
- ⁴³ *Bermbach U.* Das Scheitern des Rátesystems und der Demokratisierung der Bürokratie, 1918/19 // Politische Vierteljahresschrift. 1967. H. 3.
- ⁴⁴ *Rürup R.* Rátebewegung und Revolution in Deutschland 1918/19 // Neue politische Literatur. 1967. H. 3. S. 305—306, 309.
- ⁴⁵ Deutschland und die russische Revolution/Hrsg. H. Neubauer. Stuttgart; B.; Köln; Mainz, 1968.
- ⁴⁶ Ibid. S. 10, 14, 19.
- ⁴⁷ Ibid. S. 84, 87, 91—92.
- ⁴⁸ Ibid. S. 94—96.
- ⁴⁹ Ibid. S. 96—97, 100, 105.
- ⁵⁰ Ibid. S. 107—109.
- ⁵¹ Der Zentralrat der Deutschen Sozialistischen Republik, 19.12.1918—8.4.1919, vom. 1. zum 2. Rátekongress. Leiden, 1968.
- ⁵² Die Regierung der Volksbeauftragten, 1918/19. Düsseldorf, 1969. T. 1—2.
- ⁵³ *Matthias E.* Zwischen Ráten und Geheimráten: Die deutsche Revolutionsregierung 1918/19. Düsseldorf, 1970.
- ⁵⁴ Die Regierung der Volksbeauftragten. S. CXXV.
- ⁵⁵ Ibid. S. CXIX, CXXIX, CXXX.
- ⁵⁶ Das Kabinett Scheidemann, 13. Februar bis 10. Juni 1919/Hrsg. H. Schulze. Boppard a. Rhein, 1971; Das Kabinett Bauer, 21. Juni 1919 bis 28. März 1920/Hrsg. A. Golecki. Boppard a. Rhein, 1980.
- ⁵⁷ Die deutsche Revolution 1918—1919: Dokumente/Hrsg. G. A. Ritter, S. Miller. Hamburg, 1968.
- ⁵⁸ Ibid. S. 17—18.
- ⁵⁹ Revolution und Rátereublik in München 1918/19 in Augenzeugenberichten/ Hrsg. G. Schmolze. Düsseldorf, 1969.
- ⁶⁰ Bayern im Umbruch/Hrsg. K. Bosl. München; Wien, 1969.
- ⁶¹ Revolution und Rátereublik in Bremen/Hrsg. P. Kuckuk. Frankfurt a. M., 1969.
- ⁶² Deutscher Studentenanzeiger. München, 1962. 15. Jan.
- ⁶³ Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. Bonn, Nr. 27. 8.2.1962. S. 223.

- 64 См., напр.: *Weber H.* Dokument der Zeitgeschichte // Vorwärts. 1969. 1. Mai.
- 65 *Haffner S.* Der große Verrat // Der Stern. 1968. N 25.
- 66 *Haffner S.* Die verratene Revolution. Deutschland 1918/19. Bern; München; Wien, 1969; Рус. пер.: *Хаффнер С.* Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? М., 1983.
- 67 Там же. С. 207, 209.
- 68 Там же. С. 123. 71 Там же. С. 163.
- 69 Там же. С. 116. 72 Там же. С. 209—210.
- 70 Там же. С. 205—212. 73 Там же. С. 164.
- 74 *Jesse E., Köhler H.* Die deutsche Revolution 1918/19 im Wandel der historischen Forschung // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1978. H. 28. S. 13.
- 75 См.: Deutschland und die russische Revolution. S. 91.
- 76 Arbeiterräte in der Novemberrevolution. Ideen, Wirkungen, Dokumente/Hrsg. D. Schneider, R. Kuda. Frankfurt a. M., 1968. S. 10, 46—47.
- 77 *Gottschalch W.* Parlamentarisches System und Räte­demokratie // Gewerkschaftliche Monatshefte. 1969. H. 20. S. 28, 37.
- 78 *Oertzen P. von.* Was sind eigentlich Räte? // Süddeutsche Zeitung. 1968. 30.11, 1.12.
- 79 См. об этом: Probleme der Demokratie heute // Politische Vierteljahresschrift, 1970. Sonderheft 2. Opladen, 1971; *Kevenharster P.* Das Räte­system als Instrument zur Kontrolle politischer und wirtschaftlicher Macht. Opladen. 1974. Vom Kaiserreich zur Weimarer Republik/Hrsg. E. Kolb. Köln, 1972.
- 80 Ibid. S. 11—15.
- 81 Ibid. S. 22—23. 85 Ibid. S. 398—400.
- 82 Ibid. S. 23. 86 Ibid. S. 156.
- 83 Ibid. S. 25. 87 Ibid. S. 239—240.
- 84 Ibid. S. 25.
- 88 Дж. Д. Филдмен приобрел известность в ФРГ своей книгой «Army, Industry and Labor in Germany, 1914—1918» (Princeton, 1966) и другими работами.
- 89 *Feldmann J. D., Kolb E., Rürup R.* Die Massenbewegung der Arbeiterschaft in Deutschland am Ende des Ersten Weltkrieges (1917—1920) // Politische Vierteljahresschrift. 1972. Bd. 13.
- 90 Ibid. S. 86—87, 89.
- 91 *Kolb E.* Die deutsche Arbeiterbewegung vor der Frage: Reform oder Revolution, 1914—1919. San Francisco, 1975.
- 92 Ibid. S. 15.
- 93 Ibid. S. 14.
- 94 Ibid. S. 13—14.
- 95 Regionale und lokale Räteorganisationen in Württemberg 1918/19/Hrsg. E. Kolb, K. Schönhoven. Düsseldorf, 1976.
- 96 *Oertzen P. von.* Die Aufgabe der Partei. Bonn; Bad Godesberg, 1974. S. 48, 67.
- 97 Ibid. S. 75.
- 98 *Rürup R.* Probleme der Revolution in Deutschland 1918/19. Wiesbaden, 1968. S. 50.
- 99 Arbeiter- und Soldatenräte im rheinisch-westfälischen Industriegebiet: Studien zur Geschichte der Revolution 1918/19/Hrsg. R. Rürup. Wuppertal, 1975. S. 16.
- 100 Ibid. S. 10, 31.
- 101 *Kluge U.* Soldatenräte und Revolution. Studien zur Militärpolitik in Deutschland 1918/19. Göttingen, 1975.
- 102 Ibid. S. 356—357.
- 103 *Rakenius G. W.* Wilhelm Groener als Erster Generalquartiermeister: Die Politik der Obersten Heeresleitung, 1918/19. Boppard a. Rhein, 1976.
- 104 *Groener W.* Lebenserinnerungen: Jugend — Generalstab — Weltkrieg/Hrsg. F. H. von Gaertringen. Göttingen, 1957.
- 105 *Rakenius G. W.* Op. cit. S. 13.
- 106 Ibid. S. 239—241.
- 107 Ibid. S. 243, 246.
- 108 См., напр.: *Epstein K.* Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy. Princeton, 1959.
- 109 См. об этом: *Kolb E.* Vom Kaiserreich zur Weimarer Republik. S. 18—22.

- 110 *Hillgruber A.* Kontinuität und Diskontinuität in der deutschen Außenpolitik von Bismarck bis Hitler. Düsseldorf, 1969. S. 16—18.
- 111 *Schwabe K.* Deutsche Revolution und Wilson-Friede: Die amerikanische und deutsche Friedensstrategie zwischen Ideologie und Machtpolitik, 1918/19. Düsseldorf, 1971.
- 112 Ibid. S. 653, 660.
- 113 Ibid. S. 336.
- 114 Ibid. S. 431—432, 500—502, 505.
- 115 *Wengst U.* Graf Brockdorff-Rantzau und die außenpolitischen Anfänge der Weimarer Republik. Frankfurt a. M., 1973. S. 37.
- 116 Ibid. S. 99.
- 117 *Krüger P.* Deutschland und die Reparationen, 1918/1919. Stuttgart, 1973.
- 118 Ibid. S. 9—10.
- 119 Ibid. S. 74—76, 81—82, 178—179, 187—188.
- 120 Ibid. S. 210, 212—213.
- 121 *Haupts L.* Deutsche Friedenspolitik, 1918/19: Eine Alternative zur Machtpolitik des ersten Weltkrieges. Düsseldorf, 1976.
- 122 Ibid. S. 51.
- 123 Ibid. S. 422—423.
- 124 *Albertin L.* Liberalismus und Demokratie am Anfang der Weimarer Republik: Eine vergleichende Analyse der Deutschen Demokratischen Partei und der Deutschen Volkspartei. Düsseldorf, 1972.
- 125 Ibid. S. 168—172.
- 126 Ibid. S. 174—176, 185.
- 127 *Wehler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich, 1871—1918. Göttingen, 1973.
- 128 *Kocka J.* Klassengesellschaft im Krieg: Deutsche Sozialgeschichte. Göttingen, 1973.
- 129 Ibid. S. 119—120.
- 130 Ibid. S. 129.
- 131 Ibid. S. 131, 135—137.
- 132 Ibid. S. 138, 141—142, 144.
- 133 *Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik: Verhandlungen des Internationalen Symposiums in Bochum vom 12.—17. Juni 1973/Hrsg. H. Mommsen, D. Petzina, B. Weisbrod.* Düsseldorf, 1974.
- 134 Ibid. S. 21—22.
- 135 Ibid. S. 570, 582, 618—624, 630—635, 660—661.
- 136 Ibid. S. 638—639, 648.
- 137 Ibid. S. 733—734, 844.
- 138 Ibid. S. 965, 968.
- 139 *Ch.: Organisierter Kapitalismus. Voraussetzungen und Anfänge/Hrsg. H. A. Winkler.* Göttingen, 1973.
- 140 *Industrielles System.* S. 979—980, 983.
- 141 *Zunkel F.* Industrie und Staatssozialismus: Der Kampf um die Wirtschaftsordnung in Deutschland 1914—1918. Düsseldorf, 1974; *Krause H.* USPD. Frankfurt a. M.; Köln, 1975.
- 142 *Erdmann K. D.* Die Zeit der Weltkriege // Gebhardt, Handbuch der deutschen Geschichte. 9., neu bearb. Aufl. Stuttgart, 1976. Bd. 4.
- 143 Ibid. S. 141. ¹⁴⁸ Ibid. S. 165.
- 144 Ibid. S. 155. ¹⁴⁹ Ibid. S. 171, 176.
- 145 Ibid. S. 155—156. ¹⁵⁰ Ibid. S. 187, 191.
- 146 Ibid. S. 165—168. ¹⁵¹ Ibid. S. 180, 203, 205.
- 147 Ibid. S. 156, 161, 163. ¹⁵² Ibid. S. 216.
- 153 *Geschichte und Ideologie: Kritische Analyse bundesdeutscher Geschichtsbücher / Hrsg. R. Kühnl.* Hamburg, 1973. (1976, 1978).
- 154 Ibid. S. 2.
- 155 Ibid. S. 107—112.
- 156 Ibid. S. 203—205.
- 157 *1918/19: Revolution in Deutschland?: Fragen und Antworten. Begleitmaterial zum Schulfernsehen/Hrsg. W. Bunk, K. Dederke, H. Neumann.* B. [W.], 1976.
- 158 Ibid. S. 6.
- 159 Ibid. S. 22.

- ¹⁶⁰ *Abendroth W.* Aufstieg und Krise der deutschen Sozialdemokratie. Frankfurt a. M., 1964; *Idem.* Sozialgeschichte der europäischen Arbeiterbewegung. Frankfurt a. M., 1965; *Idem.* Antagonistische Gesellschaft und politische Demokratie. Aufsätze zur politischen Soziologie. Frankfurt a. M.; Neuwied; B., 1972.
- ¹⁶¹ *Freyberg J. von, Fülberth G., Harrer J., Hebel-Kunze B., Hojscheu H.-G., Ott E., Stubi G.* Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, 1863—1975. Köln, 1976; Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. Köln, 1977.
- ¹⁶² Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz. 1976. H. 3. S. 430.
- ¹⁶³ *Fülberth G., Harrer J.* Zur Kritik der sozialdemokratischen Hausgeschichtsschreibung. Köln, 1975.
- ¹⁶⁴ *Kühnl R.* Der deutsche Faschismus. Köln, 1974.
- ¹⁶⁵ *Schleißstein J.* Zur Geschichte und Strategie der Arbeiterbewegung. Frankfurt a. M., 1975.
- ¹⁶⁶ *Opitz R.* Der deutsche Sozialliberalismus, 1917—1933. Köln, 1973.
- ¹⁶⁷ *Berlin J.* Strukturkrise des Deutschen Reichs — die Revolution 1918/19 // Ansichten einer künftigen Geschichtswissenschaft. 2. Hrg. I. Geiss, R. Tamshina. München, 1974.
- ¹⁶⁸ *Ibid.* S. 137—139.
- ¹⁶⁹ *Ibid.* S. 143.
- ¹⁷⁰ *Ibid.* S. 144.
- ¹⁷¹ *Dähn H.* Räte-demokratische Modelle: Studien zur Räte-diskussion in Deutschland, 1918—1919. Meisenheim; Glan, 1975.

КОМПЛЕКСНОСТЬ МАРКСИСТСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

В середине 70-х годов продолжал расширяться круг изучаемых вопросов. Если прежде главное внимание историков-марксистов — и это естественно — было сосредоточено на раскрытии действий революционных сил, то теперь наряду с продолжением этой важнейшей линии историки стали пристальнее рассматривать также деятельность противоположного лагеря: разного рода контрреволюционных организаций и формирований, различных фракций буржуазии и промежуточных слоев. Постепенно складывался более широкий подход к явлениям, который открыл новые возможности для углубленного изучения динамики противоборства социальных сил на разных стадиях революционного процесса.

В ГДР публиковались сборники документов. В обширную документацию «Прицел на мировое господство»¹, раскрывавшую агрессивную политику правящих кругов Германии, вошли и некоторые новые материалы, касавшиеся предыстории революции 1918—1919 гг. Это относится и к сборнику об этом периоде из серии «Документы германской истории»². Речь Карла Либкнехта в советском посольстве в Берлине в октябре 1918 г., письмо Клары Цеткин Юлиану Мархлевскому были впервые опубликованы в журналах³. Выход четвертого тома собрания сочинений Розы Люксембург, содержащего работы периода войны и революции, существенно расширил представления о ее деятельности⁴. Впервые был издан полный протокол Учредительного съезда КПП (ранее известный только по краткому отчету). Издание подготовили и снабдили обширным введением Г. Хорчанский и Х. Науман⁵. К столетию со дня рождения К. Либкнехта и Р. Люксембург вышел том воспоминаний о них⁶.

Появился целый ряд биографических работ о вождях революции. А. Лашица и Г. Радчун написали основательно документированную, яркую книгу «Роза Люксембург. Ее деятельность в германском рабочем движении», в которой переосмыслены и высоко оценены важные стороны ее участия в революции и вклада в развитие революционной марксистской теории⁷. Обстоятельную биографию Карла Либкнехта опубликовал Г. Вольгемут⁸. Вышел биографический очерк о Вильгельме Пике⁹. О деятельности Эрнста Тельмана в Ноябрьской революции, о руководителе бременских леворадикалов Иоганне Книфе были помещены в журналах серьезные статьи¹⁰. А. Райсберг, продолжая разработку проблематики

об отношении В. И. Ленина к Германии, выпустил обобщающий том «Связи Ленина с германским рабочим движением» и двухтомный труд «У истоков политики единого фронта»¹¹.

Углублению представлений о действиях сил контрреволюционного лагеря служило основанное на архивных материалах исследование Э. Кённемана о военных организациях «самообороны», в котором был рассмотрен военно-политический аспект вопроса о власти. Автор привел новые факты о действиях Верховного командования и попытках установления военной диктатуры, выявил роль и функции отрядов местной обороны и «добровольческих корпусов» в формировании новой военной системы Веймарской республики¹². К. Госвайлер всесторонне исследовал экономические и политические взаимосвязи между банковским капиталом, промышленными монополиями и государством в первые годы республики¹³. Итогом многолетних трудов Д. Фрикке и возглавляемой им группы Иенского университета по истории непролетарских партий и организаций явился двухтомный справочник о буржуазных партиях и других организациях в Германии¹⁴. В 1972 г. под руководством Д. Фрикке были проведены научные конференции о значении революций 1848 и 1918 гг. для развития непролетарских демократических сил. Доклад В. Фрича был посвящен воздействию Ноябрьской революции на сближение непролетарских демократических сил с революционным рабочим движением. М. Вайсбеккер рассматривал проблемы политических союзов. Обсуждались также вопросы о влиянии революции на позиции христианских демократов (католиков и евангелистов)¹⁵ и т. д.

Принципиально важное значение для дальнейшего изучения и освещения всей проблематики Ноябрьской революции имело восстановление ее хронологических рамок, искусственно суженных в 1958 г. Исследование новых материалов и углубленный теоретический анализ привели историков к обоснованному выводу, что революция не закончилась в январе 1919 г. разгромом берлинского революционного авангарда и выборами в Национальное собрание.

Действительно, события весны—лета 1919 г. составляют хотя и особую, но неотъемлемую часть единого процесса Германской революции 1918—1919 гг. Связь этих событий с предшествующими не может быть разорвана без ущерба для понимания и тех и других.

Напротив, их комплексное рассмотрение позволяет лучше выявить и глубже осмыслить пронизывающее всю революцию противоборство двух ее тенденций¹⁶. Такой вывод был в 1974 г. обоснован и развит в очерке истории германского народа «Классовая борьба, традиция, социализм»¹⁷ и во втором издании учебника германской истории «Германия в 1917—1933 гг.», написанного В. Руге¹⁸.

Обстоятельное рассмотрение массовых революционных действий германского пролетариата в январе—апреле 1919 г. показало, что в этой фазе революции были, с одной стороны, ярче, чем

прежде, выражены специфически пролетарские требования о сохранении и углублении завоеваний революции. С другой стороны, в то время происходил сложный процесс конституирования в Германии буржуазной республики.

В этот последний период революции борьба классов выдвинула наряду со старыми ряд новых вопросов, настоятельно требовавших решения. В ходе массовых экономических и политических забастовок проявлялись как их возможность, так и пределы эффективности. В упорной борьбе горняков Рура и Средней Германии за реальное осуществление обещанной «социализации производства» выявилось коренное отличие требований рабочих от демагогических посулов правителей, перепуганных размахом движения. Приобрел существенное значение комплекс проблем, связанных с дальнейшей судьбой рабочих и солдатских Советов после решения кардинального вопроса революции «Власть Советов или Национальное собрание?» в пользу буржуазного парламента: возможно ли «сочетание» Советов и парламентаризма? что может дать «укоренение Советов в конституции»? каков круг экономических и политических задач, которые способны решать местные (коммунальные) Советы и отделившиеся от них производственные Советы? Возникновение локальных Советских республик в Бремене и Баварии придало большую остроту вопросу о смысле вооруженного сопротивления рабочих карательным походам белогвардейских «добровольческих корпусов». Начавшийся в мае 1919 г. спад революционной активности масс потребовал разностороннего анализа его причин и уяснения последствий¹⁹.

В связи с приближением 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции и Германской революции 1918—1919 гг. выросла потребность в историографическом анализе. На XXVI конференции историков СССР и ГДР в сентябре 1977 г. в Берлине В. Шмидт очертил в ретроспективном докладе картину развития марксистских исследований о влиянии Октября на Германию и о Ноябрьской революции²⁰.

Юбилею Германской революции был посвящен colloquium, состоявшийся 8 ноября 1978 г. в Берлинском университете им. братьев Гумбольдтов *. Научная конференция о 60-летию Ноябрьской революции и образовании КПГ была проведена в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ²². Этим событиям было посвяще-

* Доклад Я. С. Драбкина содержал обзор проблем, трудов, дискуссий, сгруппированных по десятилетиям. И Штрайзанд посвятил свое выступление критике буржуазных представлений, отрицавших, что Ноябрьская революция была подлинно народной революцией. И Матерна опровергал новейшие буржуазные и реформистские утверждения о «бунте масс против самих себя», о «диктатуре и терроре». Х. Ольшевски, Л. Демпс и К. Петцольд говорили об оценке Ноябрьской революции идеологами фашизма. Г. Розенфельд осветил отношение Советской России к германской революции, а С. Штригниц рассказала о помощи Ноябрьской революции немецких коммунистов-интернационалистов из военнопленных, находившихся в Советской России. З. Бюнгер показал, что революционные события в Германии вызвали страх в правящих кругах Великобритании²¹.

но также большое число статей в периодической печати²³. В Москве совет по комплексной проблеме «История международного рабочего и национально-освободительного движения» провел научную сессию, посвященную революциям в Германии, Австрии и других странах Европы²⁴.

Наиболее представительным изданием, отразившим достигнутый уровень марксистских исследований, явилась новая «Иллюстрированная история германской Ноябрьской революции 1918—1919 гг.». По сравнению с изданием 1968 г. оно было переработано, дополнено, расширено хронологически. Его подготовил авторский коллектив Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ: Г. Хорчанский (руководитель), Р. Грау, В. Имиг, З. Итерсхаген, И. Матерна, Х. Науман, В. Нимц, К. Вробель²⁵.

В первых главах была достигнута большая четкость в освещении узловых событий. В главе первой показано, что империалистические круги и лидеры социал-демократии попытались осуществить мнимую альтернативу народной революции в виде «революции сверху», «демократизации режима», стремились противодействовать выступлениям и требованиям рабочих и солдатских масс²⁶.

В главе второй обстоятельнее раскрывалась связь борьбы группы «Спартак» за подлинную демократию, устойчивый демократический мир и социализм с той идейной помощью, которую оказывали германским революционерам Ленин и большевики. В главе третьей сформулировано важное положение о «заговоре против революции». Рельефнее, чем прежде, удалось раскрыть, как социал-демократические партийные и профсоюзные лидеры пошли на соглашение с милитаристами (союз Эберт—Грёнер), сохранили в неприкосновенности реакционный государственный аппарат, установили «деловое содружество» с монополистами (соглашение Легин—Стиннес). Правда, вне этих рамок осталось в книге соглашение правительства с аграриями о фальсификации «крестьянских Советов». Отдельно рассматривался и внешнеполитический курс правительства «народных уполномоченных», который, в свою очередь, характеризовался как часть «заговора мирового империализма»²⁷.

В главе четвертой, посвященной кардинальному вопросу революции «Советы или Национальное собрание?», рассмотрен процесс поляризации классовых сил. Здесь уточнено значение Всегерманского съезда Советов в декабре 1918 г. Если прежде говорилось, что он «решил коренной вопрос революции» и это означало «поворотный пункт в революции», то новые формулировки более взвешены. Так, сказано, что «большинство съезда высказалось по коренному вопросу революции... в пользу буржуазии» и это явилось «началом поворота в ходе революции», причем «укрепление контрреволюционных элементов происходило быстрее, чем сплочение революционных сил»²⁸. В следующую главу включен сюжет о восстании польских трудящихся в Поз-

нани. В главе о создании Коммунистической партии Германии использован протокол ее Учредительного съезда.

Принципиальное значение имело «возвращение» в рамки германской революции событий с января по май 1919 г. В заново написанных восьмой—десятой главах авторы смогли дать широкую панораму деятельности рабочих и солдатских Советов, лучше выявить социалистическую тенденцию, которая с наибольшей силой проявилась именно в этот период. Так, в главе «Массовые бои за революционные производственные Советы и за социализацию» показано, что, несмотря на поражения рабочего класса в ходе январских боев 1919 г. в Берлине и на выборах в Национальное собрание, в последующие месяцы ожесточенные битвы развернулись почти во всех областях Германии. «Они свидетельствовали о том, что революционная энергия рабочего класса не сломлена» и в рабочем движении наметился сдвиг влево, который привел к усилению левого крыла Независимой социал-демократической партии, к выдвижению в массовых действиях на первый план «типично пролетарских боевых требований, в чем сказывалось и влияние КПГ»²⁹. В главе представлены выразительные материалы о Советской республике в Бремене, о формировании в Веймарской республике органов власти и рейхсвера, об усилении атисоветизма во внешней политике. Обрисованы массовые забастовки горняков Рура, рабочих Баварии и Средней Германии, активность производственных Советов, мартовские бои в Берлине, их отзвук в Верхней Силезии, разоблачены демагогические маневры правительства, провозгласившего, что «социализация марширует».

Глава «Под знаменем пролетарского интернационализма» раскрыла международный характер революционного подъема в Европе, одним из звеньев которого была германская революция. Показаны Учредительный конгресс Коммунистического Интернационала в Москве, Венгерская Советская республика, непосредственный отклик на них в Германии. В главе «Массовые забастовки в апреле и Баварская республика» рассказано о всеобщих стачках на Руре, в Вюртемберге. Возникновение и гибель Баварской Советской республики рассматривались как кульминация и последняя крупная акция революции. Она, «несмотря на все свои ошибки, слабости и локальную ограниченность, была для своего времени самой далеко идущей попыткой установить на немецкой земле власть рабочего класса и его союзников». И в последнюю фазу Ноябрьской революции «революционные силы не смогли изменить определившегося уже к середине января решения вопроса о власти в пользу контрреволюции.. Несмотря, однако, на поражение, которое потерпел пролетариат, и эти бои не были напрасными. Они помогли отстоять, а в известной мере расширить демократические и социальные права и свободы трудящихся»³⁰.

В заключительной главе — «Итоги и заветы революции» — была дана более объемная, чем прежде, общая характеристика

подлинно народной, направленной против империализма и милитаризма революции, главной движущей силой которой были рабочих класс. Как и в других работах этих лет (очерках «Классовая борьба, традиция, социализм» и «История Социалистической единой партии Германии») ³¹, в «Иллюстрированной истории» подчеркивалась мысль, что главной причиной, помешавшей рабочему классу решить в свою пользу вопрос о власти, была политика и идеология правых социал-демократических вождей. «Все попытки перерастания революции в социалистическую потерпели неудачу. Ноябрьская революция осталась по своему характеру буржуазно-демократической революцией, которая вынудила германский империализм изменить форму политического господства — место монархии заняла буржуазно-демократическая республика» ³².

В новом издании были впервые использованы рисунки участников событий, помещены цветные репродукции картин художников Г. Гросса, О. Нагеля, О. Дикса, Г. Эмзена, М. Пехштайна, революционные плакаты.

Одновременно с «Иллюстрированной историей» вышел ряд альбомов *. Оригинальную форму соединения наглядности с популярным изложением использовал в № 14 «Иллюстрированных тетрадей», выпускаемых Центральным институтом истории Академии наук ГДР, известный историк В. Руге ³⁵. Он подробно рассмотрел только три дня революции — 9, 10 и 11 ноября 1918 г., остальные обозначены в хронологической таблице. Рассказ перемежался фотографиями, справками о партиях и организациях, выдержками из документов и воспоминаний участников, схемами распространения Советов, высказываниями Ленина, Либкнехта, Р. Люксембург, а также деятелей враждебного лагеря, репродукциями листовок, карикатур, суждениями историков разных направлений.

Перу того же автора принадлежал и исследовательский очерк о поведении Эберта в день 10 ноября 1918 г. Сопоставление двух документов (архивного и недавно опубликованного) с привлечением ранее известного позволило Руге восстановить факты предыстории сговора Эберта и Грёнера. Так, стало ясно, что Эберт и Шейдеман, ведя переговоры с независимыми об их участии в правительстве «народных уполномоченных», готовы были и без них взять в руки правительственную власть и в этом случае *«сами осуществить неизбежное кровавое столкновение»* с революционным народом. Позднее они уже вместе с Гаазе приняли решение «планомерно провести под руководством военного министра операции против областей, охваченных восстанием» ³⁶.

* Подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ альбом воспроизводил фотографии и документы. Среди них факсимиле письма Ленина членам группы «Спартак», соглашение организаций монополистов с лидерами профсоюзов о «деловом сотрудничестве», шифрограмма Эберта о военном подавлении Баварской Советской республики. Многие материалы посвящены интернациональной солидарности ³³. 60 документов в факсимильных оттисках (составитель В. Папман) издал Музей германской истории в Берлине ³⁴.

В. Руге выпустил к юбилею также научно-популярную книжку «Ноябрьская революция», замысел которой ясно выражен в подзаголовке «Народное восстание против германского империализма и милитаризма в 1918—1919 гг.»³⁷. В работе показаны действия широких масс — рабочих, солдат, матросов, поднявшихся против «врагов в собственной стране». Эта первая антиимпериалистическая революция в стране развитого капитализма вылилась в самое крупное в германской истории массовое движение. «Состязание в беге» между революцией и контрреволюцией сумела выиграть последняя. Но ни поражения, ни террор не заставили германских пролетариев прекратить начатую ими в ноябре борьбу.

Необычен по замыслу и исполнению сборник миниатюр и портретов деятелей Ноябрьской революции «Силы и люди»*, подготовленный Г. Боком, В. Руге и М. Томс³⁸. В нем собраны короткие рассказы о деятелях обоих противоборствующих лагерей — революции и контрреволюции. Так, раздел «Народное восстание против войны и империализма» составило 10 новелл. В первой нарисован групповой портрет кильских матросов, поднявших знамя революции. Матрос Карл Артельт — образ оратора «с голосом льва», неспособного, однако, стать руководителем массового движения. Ему противопоставлен подполковник Иозеф Кёт, чиновник военно-экономического ведомства, «иезуит первого разряда», выдвинутый монополистами на пост «экономического диктатора». Очерк о Вильгельме II иллюстрировал афоризм того времени: «Кайзер ушел, генералы остались». Карл Либкнехт охарактеризован как подлинный народный трибун и опытный политик, предостерегающий солдат и рабочих от доверия к контрреволюционерам. Его антипод — Ф. Эберт действовал, по его собственным словам, «как опекун обанкротившегося старого режима». Здесь же даны выразительные портреты Розы Люксембург, И. Книфа, промышленника А. Тиссена, К. Каутского и др.

В разделе «Решающие бои между социалистическим революционным движением и буржуазной контрреволюцией» энтузиастам К. Цеткин, Е. Левине противопоставлены О. Вельс, Г. Носке, Ф. Шейдеман. Даны характеристики виднейшим центристам — Э. Барту, Г. Ледебуру, К. Эйснеру. Интересно включение в галерею действующих лиц поэтов Вернера Мёллера и Эрнста Толлера, социолога Макса Вебера, философа Освальда Шпенглера, инспиратора убийств революционных вождей Э. Штадтлера. Очерк о Генрихе Манне показал героя его известного романа «Вернопогоданный», (вышедшего в дни революции), как символическое выражение психологии немецкого буржуа. Альберт Эйнштейн, великий ученый, гуманист и демократ, проя-

* Выражение «Gewalten und Gestalten» многозначно. первое слово можно перевести как «сила», «насилие», «власть», а второе — как «тип», «образ», «личность»

вил себя во время революции и после нее как активный борец за общественный прогресс. Очерчен путь к рабочему классу художницы К. Кольвиц. Завершила том обобщающая характеристика Вильгельма Пика, деятельность которого связывала революцию и борьбу коммунистической партии с созданием ГДР.

К юбилею вышла еще одна книга, восполнившая существенный пробел в литературе о Советах: Инго Матерна опубликовал работу «Исполнительный комитет Берлинского рабочего и солдатского Совета в 1918—1919 гг.»³⁹. Используя архивные материалы, личные сообщения участников событий, прессу, публицистику, литературу, автор последовательно раскрыл деятельность Исполкома, во главе которого стояли вместе левые независимцы и правые социал-демократы. Автор показал цепь его колебаний, отступлений и капитуляции перед правительством. Исполком после съезда Советов, отметил И. Матерна, заняв «нейтральную позицию» в январских боях, обрек себя на политическое бессилие. Несколько активизировавшись после создания в нем коммунистической фракции, Исполком бесславно скончался летом 1919 г., когда его просто разогнал Носке.

В серии «Экономика и государство в Германии» Д. Баудис и Х. Нусбаум выпустили том, посвященный периоду с конца XIX в. до 1918—1919 гг., где рассмотрены развитие государственно-монополистического капитализма к моменту Ноябрьской революции, союз монополистов с правыми лидерами СДПГ и профсоюзов, контрреволюционный смысл «экономической демобилизации» и демагогии о «социализации»⁴⁰. Исследование Г. Хабеданка об Имперском банке в Веймарской республике⁴¹ затронуло и вопросы, относящиеся к Ноябрьской революции.

С. Штригниц в результате многолетних исследований рассказала в книге «Германские интернационалисты в Советской России в 1917—1918 гг.» о важном проявлении пролетарской солидарности в борьбе за установление Советской власти и ее обороне от контрреволюционеров и иностранных интервентов. Основанная на широком использовании советских архивов, прессы и литературы, работа подробно осветила деятельность германской коммунистической группы, входившей в Федерацию иностранных групп РКП(б), и существенно обогатила предысторию Ноябрьской революции⁴².

Окружные комиссии по истории местного рабочего движения подготовили серию брошюр*. Публикация собрания писем Розы Люксембург (особенно пятого тома, относящегося ко вре-

---

* Отметим лишь некоторые: И. Матерна написал «Историю берлинского революционного рабочего движения в 1917—1919 гг». Ее продолжением, посвященным 1919—1923 гг., стала брошюра З. Вебера⁴³. Брошюра «На рубеже новой эпохи» содержала материалы саксонских архивов и современным событиям прессы⁴⁴. В брошюре «Ноябрьская революция в Германии и основание КПГ» (Карл-Маркс-Штадт) приведены документы и воспоминания участников, в том числе о некоторых русских революционерах, находившихся тогда в Германии⁴⁵.

мени мировой войны и революции)⁴⁶, книги «Карл Либкнехт. Биография в документах»⁴⁷, второго издания биографии Розы Люксембург⁴⁸ ввели в научный оборот немало ранее неизвестных фактов о выдающихся вождях революции. Г. Байер расширил свое исследование о Баварской Советской республике за счет привлечения материалов из мюнхенских архивов⁴⁹. Общие и частные вопросы революции рассматривались на научных конференциях в связи с ее 65-летием*.

Работы, вышедшие в Советском Союзе, охватывали широкий круг вопросов. Среди монографических исследований, имевших комплексный, многоплановый характер, книги Н. В. Фарбмана о реваншизме, Я. С. Драпкина о становлении Веймарской республики, Л. И. Гинцберга о борьбе против фашизма⁵². Стали появляться диссертации и статьи молодых авторов, посвященные главным образом конкретным событиям**.

В 80-е годы в ГДР не появилось крупных исследований, если не считать расширенных переизданий протоколов Учредительного съезда КПГ, книг В. Руге, Г. Байера, Г. Вольгемута, Л. Бертольда, Г. Неефа и др. Об известном спаде изучения революции говорилось на научной конференции историков СССР и ГДР, посвященной 70-летию Ноябрьской революции и образования КПГ и состоявшейся в Берлине 19—20 сентября 1988 г. С главными докладами здесь выступили Э. Диль и Я. С. Драбкин. Журнал «Einheit» посвятил юбилею КПГ специальный номер⁵⁴.

ЗИГЗАГИ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К середине 70-х годов в ФРГ социальное направление среди историков выросло в социально-критическую школу. Профессора Билефельдского университета Г.-У. Велер и Ю. Кокка, уже несколько лет занимавшиеся теоретико-методологическими проблемами истории, вместе с профессором Фрайбургского университета Г. А. Винклером, специалистом по новейшей истории германского рабочего движения, сплотились вокруг нового ежеквартального журнала «Geschichte und Gesellschaft». «Общественную историю» журнал решил рассматривать как совокуп-

---

* Так, на заседании в Берлинском университете им. Гумбольдтов с докладами выступили Г. Кёллер («Ноябрьская революция, ее национальное и международное значение»), И. Матерна («Образование КПГ — поворотный пункт в развитии германского рабочего движения»), Г. Хабеданк («О массовых акциях при подготовке социализации весной 1919 г.»); в обсуждении участвовали Х. Кезелиц, Э. Гофман и др.⁵⁰ Научная конференция состоялась в Высшей партийной школе при ЦК СЕПГ, где докладчиками были Г. Вольгемут, В. Виммер, К. Киннер, З. Фитцке⁵¹.

** Среди них: диссертация Г. В. Наумова об «Отечественной партии», статьи Г. М. Садовой об эволюции НСДПГ, Л. Н. Гаранина о борьбе пролетариата Магдебурга, очерк И. В. Розанова о Вальтере Ратенау и др.⁵³

ность истории социальной, политической, экономической и социокультурной. Исходя из междисциплинарного единства, «общественная история» намерена исследовать и описывать прежде всего «процессы и структуры общественного развития». В редколлегию журнала, каждый выпуск которого стал посвящаться одной из комплексных проблем, вошли также В. Ю. Моммзен, Р. Козеллек, Р. Рюруп и др.⁵⁵

Социально-экономическая интерпретация всеобщей истории возможна, по мнению сторонников этой школы, на основе теорий «индустриализма» и «модернизации», пытающихся интегрировать некоторые элементы марксизма и вместе с тем создать общую концепцию, способную ему противостоять. В германской истории особого внимания требует сохранившаяся роль докапиталистических структур. Необходимо такое теоретическое осмысление истории, которое может создать выход на разумно организованное общество будущего⁵⁶.

Тем временем общеполитическая ситуация и идейно-культурный климат в ФРГ постепенно стали меняться. В историографии, пожалуй, ранее других стала настраиваться на неоконсервативный лад как раз ее часть, обращенная к проблематике революции 1918—1919 гг., которая ранее наиболее существенно продвинулась вперед. Впрочем, открыто никто из известных авторов не рискнул вставать на защиту тех реакционных исторических легенд, которые рухнули не без влияния критических концепций. Зато усилились стремления сделать те или иные уступки, смягчить критику и частично реставрировать старую картину. Это нашло отражение в исследовательских и публицистических работах, появившихся накануне 60-летия Германской революции. Примером может служить статья В. Ю. Моммзена «Германская революция 1918—1920 гг. Политическая революция и социальные движения протеста»⁵⁷.

Рассмотрев новейшие исследования, осуществленные в ФРГ, Моммзен с некоторым сожалением заключил, что, хотя их авторы по-разному расставили акценты, «господствующим мнением» среди историков стал тезис об «упущенном шансе». Моммзен не стал прямо опровергать упреки, выдвинутые сторонниками этой концепции против правых лидеров социал-демократии, что те не использовали благоприятных условий для продолжения революции и создания действительно демократического строя, а, напротив, всеми средствами тормозили ее развитие. Он не отвергал и положительной роли Советов как таковых, признав, что революция из чисто политического движения выросла в «движение социального протеста большой интенсивности и значительного масштаба», которое проявилось в идее «социализации средств производства». Но, установив, что основой концепции «третьего пути» являлся тезис о демократическом потенциале Советов, Моммзен сначала осторожно выразил скептическое отношение к этому потенциалу, а затем заявил, что Советы не имели в действительности не только власти, но и воли для осу-

шествления демократизации. Поставив под сомнение возможность «третьего пути», автор возвращал читателя к единственной возможности «первого пути».

Правда, Моммзен констатировал, что «итог политики правой социал-демократии был довольно сомнительным. Союз с „добровольческими корпусами“ и другими профашистскими военными организациями ей пришлось оплатить потерей симпатий большей части рабочих». Обещание «спасти Германию от большевизма» СДПГ дала, «исходя из ложных предпосылок, а методы и союзники, которых выбрала для его осуществления, тоже оказались несоответствующими»⁵⁸. Но, тем не менее, Моммзен смягчил вину правых социал-демократов, сводя ее к «слишком формальному пониманию демократии» и слишком быстрому установлению союза с «традиционными силами». Он признал, что военные акции умиротворения — как он именовал кровавые расправы над тысячами пролетариев — «развязали массовые забастовки и попытки восстания со стороны значительной части рабочих». Однако вывод оправдывал лидеров социал-демократии: «Когда дело дошло до этого, обращение к традиционным военным средствам для подавления забастовочного движения стало в действительности почти неизбежным»⁵⁹.

Известный историк СДПГ Сусанна Миллер опубликовала к юбилею большую монографию «Бремя власти. Германская социал-демократия в 1918—1920 гг.»⁶⁰. Из обстоятельного сопоставления точек зрения различных авторов С. Миллер сделала собственные выводы, которые в конечном счете не отвергали критики поведения лидеров социал-демократии в ходе революции, но смягчали ее. Она признавала те или иные упущения правых социал-демократов, но вслед за Каутским осуждала Карла Либкнехта и Розу Люксембург, а вслед за А. Розенбергом — Носке. Впрочем, последнего не за применение насилия, а только за слишком тесное сотрудничество с реакционной военщиной. Миллер назвала январские бои, как и Гильфердинг, «битвой на Марне Германской революции», поскольку с этих пор коммунистов стали называть «путчистами», а социал-демократов большинства — «убийцами революционных рабочих и их вождей»⁶¹.

Как видно из названия книги, главная мысль С. Миллер заключалась в обосновании почти фатальной неизбежности, даже обреченности СДПГ проводить именно такую политику, какую партия осуществляла. «Правление (Германией. — Я. Д.) означало в начальной фазе первой германской республики не выполнение социал-демократией большинства само собой разумеющихся задач, к которым она давно стремилась и была хорошо подготовлена, а горькую необходимость дать ответ на национальную катастрофу»⁶². Такой подход возвращал автора в русло традиционной либеральной историографии. Обвинение же Э. Маттиасом социал-демократии в пассивности и «традиционалистском параличе» С. Миллер старалась ослабить тем, что-

де еще Бебель воспитывал партию в иллюзии о внезапном наступлении социализма, конкретные же представления о власти, государстве и экономике не разрабатывались. В результате партия оказалась «неготовой» к взятию власти, особенно неподготовленной она оказалась к «феномену... радикализации масс», еще менее — к разрыву между ожиданиями народа и реальными результатами революции⁶³.

С. Миллер не соглашалась с мнением о существенной роли Советов в революции. Она признавала, что социал-демократия «недооценивала» опасности справа, проводила грубую и роковую «политику Носке», руководствовалась «паническим страхом» перед большевизмом. Объяснение, что партия правила «с нечистой совестью», С. Миллер считала верным лишь наполовину. Политический характер носили упущения в осуществлении демократизации экономики, армии, администрации. Именно это привело к радикализации масс, которую можно было бы предотвратить, если бы было больше «уверенности в собственных силах, мужества, чувствительности и политической фантазии». Смягчающим обстоятельством Миллер объявила также грандиозность послевоенных проблем, правильных решений которых не знал никто⁶⁴.

В близком ключе подошел к оценке социал-демократии Генрих Август Винклер, выступивший с докладами о 60-летию революции на коллоквиуме в международном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне, в Институте фонда Фридриха Эберта в Бонне, а потом опубликовавший брошюру «Социал-демократия и революция 1918/19 гг.»⁶⁵. Отметив, что «ревизионистская» интерпретация опирается на обширный эмпирический фундамент, он выдвинул три вопроса, требующих ответа. Во-первых, какие обстоятельства затруднили успех революции? Во-вторых, какие общественно-политические перемены были бы полезны для укрепления парламентской демократии и осуществимы? В-третьих, в какой мере поведение социал-демократических вождей можно объяснить политической традицией?

Винклер выдвинул утверждение, что успеху революции в Германии мешали два обстоятельства: достигнутый уровень промышленного развития препятствовал остановке производства и потому требовал не революции, а только реформы: достигнутый же уровень парламентской демократии делал неприемлемой даже кратковременную революционную диктатуру. Поскольку перед социал-демократическим правительством встала задача сохранения общества и производства, оно было вынуждено сотрудничать с военными, бюрократией, промышленниками и принести в жертву вторую задачу — обеспечения более глубокой демократии, проведения социальных мероприятий и «социализации». Полезны были бы ограничение власти военных, немножко «социализации», ослабление позиций юнкерства. Но осознанию такой необходимости препятствовала также и социал-демократическая традиция, которая, по его мнению, заключалась в соеди-

нении практического реформизма с утопической установкой на социализм.

Советы Винклера звучали так: «Когда нежелаемая революция все же разразилась, следовало ее возможно скорее закончить, чтобы новая республиканская государственная власть была законена, а социализм мог бы быть осуществлен парламентским путем»⁶⁶. Социал-демократии следовало проявить «больше бдительности по отношению к правым и больше воли к политическому творчеству в относительно открытой ситуации между ноябрем 1918 и январем 1919 г.», что могло «приглушить как контрреволюционный, так и леворадикальный потенциал».

Винклер «снял» с социал-демократии упрек и за то, что она предпочла представительную демократию «непредказуемой воспитательной диктатуре». Советы вопреки распространенному мнению вовсе не были в то время «самодеятельным фактором власти»⁶⁷. «Третий путь» между парламентской демократией и «чистой советской системой», или «режимом советского типа», Винклер считал неприемлемым. Единственное, что не учли социал-демократы, так это опыт истории европейских революций, гласивший: создать условия для парламентской демократии нельзя только парламентскими средствами. Однако нужен был не революционный террор, а совсем другое: «...некоторое количество социализма могло придать либеральной демократии более прочный социальный фундамент. Но, поскольку социал-демократам *экономические условия социализма представлялись несозревшими, не был осуществлен и политически необходимый минимум социализма*. Это было все, что согласился оставить Винклер от «ревизионистской» критики социал-демократии. И хотя он отвергал «крайние» утверждения, что в Германии вообще не было революции и что социал-демократия «предала революцию»⁶⁸, он приблизился к «традиционалистам» и апологетам социал-демократии.

Впрочем, в это время проявились гораздо более резкие и определенные попытки опровергнуть «ревизионистов». Примером был обширный историографический обзор двух молодых авторов Э. Ессе и Х. Кёлера «Германская революция 1918—1919 гг. Развитие исторических исследований». Дабы не оставалось сомнений относительно их намерений, авторы снабдили статью подзаголовком «Обзор исследований и критика „господствующего учения“»⁶⁹. Они прямо заявили, что намерены оспорить тезис о «третьем пути», который, по их мнению, поразительно быстро распространился как в науке, так и среди общественности, приобретя даже «почти каноническое значение». Хотя они сделали оговорку, что ни в коем случае не хотят «скатиться назад на позиции 50-х годов» или представить политику социал-демократии как «удачную и достойную похвалы во всех отношениях»⁷⁰, контрастующие они развернули по всей линии и притом самыми резкими методами.

Рассмотрев исследования периода Веймарской республики и 50-х годов, авторы отметили, что перелом в западногерманской

науке в начале 60-х годов был связан с работами Кольба и Эртцена, выделили юбилейный 1968 год (споры о «советской демократии» и тезис Хаффнера о «предательстве» СДПГ), охарактеризовали исследования 70-х годов, посвященные Советам, и в специальном разделе сформулировали свои соображения.

Ессе и Кёлер прежде всего объявили, что «советское движение» в Германии было искусственной конструкцией, никем не обоснованной. Вслед за тем они поставили под сомнение также тезис о «демократическом потенциале» Советов. Далее они приписали Рюрупу и другим авторам «недооценку серьезности леворадикальной угрозы». Без каких-либо доказательств они просто вернулись к опровергнутой версии о «спартаковском восстании» в Берлине, чтобы заключить: «Конечно, обращение к старой армии и „добровольческим корпусам“ было в высшей степени проблематичным. Но ответственность за это несут в первую очередь провокации леворадикальных сил, активность которых представители „третьего пути“ часто преуменьшают. Следовательно (!), обвинение, будто социал-демократия слишком тесно связалась со старыми властями, требует пересмотра...»⁷¹.

Отказ социал-демократических лидеров от проведения демократических преобразований оправдывается авторами обзором традиционными ссылками на то, будто вмешательство в экономику привело бы лишь к хаосу, произволу, параличу производства, грабежам, гражданской войне. Отказ от ограничения всеислия бюрократического аппарата — ссылками не только на его «доказанную и во время войны трудоспособность и неподкупность», но и на отсутствие «равноценной замены». Это сопровождалось модно звучащими заявлениями, что-де нельзя ставить «демократический образ мысли» выше квалификации, ибо это ведет к «запрету на профессии», к «зажиму критики» и т. п. Не забыт был и старый аргумент о «внешнеполитических препятствиях» со стороны Антанты, которая будто не потерпела бы «политических экспериментов в форме Советов»⁷².

Один из авторов обзора — Х. Кёлер опубликовал вскоре конкретное исследование «Ноябрьская революция и Франция. Французская политика в отношении Германии в 1918—1919 гг.»⁷³, основанное на изучении архивов и привлечении других источников. Хотя во введении автор выступил в защиту политики социал-демократии, он затем признал, что во Франции отношение к правительству Эберта было с самого начала негативным, ибо в его «антибольшевизме» усматривали лишь камуфляж с целью сохранения старого милитаризма. Именно по этой причине французы игнорировали на оккупированной ими территории и Советы. Весной 1919 г. Франция возлагала главные надежды на то, что радикализация и гражданская война приведут к ослаблению Германии и росту сепаратизма в Рейнской области⁷⁴. И все же подтверждение искомого тезиса, что Франция была абсолютным противником Советов и демократических преобразований, Кёлер не добыл.

Ессе и Кёлер обвинили Советы не только в «непрактичности», но вообще поставили под сомнение правомерность их существования. С этой целью подчеркивалась «случайность» их состава, его неадекватность результатам всеобщих выборов, возрождалось обвинение, которым всегда оперировала реакция, называя Советы органами «перевернутой классовой привилегии», и т. п. Утверждая, что выступление СДПГ за парламентскую демократию «не означало наперед отказа от социалистических мероприятий», отрицая, что Советы могли содействовать демократизации общества и государства, авторы обзора подчеркивали: «При всех справедливых упреках в адрес социал-демократов следует учитывать их вынужденное положение». Они снова муссировали вопрос о «страхе перед большевизмом» и даже заявили, что независимо от того, был ли этот страх обоснованным или нет, он определял действия социал-демократии, притом не только в 1918—1919 гг., но и после 1945 г.⁷⁵

Резюмируя свою позицию, Ессе и Кёлер прямо обвинили «значительную часть исследователей» в том, что, «стремясь разрушить старые легенды (Советы как инструменты большевизма), они создают новые (Советы как гаранты демократизации)». Не ограничиваясь этим, авторы объявили «умозрительным» и «недоказуемым» даже общее мнение всех демократически мыслящих людей, что исход революции 1918—1919 гг. оказал пагубное влияние на прочность Веймарской республики, что радикальное переустройство общества после первой мировой войны привело бы к прочной демократии и помешало бы захвату власти национал-социалистами. Таков был логический венец попыток реставрировать отжившие и опровергнутые взгляды. Примечательно, впрочем, признание авторов: «...отношение к событиям 1918—1919 гг. зависит также от политической позиции историка. Не в последнюю очередь и дух времени определяет результаты исследований»⁷⁶.

Несмотря на агрессивность неоконсерваторов, создатели концепции «третьего пути» не намерены были сдавать завоеванные позиции. Э. Кольб написал в 1979 г. для сборника под редакцией К. Штерн и Г.-А. Винклера «Поворотные пункты германской истории» статью «1918/19: застрявшая революция»⁷⁷. Отметив, что историки при оценке характера и исторического места этой революции до сих пор сталкиваются с трудностями, он объяснил их тем, что она «все еще политика», а не «частица изжитого прошлого». Он заострил свою прежнюю постановку вопроса: «Был ли в революционные месяцы 1918—1919 гг. из-за неправильных решений или ошибок пришедших к власти социал-демократов упущен единственный и невосполнимый шанс построить в Германии укорененную в массах демократическую республику?»⁷⁸

Обратившись к причинам и условиям революции, Кольб подчеркнул, что военное поражение Германии лишь обнажило «глубокие трещины в социальном организме», усилило «общественное напряжение», создало новые очаги социальных конфликтов. Он считал теперь, что «государственный переворот в ноябре был

не концом, а лишь началом собственно революционного процесса, который тянулся месяцами», и прошел в своем развитии две фазы. В первой, «умеренной» в обществе преобладали реформистские и радикально-демократические представления и целью борьбы считался не решительный разрыв с социал-демократической политикой и существующими учреждениями, а их постепенное развитие посредством реформ, общей демократизации, осуществления социально-политических требований. Вторая фаза — с января 1919 г. — названа Кольбом радикальной и по цели и по методам действий, ибо верх взяла «антипарламентарная тенденция» и «советские модели», требования «социализации». Революция закончилась «только после того, как забастовочные движения, беспорядки и советско-республиканские эксперименты весной 1919 г. были задавлены массированным применением войск»⁷⁹.

Если, считал Кольб, результаты революции измерять тем, насколько были реализованы представления революционного движения о ее целях и как эти цели выразились в политическом и общественном строе Веймарской республики, то следует установить: «Революционное массовое движение в основном потерпело поражение как в первой, умеренной, так и во второй, радикальной фазе. Поэтому и можно говорить о «застрявшей революции». А такой революцией никто не был доволен: ни те, кто вообще не хотел революции, ни те, кто хотел иного ее результата. Она не стала решающим поворотным пунктом германской истории. Но был ли такой исход заранее предначертан? Был ли он неизбежен? Из этих вопросов вытекает вопрос о «рамках свободы актеров»⁸⁰.

«Прежде доминировавшее, но и ныне еще широко распространенное мнение, — отмечал Кольб, — состояло в том, что социал-демократическим руководителям ничего не оставалось, как после создания революционного правительства заключить союз со старыми элитами, дабы справиться с угрозой большевизма и насущными проблемами, что выбор был лишь между большевизмом и союзом социал-демократии с офицерским корпусом и бюрократией». Новейшие исследования поколебали некоторые устои такого мнения. Объективно существовала, считал Кольб, «возможность начать осуществление мер по демократизации администрации и экономики». И только когда стало ясно, что правительство не способно или не хочет провести существенные реформы, началась та радикализация, которая, по его мнению, разрушила основу для решительных действий рабочих и их партий. Поэтому надо считать, что «в 1918—1919 гг. можно было сделать больше, чтобы заложить фундамент социальной республики, но социал-демократическое руководство недостаточно использовало представившийся ему шанс». В подтверждение Кольб привел также высказывания Р. Рюрупа и американского историка Р. Ханта⁸¹.

Два года спустя Э. Кольб подверг тщательному рассмотрению проблему международных условий, в которых происходили революционные преобразования государственного строя Германии.

Хотя, как показали исследования, полностью доказано, что реальное воздействие Советской России на Германию было в то время минимальным, тем не менее, отметил Кольб, для правителей западных держав и германских социал-демократов «антибольшевизм» стал широко используемым и весомым политическим аргументом, инструментом борьбы против революционного движения вообще. После внимательного разбора всех фактов Кольб пришел к обоснованному выводу: утверждения правящих кругов и почти всей германской прессы, будто державы-победители оказывали на Германию «давление извне», направленное против «любых изменений в государстве и обществе», были целеустремленными систематическими манипуляциями с целью оправдать отказ от проведения решительных демократических преобразований. В действительности такого «давления извне» вовсе не было ⁸².

Первый том своего капитального трехтомного труда по истории германского рабочего движения в Веймарской республике Г. А. Винклер назвал «От революции к стабилизации» ⁸³. Исходные мысли его концепции наиболее рельефно проявились при описании им событий января—мая 1919 г. «Январское восстание в Берлине,— пишет он,— казалось, подтверждало мнение всех тех, кто видел в германских коммунистах верных учеников Ленина». Рассказав о стихийном и массовом возмущении рабочих смещением полиции-президента Эйхгорна, о создании «Революционного комитета», в котором преобладали левые деятели НСДПГ, Винклер отмечает другое: «Январские волнения 1919 г. в Берлине носят название „спартаковского восстания“, которое нередко используется и ныне, что несправедливо. Восстание части берлинских рабочих было с самого начала лишено руководства. Не ЦК „Спартак“ планировал свержение правительства, а его требовали сторонники революционных старост и только что созданной КПГ...» Винклер признает, что не только Носке, но и Эберт и другие руководители СДПГ считали нужным применить оружие, но игнорирует данные о провокационном замысле вызвать смещением Эйхгорна берлинских рабочих на преждевременное выступление, даже отрицает какие-либо приготовления СДПГ и правительства, умаляет признание Эрнста и т. п.

Безосновательно утверждая, будто «для марксистско-ленинской историографии январское восстание создает поныне трудные проблемы», Винклер приходит к выводу, что не Носке и белогвардейские убийцы несут «ответственность за кровь, пролитую во время январских боев», а... сами убитые коммунистические руководители. Ссылки на Каутского и Гильфердинга и осуждение диктатуры и террора, в которых большинство германских рабочих видело «исторический регресс», не могут скрыть очевидного факта, что Винклер выбрал для себя место не на стороне спровоцированных берлинских рабочих ⁸⁴.

Называя события весны 1919 г. «второй волной революции», Винклер считает их «пролетарской фазой». Однако, признавая, что требование «социализации» стало «лозунгом, волновавшим

широкие массы», он приписывает массовые стачки рабочих Рурской области росту «радикального синдикализма». Именуя его «примитивной формой социального протеста, питаемого утопическими надеждами», он «делит» ответственность за «кровавые акты насилия» между вооруженными рабочими и реакционными «добровольческими корпусами», вступившими в Рурскую область для их подавления. Превыше всего он ставит «смесь военной суровости с социальной компенсацией», проявленные правительством Бауэра и имперским комиссаром Зеверингом⁸⁵.

Винклер оправдывает и военный поход карателей по Средней Германии, и демагогическую акцию правительства — лозунг «Социализация марширует!». Описывая всеобщую забастовку в марте 1919 г. в Берлине, Винклер признает, что ее участниками были в основном социал-демократические рабочие, но кровавая расправа над ними вызывает у него лишь моральное сожаление. Он понимает, что волна забастовок, поставившая страну «на грань общей гражданской войны» (только ли на грань?), была вызвана недовольством тем, как мало «революция действительно принесла рабочим и солдатам», «волной разочарования, охватившей и рабочих—социал-демократов». Но тем не менее он вслед за С. Миллер оправдывает палачество Носке, якобы служившее «поддержанию порядка». И в отношении Мюнхена, признавая, что белый террор «потребовал здесь гораздо больше жертв, чем красная власть», Винклер возлагает вину... на революционеров⁸⁶.

Беря под защиту главное в политике социал-демократической верхушки — подавление пролетарских инициаторов и движителей германской революции,— Винклер критикует и политику СДПГ. Так, он считает неоправданными похвалы Штампфера в адрес Веймарской конституции, видит в ней недооценку общественных сил, враждебных демократической республике, противоречие «между демократическими и плебисцитарными элементами, которое затеняло все демократические и социальные завоевания 1918—1919 гг.». Он полагает, что «несломленная сила додемократических традиций и внутренняя слабость парламентской системы были врожденным пороком Веймарской республики. Нетрудно было предвидеть, что эти ипотечки первой германской демократии могут стать роковыми во время кризиса»⁸⁷. Однако действительные причины слабости германской революции этими рассуждениями не выявлялись, а деятели, несущие за них историческую ответственность, выгораживались.

В 1983 г. увидела свет вышедшая из семинара Кольба и Потгофа работа Детлефа Ленерта «Социал-демократия и Ноябрьская революция. Споры в политической публицистике СДПГ и НСДПГ в 1918—1919 гг. о новом строе»⁸⁸. Она основана на широком охвате прессы обеих партий, что позволило не только вовлечь в научный оборот значительный круг местных источников, но и воссоздать более дифференцированную картину настроений в «низах» рабочего класса. Автор отметил начавшуюся с конца 70-х годов в ФРГ «частичную реставрацию казавшихся преодо-

ленными представлений»: наряду с вопросом о Советах в ходе «сдвига тенденции вправо» важное место занял вопрос о роли социал-демократии как «силы порядка» и фактора консолидации. Указывая, что социал-либеральные историки (Винклер, Лёвенталь, Г. А. Риттер) снова стали делать упор на трудность задач, которые пришлось решать лидерам социал-демократии, Ленерт определил собственное место между этим «либеральным скептицизмом» и «левым критицизмом» Хаффнера⁸⁹.

Ленерт считал несостоятельной попытку социал-демократии найти самооправдание в неразработанности социально-экономической программы. Не разделяя мнения, что политика правых лидеров объяснялась классовой структурой их сторонников, он полагал причиной курса на сотрудничество с реакцией и отказ от последовательной защиты интересов рабочего класса прежде всего интеграцию партии и профсоюзов в систему понятий и приоритетов: «нация», «порядок и устойчивость», «обеспечение продовольствием» и т. п. Неспособность социал-демократии к гегемонии, проявившаяся уже в благоприятной ситуации начала революции, была, по мнению Ленерта, лучше всего выражена в конце ноября правосоциалистической газетой «Arbeiter-Jugend» в словах: «У нас нет еще социалистической республики, есть лишь республика, во главе которой стоят социалисты»⁹⁰. Правые и левые вели острые споры о большевизме и Национальном собрании, а не о «третьем пути», и из-за их фракционных разногласий «организирующий и мобилизующий потенциал рабочих и солдатских Советов» не смог быть использован для создания «позиции контрвласти по отношению к бюрократии, военщине и группам, господствовавшим в экономике», для реализации «благоприятных исходных условий учреждения устойчивой, сильной, самоуправляющейся демократии». Ленерт видел общую вину СДПГ и НСДПГ в их «саморазрушающей борьбе за влияние, из-за которой в конце концов выиграли только враждебные республике силы реставрации». Притом существенная вина за рожденные пороки Веймарской республики заслонила позитивное наследие революции 1918—1919 гг. как одного из крупнейших освободительных движений германской истории⁹¹.

В другой работе о социал-демократии Ленерт подчеркивал, что Ноябрьская революция не была изначально обречена на поражение и не следует недооценивать ошибочных решений правых лидеров партии, прежде всего их неспособности понять пагубность политического (а не только «технического») сотрудничества с представителями старого режима. Такой «авторитарно-бюрократической психологией» он объяснял и союз Эберта—Грёнера, и применение грубой военной силы против рабочих и то, что был «упущен шанс Ноябрьской революции». Эскалация гражданской войны «не только разрушила надежды на социалистическое обновление, но и вообще затмила значительные демократические и социально-политические успехи революционных месяцев»⁹².

В сборнике «Индустриальное общество и политическая систе-

ма», посвященном 70-летию Фрица Фишера, П.-Х. Витт, характеризуя «переходную экономическую политику» периода революции, отметил, что от нее в выигрыше оказалась тяжелая промышленность, а оживлению экономики способствовали и миллиардные правительственные заказы⁹³. Е. Флемминг рассказал о реорганизации объединений аграриев⁹⁴. П. Боровский в статье о «большевистской опасности» и восточной политике Германии констатировал провал последней, поскольку «политика дипломатической и военной конфронтации с Советской Россией... не только не достигла целей Германии на Востоке, но и ослабила ее дипломатическую позицию во время переговоров о перемирии и мире»⁹⁵.

Для освещения международных политических событий 1918—1919 гг. важное значение имело появление в 1982 и 1984 гг. германской двухтомной публикации документов того времени⁹⁶. (Документация США, Великобритании, Франции вышла намного раньше.) П. Крюгер, ставший профессором Марбургского университета, в книге «Внешняя политика Веймарской республики» отметил, что после революции о «принципиально новом начале» внешней политики не было и речи: «взял верх патетический, иногда идеалистический национализм», а это привело к усилению позиций правых сил. Крюгер считал правильной ориентацию Германии на США, но ошибочными ее надежды на американскую экономическую помощь и недооценку необходимости сближения также с другими западными державами. Он осудил «панику вместо предложений о новом строе», считал, что антибольшевизм не принес Германии сколько-нибудь значительного успеха⁹⁷. В работе П. Вульфа «Гуго Стиннес. Экономика и политика 1918—1924» приведены новые данные, подтвердившие активную поддержку магнатами тяжелой промышленности деятельности как либеральных политических партий (Демократической и Народной), так и пресловутой «Антибольшевистской лиги»⁹⁸.

С консервативно-националистических позиций написана книга Г. В. Коха «Германская гражданская война. История немецких и австрийских „добровольческих корпусов“ 1918—1923 гг.»⁹⁹. Автор полемизировал с тем направлением в исторической науке, которое сам объявил находящимся «под влиянием марксистской теории и метода». Так, он не согласился с Кольбом, что буржуазно-демократическая республика была завоевана народным движением под руководством рабочих организаций, а утверждал, будто после провозглашения республики фронт проходил прежде всего между ее сторонниками и «левыми экстремистами и в меньшей степени правыми экстремистами». Кох объявил «советское движение» вообще несуществовавшим, а две фазы революции — надуманной конструкцией. Зато он активно защищал «добровольческие корпуса», изображая их «спасителями порядка». Только по вине самой республики эти добровольцы «превратились из незаконнорожденных детей революции в ярых врагов республики». Кох оспаривал мнение американского историка Р. Уайта, назвавшего эти корпуса «авангардом нацизма».

Для Коха не так уж плох был и Гитлер, зато левые — виновники всех «излишеств» правых¹⁰⁰.

В таком же ключе выдержана и книга Э.-Х. Шмидта «Тыловая армия и революция 1918 г. Военные власти в тылу между Октябрьской реформой и Ноябрьской революцией», изданная Военно-историческим исследовательским ведомством в Фрайбурге¹⁰¹. В ней подробнейшим образом разбирались приготовления властей накануне революции для пресечения рабочих забастовок и восстаний, а затем для подавления самой революции. Предусматривалось даже применение авиации и химических средств, в частности, в Берлине. По мнению автора, следовало проявить больше мужества, «повесить первого бунтовщика-матроса на рее» и даже «потопить суда с мятежными экипажами». Он, разумеется, приветствовал соглашение правых социал-демократов с прусским военным министром с целью подавления «леворадикалов»¹⁰². Книга выполняла и некую «внеаучную» функцию: руководство бундесвера ФРГ рассчитывало, что она произведет отрицательное впечатление на участников движения сторонников мира. Однако в этом деле случались и более серьезные просчеты.

В 1987 г. в Дюссельдорфе вышел большой том «Густав Носке — политическая биография», изданный Военно-научным ведомством бундесвера. Его руководитель полковник генштаба Г. Рот во введении констатировал: автор со ссылкой на новейшие исследования о германской революции утверждает, что так называемая «большевистская опасность» была в 1919 г. в Германии «пропагандистским жупелом», и выражает сожаление, что у правивших тогда страной социал-демократов не хватило мужества и силы, чтобы лишить власти консервативную верхушку. Несогласный с этим полковник (вскоре произведенный в бригадные генералы) призывал читателей и науку «оспорить этот провокационный тезис автора»¹⁰³.

Молодой исследователь Вольфганг Ветте, написавший свой труд на основе широчайшего круга документальных источников, в том числе архивных, еще раньше выдержал нелегкий бой за свою диссертацию и книгу. В совете при Военно-научном ведомстве мнения разошлись, и профессора К. Гильдебранд, Т. Ниппердей и М. Штюрмер высказались против публикации. Решил судьбу работы положительный отзыв Г. А. Винклера¹⁰⁴.

В. Ветте не представил Носке злодеем-одиночкой. Он указал, что решающая линия была определена еще до вступления Носке в СНУ и его назначения главнокомандующим и министром рейхсвера соглашением Эберт—Грёнер и другими решениями. «Характерная для первой половины 1919 г. эскалация насилия,— пишет В. Ветте,— вовсе не была вынужденно предписанной. В начале этого развития, которое потом приобрело собственную динамику, стояли решения Носке, необходимость которых была сомнительной, и они сами способствовали дальнейшей эскалации. Так, правительственная реакция на январские события в Берлине была основана на ложной оценке положения... Но под влиянием та-

кого образа мыслей Носке отвергал — как в Берлине, так и позднее в Бремене, Мюнхене и других городах — любые компромиссные политические решения»¹⁰⁵.

Обратившись к проблеме «образа врага», Ветте напомнил, что Носке еще прежде, чем сам назвал себя «кровавой собакой», создал однозначный образ врага, широко пользуясь для этого обвинением в «большевизме». И далее: «То, что Носке приказал стрелять в рабочих, не выясняя возможных альтернатив, не ища компромиссов, это проклятие навсегда останется связанным с его именем». Носке вовсе не был «трагической личностью», как позднее характеризовал его Шейдеман. От ответственности за упущения и ошибочные решения не могут быть освобождены все руководящие политики СДПГ, прежде всего Эберт, Шейдеман и Бауэр. Правящие социал-демократы не проявили мужества, необходимого для осуществления «действительно наступательной политики, которая глубоко изменила бы традиционные структуры, всегда была лишена бы почвы те элиты, которые уже вскоре попытались осуществить новый „рывок к мировому господству“. Носке, занимавший особенно важный политический пост, был самым ярким воплощением этой неспособности»¹⁰⁶.

В сфере изучения и истолкования Ноябрьской революции сделало известные успехи радикально-демократическое направление в историографии, в большей или меньшей мере тяготеющее к марксизму. Воспитанник Гамбургского университета Фолькер Арнольд в 1978 г. выпустил две небольшие книги: «Теория Советов в Ноябрьской революции. Систематическое идейно-историческое изложение и анализ различных концепций Советов» и «Движение Советов в Ноябрьской революции. Советы как организационные формы борьбы и самоопределения»¹⁰⁷. Эти работы были шагом вперед по сравнению с работой Х. Дэна. Арнольд убежден, что Советы можно рассматривать лишь в рамках конкретной революционной ситуации, когда они уже стихийно возникли и ставят задачу преодоления как существующих экономических и политических буржуазных структур, так и традиционных форм рабочего движения. Различные концепции Советов в Ноябрьской революции он рассматривал в связи с их оценкой марксистами.

В отличие от сторонников «третьего пути» Ф. Арнольд видел, что рабочие хотели не только установления власти Советов, но и социалистических действий, осуществления пролетарской демократии. Радикальные сторонники советской системы видели в ней «тотальную альтернативу буржуазному господству: она должна была уничтожить буржуазные производственные отношения и формы господства, осуществив новые формы общественных связей». Отметив, что в Германии концепции Советов остались лишь «отдаленными видениями реального движения, превратились в утопии и показатели неудачи революции», Арнольд напомнил в этой связи слова Розы Люксембург, что «Советы без революции мертвы»¹⁰⁸.

Ф. Арнольд подчеркнул самые критические суждения против

политики правых лидеров СДПГ из высказанных Кольбом, Эртценем и особенно Рюрупом. Резюмируя собственную позицию, он писал: «В Германской революции 1918—1919 гг. речь шла не о демагогически ослепляющей альтернативе: демократия или большевизм, а о другой альтернативе: решительная, готовая идти на риск политика реформ для укоренения демократии, или сохранение преемственности с дореволюционными антидемократическими, антисоциальными силами. Последнее, однако, означало — и это не только исходя из нынешней перспективы — опасность поражения, разрушения либеральной парламентской демократии»¹⁰⁹.

Йорг Берлин выпустил в 1979 г. в Кёльне том «Германская революция 1918—1919 гг. Источники и документы»¹¹⁰. Во введении он отметил, что новейшая историография «оценивает революцию многозначно». С учетом победы впоследствии национал-социализма интерес большинства авторов нацелен на вопрос: а что же существенного было предрешено уже во время революции в отношении возможности демократического развития Германии? Автор включил в свой том материалы о социально-исторических предпосылках революции, антивоенном движении и расколе рабочего класса в годы войны, о действиях левых, отсутствующие в публикации С. Миллер и Г. А. Риттера. То, что документы тома не охватывали последней фазы революции (январь — май 1919 г.), не связано с недооценкой этих событий автором, который охарактеризовал Баварскую Советскую республику как вершину революции: «Несмотря на ее локальную ограниченность, неясности и иллюзии у действующих лиц, она явилась самой впечатляющей попыткой осуществить в Германской революции 1918—1919 гг. новый, демократический строй»¹¹¹.

В кратких введениях к группам документов, объединенных по проблемному принципу, Берлин дал сжатые характеристики некоторых важных аспектов революции. Так, говоря о ее предпосылках, он положительно оценил действия разных групп левых социал-демократов, особенно выделив «Спартак». По его мнению, «страх многих вождей СДПГ перед революцией был результатом не индивидуальных ошибок в оценке положения, а их интеграции в существующий политический и социальный „порядок“. Следствия такого поведения проявились уже во время войны в доносах на ее противников, а в последующее время — в кровавом подавлении ими революционного рабочего движения»¹¹².

В ноябрьские дни правым лидерам социал-демократии, обьявившим о создании «революционного правительства» и желавшим «осуществить социалистическую программу», удалось «обмануть массы относительно своих подлинных намерений и воспрепятствовать углублению революции». Берлин показал, что объективная функция их политики заключалась в том, чтобы сохранить капиталистическую систему, о чем свидетельствовали союз Эберта с Верховным командованием и жестокие расправы с рабочими. В первые месяцы революции контроль со стороны Советов мог бы обеспечить эффективное осуществление распоря-

жений действительно революционного правительства вопреки сопротивлению старых чиновников, но СНУ стремился лишь к тому, чтобы «сохранить в действии старый правительственный аппарат»¹¹³.

Й. Берлин опроверг утверждение тех историков, которые, твердя о слабости «Спартака», считали январские бои «спартакским восстанием», а не стихийным возмущением радикальной части берлинских рабочих. Автор обстоятельно документировал создание КПГ, осветил обстоятельства злодейского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Если исходить из целей революции, рассуждал автор, то можно считать, что она потерпела поражение, ибо не удалось реализовать существенные представления Советов и масс о ее задачах. Возражая сторонникам концепции «третьего пути», Берлин писал: «Причина этого развития заключалась в том, что рабочие и солдаты верили лозунгам правых социал-демократических руководителей, обещавших им проведение демократизации и социализации, а на деле препятствовавших им из боязни радикальных преобразований». Хотя революция принесла немаловажные результаты, ее успехи «не имели значения для будущего демократии, ибо, чтобы гарантировать ее, рабочие и социалисты всех направлений должны были бы вместе со своими организациями осуществить структурные реформы и защитить республику от атак справа»¹¹⁴.

В 1981 г. баварский историк и литератор Ф. Хитцер опубликовал работу «Убийство в Хофбройхаузе. Неизвестное и забытое о Баварской Советской республике»¹¹⁵. В нее вошли разнообразные документы прокуратуры и полиции, обнаруженные автором в мюнхенских архивах. Среди них дневники Р. Эгельхофера, Э. Никиша, большевика И. Слесарева, важные материалы о деятельности Е. Левине, Эгельгофера, Э. Толлера, о расстреле карателями в Хофбройхаузе без суда и следствия 12 рабочих из Перлаха, письма большевика Т. Аксельрода в Москву и др. Особый интерес представляют дневниковые записи известного медика Р. Шолленбруха, бывшего в Баварской Советской республике народным комиссаром здравоохранения и главным врачом Красной Армии. Их передала автору племянница Шолленбруха.

В вводной статье Ф. Хитцер дал содержательный очерк развития событий в Баварии. В разделе «Барабанщики: выступает Гитлер» автор разоблачил систематические извращения и криминализацию событий революции, сначала в полицейском докладе 1919 г. о «насилиях Советской республики, затем в злобном пасквиле министра юстиции Баварии Э. Мюллера-Майнинген¹¹⁶, наконец, в нацистской фальшивке о «красных убийствах в Мюнхене»¹¹⁷. Хитцер показал, как и почему послереволюционная Бавария превратилась из «ячейки порядка» в столицу фашистского движения.

В книге «Веймарская республика» профессор Марбургского

университета Р. Кюньль, рассматривал процесс установления демократии, создания структуры власти, а затем разрушения республики, оспорил тезис, будто республика была «демократией без демократов». Характеризуя стратегию буржуазии периода революции, он подчеркнул, что контрреволюция восторжествовала, так как власть имущие, согласившись на некоторые уступки профсоюзам и пойдя на союз с социал-демократией, сумели создать вооруженный кулак для подавления силой революционных рабочих¹¹⁸.

НАЧАЛО ДИАЛОГА?

В преддверии 70-летия Германской революции 1918—1919 гг. произошли некоторые события, знаменующие известный прогрессивный сдвиг в историографии ФРГ. В марте 1987 г. Историческая комиссия Правления СДПГ провела в «Доме Эриха Олленхауэра» в Бонне встречу историков — социал-демократов ФРГ и историков — коммунистов ГДР на тему: «Наследники германской истории — ФРГ и ГДР»¹¹⁹.

На встрече, собравшей более 600 участников и зрителей, обсуждались три проблемы: «Историческое сознание и интерпретации истории в ГДР и ФРГ»; «Создание Империи — революция сверху?»; «Шансы и поражение Веймарской республики»*. Открывая встречу, председатель Исторической комиссии СДПГ Сусанна Миллер отметила, что эта первая публичная дискуссия историков двух германских государств не может ставить целью достижение согласия по всем пунктам; она не должна замазывать разногласия, и устроители надеются, что она создаст партнерские контакты, которые обогатят будущие работы.

В докладе «СДПГ в германской истории» почетный председатель партии и президент Социалистического Интернационала Вилли Брандт заметил, что «партия как партия должна не только вспоминать прошлое, она должна также уметь и забывать; науке второе не позволено». Рассказывая о подготовке новой партийной программы, В. Брандт коснулся и недавно вспыхнувшего в ФРГ спора историков относительно преступлений нацизма, подчеркнув, что всякое приуменьшение ответственности за массовые убийства противно совести и морали. Свобода исследования и ответственность за свободу не могут быть отделены друг от друга¹²⁰.

Проблематика Ноябрьской революции была затронута лишь мимоходом, поскольку при обсуждении истории Веймарской

* В дискуссии приняли участие историки ФРГ: С. Миллер, Б. Фауленбах, П. Глотц, Х. Гребинг, Ю. Кокка, Э. Кольб, Д. Лангевизе, Г. Моммзен, М. Ристау, Р. Рюру, К. Шёнховен, Р. фон Тадден. ГДР представляли: Э. Энгельберг, Д. Фрикке, В. Шмидт, Г. Зеебер, М. Вайсбеккер, В. Виммер.

республики главное внимание было уделено ее гибели. К. Шёнховен отметил различие в подходах большинства историков ФРГ и историков ГДР: «Постулат, что в революционной ситуации 1918—1919 гг. в Германии объективно стоял „на повестке дня“ переход к социализму, и постулат, что после свержения монархии Гогенцоллернов был настоятельно необходим классовый компромисс между силами рабочего движения, ориентированными на реформу, и прогрессивными силами буржуазии для стабилизации демократии, ведут к различиям в оценках исходной ситуации Веймарской республики»¹²¹.

Э. Кольб указал, что к концу мировой войны существующий политический строй был сильнейшим образом дискредитирован, его носители находились в состоянии неуверенности и дезориентации, а в широких кругах населения — в том числе и за рамками рабочего класса — проявилась решительная воля к проведению коренных реформ в государстве и обществе. «Из этой ситуации для революционного правительства выросла возможность — а если хотите, то одновременно и обязанность — осуществить государственное и общественное переустройство, способное создать возможно более широкий и прочный фундамент для социальной демократии. Однако социал-демократы большинства, в революционные месяцы самая мощная и решающая политическая сила, выдвинули иные приоритеты. По ряду причин, оживленно обсуждаемых исследователями, они придерживались мнения, что не может быть задачей революционного правительства немедленно и одновременно решительными мерами по демократизации экономики, управления и военного дела начать перестройку политических и общественных отношений власти. Они решили строить новое государственное здание совместно с демократически настроенной частью буржуазии, а это решение означало одновременно и отказ от проведения далеко идущих структурных реформ в государстве и обществе. Общественные основы кайзеровской империи остались в 1918—1919 гг в основном незатронутыми»¹²².

Поскольку, продолжал Кольб, в первые недели революции не был использован шанс для создания глубоко укорененного демократического строя, а в дальнейшем эта возможность исчезла, следует согласиться с Г. А. Винклером, что оставалось только стараться политикой коалиции и компромиссов социал-демократии с либералами хотя бы сохранить и укрепить важнейшее завоевание революции — парламентскую демократию¹²³.

В конце августа того же года в Берлине и Бонне был опубликован совместно подготовленный Академией общественных наук при ЦК СЕПГ и Программной комиссией СДПГ документ «Спор идеологий и взаимная безопасность». В нем говорилось о сложившейся ныне возможности и необходимости вести друг с другом политический спор и «противоречивый диалог», не забывая о принципиальных различиях в подходах. Разумеется, на представлениях коммунистов и социал-демократов во время

Ноябрьской революции и образования КПП лежала печать неотвратимой конфронтации и крайней враждебности. Тем важнее, хотя и нелегко, вести в наши дни диалог по этим вопросам в рамках научного спора. Для этого, как сказано в документе, следует «уважать принципиальные решения другой стороны, не создавать „образов врага“, не высказывать подозрений относительно мотивов действий другой стороны, намеренно не искажать ее стремления и не клеветать на ее представителей. Обе стороны должны позволять сравнивать свои действия и успехи, свои упущения и неудачи...»¹²⁴.

Еще раньше, в апреле 1987 г., на V симпозиуме историков СССР и ФРГ в Гёттингене Г. А. Винклер выступил с докладом на тему «Историческое место Германской революции 1918—1919 гг.»¹²⁵. Развивая свои ранее высказанные взгляды, он сформулировал три тезиса, которые сам противопоставил марксистско-ленинской концепции. В качестве выражения последней он назвал Тезисы ЦК СЕПГ к 40-летию революции, а новейшими общими работами — немецкие издания книг Я. С. Драккина «Ноябрьская революция» и «Становление Веймарской республики». На симпозиуме научная дискуссия не состоялась, и автор настоящей книги счел себя вправе продолжить заочно полемику с Г. А. Винклером по поднятым им вопросам*.

Первый тезис Г. А. Винклера призван был объяснить, почему Германская революция 1918—1919 гг., не войдя в число «великих», или «классических», все же остается «вызовом для историков». Кроме нее, считал он, ни одна революция не произошла в «высокоразвитом индустриальном обществе»: «Все „классические“ революции Запада произошли до промышленной революции, т. е. в преимущественно аграрных обществах, это же относится к великим революциям на Востоке — русской и китайской. То, что Германская революция 1918—1919 гг. не может быть причислена к великим и успешным, больше связано с ее историческим своеобразием, а не с чем-либо иным. Германия, так гласит мой тезис, была в общественном и политическом отношении слишком развитой, чтобы в 1918—1919 гг. она могла осуществить тот радикальный разрыв с прошлым, который относится к существенным признакам классической революции»¹²⁶.

Ссылаясь в обоснование на высказывания Э. Бернштейна, Г. Штрёбеля и Р. Лёвентала, противопоставлявших Германию Советской России, Винклер заключил: «Уровень *индустриализации* был одним из препятствий для „классической“ революции в Германии осенью 1918 г. Вторым был достигнутый в этой стране уровень *демократизации*... Действительно, после полувекового опыта всеобщего равного избирательного права для мужчин и (правда, ограниченной) свободы организаций большинство

* См об этом выше с 241—243.

германских рабочих „диктатура пролетариата“ по русскому образцу должна была представляться таким же историческим регрессом, как и фаза революционного террора à la 1793 г. На повестке дня стояло расширение, а не, хотя бы временное, ограничение фиксированных частичных требований широких масс. Клич к скорейшим выборам в Германское учредительное национальное собрание носился поэтому после 9 ноября 1918 г. как бы в воздухе. Социал-демократы, самые решительные борцы за демократизацию до 1918 г., рисковали потерять доверие, отказавшись от этого лозунга»¹²⁷.

Второй тезис Винклера должен был объяснить, почему германская революция изменила в общественных отношениях так мало, что приходится говорить о «сверхконтиненте» между кайзеровской империей и Веймарской республикой. Охарактеризовав новейшую ситуацию в историографии ФРГ как «ревизию ревизии», он объявил концепцию «третьего пути» преодоленной, а свою критику свел к минимуму: «Правящие социал-демократы, если не хотели вызвать хаос, не могли обойтись без ограниченного сотрудничества с носителями старого режима... Но мера этого сотрудничества, и тем самым политической и социальной преемственности между монархией и республикой, была значительно большей, чем того требовала ситуация. Иными словами: социал-демократы должны были бы при наличии более сильной воли к политическому преобразованию больше изменить и меньше сохранить». Однако, справившись с непосредственными нуждами дня, они «не сломали бастионов, находившихся в руках решительных противников демократии» — большей части офицерского корпуса, высших чиновников, юстиции, остальбских юнкеров и тяжелой промышленности¹²⁸.

Объясняя отказ правителей от проведения структурных реформ, в том числе лежавших «гораздо ниже порога тотального общественного переворота», Винклер писал: «Конечно, социал-демократы не хотели того, в чем их уже тогда упрекали и ныне обвиняют коммунисты, а именно „предать“ революцию. Но действительно для них... превыше всего было желание избежать экономического и политического хаоса, они переоценивали опасность слева и недооценивали опасности справа...»¹²⁹

Винклер признал, что социал-демократы не учли опыта истории европейских революций: «Парламентская демократия предполагала общественные условия, которые никогда не бывали созданы одними только парламентскими средствами». Впрочем, поспешил он добавить, «фаза революционного террора была бы в Германии 1918—1919 гг. невозможна без кровавой гражданской войны»¹³⁰. В своей книге Винклер привел общеизвестные данные: 1200 убитых во время мартовских боев в Берлине, более 600 при подавлении Баварской Советской республики¹³¹. Разве этого недостаточно, чтобы констатировать, что имела место гражданская война, развязанная контрреволюционным террором Носке?

Третий тезис Винклера заключался в том, что в 1918 и последующие годы «ни в Германии, ни еще где-либо не стояла на повестке дня „пролетарская“ революция... В Германии речь шла прежде всего об исправлении несоответствия между экономическим модернитетом и политической отсталостью, об устранении авторитарного государства и о демократизации. На повестке дня стояло в первую очередь полное осуществление парламентской демократии западного образца. Только эта государственная форма, так гласит мой тезис, могла дать германскому обществу меру политической свободы», соответствующую уровню его культурного и материального развития. Поскольку в Веймарской республике, считал Винклер, коалиция социал-демократии с буржуазными партиями была неизбежной, а коммунисты считали ее классовой изменой, разрыв между социал-демократами и коммунистами был предпосылкой веймарской демократии. Вину за ее крушение он соответственно «распределил» между правыми и левыми¹³².

В своем стремлении поддержать «ревизию ревизии» и объявить концепцию «третьего пути» преодоленной Г. А. Винклер не был одинок. В обширный том, изданный К. Д. Брахером, М. Функе и Г.-А. Якобсеном, «Веймарская республика 1918—1933. Политика, экономика, общество»¹³³ вошла и ранее напечатанная статья Э. Кольба о международных рамках демократического переустройства Германии. Он повторил в ней свою прежнюю мысль, что «пролетарская диктатура в форме государства Советов» была в Германии 1918—1919 гг. «не реальной, а лишь гипотетической альтернативой». Реальной же альтернативой политике социал-демократии могло, по его мнению, стать проведение «в переходный период решительных демократических реформ с целью изменить социальную расстановку сил и создать — при необходимости вопреки сопротивлению традиционных элит — солидный фундамент для парламентской демократии». Кольб согласился даже снять, как он теперь выразился, «плакатное понятие о „третьем пути“», поскольку в этой концепции речь шла вовсе не о создании «государственного организма, стоящего вне парламентской демократии (или экономической системы, не соответствующей ни „капиталистическому“, ни „социалистическому“ типу), а о широкой палитре мер и решений, служащих демократическому обоснованию республики». То обстоятельство, что в исследованиях 60-х годов столь большое внимание было уделено движению Советов, Кольб объяснил тем, что их до этого просто игнорировали. Коль скоро этот дефицит информации преодолен, заявил он, теперь правильнее говорить о социал-демократической политике реформ¹³⁴. Так Кольб сблизил свою позицию со взглядами В. Ю. Моммзена, С. Миллер, Г. А. Винклера.

Более существенные шаги назад были сделаны в других статьях этого тома. Так, Э.-В. Бекенфёрде взял на себя неблагоприятную задачу защитить Ф. Эберта от обвинений в «мелко-

буржуазном приспособленчестве» и «предательстве социальной революции». «Если из революционной ситуации ноября 1918 г., — писал он, — вышли конституционное государство и парламентская демократия, если была предотвращена социальная революция и вытекающая из нее гражданская война, сохранено государственное единство нации, то заслуга принадлежит в первую очередь СДПГ и ее политическим вождям». Они руководствовались, считал автор, лишь глубокими «демократическими убеждениями», соединенными с «национальным патриотизмом», «прагматической трезвостью и целеустремленностью» и прежде всего с характером. «Реально-политическими соображениями» автор оправдывал все — соглашение Эберта-Грёнера, подавление «спартаковских восстаний и беспорядков 1919 г.», деловое содружество Легин—Стиннес, «смягчение» социальной классовой борьбы¹³⁵.

В то время как Бекенфёрде говорил о предотвращении Эбертом гражданской войны, следующий автор — Г. Хюртен назвал свою статью «Гражданские войны в республике». Он без обиняков приписал революционерам желание осуществить «революцию меньшинства против большинства, социалистическую утопию против парламентской демократии», так что для него подавление «бунтующих радикалов», карательные действия Носке и военщины против «путчей и забастовок», разгром Баварской Советской республики — нечто само собою разумеющееся¹³⁶.

Несколько иначе рассуждал эссенский приват-доцент Д. Пойкерт в своей книге «Веймарская республика»¹³⁷. Ожесточенная полемика историков о сущности революции 1918—1919 гг., заявил он, «отражает, правда, спор мировоззрений в исторической науке», но также и «неоднородность самого революционного процесса». Для уяснения последнего он предложил рассматривать составлявшие будто бы революцию три движения и притом на трех этапах: *конституционную революцию* демократических политиков, дополненную корпоративистским сотрудничеством руководителей союзов труда и капитала с государством; движение *мира и социальной протеста*, нашедшее выражение в Советах; *социалистическую инициативу* гетерогенной группы левых политиков. Эти движения, идя параллельно или смыкаясь и размыкаясь, прошли три этапа развития: «*пору надежд*» (до 9 ноября 1918 г.), «*пору решений*» (до выборов Национального собрания в январе 1919 г.) и «*пору разочарований*» (весной 1919 г.).

Автор положительно отнесся к «примату порядка», а также к «базисному компромиссу между новой республикой и старыми военными», благодаря чему революция осталась в рамках конституционного движения. Он сожалел, однако, что не была испробована альтернатива демократизации с опорой на лояльные Советы, и выразил сомнение, была ли мудрой отсрочка существенных реформ. Вслед за Винклером он, считая неверным говорить о «спартаковском восстании», увидел в действиях Носке и его союзе с во-

енщиной «начало борьбы против всякого развития революции». В итоге «поры разочарований» успеха добилось конституционное движение, движение протеста и мира не смогло превратиться в демократический потенциал, а подобная гражданской войне борьба разверзла между социал-демократией и более радикальными частями рабочего движения пропасть. Компромиссная конституция и тяжесть Версаля осложнили положение республики, так что, если мерить преобразования 1918—1919 гг. масштабом социальной революции, надо считать ее потерпевшей поражение. Автор выразил согласие с Винклером, что Германия была «слишком прогрессивной» и для классической и для «большевистской» революций. Но тот же «модернитет» сделал Германию уязвимой: она могла решать свои противоречия не только на основе социально-либеральной модели, но и на путях внешней агрессии, организованной военно-промышленным комплексом, мобилизующим массы народа. Такая опасность была лишь временно скована в 1918—1919 гг. военным поражением и республиканским переустройством¹³⁸.

Попытку резюмировать спорные вопросы предпринял один из лучших знатоков революции — Э. Кольб в статье «От кайзеровской империи к республике. Политическое переустройство под знаком военного поражения и государственного переворота», которая открывала изданную Г. Шульцем книгу «Веймарская республика. Нация на переломе»¹³⁹. События осени 1918 — лета 1919 г., полагал Кольб, можно считать в исследовательском плане сравнительно хорошо изученными. Несмотря, однако, на согласие по многим частным вопросам, «остаётся спорной общая оценка Германской революции 1918—1919 гг. и ее исторического места в новейшей истории». Он выделил при этом два центральных аспекта: во-первых, *связь военного поражения с установлением нового государственного строя*; во-вторых, *ход и итог внутривнутриполитической борьбы в революционные месяцы*¹⁴⁰.

Серьезнейшим упущением революционного правительства и веймарской коалиции Кольб считал то, что они «не осознали фундаментального значения для создания нового строя ясного и недвусмысленного установления ответственности за военное поражение и тем самым за суровые условия мира, ставшие неизбежным следствием проигранной войны. С самого начала не было сомнения, какова была цель «*легенды о дольхштосе*»: она должна была «систематически подрывать национальную легитимность нового политического строя и оживлять труп кайзеровской империи». Этот миф означал потому «серьезную угрозу молодой республике». И тем не менее правительство и социал-демократия не оказали легенде решительного сопротивления, так что «парламентская демократия, вышедшая из государственного переворота и революции, стала универсальным козлом отпущения за проигранную войну, за мирный договор со всеми его тяжелейшими последствиями, за утрату национальную чести и достоинства». Тем самым правые силы «выиграли решающую битву в борьбе за будущее республики

и смогли подготовить поле для проведения в последующие годы безудержной националистической агитации»¹⁴¹.

Важным спорным вопросом, интенсивно дискутируемым, остается следующий: возможны ли были в ноябре—январе решительные структурные реформы? Конечно, заметил Кольб, историк не может однозначно ответить, что было бы, если бы... Но он может точно проанализировать решающую ситуацию и, к примеру, убедительно обосновать, что руководство СДПГ недостаточно использовало свои возможности.

Хотя каждое такое высказывание (как, впрочем, и опровержение его!) содержит гипотетический элемент, можно точно оценить последствия проводимой политики. С января 1919 г. начался отход многих промышленных рабочих от социал-демократии, их радикализация. Гражданская война привела к появлению наряду с правыми противниками республики и крайне левых, так что веймарская демократия оказалась под угрозой с двух сторон. Между тем большинство граждан, в том числе рабочих, были не готовы признать конституцию и новый строй своими, чтобы бороться на их почве. Несмотря, однако, на эту «двойную угрозу», республика сохраняла шансы преодолеть в дальнейшем исходные ошибки и слабости. Поскольку этого не произошло, то (с учетом 1933 г.) вполне обоснован «продолжающийся интерес к решениям 1918—1919 гг., вынуждающий ставить вопросы о фатальной цепной связи проявившихся в конце первой мировой войны при установлении нового строя в Германии просчетов, вины и трагики»¹⁴².

ВОПРОСЫ К ПРОШЛОМУ И БУДУЩЕМУ НАУКИ

Семь десятилетий, прошедших со времени исторического события,— срок немалый, но, как мы видим на примере Германской революции 1918—1919 гг., не всегда достаточный для разрешения тех спорных вопросов, которые возникли еще в ходе самих событий и, трансформировавшись со временем, тем не менее сохранили свою остроту до наших дней.

Разумеется, и это знают историки всех направлений, не в их власти что-либо изменить в ходе и исходе событий. Но всякий исследователь стремится по-своему, с позиций собственного исторического и политического опыта, понять и истолковать их. Этот процесс исторического познания, включения прошлого в настоящее, а отчасти и в будущее — естественный элемент развития человеческой культуры, и конца ему не видно. «Историки спорят», вероятно, не со времени Фукидида, а с еще более древних времен; они, несомненно, будут заниматься этим и впредь.

Что касается проблематики революций и их роли в истории, особенно XX в., в том числе и интересующей нас германской революции 1918—1919 гг., то в наше время не видно перспективы полного консенсуса в их оценке. Спорной является не только возможность его, но даже и желательность. Тем не менее общее развитие

исторической и смежных общественных наук, а в последнее время также, что не менее важно, идейно-политического климата в мире усиливает желание найти некие общие знаменатели, не стесняющие плюрализма мнений, но вводящие его в рамки научно-культурного диалога без предвзятости, передержек и оскорбительных ярлыков. Насколько можно судить, готовность к этому созрела у прогрессивных историков и марксистского и немарксистского направлений. Это новое важно сохранить и развить, не смазывая разногласий, а уточняя позиции диспутантов

Представляется, что данный в этой книге обстоятельный, хотя далеко не полный обзор исторической литературы и возникавших на разных этапах споров позволяет в заключение суммировать некоторые общие и различные оценки, высказать в отдельных случаях научные гипотезы или предположения в надежде, что последующие исследователи — то ли в согласии, то ли в полемике с ними — найдут некоторые стимулы для дальнейших размышлений.

Вероятно, есть смысл для приведения многочисленных вопросов в определенную систему снова вернуться к тем пяти комплексам проблем, которые были обозначены во введении к книге и прослеживались в ходе изложения.

Во-первых, речь идет о *предпосылках и причинах* германской революции 1918—1919 гг. Историки-марксисты всегда уделяли этому комплексу самое пристальное внимание. Можно констатировать, что прогрессивные историки ФРГ преодолели многие устаревшие догматы, в том числе «легенду о дольхштосе», связывавшую революцию только с военным поражением Германии, да и то в превратном виде. В работах историков ФРГ социально-критического направления (Г. А. Винклер, Ю. Кокка, Г.-У. Велер, Р. Рюруп и др.) предприняты серьезные попытки социально-экономического и социально-политического, отчасти классового анализа обстоятельств, вызвавших революцию. Она перестала быть явлением чисто случайным, внешним, чужеродным или даже излишним и вредным. Однако разделяемая ими концепция «индустриального общества» все же скользит по поверхности явления, затушевывает социальные конфликты, не привела к глубокому выявлению ни общих черт европейского революционного кризиса, выросшего из войны, ни исторического своеобразия германской революции (в том числе и по сравнению с российской). Явно недостаточны, например, для раскрытия истинных причин революции констатации «слишком высокого уровня индустриализации» Германии или «несоответствия между экономическим модернитетом и политической отсталостью».

Марксисты всегда видели и этот высокий уровень, и несоответствие. Ленин, как известно, относил Германию к числу передовых стран капитала, отмечая также специфические особенности германского «буржуазно-юнкерского» государственно-монополистического капитализма. Именно из глубинных противоречий этого общественного строя он и выводил объективную зрелость Герма-

нии для социалистической революции. Так же рассуждали и германские марксисты.

Ситуация осложнилась, когда в германской социал-демократии взяли верх представления о возможности достичь социализма не революционным, а реформистским путем, особенно когда с началом мировой империалистической войны верхушка партии, включая теоретика Каутского, отказалась от принципа пролетарского интернационализма и встала на позиции «классового мира» с национальной буржуазией. Если вынести за скобки взаимные обвинения правых в «социал-предательстве», а левых в «утопизме», останется принципиальное различие между сторонниками революционного и реформистского путей. В то время как первые звали к социальной революции под лозунгом «Германия — республика», вторые, войдя в правительство Макса Баденского, считали возможным и нужным революцию предотвратить. Известно, кто оказался прав.

Прогрессивные историки ныне все признают, что революция в Германии была объективно неизбежной, ее корни уходили в прошлое, в давно сложившийся общественный и политический строй. Разногласия начинаются, когда речь заходит о том, *какая* революция стояла в Германии на очереди, какие задачи она должна была и могла решить. Обратный счет от достигнутого не снимает проблемы, ибо *характер* революции не может выводиться из ее результата: любая революция может быть победоносной или потерпеть поражение. Но без понимания характера нельзя оценить ни требований и устремлений поднявшихся на революцию масс, ни позиции вождей, призванных дать ориентиры этой борьбы.

Сторонники социально-критической школы отрицают вообще возможность социалистической (пролетарской) революции, допуская, да и то с оговорками, лишь возможность буржуазной (демократической) революции. «Ни в Германии, — пишет Винклер, — ни еще где-либо не стояла на повестке дня „пролетарская“ революция»¹⁴³. Серьезных аргументов нет, ибо таковыми не могут быть ни голословное заявление, будто понятия «буржуазная» и «пролетарская» революции недостаточны для характеристики Ноябрьской революции в Германии, ни утверждения, будто Октябрьская революция в России вообще не была пролетарской.

Реальная, а не надуманная сложность Германской революции 1918—1919 гг. заключалась, на наш взгляд, именно в том, что ее характер (основное социальное содержание) был *альтернативным*: она могла остаться буржуазно-демократической, она могла стать революцией пролетарской. Притом если в России в силу ее сравнительной отсталости стадия буржуазно-демократическая предполагалась заранее, то в Германии революционеры не предвидели ни обязательного ее прохождения, ни тем более «застревания» революции на ней. Осмысление этого противоречивого явления далось марксистам нелегко, было предметом многолетних дискуссий. Всестороннее уяснение обстоятельств и причин, уточнение критериев оценки характера революции стало возможным

лишь с учетом новых архивных материалов, опыта народно-демократических революций, происшедших после второй мировой войны, и т. д. Некоторые стороны этого процесса нуждаются в дальнейшей исследовании и обсуждении. Среди них характеристика империализма и его кризиса, глубины противоречий в Германии, а также вопрос о соотношении объективных условий революции и субъективных факторов. К последнему мы еще вернемся при рассмотрении «исторического места» германской революции.

Второй комплекс проблем касается оценки первого периода революции — ноябрьских дней. Прежде историки рассматривали именно эти события и не без основания именовали революцию Ноябрьской. Теперь этот начальный этап, когда у власти стало правительство, именовавшее себя «социалистическим» и выдвинувшее «социалистическую программу» (в той или иной мере соответствовавшую и требованиям Советов крупнейших промышленных центров), нередко даже не выделяется. Возможно, это связано с желанием скрыть то, что социалистические требования были выдвинуты с самого начала революции, ослабить значение зловещего союза Эберт—Грёнер, пагубного соглашения Стиннес—Легин и ограничиться общей фразой о том, что социал-демократы не могли обойтись без сотрудничества с носителями старого режима. Утверждение, что в противном случае «грозил хаос», заимствовано из традиционного буржуазного стереотипа о революции как «нарушении порядка» и «анархии».

Между тем высказанное революционерами еще в ноябрьские дни 1918 г. предположение, что социал-демократические лидеры, едва став у власти, стали организаторами контрреволюции, готовили военное подавление совершивших революцию рабочих и солдатских масс, было подтверждено впоследствии документально и неопровержимо, в том числе публикацией протоколов Совета народных уполномоченных. Желаящим смягчить вину этих деятелей остается лишь сетовать на их «уступчивость» и недостаток смелости, но нельзя отрицать их политическую и историческую ответственность за последующие события, хотя личные мотивы действий того или иного деятеля были различными. Можно, конечно, взвешивать, что вытекало из традиций СДПГ, что из оппортунистического перерождения ее верхушки, что из социал-шовинизма, что из враждебности к революции, что из страха перед самостоятельностью масс и т. п. Не только можно, но и настоятельно необходимо продолжать исследование социальной стратификации масс, изучать их социальную психологию, настроения, деятельность разных групп. Это позволит создать более рельефную и красочную картину событий, однако вряд ли поколеблет тот факт, что социал-демократическая партийная и профсоюзная верхушка на практике отеклась от ранее провозглашенных ею программных принципов: классовый борьбы, революции, интернационализма.

Третий комплекс проблем связан с борьбой по кардинальному вопросу революции: «Власть Советов или Национальное собрание?» Сначала почти одни только марксисты проявляли интерес

к рабочим и солдатским Советам, публиковали исследования и документы о их деятельности. Они старались прежде всего уяснить, почему Советы как органы революционной инициативы широких масс добились власти в России, но не проявили ни зрелости, ни воли к единовластию в Германии. При этом далеко не в полной мере учитывалось, что здесь в отличие от России Советам противостояли устойчивые традиции парламентаризма, влиятельные профсоюзы и активная социал-демократия.

Начиная с 60-х годов, Э. Кольб, П. Эртцен, Э. Маттиас, Р. Юруп, У. Клюге и другие провели широкую исследовательскую и публикаторскую работу. Ими воссоздана впечатляющая картина как масштаба деятельности Советов, так и их идейной и организационной слабости. Впрочем, Кольб, Клюге и другие предпочитают радикальным Советам «умеренные», а Эртцен — политическим Советам производственные, чья деятельность ограничивалась рамками предприятий. Возможно, над этими историками довлеет презумпция, что в Германии была возможна только демократическая, но не социалистическая революция. Возможно, ориентируясь на реформы, они не принимают в расчет, что в ходе развивающейся революции шансы на успех имели только динамичные и самоотверженные революционные акции, тогда как пассивность и нерешительность, поиски компромисса (в том числе сочетания пролетарских Советов с буржуазным парламентом) вели к умиранию революционных органов. Ведь не случайно же многие Советы, руководимые социал-демократами, просто самораспустились, тогда как стремившиеся к продолжению и углублению революции продолжали упорную борьбу, пока не были сломлены вооруженной силой белогвардейских формирований Носке.

Идея созыва Учредительного национального собрания, подсказанная Эберту еще принцем Максом Баденским, стала лозунгом, под прикрытием которого осуществлялась консолидация всех враждебных революции сил. Но для того чтобы парализовать революционную активность берлинских пролетариев, правящим кругам понадобилась целая цепь вооруженных провокаций, пока в январе 1919 г. они не сумели вызвать их на преждевременное выступление. Хотя прогрессивные историки отошли от тезиса о «январском восстании Спартака», они все же не сделали ясного вывода о заинтересованности Эберта—Носке в разгроме революционного авангарда. Положит ли конец их колебаниям новейшая биография Носке или потребуются дальнейшие исследования и размышления?

Четвертый комплекс проблем охватывает события весны 1919 г. Марксисты после временных сомнений считают это время особым, третьим периодом, органически входящим в революцию 1918—1919 гг. Винклер вслед за Кольбом и другими именует весенние бои рабочих «второй волной революции», ее «пролетарской фазой». Он признает, что требование «социализации» волновало самые широкие массы рабочих. Как бы позабыв, что ранее отрицал зрелость Германии для социализма, он допускает даже воз-

возможность осуществления «известной меры социализма». Некоторое сближение этих характеристик с позицией марксистов не должно, однако, скрыть принципиальных расхождений: историки социально-критической школы оказываются не на стороне рабочих, требовавших реализации данных социал-демократией обещаний, более или менее откровенно оправдывают террористическое подавление их протестов. Случайно ли, что их критика социал-демократических лидеров, подчас довольно острая, останавливается на этом пределе? Над этим стоит задуматься.

Весенний период революции характеризовался не только отчаянной борьбой пролетарских масс за сохранение завоеванного ими в революции, за реализацию данных обещаний, за продвижение революции дальше и глубже в решении исторических задач. Одновременно шел и процесс, противоположный по своей направленности, нацеленный на минимум преобразований и максимум континуитета. Он проявился в конституционных и иных дебатах в Национальном собрании, в подготовке контрпредложений к мирному договору, в восстановлении позиций монополий. И здесь остается немалый простор для исследований.

Пятый комплекс проблем — это «историческое место» Германской революции 1918—1919 гг. Такое обобщение не может быть простой суммой сказанного об отдельных сторонах революции. Речь идет о ее месте в цепи национальной истории, в кругу современных ей международных событий и в общей системе всемирно-исторического процесса.

Марксисты всегда видели в революциях узловые пункты, кульминации исторического развития, перерывы медленного, постепенного исторического движения, когда взлет творческой активности народных масс в сжатые сроки, концентрированно не только разрушает сложившуюся рутинную систему, но и открывает новые перспективы. Вопрос не в том, что предпочтительнее — реформа или революция. Важнее понять, что в условиях революции возникает возможность *альтернативного выбора* дальнейшего пути или, как говорят сторонники социально-критической школы, «устанавливаются стрелки» на исторической колее.

Представляется, что ныне историки прогрессивного направления в оценке роли и места Германской революции 1918—1919 гг. приблизились к известной степени взаимопонимания. Во-первых, революция была реальностью, обусловленной развитием внутренних процессов в Германии, и произошла на международном фоне, созданном мировой войной. Во-вторых, революция не связана только с военным поражением и уж, конечно, не была вызвана «большевистскими агитаторами». В-третьих, революция не решила всех задач, ради которых народ ее совершил: она остановилась на полпути, создав демократическую республику, но не обеспечив ей прочной социальной основы. Хотя ее гибель не была фатально предопределена, в фундаменте ее исходно были трещины. В-четвертых, в той или иной мере ответственность за слабость выросшей из революции Веймарской республики ложится на тех руководи-

телей социал-демократии, которые в решающий момент стояли у власти в стране, хотя в вопросе о мере ответственности мнения расходятся. В-пятых, рабочие Советы могли бы сыграть большую положительную роль в деле демократизации, однако в оценке их потенциаль как органов власти или производственной демократии разброс мнений особенно велик. В-шестых, революция не стала «классической», но в объяснении причин этого факта согласия между историками нет.

Отнюдь не претендуя на решение спорных вопросов, полагаю, что многолетнее изучение этой революции, а также ее историографии позволяет мне сформулировать самые общие контуры научной гипотезы, которая, быть может, пригодится при продолжении исследований и дискуссий.

1. Роль и место Германской революции 1918—1919 гг. могут быть глубоко осмыслены только в системе координат: диахронной вертикали национального развития и синхронной горизонтали интернациональной ситуации конца первой мировой войны и возникшего в Европе революционного кризиса. Необходимо дальнейшее углубленное изучение социально-экономических, политических, социокультурных (цивилизационных) и иных *объективных условий* капитализма (империализма), возможностей выхода из кризиса как в направлении стабилизации этой системы, так и в направлении движения к социализму. Современный уровень общественных наук, историческая дистанция и благоприятный идейно-политический климат позволяют расширить размах сравнительных исследований, преодолеть сложившиеся стереотипы, по-новому, критично и самокритично проанализировать весь узел проблем, связанных с происшедшим расколом мира на две различные социальные системы.

2. Социальный прогресс, по-видимому, потому столь сложен, неодномерен и неоднозначен, что объективные условия составляют лишь фон, основу, базис, арену или сцену, на которой действуют *субъективные факторы* исторического процесса. В периоды революционного подъема роль сознательной деятельности масс, классов, организаций, партий, политических лидеров заметно возрастает и обуславливает часто непредсказуемый ход событий. Взаимодействие объективных условий и субъективных факторов заметно усложняется по сравнению с «мирными», эволюционными полосами развития. Поэтому следует отказаться от упрощенных схем вроде «зрелости» объективных условий и «незрелости» субъективного фактора, сведенного вдобавок лишь к наличию «революционной партии нового типа». Этого явно недостаточно уже потому, что «зрелость условий» сама нуждается в обосновании. Стоит вспомнить ироническое отношение Р. Люксембург к рассуждениям К. Каутского о «незрелости» России для социалистической революции: ведь «статистически» Франция в 1789 и в 1793 гг. «была еще менее зрелой для господства буржуазии»¹⁴⁴.

Что касается субъективных факторов, то в расчет должны приниматься многие обстоятельства. Применительно к Герман-

ской революции речь должна идти прежде всего о состоянии и действиях рабочего класса и его организаций. Конкретнее — об условиях и влиянии СДПГ, НСДПГ, спартаковцев-коммунистов, рабочих Советов в центре и на местах, профсоюзов; о том, какие реально задачи находились в центре борьбы революционных рабочих масс на разных этапах революции, как практически ставился вопрос о политической власти. Аналогично должны рассматриваться состояние и действие реальных или потенциальных союзников рабочего класса: солдат и матросов, городской мелкой буржуазии, крестьянства. Силы противостоящего лагеря тоже должны рассматриваться дифференцированно: государственный аппарат, генералитет, промышленные круги, аграрии, политические партии и организации и т. д. Стержневым является вопрос: в чьих руках рычаги реальной власти, ради чего и против кого она применяется?

3. С учетом этих предпосылок и предложенной выше периодизации ее событий конкретный анализ хода и исхода Германской революции мог бы помочь установлению масштаба и особенностей того всем очевидного разрыва между ее возможностями и реальностями, который нашел отражение во многих эпитетах, к ней применявшихся: «слабая», «половинчатая», «преданная», «застрявшая» и т. п.

Самые острые споры идут по двум взаимосвязанным линиям: имелась ли в то время реальная возможность выйти за рамки капитализма и продвинуться в направлении социализма, лишь отчасти выраженная в тогдашней борьбе по вопросу о «социализации», в спорах о том, могли ли Советы вместо парламента или вместе с ним стать демократическими органами власти и производственной, экономической демократии, открывающими путь к социализму.

Видимо, для обоснованного ответа на эти вопросы должны быть приняты в расчет как конкретные условия Германии, так и процессы, происходившие в Советской России, Австрии и Венгрии в 1917—1919 гг. Следует учесть и последующий (положительный и отрицательный) опыт социалистического строительства в разных странах, а также развития системы парламентаризма на Западе и деформации Советов в СССР. Требуется самого обстоятельного обсуждения и такая проблема: была ли в условиях европейского революционного подъема после первой мировой войны конфронтация буржуазной демократии и диктатуры пролетариата неизбежной или имелась демократическая альтернатива?

Можно высказать предположение, что рассмотрение этих вопросов в широкой международной панораме позволит либо сблизить позиции прогрессивных историков, либо яснее очертить конкретные позиции и расхождения. Путь историографии Германской революции, начатый 70 лет назад, шел от исторических легенд ко все более реалистическому решению научных проблем, в том числе запутанных и сложных. Он еще не пройден, и осилит его идущий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Weltherrschaft im Visier. Dokumente. В., 1975.
- ² Dokumente zur deutschen Geschichte 1917—1919/Hrsg. W. Ruge, W. Schumann. В., 1975.
- ³ Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1973. Н. 6; 1978. Н. 6. (Далее: ВзГ).
- ⁴ Luxemburg R. Gesammelte Werke. В., 1974. Bd. 4.
- ⁵ Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30. Dezember 1918—1. Januar 1919). В., 1982.
- ⁶ Karl und Rosa. Erinnerungen. Zum 100. Geburtstag von Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg. В., 1971.
- ⁷ Laschitza A., Radczun G. Rosa Luxemburg: Ihr Wirken in der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1971.
- ⁸ Wohlgenuth H. Karl Liebknecht. Eine Biographie. В., 1973. (Рус. пер.: *Вольгемут Х. До последнего дыхания: Биография Карла Либкнехта*. М., 1980.)
- ⁹ Vofke H., Nitzsche G. Wilhelm Pieck: Biographischer Abriß. В., 1975.
- ¹⁰ Naumann H. Ernst Thälmann im ersten Weltkrieg und in der Novemberrevolution: Eine biographische Skizze // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1976. Н. 2 (Далее: ЗГ); Engel G. Volksschullehrer, Journalist, revolutionärer Arbeiterfunktionär. Johann Knief // ВзГ. 1970. Н. 6.
- ¹¹ Reisberg A. Lenins Beziehungen zur deutschen Arbeiterbewegung. В., 1970; *Idem*. Wladimir Iljitsch Lenin — Dokumente seines Lebens. В., 1977. Bd. 1—2.
- ¹² Könnemann E. Einwohnerwehren und Zeitfreiwillige. В., 1971.
- ¹³ Gossweiler K. Großbanken—Industriemonopole—Staat. В., 1971; *Idem*. Kapital, Reichswehr und NSDAP, 1919—1924. В., 1982.
- ¹⁴ Die bürgerlichen Parteien in Deutschland: Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen. Leipzig, 1968—1970. Bd. 1—2.
- ¹⁵ Jenaer Beiträge zur Parteiengeschichte. 1973. № 32/33, 34/35.
- ¹⁶ См. об этом: Становление республики. С. 4—5.
- ¹⁷ Klassenkampf, Tradition, Sozialismus. В., 1974. S. 385—386.
- ¹⁸ Ruge W. Deutschland, 1917—1933. 2 Aufl. В., 1974. S. 109.
- ¹⁹ См.: Становление республики. С. 5—6.
- ²⁰ Schmidt W. Das 40. Oktoberjubiläum in der DDR-Geschichtswissenschaft // Die Große Sozialistische Oktoberrevolution und der revolutionäre Weltprozess: XXVI. Konferenz der Kommission der Historiker der DDR und der UdSSR, 20. bis 22. September 1977 in Berlin. В., 1978.
- ²¹ Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. В., 1980. N 3/4.
- ²² См.: ЗГ. 1979. Н. 2.
- ²³ См., напр.: ЗГ. 1978. Н. 11; Neuer Weg. 1978. Н. 20, 24; ВзГ. 1978. Н. 6.
- ²⁴ О революциях 1918 года в Европе: Германия. Австрия. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
- ²⁵ Hortschansky G., Grau R., Imig W., Ittershagen S., Materna I., Naumann H., Nimitz W., Wrobel K. Illustrierte Geschichte der deutschen Novemberrevolution 1918/1919. В., 1978.
- ²⁶ *Ibid.* S. 42—48.
- ²⁷ *Ibid.* S. 157—160, 169—170.
- ²⁸ *Ibid.* S. 236—237.
- ²⁹ *Ibid.* S. 323.
- ³⁰ *Ibid.* S. 420—421.
- ³¹ Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Abriß. В., 1978. S. 39—40.
- ³² Illustrierte Geschichte... S. 427.
- ³³ Novemberrevolution 1918/1919: Anschauungsmaterial. В., 1978.
- ³⁴ Die Novemberrevolution 1918/19 und die Gründung der Kommunistischen Partei Deutschlands: Eine Dokumentation in Faksimile-Drucken. В., 1978.
- ³⁵ Ruge W. Revolutionstage November 1918. В., 1978.
- ³⁶ Ruge W. Friedrich Ebert am 10. November 1918 // ЗГ. 1978. Н. 11.
- ³⁷ Ruge W. Novemberrevolution: Die Volkerhebung gegen den deutschen Imperialismus und Militarismus 1918/19. В., 1978.

- ³⁸ Gewalten und Gestalten. Miniaturen und Porträts zur deutschen Novemberrevolution 1918/1919/Hrsg. H. Bock, W. Ruge, M. Thoms. B., 1978.
- ³⁹ *Materna I.* Der Vollzugsrat der Berliner Arbeiter- und Soldatenräte 1918/19. B., 1978.
- ⁴⁰ *Baudis D., Nußbaum H.* Wirtschaft und Staat in Deutschland vom Ende des 19. Jahrhunderts bis 1918/19. B., 1958.
- ⁴¹ *Habedank H.* Die Reichsbank in der Weimarer Republik. B., 1981.
- ⁴² *Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland, 1917—1918: Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. B., 1979; *Штриглиц С.* Из истории революционного движения среди немецких военнопленных в России накануне Октябрьской революции // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965.
- ⁴³ *Materna I.* Geschichte der revolutionären Berliner Arbeiterbewegung, 1917—1919. B., 1978; *Weber S.* Geschichte der revolutionären Berliner Arbeiterbewegung, 1919—1923. B., 1982.
- ⁴⁴ An der Schwelle einer neuen Epoche: Die Kämpfe der Novemberrevolution 1918 und zur Schaffung der Kommunistischen Partei Deutschlands in Dresden und in Ostachsen. Dresden, 1978.
- ⁴⁵ Die Novemberrevolution in Deutschland und die Gründung der KPD. Dargestellt am Bezirk Chemnitz/Erzgebirge/Vogtland. Karl-Marx-Stadt, 1978.
- ⁴⁶ *Luxemburg R.* Gesammelte Briefe. B., 1984. Bd. 5.
- ⁴⁷ Karl Liebknecht: Eine Biographie in Dokumenten/Hrsg. A. Laschitzka unter Mitwirkung von E. Keller. B., 1982.
- ⁴⁸ *Laschitzka A., Radczun G.* Rosa Luxemburg: Ihr Wirken in der deutschen Arbeiterbewegung. 2. Aufl. B., 1980.
- ⁴⁹ *Beyer H.* Die Revolution in Bayern 1918/1919. B., 1982; 1988.
- ⁵⁰ Novemberrevolution 1918/19— die Frage der Macht, die Frage der Partei. B., 1984.
- ⁵¹ Wissenschaftliche Konferenz anlässlich des 65. Jahrestages der Gründung der KPD. B., 1984.
- ⁵² *Фарбман Н. В.* Германский реваншизм после первой мировой войны. Рязань, 1974; *Драбкин Я. С.* Становление Веймарской республики. М., 1978; *Гинцберг Л. И.* Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919—1933 гг.). М., 1978.
- ⁵³ *Наумов Г. В.* К истории Отечественной партии Германии (1917—1918): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976; *Садовая Г. М.* Германские коммунисты и независимцы // Новая и новейшая история. Саратов, 1978. Вып. 4; *Она же.* Независимая социал-демократическая партия Германии и Советы (1919) // Массовые международные пролетарские организации. Саратов, 1980; *Гаранин Л. Н.* Борьба пролетариата Магдебурга с реакцией (весна 1919 г.) // Вопр. истории. Минск, 1983. Вып. 10; *Жюжжда Р.* Германский империализм и Литва в 1918—1919 гг. // Коммунист. Вильнюс, 1980. № 8; *Кругляков В. Е., Павленко Г. В.* К вопросу о роли и месте крестьянских и батрацких Советов в Ноябрьской революции // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1983. Вып. 29; *Ткачев С. М.* Ноябрьская революция в Германии и образование Демократической партии // Классовая борьба в Германии в новейшее время. Челябинск, 1983; *Розанов И. В.* Вальтер Ратенау // Новая и новейшая история. 1986. № 3.
- ⁵⁴ VzG. 1988. Н. 6; Einheit. 1988. Н. 11/12.
- ⁵⁵ См. об этом: *Патрушев А. И.* Социально-критическая школа в историографии ФРГ // Новая и новейшая история. 1986. № 6. С. 171.
- ⁵⁶ Geschichte und Gesellschaft. 1975. Н. 1. S. 5—6.
- ⁵⁷ *Mommsen W. J.* Die deutsche Revolution 1918—1920: Politische Revolution und soziale Protestbewegung // Geschichte und Gesellschaft. 1978. Н. 3.
- ⁵⁸ Ibid. S. 367—368.
- ⁵⁹ Ibid. S. 373, 384, 386, 390—391.
- ⁶⁰ *Müller S.* Die Bürde der Macht: Die deutsche Sozialdemokratie, 1918—1920. Düsseldorf, 1978.
- ⁶¹ Ibid. S. 232—235.
- ⁶² Ibid. S. 445.
- ⁶³ Ibid. S. 446—449.

- ⁶⁴ Ibid. S. 120, 451.
- ⁶⁵ *Winkler H. A.* Die Sozialdemokratie und die Revolution von 1918/19: Ein Rückblick nach sechzig Jahren. Berlin; Bonn, 1979.
- ⁶⁶ Ibid. S. 7, 14, 17—19, 23, 38—39, 44, 55.
- ⁶⁷ Ibid. S. 56, 63—65.
- ⁶⁸ Ibid. S. 72.
- ⁶⁹ *Jesse E., Köhler H.* Die deutsche Revolution 1918/19 im Wandel der historischen Forschung: Forschungsüberblick und Kritik der «herrschenden Lehre» // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1968. H. 28.
- ⁷⁰ Ibid. S. 3—4, 23.
- ⁷¹ Ibid. S. 18—19.
- ⁷² Ibid. S. 20—21.
- ⁷³ *Köhler H.* Novemberrevolution und Frankreich: Die französische Deutschland-Politik, 1918—1919. Düsseldorf, 1980.
- ⁷⁴ Ibid. S. 15, 325—330.
- ⁷⁵ *Jesse E., Köhler H.* Op. cit. S. 21—23.
- ⁷⁶ Ibid. S. 21—22.
- ⁷⁷ *Kolb E.* 1918/19: Die steckengebliebene Revolution // Wendepunkte deutscher Geschichte, 1848—1945/Hrsg. C. Stern, H. A. Winkler. Düsseldorf, 1979.
- ⁷⁸ Ibid. S. 87—89.
- ⁷⁹ Ibid. S. 106—107.
- ⁸⁰ Ibid. S. 107—108.
- ⁸¹ Ibid. S. 108—109.
- ⁸² *Kolb E.* Internationale Rahmenbedingungen einer demokratischen Neuordnung in Deutschland 1918/19 // Politische Parteien auf dem Weg zur parlamentarischen Demokratie in Deutschland: Entwicklungslinien bis zur Gegenwart. Düsseldorf, 1981. S. 268, 283—284.
- ⁸³ *Winkler H. A.* Von der Revolution zur Stabilisierung: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924. B.; Bonn, 1984.
- ⁸⁴ Ibid. S. 120, 122, 128—130.
- ⁸⁵ Ibid. S. 174.
- ⁸⁶ Ibid. S. 182.
- ⁸⁷ Ibid. S. 242.
- ⁸⁸ *Lehnert D.* Sozialdemokratie und Novemberrevolution: die Neuordnungsdebatte 1918/19 in der politischen Publizistik von SPD und USPD. Frankfurt a. M.; N. Y., 1983.
- ⁸⁹ Ibid. S. 15—17.
- ⁹⁰ Ibid. S. 282—284.
- ⁹¹ Ibid. S. 285—286, 300.
- ⁹² *Lehnert D.* Sozialdemokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei, 1848 bis 1983. Frankfurt a. M., 1983. S. 122, 125—126, 130.
- ⁹³ *Witt P.-Ch.* Bemerkungen zur Wirtschaftspolitik in der «Übergangswirtschaft» 1918/19 // Stegmann D., Wendt B.-J., Witt P.-Ch. Industrielle Gesellschaft und politisches System: Beiträge zur politischen Sozialgeschichte: Festschrift für Fritz Fischer zum siebzigsten Geburtstag. Bonn, 1980.
- ⁹⁴ *Flemming J.* Zwischen Industrie und christlich-nationaler Arbeiterschaft: Alternativen landwirtschaftlicher Bündnispolitik in der Weimarer Republik // Ibid. S. 259—261.
- ⁹⁵ *Borowsky P.* Die «bolschewistische Gefahr» und die Ostpolitik der Volksbeauftragten in der Revolution 1918/19 // Ibid. S. 389, 403.
- ⁹⁶ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Serie A: 1918—1925. Bd. 1. 9. November 1918 bis 5. Mai 1919. Göttingen, 1982; Bd. 2. 7. Mai bis 31. Dezember 1919. Göttingen, 1984.
- ⁹⁷ *Kruger P.* Die Außenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1985. S. 43—44, 48—49, 51—53.
- ⁹⁸ *Wulf P.* Hugo Stinnes: Wirtschaft und Politik, 1918—1924. Stuttgart, 1979. S. 143—145.
- ⁹⁹ *Koch H. W.* Der deutsche Bürgerkrieg: Eine Geschichte der deutschen und österreichischen Freikorps, 1918—1923. B.; Frankfurt a. M.; Wien, 1978. S. 10—13, 373—379.
- ¹⁰⁰ *Wait R. G. L.* Vanguard of Nazism — The Free Corps Movement in Postwar Germany, 1918—1923. Cambridge (Mass.), 1952.

- ¹⁰¹ *Schmidt E.-H.* Heimatheer und Revolution 1918: Die militärischen Gewalten im Heimatgebiet zwischen Oktoberreform und Novemberrevolution: Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte. Stuttgart, 1981.
- ¹⁰² *Ibid.* S. 3, 58, 227, 231, 394, 431, 433.
- ¹⁰³ *Wette W.* Gustav Noske: Eine politische Biographie. Düsseldorf, 1987. S. 7—8.
- ¹⁰⁴ *Cm.:* Süddeutsche Zeitung. 1987. 16. Febr.; Stuttgarter Zeitung. 1987. 9 Apr.
- ¹⁰⁵ *Wette W.* Op. cit. S. 794.
- ¹⁰⁶ *Ibid.* S. 791—792, 794, 800—803.
- ¹⁰⁷ *Arnold V.* Räte theorien in der Novemberrevolution: Eine systematische ideengeschichtliche Darstellung und Analyse der unterschiedlichen Rätekonzeptionen; *Idem.* Rätebewegung in der Novemberrevolution. Die Räte als Organisationsformen des Kampfes und der Räte theorien. Hannover, 1978.
- ¹⁰⁸ *Arnold V.* Räte theorien... S. 4—5, 228—289, 306, 307, 312.
- ¹⁰⁹ *Ibid.* S. 79.
- ¹¹⁰ *Berlin J.* Die deutsche Revolution 1918/19: Quellen und Dokumente. Köln, 1979.
- ¹¹¹ *Ibid.* S. 8—10.
- ¹¹² *Ibid.* S. 68.
- ¹¹³ *Ibid.* S. 139—141.
- ¹¹⁴ *Ibid.* S. 149, 152.
- ¹¹⁵ *Hitzer F.* Der Mord im Hofbräuhaus: Unbekanntes und Vergessenes aus der Bai erischen Räte republik. Frankfurt a. M., 1981.
- ¹¹⁶ *Müller-Meiningen E.* Aus Bayerns schwersten Tagen. Erinnerungen und Betrachtungen aus der Revolutionszeit. B.; Leipzig, 1924.
- ¹¹⁷ *Schricker R.* Rotmord über München. B., [1935].
- ¹¹⁸ *Kühnl R.* Die Weimarer Republik: Errichtung, Machtstruktur und Zerstörung einer Demokratie. Hamborn, 1985.
- ¹¹⁹ *Erben deutscher Geschichte. DDR—BRD: Protokolle einer historischen Begegnung/Hrsg.* S. Miller, M. Ristau. Reinbek bei Hamburg, 1988.
- ¹²⁰ *Ibid.* S. 14.
- ¹²¹ *Ibid.* S. 130.
- ¹²² *Ibid.* S. 133—135.
- ¹²³ *Ibid.* S. 135—136.
- ¹²⁴ Neues Deutschland. 1988. 28 Aug. (Der Streit der Ideologien und die gemeinsame Sicherheit).
- ¹²⁵ *Winkler H. A.* Der historische Ort der deutschen Revolution von 1918/19: Thesen. Göttingen, 1987.
- ¹²⁶ *Ibid.* S. 2.
- ¹²⁷ *Ibid.* S. 4.
- ¹²⁸ *Ibid.* S. 8, 9.
- ¹²⁹ *Ibid.* S. 10.
- ¹³⁰ *Ibid.* S. 10—11.
- ¹³¹ *Winkler H. A.* Von der Revolution zur Stabilisierung... S. 181, 190.
- ¹³² *Winkler H. A.* Der historische Ort... S. 12.
- ¹³³ Die Weimarer Republik 1918—1933. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft/Hrsg. K. D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Düsseldorf, 1987.
- ¹³⁴ *Ibid.* S. 259, 261—262.
- ¹³⁵ *Böckenförde E.-W.* Der Zusammenbruch der Monarchie und die Entstehung der Weimarer Republik // *Ibid.* S. 29—33.
- ¹³⁶ *Hürten H.* Bürgerkriege in der Republik: Die Kämpfe um die innere Ordnung von Weimar, 1918—1920 // *Ibid.* S. 81—85.
- ¹³⁷ *Peukert D. J. K.* Die Weimarer Republik. Frankfurt a. M., 1987. S. 33—34, 38, 40—45.
- ¹³⁸ *Ibid.* S. 59—61.
- ¹³⁹ *Kolb E.* Vom Kaiserreich zur Republik: Politische Neuordnung im Zeichen von militärischer Niederlage und Staatsumsturz // Weimarer Republik: Eine Nation im Umbruch/Hrsg. G. Schulz. Freiburg. Würzburg, 1987.
- ¹⁴⁰ *Ibid.* S. 19.
- ¹⁴¹ *Ibid.* S. 20—22.
- ¹⁴² *Ibid.* S. 28—31.
- ¹⁴³ *Winkler H. A.* Der historische Ort... S. 12.
- ¹⁴⁴ *Luxemburg R.* Herzlichst Ihre Rosa: Ausgewählte Briefe. B., 1989. S. 394, 406.

PROBLEME UND LEGENDEN IN DER HISTORIOGRAPHIE DER REVOLUTION 1918/19 IN DEUTSCHLAND

Die Monographie ist eine Fortsetzung (zugleich ein Abschluß) des Forschungszyklus, dem der Verfasser seine zwei Bände — «Die Novemberrevolution 1918 in Deutschland» und «Die Entstehung der Weimarer Republik» (russisch 1967 und 1978, deutsch 1968 und 1983 erschienen) — gewidmet hat.

In diesem Band wird die Formierung und Entwicklung der deutschen und sowjetischen Geschichtsschreibung eines der wichtigsten Umbrüche deutscher Geschichte des 20. Jahrhunderts — der Niederlage Deutschlands im ersten Weltkrieg, des Zusammenbruchs des Kaiserreichs, der Novemberrevolution und der Entstehung der Weimarer Republik — anhand der Analyse von mehreren Hunderten Titeln plastisch geschildert.

Die sieben Kapitel enthalten eine systematische Darstellung des widerspruchsvollen Wachstums der wissenschaftlichen Erkenntnisse, das im Laufe von 70 Jahren über eine Reihe von Historikerstreiten und Diskussionen führte. Andererseits wird die Geburt und der allmähliche Niedergang einer ganzen Kette von Geschichtslegenden, begonnen mit der berühmten «Dolchstoßlegende», verfolgt. Der Zusammenhang der historischen Forschung und Deutung mit den Veränderungen der gesellschaftlich-politischen Bedingungen wird berücksichtigt.

Bei der Erörterung des gegenwärtigen Ideenkampfes um die wichtigen Lehren aus der Geschichte wird die fortschrittliche Richtung in der Historiographie eingehender untersucht, wobei die Möglichkeiten eines produktiven Dialogs, eines Vergleichs verschiedener Auffassungen hervorgehoben werden.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абендрот В. (Abendroth W.) 215, 217
219, 222
Абуш А. (Abusch A.) 122, 123, 139
Аденауэр К. (Adenauer K.) 138, 152,
167, 179, 180, 184, 213
Айзнн Б. А. 13
Айнхорн М. (Einhorn M.) 146
Аккерман А. (Ackermann A.) 135, 136,
140
Аксельрод Т. 246
Аленин Ф. Г. 106, 107, 115
Альбертин Л. (Albertin L.) 206, 209, 221
Анвайлер О. (Anweiler O.) 182, 186, 196,
218
Антонов-Овсеев К. В. 175
Апельт В. (Apelt W.) 131, 140
Арнольд Ф. (Arnold V.) 244, 265
Артельт К. (Artelt K.) 32, 53, 154, 229
Артемов В. А. 169, 177
Аурих Г. (Aurich G.) 14
Ахтамзян А. А. 168, 177
- Базлер В. (Basler W.) 166, 176
Байер Г. (Beyer H.) 156, 176, 231, 263
Барт Э. (Barth E.) 32, 53, 70, 76, 77, 229
Бартель В. (Bartel W.) 147, 148, 155, 176
Баудис Д. (Baudis D.) 230, 263
Бауэр Г. (Bauer G.) 34, 38, 56, 57, 66, 240
Бауэр М. (Bauer M.) 39, 40, 42, 54, 57, 91
Бауэр Р. (Bauer R.) 149—151, 156—158,
174
Бебель А. (Behel A.) 8, 35, 134, 136, 234
Бекенфёрде Э.-В. (Böckenförde E.-W.)
251, 252, 265
Беккерт С. (Beckert S.) 171
Белов Г. А. 171
Белов Г. фон (Below G. von) 42, 54
Бензер Г. (Benser G.) 157
Бергштрессер Л. (Bergstrasser L.) 47,
54, 97
Берлин Й. (Berlin J.) 216, 217, 222,
245, 246, 265
Бермбах У. (Bermbach U.) 186, 196, 219
Бернхард Г. Й. (Bernhard H. J.) 147
Бернштейн Э. (Bernstein E.) 32, 59, 60,
77, 88, 92, 162, 249
Бертольд В. (Berthold W.) 12, 15, 218
Бертольд Л. (Berthold L.) 156, 171, 176,
231
Бессон В. (Besson W.) 186
Бетман-Гольвег Т. (Bethmann-Holl-
weg T.) 62
- Бехер И. Р. (Becher J. R.) 110
Биллик В. И. 11, 14, 145, 146, 150—152,
154, 173, 174
Биншток Г. 70, 93
Бисмарк О. фон (Bismarck O. L. von)
45, 46, 62, 128, 204, 220
Блос В. (Blos W.) 62, 92
Бозль К. (Bosl K.) 189, 219
Бок Г. (Bock H.) 263
Боровский П. (Borowsky P.) 242, 264
Борозняк А. И. 12, 14
Бош К. (Bosch K.) 205, 206
Брандт В. (Brandt W.) 247
Браун О. (Braun O.) 138, 140
Брахер К. Д. (Bracher K. D.) 180, 186,
218, 251, 265
Брейтшайд Р. (Breitscheid R.) 110, 217
Брехт А. (Brecht A.) 131, 140
Брокдорф—Ранцау К. (Brockdorff-
Rantzau K.) 204—206, 213, 221
Броссат Э. (Brossat E.) 154
Брюнин В. Г. 10, 14, 144, 148, 152, 154,
169, 172, 175, 177
Бухарин Н. И. 75, 102
Бухвиц О. (Buchwitz O.) 136, 140
Бухгейм К. (Buchheim K.) 182, 183, 218
Бухнер Э. (Buchner E.) 64, 92
Бюнгер З. (Bünger S.) 225
- Вайсбеккер М. (Weißbecker M.) 224, 247
Вайсброд Б. (Weisbrod B.) 221
Валь А. (Wahl A.) 83
Варбург М. (Warburg M.) 205, 206
Вебер Г. (Weber H.) 19, 170, 176, 178,
220
Вебер З. (Weber S.) 230, 263
Вебер М. (Weber M.) 45, 48—51, 54, 55,
132, 216, 229
Веллер Х.-У. (Wehler H.-U.) 207, 221,
231, 255
Велецкая Н. А. 171, 177
Вельс О. (Wels O.) 66, 67, 187, 229
Венгст У. (Wengst U.) 205, 221
Вендель Г. (Wendel G.) 97
Вендт Б.-Й. (Wendt B.-J.) 264
Ветте В. (Wette W.) 243, 244, 265
Вильгельм (Wilhelm) 57, 91
Вильгельм II (Wilhelm II.) 57, 59, 72, 87,
91, 111, 142, 229
Вильгельмус В. (Wilhelmus W.) 173
Вильсон Т. В. (Wilson T. W.) 32, 81, 172,
204, 206, 221, 234

- Виммер В. (Wimmer W.) 231, 247
 Винклер Г. А. (Winkler H. A.) 209, 221, 234, 235, 237, 239—241, 243, 248—253, 255, 256, 258, 264, 265
 Винклер Л. (Winkler L.) 15
 Винклер П. (Winkler P.) 157
 Винниг А. (Winnig A.) 62, 92, 99, 100, 114
 Виноградов В. И. 152, 175
 Виссель Р. (Wissell R.) 63, 92, 196
 Витт П.-Х. (Witt P.-Ch.) 242, 264
 Вольгемут Г. (Wohlgemuth H.) 12, 14, 15, 171, 178, 223, 231, 262
 Воробей П. И. 175
 Вробель К. (Wrobel K.) 12, 14, 156, 171, 176, 226, 262
 Вульф П. (Wulf P.) 209, 242, 264
 Гаазе Г. (Haase H.) 18, 20, 75, 160, 162, 217, 228
 Газизов Н. К. 152, 175
 Галкин А. А. 13, 145, 152, 173, 174
 Галкин И. С. 106, 115, 148, 151
 Ган К. (Hahn K.) 80
 Ган П. (Hahn P.) 62, 92
 Гансер Э. (Gansser E.) 65
 Гаранин Л. Н. 231, 263
 Гартунг Ф. (Hartung F.) 47
 Геббельс Я. (Goebbels J.) 113
 Гейдер П. (Heider P.) 171
 Гейне Г. (Heine H.) 193
 Гейс И. (Geiss I.) 183, 216, 218, 222
 Геккерт Ф. (Heckert F.) 78, 108
 Генш К. (Hansch K.) 99
 Геринг Г. (Goering H.) 99, 104
 Гертринген Гиллер Ф. фон (Gaertringen Hiller F. Frh. von) 183, 202, 218
 Герц Л. (Herz L.) 98
 Герфельд Г. (Herzfeld H.) 84, 94, 183, 218
 Гётцш О. (Hoetzsch O.) 51
 Гибас М. (Gibas M.) 12, 15
 Гильдебранд К. (Hildebrand K.) 243
 Гильфердинг Р. (Hilferding R.) 31, 32, 53, 162, 181, 193, 196, 217, 233, 239
 Гинденбург П. фон (Hindenburg P. von) 37, 38, 41, 57, 66, 67, 69, 73, 90, 91, 97, 123, 131, 135, 138, 142, 144, 162, 171, 204
 Гинтце П. (Hintze P.) 38
 Гинцберг Л. И. 13, 151, 152, 174, 231, 263
 Гирш П. (Hirsch P.) 99, 114
 Гитлер А. (Hitler A.) 9, 65, 99—101, 103, 105, 111, 113, 116—119, 123, 124, 126, 135, 136, 138, 179, 192, 204, 220, 243, 246
 Глобиг Ф. (Globig F.) 155, 157, 176
 Глотц П. (Glotz P.) 247
 Гогенцоллерны (Hohenzollern) 8, 20, 22, 37, 46, 81, 116, 179, 194, 248
 Головачёв Ф. Ф. 153, 154, 175
 Гортер Г. (Gorter H.) 195
 Госвайлер К. (Gossweiler K.) 224, 262
 Готшалх В. (Gottschalch W.) 195, 196, 220
 Гофер В. (Hofer W.) 128
 Гофман М. (Hoffmann M.) 57, 91
 Гофман Э. (Hoffmann E.) 150, 157, 231
 Гохе А. (Hoche A.) 58, 59, 92
 Грау Р. (Grau R.) 226, 262
 Гребинг Х. (Grebing H.) 13, 15, 197, 198, 247
 Грёнер В. (Groener W.) 7, 66, 67, 81, 137, 138, 154, 156, 162, 181—183, 202—204, 212, 220, 226, 228, 241, 243, 252, 257
 Гросс Г. (Grosz S.) 228
 Гротеволь О. (Grotewohl O.) 118, 119, 130, 131, 133—135, 139, 140
 Гуче В. (Gutsche W.) 177
 Давид Э. (David E.) 66, 81, 99
 Давидович Д. С. 171
 Даллес Дж. Ф. (Dalles J. F.) 204
 Дамье В. В. 13
 Данилов А. И. 10, 14
 Дегио Л. (Dehio E.) 32, 53, 162, 195, 217
 Декер А. (Decker A.) 15
 Дельбрюк И. (Delbrück H.) 44, 45, 47—49, 51, 54, 55, 57, 67—69, 91, 93
 Демпс Л. (Demps L.) 225
 Дёрнберг С. (Doernberg S.) 139, 150, 174
 Дикман И. (Dieckmann I.) 132, 140
 Дикс А. (Dix A.) 63, 92
 Дикс О. (Dix O.) 228
 Диль Э. (Diehl E.) 171, 178, 231
 Димитров Г. 108
 Домнич М. Я. 170, 177
 Дортен Г. (Dorten H. A.) 166
 Драбкин Я. С. 13—15, 52, 145, 146, 149—154, 169, 171, 173, 174, 177, 211, 218, 225, 231, 249, 263
 Дран Э. (Drahn E.) 64, 92
 Дуйсберг К. (Duisberg K.) 205
 Дункер Г. (Duncker H.) 74, 75, 78, 155
 Дэн Г. (Dahn H.) 15, 217, 222, 244
 Ельницкий А. 69, 93
 Ерусалимский А. С. 144, 147, 153, 173, 183, 218
 Ессе Э. (Jesse E.) 13, 15, 220, 235—237, 264
 Жолдак И. А. 150, 164, 173, 174
 Жюгжда Ю. 152, 175
 Жюгжда Р. 263
 Зайферт В. (Seifert W.) 157
 Заставенко Г. Ф. 173
 Застенкер Н. Е. 54, 107, 112, 115
 Зауэр В. (Sauer W.) 197
 Зеверинг К. (Severing C.) 12, 84, 85, 91, 94, 181, 218, 240

Зеебер Г. (Seeber H.) 247
Зикельскн Ф. (Zikelski F.) 155, 176
Зинновьев Г. Е. 71
Зинцгейрмер К. (Sinzheimer K.) 217
И
Имиг В. (Imig W.) 226, 262
Йогихес Л. (Jogiches L.) 18, 75, 154
Итерсхаген З. (Ittershagen S.) 12, 14, 171, 226, 262
Й
Йенни Э. Г. (Jenni E. G.) 42, 43, 54
К
Каменекая К. Р. 145, 173
Канторович Г. (Kantorowitz H.) 97
Капп В. (Kapp W.) 56, 57, 103, 164
Карлов Н. (А. А. Санин) 51
Каутская Л. (Kautsky L.) 93
Каутский К. (Kautsky K.) 16, 17, 26, 28—33, 43, 51—53, 70, 73, 75, 93, 162, 181, 193, 198, 217, 229, 233, 239, 256, 260
Кач Г. (Katsch G.) 12, 15
Кезелиц Х. (Kaeselitz H.) 231
Кейль В. (Keil W.) 138, 140
Келлерман Б. (Kellermann B.) 136, 140
Керенский А. Ф. 32
Кёлер Г. (Koehler H.) 13, 15, 220, 235—237, 264
Кёллер Г. (Köller G.) 231
Кёнен В. (Koenen W.) 156, 175, 176, 217
Кёппеман Э. (Köppemann E.) 54, 170, 171, 178, 224, 262
Кёрнер В. (Körner W.) 132, 140
Кёт Й. (Koeth J.) 63, 92, 209, 229
Киннер К. (Kinner K.) 12, 231
Клейн В. (Klein W.) 173
Клейн П. (Klein P.) 166, 177
Клейн Ф. (Klein F.) 170, 177, 218
Клёбер В. (Kloeber W.) 104, 114
Клюге У. (Kluge U.) 202, 220, 258
Книф И. (Knief J.) 78, 169, 177, 223, 228, 262
Кобляков И. К. 168, 177
Ковалев А. 115
Козеллек Р. (Koselleck R.) 232
Козюченко В. А. 152, 169, 175, 177
Кокка Ю. (Kocka J.) 207—210, 221, 231, 247, 255
Кольб Э. (Kolb E.) 184—189, 193, 197—201, 204, 212, 217, 219, 220, 236—239, 242, 245, 247, 248, 251, 253, 254, 258, 264, 265
Кольбе Г. (Kolbe H.) 12, 14, 156, 176
Кольвиз К. (Kollwitz K.) 230
Комолова Н. П. 13
Кон Ф. (Kon F.) 106
Кондратьев В. А. 154
Конце В. (Conze W.) 183
Керчагина М. Б. 13
Косман П. (Cossmann P. N.) 65—68
Котовский Г. (Kotowski G.) 182, 214, 218

Кох Г. В. (Koch H. W.) 242, 243, 264
Кошик М. М. 153, 175
Краузе Г. (Krause H.) 210, 221
Кремер И. С. 152, 168, 175, 177
Кривогуз И. М. 154, 168, 177
Кромвель О. (Gromwell O.) 51
Кругляков В. Е. 263
Крюгер П. (Krüger P.) 205, 206, 208, 221, 242, 264
Куда Р. (Kuda R.) 194, 220
Кукук П. (Kuckuk P.) 189, 219
Кулнич И. М. 152, 170, 175, 177
Куль фон (Kuhl H. von) 68, 93
Кульбакнн В. Д. 150, 151, 153, 174
Кун Б. (Kun B.) 103
Кунов Г. (Cunow H.) 99
Кутнер Э. (Kuttner E.) 34, 53
Кучинский Ю. (Kuczynski J.) 144, 170, 172, 178
Кюльц В. (Külz W.) 90
Кюль Р. (Kühnl R.) 213, 215, 221, 222, 247, 265
Кюстер Г. (Küster H.) 12, 171, 176
Л
Лангевизе Д. (Langewiese D.) 247
Ландауэр Г. (Landauer G.) 195
Лапова Р. А. 170, 177
Лассаль Ф. (Lassalle F.) 35, 84
Лаукант Г. (Laukant H.) 69
Лауфенберг Г. (Lautenberg H.) 26, 52, 217
Лафайет М. Ж. (La Fayette M. J.) 17, 26
Лашица А. (Laschitz A.) 171, 223, 262, 263
Левине Е. (Leviné E.) 26, 52, 78, 152, 229, 246
Легин К. (Legien C.) 156, 208, 209, 226, 252, 257
Ледебур Г. (Ledebour G.) 33, 145, 162, 217, 229
Лейббранд Р. (Leibbrand R.) 146, 147, 149, 150, 156, 158, 173, 174
Лейброк О. (Leibrock O.) 63, 92
Ленерт Д. (Lehnert D.) 240, 241, 264
Ленни В. И. 6, 11, 14, 16, 17, 20—22, 24—28, 30, 32, 51—53, 63, 70—74, 78, 80, 92, 98, 106, 108, 111, 115, 134, 142, 144, 148, 154, 155, 157, 159, 160, 169, 171, 172, 175—177, 205, 217, 226, 228, 255, 262
Ленчнер С. И. 112, 115, 145, 151, 154, 169, 173, 177
Ленш П. (Lensch P.) 34, 53, 99
Леонгард С. (Leonhard S.) 64, 92
Лёбе П. (Löbe P.) 138, 140, 181, 218
Лёвенталь Р. (Löwenthal R.) 187, 241, 249
Лёше П. (Lösche P.) 196, 214
Либкинд А. 115
Либкнехт К. (Liebknecht K.) 7, 14, 16, 20—22, 24, 26, 27, 31, 36, 43, 49, 50, 52,

- 53, 59—63, 69, 70, 72, 74—80, 82, 85, 86, 93, 97, 103, 106, 111, 115, 141, 145, 152, 155, 157, 168, 171—174, 178, 180, 190, 192, 217, 223, 228, 229, 231, 233, 262, 263
- Линдау Р. (Lindau R.) 78, 125, 136, 139, 140, 157, 165, 176,
- Линкольн А. (Lincoln A.) 91
- Лоцек Г. (Lozek G.) 12
- Лукин Н. М. 106, 115
- Людвиг Э. (Ludwig E.) 26, 52
- Людендорф Э. (Ludendorff E.) 17, 37—41, 44, 45, 47, 48, 54, 57, 59, 61, 65, 66, 68, 69, 85, 91, 92, 100, 170, 178, 179, 182, 191, 197, 207, 214
- Люксембург Р. (Luxemburg R.) 7, 11, 14, 16, 17, 19, 21, 22, 24, 26, 27, 29, 36, 43, 49, 50, 52, 60—63, 69—72, 74—80, 93, 102—104, 106, 111, 112, 115, 141, 143, 145, 155, 168, 171—173, 175, 180, 190, 192, 196, 217, 223, 228—231, 233, 244, 246, 260, 262, 263, 265
- Лютвиц В. (Lüttwitz W.) 56, 103, 114
- Майер Г. П. (Meyer G. P.) 3, 14
- Майзель Г. (Meisel G.) 12
- Майнеке Ф. (Meinecke F.) 14, 44—51, 54, 55, 126, 127, 138, 139, 140, 180, 214
- Майский И. М. 70, 93
- Макс Баденский (Max Prinz von Baden) 13, 17, 21, 34, 38, 42, 46, 62, 69, 80—82, 85—87, 94, 98, 170, 172, 178, 182, 184, 188, 219, 256, 258
- Малколм Н. (Malcolm N.) 41
- Маммах К. (Mammach K.) 12, 15, 144, 147, 172
- Манн Г. (Mann H.) 110, 231
- Манн Т. (Mann Th.) 113, 115, 136
- Манова П. А. 145, 173
- Мануильский Д. З. 70, 93
- Маркс К. 14, 16, 29, 35, 36, 73, 84, 87, 93, 114, 138, 139, 156, 159, 176, 196, 208, 213
- Мархлевский Ю. (Marchlewski J.) 26, 52, 74, 75, 78, 223
- Матвеев С. А. 12, 14
- Матерн Г. (Matern H.) 155, 156
- Матерна I. (Materna I.) 171, 178, 225, 226, 230, 231, 262, 263
- Маттиас Э. (Matthias E.) 181, 184, 186—188, 193, 194, 219, 233, 258
- Мейер Э. (Meyer E.) 74, 94
- Мейриц Г. (Meiritz H.) 171
- Мейснер Ю. (Meissner J.) 187
- Менке-Глюкерт Э. (Menke-Glückert E.) 48, 50, 55
- Меринг Ф. (Mehring F.) 8, 14, 16, 70, 74, 75, 78, 93, 103, 153
- Меркер Г. (Maerker G.) 62, 63, 92, 99
- Меркер П. (Merker P.) 123, 124, 139, 140
- Мёллер ван ден Брук (Moeller van den Buisck) 97, 114
- Мёллер В. (Möller W.) 229
- Миллер Э. (Miller S.) 154
- Миллер С. (Miller S.) 15, 189, 219, 233, 234, 240, 245, 247, 251, 263, 265
- Мирошевский В. 70, 71, 93
- Михайлов М. И. 13
- Майер Ч. (Mayer Ch.) 210
- Мойзель А. (Meusel A.) 110
- Моммзен В. Ю. (Mommsen W. J.) 54, 232, 233, 251, 263
- Моммзен Г. (Mommsen H.) 208, 221, 247
- Морзей Р. (Morsey R.) 184, 219
- Мстиславский С. Д. 70, 93
- Мэзон Т. (Maçon T.) 209
- Мюсам Э. (Mühsam E.) 195
- Мюллер А. (Müller A.) 144, 172
- Мюллер Г. (Müller H.) 66, 82, 87, 88—90, 94, 96, 100
- Мюллер К. А. фон (Müller K. A. von) 42
- Мюллер-Майнинген Э. (Müller-Meiningen E.) 246, 265
- Мюллер Р. (Müller R.) 33, 53, 72, 73, 93, 94, 162, 217
- Мюнценберг В. (Münzenberg W.) 26, 52, 78
- Мёллендорф В. (Möllendorff W.) 92
- Нагель О. (Nagel O.) 228
- Науман Ф. (Naumann F.) 50
- Науман Х. (Naumann H.) 223, 226, 262
- Наумов Г. В. 231, 263
- Неэф Г. (Neef H.) 156, 176, 231
- Никиш Э. (Niekisch E.) 124, 139, 246
- Ниман А. (Niemann A.) 57, 91, 94
- Нимц В. (Nimtzw. W.) 149, 150, 156, 166, 167, 176, 226, 262
- Ниппердей Т. (Nipperdey Th.) 243
- Ницше Г. (Nitzsche G.) 262
- Нойбауэр Г. (Neubauer H.) 182, 186, 218, 219
- Норден А. (Norden A.) 124, 139, 144, 172
- Носке Г. (Noske G.) 8, 12, 23—25, 28, 35, 36, 49—51, 53, 57, 60—62, 66, 67, 70, 76, 79, 88, 90, 101, 103, 104, 114, 123, 128, 139, 142, 162, 179, 181, 185, 192, 193, 204, 212, 229, 230, 233, 234, 239, 243, 244, 250, 252, 258, 265
- Нотович Ф. И. 112, 115, 144, 173
- Нусбаум Х. (Nußbaum H.) 230, 263
- Обушенков Н. Г. 146, 173
- Овандер Н. Э. 175
- Овчинникова Л. И. 14
- Ольшевски К. (Olschewsky Ch.) 225
- Онкен Г. (Oncken H.) 45, 54, 80, 89, 90, 131
- Опит Р. (Opitz R.) 215, 222
- Орлова М. И. 10, 11, 14
- Осецкий К. фон (Ossietzky C. von) 69
- Отт Э. (Ott E.) 222

Пабст В. (Pabst W.) 103, 190
Павленко Г. В. 12, 14, 263
Павловский Е. (Варга Е.) 70, 93
Пайер Ф. (Peyer F.) 62, 92
Панкратова А. М. 70, 93
Папен Ф. фон (Papen F. von) 99
Пагрик А. 111, 115
Пагрушев А. И. 12, 14, 263
Пашман В. (Paschmann W.) 228
Пеланд В. (Pöhland W.) 171
Петерс М. (Peters M.) 181, 218
Петряев К. Д. 145, 153, 173, 175
Петцольд К. (Pätzold K.) 225
Петцольд Й. (Petzold J.) 12, 15, 53, 54,
93, 114, 115, 156, 170, 176, 177, 218
Пехштайн М. (Pechstein M.) 228
Пик В. (Pieck W.) 24, 56, 74, 76—78,
91, 94, 108—110, 113, 115, 119, 141,
142, 155, 158, 172, 223, 230, 262
Пойкерг Д. (Peuckert D.) 252, 265
Полак К. (Polak K.) 132, 133, 140
Полонская Л. 70, 93
Полтавский М. А. 152, 174
Поль К. 70, 93, 112, 115
Поляков А. 102, 114
Попп Л. (Popp L.) 32, 53
Поршнев Б. Ф. 151
Прейс Г. (Preuß H.) 50, 96, 132
Пурлиц Ф. (Purlitz F.) 64

Раазе В. (Raase W.) 149, 157
Рабель Б. (Rabehl B.) 196
Радек К. Б. (Struthahn A.) 28, 53, 74,
103
Радчун Г. (Radczun G.) 223, 262, 263
Райсберг А. (Reisberg A.) 223, 262
Райхерт Я. (Reichert J.) 49, 55
Ракениус Г. В. (Rakenius G. W.) 202,
203, 220
Расмус Г. (Rasmuss H.) 156, 176
Ратенау В. (Rathenau W.) 56, 63, 92,
216, 231, 263
Рейнгард В. (Reinhard W.) 103, 114
Ристау М. (Ristau M.) 247, 265
Риттер Г. (Ritter G.) 127, 139, 179,
180, 183, 197, 204, 213, 218
Риттер Г. А. (Ritter G. A.) 186, 189, 219,
241, 245
Рихтер В. (Richter W.) 148, 156, 176
Розанов И. В. 231, 263
Розенберг А. (Rosenberg A.) 12, 98, 100,
114, 180—182, 193, 197, 208, 217, 218
Розенфельд Г. (Rosenfeld G.) 166, 171,
176, 225
Романовы 37
Рот Г. (Roth H.) 245
Ротфельс Г. (Rothfels H.) 47, 180
Ротхардт Э. (Rothardt E.) 65
Ротхауз К. (Rothaus K.) 83
Росенко И. А. 155
Руге В. (Ruge W.) 12, 13, 15, 170, 178,
224, 228, 229, 231, 262, 263

Рудольф Л. фон (Rudolf L. von) 183, 218
Рунге В. (Runge W.) 186, 219
Рункель Ф. (Runkel F.) 47, 49, 54, 55
Рыков А. И., 103
Рюле О. (Rühle O.) 195
Рюруп Р. (Rürup R.) 186—188, 193, 197,
198, 201, 202, 207, 209, 219, 220, 232,
236, 238, 245, 247, 255, 258

Садовая Г. М. 231, 263
Салов В. И. 11, 14, 219
Сапожникова Г. А. 153, 175
Свердлов Я. М. 24, 52
Селезнев К. Л. 154, 169, 177
Семковская Н. (Ирена Изольская) 69,
93
Сиполс В. Я. 152, 175
Слесарев И. 246
Слуцкий В. Д. 175
Согрин В. В. 13
Спивак С. И. 145, 152, 173, 175
Сталин И. В. 71, 93, 102, 103, 108, 111,
112, 114, 115, 146, 157, 158
Стиннес Г. (Stinnes H.) 49, 71, 88, 123,
156, 206, 208, 209, 226, 242, 252, 257,
264

Тадден Р. фон (Tadden R von) 247
Тальгеймер А. (Thalheimer A.) 18
Тамшина Р. (Tamschina R.) 216, 222
Тарле Е. В. 70, 93
Тартаковский Б. Г. 174
Тельман Э. (Thälmann E.) 64, 75, 76, 78,
94, 103, 114, 148, 223, 262
Тидеман Г. (Tiedemann H.) 104, 114
Тирпиц А. фон (Tirpitz A. von) 59
Тиссен А. (Thyssen A.) 229
Тиссенхузен К. (Thiessenhusen K.) 13,
15, 54, 55
Ткачев С. М. 263
Толлер Э. (Toller E.) 229, 246
Толмачев Г. Г. 145, 173
Томас С. (Thomas S.) 140
Томс М. (Thoms M.) 229, 263
Тормин В. (Tormin W.) 181, 182, 186,
187, 218
Трёлъч Э. (Troeltsch E.) 45, 48, 49, 55
Тримборн К. (Trimborn K.) 166
Троцкий Л. Д. 71, 102
Тухольский К. (Tucholsky K.) 69

Уайт Р. (Wait R. G.) 242, 265
Уилер-Беннет Дж. (Wheeler-Bennett G.) 179, 218
Ульбрихт В. (Ulbricht W.) 78, 108, 110,
142, 143, 151, 156, 158, 172, 174
Ульман Г. (Ulmann H.) 157
Утевский Б. С. 106, 115, 145

Фабриан В. (Fabian W.) 99, 114
Фавр Ж. (Favre J.) 62
Файнгауза Д. 152, 175
Фальке К. 102, 114

- Фарбман А. В. 170, 177, 231, 263
 Фаук З. (Fauk S.) 148
 Фауленбах Б. (Faulenbach B.) 247
 Фиалковский Ю. (Fialkowski J.) 196
 Фибер Г.-Й. (Fieber H.-J.) 12, 14
 Филдмен Дж. Д. (Feldmann G.) 198, 209, 220
 Фитцке З. (Vietzke S.) 231
 Фишер А. (Fischer A.) 62, 92
 Фишер К. (Fischer K.) 156, 176
 Фишер Ф. (Fischer F.) 183, 186, 197, 205, 218, 242, 264
 Фишер-Балинг Э. (Fischer-Baling E.) 98, 114, 137, 138
 Флемминг Э. (Flemming E.) 242, 264
 Фолькманн Э. О. (Volkmann E. O.) 67, 68, 93, 97, 103, 114
 Фомин В. Т. 151
 Форстнер Г. Г. фон (Forstner G. G. von) 105, 115
 Фоске Г. (Vofke H.) 262
 Фох Ф. (Foch F.) 61, 62, 71
 Фрейберг Й. фон (Freyberg J. von) 222
 Фрелих П. (П. Вернер) (Frölich P.) 26, 52, 75, 78, 94
 Фриденсбург Ф. (Friedensburg F.) 131, 140
 Фридрих II (Friedrich II.) 8, 128
 Фрикке Д. (Fricke D.) 224, 247
 Фрич В. (Fritsch W.) 224
 Фукидид 254
 Фукс Э. (Fuchs E.) 70
 Функе М. (Funke M.) 251, 265
 Фюльберт Г. (Fülberth G.) 215, 222

 Хабеданк Г. (Habedank H.) 148, 170, 178, 230, 231, 263
 Хаген Л. (Hagen L.) 166
 Хан З. (Hahn S.) 154
 Хант Р. (Haht R.) 238
 Харрер Ю. (Harrer J.) 215, 222
 Хартфильд Дж. (Hartfield G.) 78
 Хауптс Л. (Haupts L.) 208, 221
 Хаффнер С. (Haifner S.) 190—193, 219, 220, 236, 241
 Хвостов В. М. 171
 Хебель-Кунце Б. (Hebel-Kunze B.) 222
 Хейс Т. (Heuß Th.) 91
 Хёльце Э. (Hölzle E.) 183
 Хильгрубер А. (Hillgruber A.) 204, 220
 Химер К. (Hiemer K.) 14
 Хитцер Ф. (Hitzer F.) 246, 265
 Хмельницкая Е. 70, 93
 Хобом М. (Hobohm M.) 97
 Холодковский В. М. 169, 177
 Хорчанский Г. (Hortzschanzky G.) 226, 262
 Хофшой Г. Г. (Hofscheu H. C.) 222
 Хюртен Г. (Hürten H.) 252, 265

 Цайслер К. (Zeisler K.) 147
 Цверков Г. К. 115, 145, 173

 Цеткин К. (Zetkin C.) 14, 16, 19, 22, 27, 29, 52, 53, 56, 74, 78, 91, 93, 153, 175, 223, 229
 Цирульник Р. Я. 153, 175
 Цитович Я. И. 111, 112, 115, 145, 154, 173
 Цункель Ф. (Zunkel F.) 209, 210, 221

 Чубарьян А. О. 168, 177

 Шваб З. (Schwab S.) 108
 Швабе К. (Schwabe K.) 204, 220
 Швабе Ф. (Schwabe F.) 70, 93
 Швертфегер Б. (Schwertfeger B.) 68, 104, 114
 Шеель Г. (Scheel H.) 147
 Шейдеманн Ф. (Scheidemann F.) 23, 25, 28, 31, 33—36, 38—40, 49, 56, 57, 61, 66, 69, 70, 76, 77, 81, 83, 85, 86, 91, 92, 94, 97, 100, 103, 154, 188, 189, 199, 204, 215, 228, 229, 244
 Шелавин К. 101, 114
 Шелике В. Ф. 146, 151, 153, 154, 173, 175
 Шёнховен К. (Schönöven K.) 220, 247, 248
 Шефер Д. (Schäfer P.) 42, 54
 Шик Г. (Schick G.) 198
 Шириня К. К. 115
 Шлейфштейн И. (Schleifstein J.) 215, 222
 Шлейхер К. фон (Schleicher K. von) 38
 Шляйер Г. (Schleier H.) 12, 15, 95, 114
 Шмидт В. (Schmidt W.) 12, 14, 225, 247, 262
 Шмидт Г. (Schmidt G.) 147, 148
 Шмидт Э.-Х. (Schmidt E.-H.) 243, 265
 Шмольце Г. (Schmolze G.) 189, 219
 Шнайдер Д. (Schneider D.) 194, 220
 Шолленбрух Р. (Schollenbruch R.) 246
 Шольц Й. (Scholz J.) 14
 Шпенглер О. (Spengler O.) 57, 58, 91, 97, 99, 128, 132, 229
 Шпетман Г. (Spethmann H.) 85, 94
 Шрадер Г. (Schraeder G.) 176
 Шрайнер А. (Schreiner A.) 75, 78, 94, 143, 146—150, 156, 158, 172—174
 Шрикер Р. (Schricker R.) 265
 Штадтлер Э. (Stadtler E.) 44, 54, 97, 103, 114, 229
 Штайнигер А. (Steiniger A.) 132, 140
 Штайницер Э. (Steinitzer E.) 49, 55
 Штампфер Ф. (Stampfer F.) 12, 35, 36, 53, 110, 115, 128, 129, 140, 148, 149, 240
 Штапель В. (Stapel W.) 97
 Штегманн Д. (Stegmann D.) 209, 264
 Штейн Б. Е. 112, 115, 145, 173
 Штерн К. (Stern C.) 237, 264
 Штерн Л. (Stern L.) 155
 Штёккер Э. (Stocker E.) 144, 173, 219
 Штieve Ф. (Stieve F.) 104, 114
 Штрайзанд И. (Streisand I.) 225
 Штреземанн Г. (Stresemann G.) 64, 89
 Штрёбель Г. (Ströbel H.) 59, 92, 249

- Штригниц С (Striegnitz S.) 225, 230, 263
Штуби Г. (Stubi G.) 222
Штюрмер М. (Stürmer M.) 245
Шульц Г. (Schulz G.) 253, 265
Шульце Х. (Schulze H.) 219
Шуман В. (Schumann W.) 166, 173, 176, 262
Шумахер К. (Schumacher K.) 119, 120, 128, 139, 179
- Эберляйн Г. (Макс Альберт). (Eberlein H.) 27, 74
Эберт Ф. (Ebert F.) 7, 17, 18, 20, 23—25, 28, 31, 34, 36, 38, 49, 51, 54, 56, 57, 62—66, 69, 71, 76, 77, 81—84, 86, 88, 90—92, 94, 97, 103, 105, 123, 135—138, 142, 144, 154, 156, 160, 162, 166, 179, 181, 182, 184, 188, 191—193, 198, 199, 202—204, 210, 212, 214, 215, 218, 226, 228, 229, 234, 236, 239, 241, 243—245, 251, 252, 257, 258
Эггерс К. (Eggers K.) 104, 114
Эггерс З. К. 148, 151, 153, 174
Эгельхофер Р. (Egelhofer R.) 246
Эйнштейн А. (Einstein A.) 229
Эйснер К. (Eisner K.) 97, 217, 229
- Эйтель Фридрих (Eitel Friedrich, Prinz) 81
Эйхгори Э. (Eichhorn E.) 33, 53, 77, 99, 102, 239
Экель Г. (Oeckel H.) 172, 178
Эльбен В. (Elben W.) 186, 219
Эльснер Ф. (Oelssner F.) 143, 172
Эме В. (Oehme W.) 165, 176
Эмзен Г. (Ehmsen H.) 228
Энгель Г. (Engel G.) 171, 262
Энгельберг Э. (Engelberg E.) 247
Энгельман Д. (Engelmann D.) 171
Энгельс Ф. 8, 14, 16, 73, 121, 138, 139, 159
Эрдман К. Д. (Erdmann K. D.) 15, 180—182, 184, 186, 193, 194, 198, 210—213, 217, 218, 221
Эртцен П. фон (Oertzen P. von) 184—186, 193, 196, 200, 201, 219, 220, 236, 245, 258
Эрцбергер М. (Erzberger M.) 39, 56, 61, 62, 82, 92, 206, 220
Эшенбург Т. (Eschenburg Th.) 182, 197, 218
- Якобсен Г.-А. (Jacobsen H.-A.) 251, 265

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
РОЖДЕНИЕ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ	
ЛЕГЕНД	16
Оценки революционеров	16
Взгляды центристов	28
Апология социал-демократии	33
«Легенда о долъхштосе»	37
Либеральные легенды	44
Глава вторая	
ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА: РЕАЛЬНОСТИ И ИЛЛЮЗИИ	56
В начале 20-х годов	56
Обострение споров о «долъхштосе».	64
Позиции марксистов	69
К десятилетию революции и республики.	80
Глава третья	
КОНФРОНТАЦИЯ ФАШИЗМА И АНТИФАШИЗМА	96
В годы кризиса	96
Нацистские фальсификации	103
Глава четвертая	
КРУШЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОГО РЕЙХА И ПОИСКИ НОВЫХ	
ПУТЕЙ	116
Историческая параллель 1918—1945	116
Три подхода к урокам истории.	121
Веймарский опыт и будущее Германии	129
«Тридцать лет спустя».	133
Глава пятая	
ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИИ МАРКСИСТОВ	141
Круг интересов в 50-е годы.	141
К сорокалетию двух революций.	147
Споры о характере, движущих силах революции и роли Советов.	157
Навстречу полувековому юбилею.	165
Глава шестая	
«СМЕНА ПАРАДИГМ» ИСТОРИКАМИ ФРГ	179
Конец реакционных легенд?.	179
Реален ли «третий путь»?	193
Внешнеполитические и социально-экономические аспекты	203
Радикально-демократическое направление	215

Глава седьмая	
СОВРЕМЕННАЯ БОРЬБА ИДЕЙ.	223
Комплексность марксистских исследований.	223
Зигзаги западногерманской историографии.	231
Начало диалога?	247
Вопросы к прошлому и будущему науки.	254
Résumé	266
Указатель имен	267

INHALTSVERZEICHNIS

EINLEITUNG	3
Erstes Kapitel	
DIE GEBURT WISSENSCHAFTLICHER ERKENNTNISSE UND HISTORISCHER LEGENDEN	16
Einschätzungen seitens der Revolutionäre.	16
Ansichten der Zentristen.	28
Sozialdemokratische Apologie	33
«Die Dolchstoßlegende»	37
Libérale Legenden	44
Zweites Kapitel	
DIE WEIMARER REPUBLIK: REALITÄTEN UND ILLUSIO- NEN	56
Am Anfang der Zwanziger	56
Verschärfung der Dolchstoß-Dikussionen.	64
Standpunkte der Marxisten	69
Zum zehnten Jahrestag der Revolution und der Republik.	80
Drittes Kapitel	
DIE KONFRONTATION ZWISCHEN FASCHISMUS UND ANTI- FASCHISMUS	96
In den Krisenjahren	96
Nazistische Geschichtsfälschungen	103
Viertes Kapitel	
DER ZUSAMMENBRUCH DES HITLERREICHS UND VERSUCHE NEUE WEGE ZU FINDEN	116
Die historischen Parallelen 1918—1945	116
Drei Stellungen zu den Lehren der Geschichte	121
Die Weimarer Erfahrungen und die zukunfft Deutschlands	129
«Dreißig Jahre später»	133
Fünftes Kapitel	
FORSCHUNGEN UND DISKUSSIONEN MARXISTISCHER HISTORIKER	141
Der Interessenkreis in den Fünfziger.	141
Zum 40. Jahrestag zweier Revolutionen	147
Die Streite über den Charakter, die Triebkräfte der Revolution und die Rolle der Räte.	157
Am Vorabend des 50. Jubiläums.	165
Sechstes Kapitel	
«PARADIGMENWECHSEL» DER BRD-HISTORIKER	179
Das Ende der reaktionären Legenden?	179

War der «dritte Weg» real möglich?	193
Außenpolitische und sozialökonomische Aspekte.	203
Radikal-demokratische Richtung	215
Siebentes Kapitel	
DER GEGENWÄRTIGE IDEENKAMPF	223
Die Komplexität marxistischer Forschungen	223
Die Zickzacklinie westdeutscher Geschichtsschreibung	231
Der Beginn eines Dialogs?	247
Fragen an die Vergangenheit und die Zukunft der Wissenschaft. . .	254
Résumé	266
Personenregister	267

Драбкин Я. С.

Д 72 Проблемы и легенды в историографии Германской революции 1918—1919.— М.: Наука, 1990 — 278 с.

ISBN 5-02-009002-6

Драматические события Германской революции 1918—1919 годов на протяжении семи десятилетий не раз становились предметом острых споров среди историков разных направлений. Анализ проблем германской революции и их восприятия последующими поколениями — завершение конкретных научных исследований «Ноябрьская революция в Германии» (1967 г.) и «Становление Веймарской республики» (1978 г.) известного советского историка Я. С. Драбкина.

Для историков, социологов, политологов.

Д $\frac{0503010000-203}{042(02)-90}$ 53—90—1

ББК 63.3(0)61

Научное издание

Драбкин

Яков Самойлович

ПРОБЛЕМЫ И ЛЕГЕНДЫ

В ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1918—1919

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства И. Н. Кузнецов
Художник И. Ю. Нестерова
Художественный редактор Н. Н. Михайлова
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Р. В. Молоканова, Н. А. Несмеева

ИБ № 46069

Сдано в набор 21.02.90
Подписано к печати 18.06.90
А-05958. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная № 1
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,5 Усл. кр. отт. 17,5 Уч.-изд. л. 21,7
Тираж 850 экз. Тип. зак. 4364
Цена 4 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6